

Везда

Востока

Эта
№

• 1937 •

- Победившие под Москвой.
- Суд чести.
- Девять газелей Надиры.
- На огненной трассе.
- Наши мастера . Айбек.
- Ташкент, год 1970-й...
- Дискуссия продолжается...
- Неопубликованные стихи Дм. Кедрина.
- Станислав Лем. „Урановые уши“.
- „Типраинон“.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В мартовской (№ 3, 1967) книжке «Звезды Востока»

ЧИТАЙТЕ

ВПЕРВЫЕ ПУБЛИКУЮЩИЕСЯ ИЛИ СТАВШИЕ
БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕДКОСТЬЮ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ВЫДАЮЩИХСЯ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

В разделах:

ПРОЗЫ, ДРАМАТУРГИИ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ:

Михаил Булгаков — «Записки на манжетах».

Всеволод Иванов — «Сокровища Александра Македонского» — роман о Средней Азии военных лет.

Андрей Платонов — пьеса «Голос отца».

Исаак Бабель — «Багра-Оглы и глаза его быка», «Гришук», «Мой первый гонорар», «Колыбушка».

Юрий Казаков — «В мае, в счастливую пору...» — из 2-й части «Северного дневника».

Лев Кассиль — эссе о Максиме Горьком из цикла «Пометки и памятки».

Константин Симонов — о романе Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол».

Лидия Бать — воспоминания о Хамиде Алимджане и Михаиле Светлове.

Лазарь Карелин — глава из романа об ашхабадском землетрясении 1948 года.

Яков Апушкин — «Конец старого Фауста» — драматический этюд.

В разделе ПОЭЗИИ:

Белла Ахмадулина, Константин Ваншенкин, Андрей Вознесенский, Расул Гамзатов, Евгений Евгушенко, Александр Жаров, Римма Казакова, Осип Колычев, Юрий Коринец, Осип Мандельштам, Ирина Озерова, Булат Окуджава, Сергей Островой, Николай Панченко, Роберт Рождественский, Владимир Солоухин, Людмила Татьяничева.

ВПЕРВЫЕ — репродукции среднеазиатских картин Роберта Фалька: «Пылающее дерево» (1938—39 г.г.), «В чайхане» (1938—39 г.г.), «Бухара» (1938 г.), «Золотой пустырь» (1943 г.); среднеазиатский дневник и репродукция картины Климента Редько «Первый хлопок».

НАШ САТИРИЧЕСКИЙ журнал в журнале «ТИПРАТИКОН» подготовлен редакцией «КРОКОДИЛА».

ВЕСЬ ГОНОРАР нашего мартовского номера передается в фонд восстановления Ташкента — на строительство библиотеки имени «Звезды Востока».

Произведения, присланные в дар Ташкенту из Москвы, Ленинграда, Киева, других городов страны и не вошедшие в №3, БУДУТ ПУБЛИКОВАТЬСЯ В ПОСЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ ДО КОНЦА 1967 ГОДА.

Мы продолжаем получать заявки на мартовский и другие номера журнала. Еще раз ставим в известность читателей: редакция распространением журнала не занимается, а в розничную продажу «Звезда Востока» поступает в ограниченном количестве. ЕДИНСТВЕННАЯ ГАРАНТИЯ ПОЛУЧЕНИЯ НАШЕГО ЖУРНАЛА — ПОСТОЯННАЯ ПОДПИСКА. С марта месяца и до конца года она принимается повсеместно органами «Союзпечати».

Индекс «Звезды Востока» — 75273.

Звезда

Востока

2

**Орган
Союза
писателей
Узбекистана**

Экз
№

**Ежемесячный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал**

ГВ УзССР
Ж

Год издания XXXV

1967

Главный редактор В. А. КОСТЫРЯ.

Редколлегия: И. АКБАРОВ, С. П. БОРОДИН,
С. Д. ДОЛГОПОЛОВ, А. М. ИВАНОВ, С. И. ЛИ-
ХОДЗИЕВСКИЙ, Х. НАЗИРОВ, А. А. УДАЛОВ,
М. И. ШЕВЕРДИН.

И. о. зам. главного редактора Б. Я. БОКСЕР.
Ответственный секретарь В. Б. ВИЛЬЧИК.

ЗАВЕДУЮЩИЕ ОТДЕЛАМИ:

прозы — С. Д. Долгополов,
поэзии — Н. И. Пушкарская,
критики и библиографии — В. Д. Новопрудский,
публицистики — Г. Н. Крюк,
искусства — Г. В. Савицкий.
Отдел сатиры и юмора — „Типрафикон“ — ведут
В. Д. Новопрудский и Г. В. Савицкий.

Художественный редактор Г. П. Бедарев.
Технический редактор Ф. Я. Викнянская.
Корректоры: Н. Красова, З. Байбазарова.

*Рукописи объемом менее печатного листа
не возвращаются*

Адрес редакции: Ташкент, ГСП, Навои, 30.

Сдано в набор 2/II-1967 г. Подписано к печати
14/II-1967 г. Бумага 70×108¹/₁₆. Физич. печ. л. 15,0.
Условных печ. л. 20,55. Уч. изд. л. 21,3. Тираж 8782.
P-08074. Изд. № А-3326. Заказ № 2947. Цена 50 коп.

Ташкент. Типография Объединенного издательства
ЦК Компартии Узбекистана.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. ЛЯЩЕНКО. Воспевать героическое. 5

ВЛАДИМИР КАРПОВ. Вечный бой. Роман. 13

Классики Востока

НАДИРА. Газели. 81

ХАКИМ НАЗИР. Огненная река. Повесть. . . 86

МАИЯ БОРИСОВА. Поэма без конца. 102

ЗИННАТ ФАТХУЛЛИН. Ласточка моей весны. Лирическая комедия в двух действиях. 108

КАМИЛ ИКРАМОВ. Улица Оружейников. Повесть. Продолжение 133

МИХАИЛ ИЗОТОВ. В палате. Самаркандские звезды. Стихи. 153

НИКОЛАИ ТАРАСОВ. Наследник. Сирень. Стихи. 154

Наши мастера

ВЯЧ. КОСТЫРЯ. Создатель незабываемых образов (О творчестве Айбека). 155

С передне

Е. ЕФИМОВ. явь.

Лит

Г. ГАФ

Б.
В. П
Г. С

**Публикации. Воспоминания.
Документы**

- А. КАЙГОРОДОВ. Среднеазиатцы в битве под Москвой. 188
- П. ТАРТАКОВСКИЙ. Штрихи неоконченного портрета. (К 60-летию Д. Кедрина). . . 192
- ДМИТРИЙ КЕДРИН. Побывка. «Это смерть колотит костью...» Бог. «... Хочешь знать, что такое Россия». Убитый мальчик. Письмо. Пленные. Отрывок. Дом. Осенняя песня. Неопубликованные стихи военных лет. 196

Наш календарь

- САВВА АЛЕКСАНДРОВИЧ. Сила жизненной правды (К 60-летию Евгения Поповкина). 204

**Приключения. Фантастика.
События**

- СТАНИСЛАВ ЛЕМ. Урановые уши. (Из книги «Сказки роботов»). 211
- АГАТА КРИСТИ. Исчезновение мистера Давенхейма. 215
- Копейка из гроба Мицкевича 220

Калейдоскоп 221

„Типради кон“

- Сатирическое приложение. 229

*Н. ЛЯЩЕНКО,
командующий войсками Туркестанского Военного Округа,
генерал-полковник*

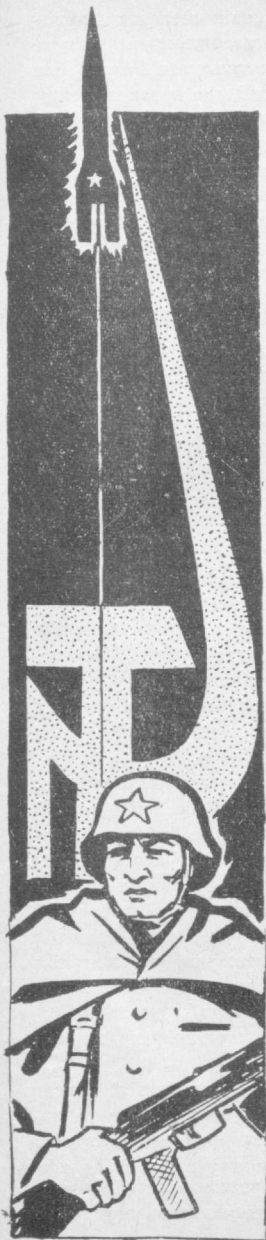
ВОСПЕВАТЬ ГЕРОИЧЕСКОЕ

ЛЮДЯМ военным, отнюдь не литераторам, не часто приходится выступать в роли авторов литературно-художественных журналов. Но уж коли такое случается, да еще к знаменательной дате, мы делаем это с особым чувством гордости за Вооруженные Силы нашей страны.

Через каких-нибудь двенадцать месяцев исполнится 50 лет Советской Армии, доблестно стоящей на страже исторических завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, полувековой юбилей которой готовится торжественно отметить наш советский народ, народы социалистических стран и все прогрессивное человечество.

И вполне понятно, что армейская тема, тема защиты социалистического Отечества понастоящему, по-родственному близка не только нам, военным, но и всем, кто считает дело Ленина, дело строительства коммунизма, дело нашей партии — своим кровным, главным, заветным делом.

Действительно, кем бы ни был каждый из нас, где бы ни жил, чем бы сегодня ни занимался, — каждый чувствует себя солдатом великого похода во имя торжества гуманных идей марксизма-ленинизма. Все мы — солдаты, и не только в переносном, но и в буквальном смысле: одни из нас были ими в тяжелую годину минувшей войны, другие и по сей день служат Родине в рядах Вооруженных Сил, третьи — люди молодого поколения — готовят себя к почетной и славной в нашей стране воинской службе.

С первых дней Советской власти наш воин, наш «человек с ружьем», показывал пример отваги, стойкости, самоотверженности в битве за утверждение Ленинской правды—будь это Центральная Россия или ее окраины, в частности—наш Туркестанский край, где красноармейцы помогли трудящимся сбросить феодально-капиталистический гнет, или будь это зарубежные земли, где в годы второй мировой войны советские воины помогли нашим братьям по классу одолеть фашизм, спасти цивилизацию, спасти народы Европы от гитлеровского рабства. Поистине, мировая история еще не знала подобного примера, когда военная организация пользуется такой искренней и массовой любовью и поддержкой—наша Советская Армия, рожденная Великим Октябрем,—это подлинно народная армия, армия трудящихся, и в этом ее богатырская, непобедимая моральная сила.

Но мы, коммунисты, всегда помним и о другом необходимейшем условии гарантии мира и безопасности нашей страны, нашего государства рабочих и крестьян—о материально-техническом оснащении войск, о вооружении, находящемся на самом высоком уровне современных достижений науки и техники.

Коммунистическая партия, советское правительство, каждый из нас, где бы мы ни трудились, делают все необходимое для того, чтобы Армия и Флот Страны Советов имели первоклассную боевую технику и готовы были в любую минуту дать сокрушительный, уничтожающий отпор любому агрессору, в какой бы точке земного шара он ни находился. Эта всенародная забота нашла красноречивое отражение в недавно принятом Государственном бюджете страны: на содержание Советских Вооруженных Сил выделено 14,5 миллиарда рублей. Увеличение военных расходов позволит еще лучше оснастить нашу армию самыми совершенными видами военной техники, способной обеспечить абсолютную победу в ракетно-ядерной войне, если ее развяжут наши враги.

Отвечая на эту заботу партии и народа, наши солдаты, сержанты, старшины и офицеры настойчиво овладевают могучей боевой техникой и оружием, бдительно и надежно охраняют священные рубежи Советского государства—детища Октябрьской социалистической революции.

Советские воины и в мирные дни всегда готовы прийти на помощь людям. Разве изгладится когда-нибудь в памяти жителей узбекской столицы героический подвиг военных строителей Советской Армии и воинов-туркестанцев, протянувших щедрую дружескую руку жителям Ташкента, пострадавшим от землетрясения! Трудом советского солдата в невиданно короткий срок построены город-спутник «Дружба» в Сергели, жилой массив на Рисовой, восстановлены тысячи квартир, жилых, служебных и производственных помещений.

Это армейский подвиг мирных дней. Но если потребуется, солдат совершит его и на полях сражений. Если потребуется, солдат не пощадит ни крови своей, ни самой жизни, чтобы защитить родную страну. И пусть никто и никогда не заблуждается на этот счет—солдатом будет каждый из нас, солдатом обернется для агрессора вся наша многомиллионная держава, все социалистическое содружество государств.

Народ и Армия — едины. Эта простая и величественная мысль служила и продолжает служить прекрасным стимулом для тех, чье оружие — искусство, кто подчинил это оружие делу огромной государственной важности — военно-патриотическому воспитанию трудящихся.

Лучшие представители советской литературы и искусства отдали этой теме свой талант, свое призвание, свое сердце. Со стихами Владимира Маяковского, с песнями Демьяна Бедного шли в годы гражданской войны на фронт красногвардейцы. Фурманов, Шолохов, Островский, Серафимович и многие другие замечательные мастера слова воспели, подняли на высокий художнический пьедестал образ вооруженного защитника социалистического Отечества. Кто из людей старшего и нынешнего поколения не был влюблен в героев «Железного потока», в Чапаева, Павку Корчагина! Молодые учились у них высокому мужеству, удивительной стойкости, несгибаемости в борьбе с врагами, прекрасным духовным качествам советского человека. Книги несли в себе не поддающийся учету взрывной заряд душевной энергии, которая помогала человеку переносить безмерные тяготы и лишения, поднимала людей в атаку, вселяла уверенность в неизбежность победы.

Эта, сложившаяся на заре Советской власти, замечательная традиция нашей литературы особенно ярко проявила себя в грозные годы Великой Отечественной войны. Перо литератора было приравнено к штыку. Писатели, поэты, драматурги, деятели искусства с первых дней войны встали в шеренги бойцов. Михаил Шолохов, Александр Фадеев, Алексей Сурков, Александр Корнейчук, Николай Тихонов, наши узбекские писатели Айбек, Гафур Гулям, Хамид Алимджан, Шараф Рашидов, Султан Джура, Ибрагим Рахим, Шухрат, Хамид Гулям подчинили свое творчество главной задаче — воспеванию героического подвига народа, поднявшегося на священную битву с фашизмом.

Литературные образы, созданные воображением писателя, шли в одном строю с героями реальных сражений. В сознании воинов Гастелло, Зоя Космодемьянская, Олег Кошевой жили рядом с неувядаемым Василием Теркиным. Люди равнялись на книжных героев, как равняются в армии на правофлангового, сверяли с ними свой шаг, как сверяют его в походном строю по идущему впереди.

Не удивительно, а скорее закономерно, что в послевоенные годы многие писатели страны, в том числе и писатели среднеазиатских республик, обратились к военной тематике. Немало узбекских мастеров художественного слова порадовали читателя высокоиндейными произведениями о воинах Туркестанского Военного Округа, храбро сражавшихся с немецко-фашистскими захватчиками.

Появились интересные произведения о прославленной панфиловской дивизии, сформированной на территории нашего округа.

Военному читателю пришелся по душе роман Айбека «Солнце не померкнет». Писатель, знающий войну не по рассказам, видевший ее своими глазами, создал целую галерею ярких художественных образов защитников нашей Родины.

Уже много лет интересно и поучительно пишет о воинской доблести туркестанцев писатель Адхам Рахмат. Его первая пьеса также бы-

ла посвящена воину нашего округа — комсомольцу Абдулле Набиеву. Хорошо известны его книги «Девушки в шинелях», «Узбекские генералы». В настоящее время писатель работает над произведением, посвященным туркестанцам, защищавшим Брестскую крепость.

Полюбился воинам округа роман Шарафа Рашидова «Могучая волна». Герой романа Пулат — яркий образец верности своему Отечеству, это живой, полнокровный образ пламенного советского патриота, для которого жить — равнозначно всего, до конца отдавать себя людям.

Советские люди, наша замечательная молодежь, достойная наследница боевой и трудовой славы отцов и братьев, свято берегут и обогащают героические традиции, приобретенные дорогой ценой, — трудом и жизнью миллионов лучших сынов и дочерей народа. Очень хорошо сказал об этом космонавт Юрий Гагарин:

«Без легендарных подвигов Николая Гастелло и Александра Матросова, Тимура Фрунзе и Зои Космодемьянской, воинов-панфиловцев и комсомольцев-молодогвардейцев не мог бы взмыть в космос первый в мире искусственный спутник Земли, не был бы возможен первый полет и первый выход человека в космос.

Наши космические ракеты, создаваемые талантом советских людей и трудом рабочих и инженеров, движет не только первоклассное топливо, но и обильно пролитая на полях сражений кровь героев Великой Отечественной войны. Их бессмертные подвиги вдохновляют всех исследователей космоса на новые свершения».

Хочется с удовлетворением отметить, что в последнее время героико-патриотической теме стали значительно больше уделять внимания журналы «Звезда Востока», «Шарк Юлдузи», издательство «Ешгвардия». Это привлекло к ним множество новых читателей, повысило их авторитет. Думается, что надо и впредь еще шире и ярче поднимать боевые темы, воспитывающие наш народ и особенно молодежь в духе революционной боевитости, животворного советского патриотизма, священной ненависти к империалистическим захватчикам и их пособникам.

Обращаясь, в частности, к теме Великой Отечественной войны, писатели должны строго следовать правде истории, со всей научной обстоятельностью и партийной принципиальностью освещать события. И никак в этой связи нельзя согласиться с отдельными авторами, которые изображают начальный период войны в виде сплошного хаоса, бегства армии, неразберихи. Это неправда. Красная Армия, вступив в смертельную схватку с сильнейшей капиталистической армией, мужественно отстаивала советскую землю.

Этот тезис не нуждается в каких-то особых доказательствах, достаточно назвать героическую оборону Брестской крепости, подвиг защитников Одессы и Севастополя, Киева и Ленинграда, Москвы и Сталинграда.

Вот почему, на мой взгляд, не заслуживают акцентированного писательского внимания темы плена, репрессий и т. д.

Надо видеть главное, когда пишешь о таком сложном многоплановом явлении, как война. А главным на войне был подвиг народа, подвиг солдата, который в беспримерной схватке с врагом отстоял честь, свободу и независимость своей страны, который, даже погибая, побеждал. Он, этот несломленный человек, главный герой войны, а значит — и герой книг о войне, книг об армии. Такого может смело брать в наставники читающая молодежь, такой воспламенит в молодом сердце самую дерзновенную мечту, возбудит жажду подвига — с таким легче шагать по жизни, с таким легче строить и преобразовывать землю, с таким и побеждать легче — и в труде, и в бою.

Возвращаясь к мысли об искаженном изображении в отдельных книгах первого этапа минувшей войны, поражаешься именно фактической неправде, когда герои этих произведений в сценах отступления только и думают что об ошибках и просчетах руководства. С этим согласиться нельзя. Солдат, переживая неудачи начального периода войны, думал, главным образом, вовсе не об этом. Он думал о том, как остановить, уничтожить врага, он думал — да, именно в то тяжелое время! — о нанесении как можно большего урона ненавистному захватчику, об обращении его вспять, о победе.

Предельно ясно одно: историю надо освещать, не впадая в крайности, не поддаваясь конъюнктурным соображениям и субъективистскому подходу.

Благодарнейшая тема для литератора — армия наших дней. У нее свои особенности, свои неповторимые черты. Вооруженные Силы Советской державы ныне далеко не те, что были даже какой-нибудь десяток лет назад. В военном деле произошла подлинная революция, внесшая глубокие качественные изменения и в технику, и в вооружение, и в организационные принципы, и в способы ведения войны. На вооружении армии появилась такая сложная и многообразная техника, о какой ранее не помышляли и фантасты.

Другим стал и военный человек. Неизмеримо возрос его образовательный уровень, технический кругозор, широта его взглядов. Нелегкий и почетный труд наших воинов способен вдохновить художника на создание яркого, полинокровного произведения, которое бы взволновало, увлекло читателя невыдуманной романтикой солдатского подвига. К сожалению, нет-нет да и встретишься с обедненным литературным изображением солдата или, что еще хуже, с персонажем, на которого по авторскому произволу почему-то надета солдатская форма, но которого мой опыт и знание армии решительно не позволяют признать типичным представителем славной армейской семьи.

Подобное происходит от поверхностного, обывательского восприятия армейского уклада жизни — уклада, без которого армия не может обеспечить своей боеспособности, выполнить свою миссию защитницы Отчизны.

Мысли и чувства подлинного, — а не выдуманного! — советского солдата, пламенного патриота нашей Родины, — направлены на честное и самоотверженное выполнение воинского долга. Он всегда готов грудью встать за интересы социалистического Отечества. Эти великолепные качества у советских воинов воспитываются всей системой идеологической работы в армии. Способствовать воспитанию воина-патриота, воина-коммуниста, воина-победителя — одна из величайших задач и нашей советской литературы.

В Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Октябрьской социалистической революции» прямо указывается на необходимость и дальше развивать революционные и трудовые традиции народа, воспитывать у трудящихся чувство патриотизма, пролетарского интернационализма, укреплять высокие моральные качества советского человека, его преданность коммунистическим идеалам, чувство гражданственности, непримиримости к буржуазной идеологии, способность превыше всего ставить интересы социалистической Родины, готовность с оружием в руках отстаивать завоевания Октября.

В своей деятельности по военно-патриотическому воспитанию молодежи, всех трудящихся нашей страны КПСС руководствуется ленинскими положениями о защите социалистического Отечества, в частности, мыслью В. И. Ленина о том, что революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться.

Да, военная наука будет еще долго нам нужна — до тех пор, пока на земле существует империализм — главный источник всех войн, враг мира и прогресса.

Но не менее важно для нас, пожалуй, так же важно, как ратная наука, военно-патриотическое воспитание народа, особенно подрастающего поколения. Значение этой работы в современных условиях неизмеримо возросло.

Как отмечено в постановлении декабрьского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС, за последнее время обострилась международная обстановка, возросла опасность новой мировой войны. Партия призвала всех советских людей умножать экономическое и военное могущество страны, проявлять бдительность, организованность.

Мобилизационная готовность страны требует широкого использования и развития как материальных, так и, естественно, духовных сил общества. Энергия ракетно-ядерного оружия, гигантски увеличив силу человека, не только не заменяет его, но и выдвигает на первый план важность интеллектуальной и морально-политической подготовки. Перенести неслыханно тяжелые испытания в современной ракетно-ядерной войне и не утратить воли к борьбе, к победе над врагом может только воин-патриот, глубоко убежденный в правоте своего дела, осознавший справедливые цели этой борьбы, готовый на самопожертвование во имя свободы и счастья народа.

Эти благородные патриотические качества складываются у наших людей не стихийно, они формируются в процессе длительной идеологической и организаторской деятельности нашей партии и государства, общественных и творческих организаций, школы, семьи. Воспитание

поэтому должно быть боевым, наступательным, носить ярко выраженный революционный, классовый характер.

Второе. Советская Армия вооружена ядерным оружием, разнообразной ракетной техникой, радио- и электронно-вычислительной аппаратурой. Освоить эту сложную и многообразную технику может только человек, получивший хорошую общеобразовательную и техническую подготовку, человек физически закаленный. Такого воина надо начинать готовить в семье, школе, вузе, на производстве, задолго до призыва на службу.

И еще одно, не менее важное обстоятельство. Появление ракетно-ядерного оружия, значительно усложнив способы ведения войны, предъявило качественно новые требования к деловым, морально-политическим и физическим качествам людей. Прямо скажем, что ни одна война в прошлом не предъявляла к людям таких требований, как современная война. Теперь армии и народу во время войны, если нам ее навяжут империалисты, придется работать и действовать на поле боя в условиях ракетно-ядерных ударов, сложной радиационной обстановки, зараженной местности, непрерывного огневого воздействия.

Выполнить свой долг перед Родиной в таких сложных условиях сумеет только пламенный патриот, морально и физически закаленный, готовый к самопожертвованию во имя торжества коммунистических идей. Такой воин рождается не вдруг, он — логичный итог длительного, умелого, умного воспитания, итог больших усилий всего общества.

Бездельник, хлюпик, тунеядец, «маменькин сынок», человек, не привыкший к дисциплине и организованности, будет обузой и себе и другим в современной войне, он-то уж, конечно, не повторит, если понадобится, подвиг Александра Матросова. Вот почему уже сегодня, сейчас нам надо готовить бойца-героя, готового в мирные дни на подвиг трудовой, а если придется, то и на подвиг ратный, подвиг солдатский, подвиг боевой.

Усиление военно-патриотического воспитания необходимо и потому, что в настоящее время идет жестокая идеологическая борьба между социализмом и капитализмом. Империалистическая реакция путем идеологической диверсии старается привить советским людям неверие в коммунистические идеалы, нигилистическое отношение к своей Родине, к защите ее интересов. В американской прессе много раз варьируется мысль о том, что необходимо не допустить появления в будущей войне новых советских Матросовых, Талалихиных, Гастелло. Империалисты хотят видеть нашу молодежь аполитичной, идейно размагниченной, слабой духом, неспособной к героическим подвигам и самопожертвованию. Не секрет, что чуждые нам влияния иногда проникают в сознание некоторой части советской молодежи, снижают ее моральную стойкость, расслабляют волю, порождают беспечность и безответственность.

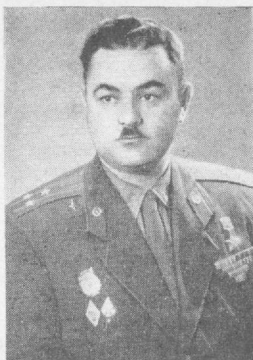
Чудовищному замыслу империалистической реакции, рассчитанному на идейное разоружение советских людей, мы должны противопоставить марксистско-ленинскую идеологию. Надо всегда помнить указание

В. И. Ленина о том, что всякое умаление социалистической идеологии, отстранение от нее, означает усиление идеологии буржуазной. Поэтому борьба с буржуазной идеологией, ее носителями должна быть решительной, постоянной, наступательной, занимать одно из центральных мест во всей системе идеологической работы и в ее составной части — военно-патриотическом воспитании.

Поскольку я выступаю в литературно-художественном журнале — органе Союза писателей Узбекистана, — мне хотелось бы напомнить признательные слова Генерального секретаря нашей партии товарища Л. И. Брежнева в адрес писателей, художников, композиторов, кинематографистов, других деятелей культуры: «...Коммунистическая партия всегда высоко ценила роль творческой интеллигенции — деятелей **ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА**. Проникнутые благородным духом партийности, служения делу народа, советское искусство и литература превратились в мощную силу коммунистического воспитания».

От имени военных читателей мне хочется пожелать деятелям культуры Узбекистана вдохновения, больших творческих удач. Художественное отображение пройденного нашей страной пути, ее поистине величайших успехов в развитии экономики, науки и культуры, несомненно, благотворно скажется на воспитании у молодежи горячего советского патриотизма, безграничной любви и преданности своей Родине и Коммунистической партии, глубокого уважения к славным Советским Вооруженным Силам.

Владимир КАРПОВ

Владимир Карпов автор книг: «24 часа из жизни разведчика», «Полковые маяки», «Командиры сидеют рано». Герои Владимира Карпова — воины Советской Армии.

В годы Великой Отечественной войны воспитанник Ташкентского военного училища имени В. И. Ленина, бесстрашный командир взвода разведчиков Владимир Карпов совершил в стан врага более ста вылазок, уничтожил полторы сотни гитлеровцев, доставил 79 «языков».

После войны он окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, а в 1954 году — Литературный институт им. А. М. Горького.

Герой Советского Союза Владимир Васильевич Карпов недавно вышел в запас. У него — огромный опыт по воспитанию советских воинов, и эти знания помогают писателю создавать жизненно достоверные произведения.

Воспитанникам Ташкентского Военного училища имени В. И. Ленина посвящаю.

ВЕЧНЫЙ БОЙ

Роман

Часть первая

Суд чести

Дознание было поручено командиру второй роты капитану Дронову. Он вызвал лейтенанта Шатрова в канцелярию своей роты — маленькую комнатку, пропахшую табаком, на стенах которой висело множество плакатов-пособий для занятий по строевой, огневой, физической подготовке, ракетно-ядерному оружию и противохимической защите.

Офицеры сели лицом к лицу. У одного четыре звездочки на погонах, у другого — две. Дронов среднего роста, крепкий, русоволосый; сердится — «Своих дел прорва, а тут веди это чертово расследование!».

Капитану надлежало сделать беспристрастный разбор происшествия и установить меру личной виновности лейтенанта. Но, даже не приступив к делу, Дронов знал, что Шатров виноват, презирал и клял его в душе, а заодно с ним и всю компанию молодых офицеров, в которой вращался Шатров и которая приносила полку много хлопот и неприятностей. «Почему с ними чикаются, — зло думал капитан, — давно надо гнать их в шею из армии!»

Лейтенант Шатров, пока Дронов раскладывал на столе анкетные бланки, листы для протокола, устало думал: «Уж скорей бы это кончилось. Так все надоело!» Шатров был совсем молодой, лицо его еще не успело огрубеть от жизненных невзгод. Гибкий в талии; в плечах, хоть и широкий, но не налитый еще упругой тренированной силой, которая ощущалась в Дронове. И в пухлых губах, и в густой волнистой прическе, и в округлости щек, не тронутых морщинами, и в подтянутости живота — во всем была видна свежесть молодости. Только в серых глазах тлела грусть и утомленность, не свойственные его юношеской внешности, да зеленоватый оттенок кожи под глазами наводил на мысль о болезни или невоздержанном образе жизни.

Дронов записал в протокол допроса звание, фамилию, имя и приступил к делу.

— Вы пошли служить в Советскую Армию добровольно?

— Да.

— Присягу принимали?

— Принимал.

— Ну, рассказывайте.

— О чем?

Капитан опять с горечью подумал, что придется заниматься формалистикой и напрасно тратить время — все и так ясно. Сам Дронов несколько месяцев назад тоже попал в неприятную историю из-за компании Шатрова. Правда, все началось с мотоцикла, который тогда купил Дронов. И если бы не эта проклятая компания молодых офицеров, капитан сейчас ездил бы на мотоцикле, а не таскался на стрельбище пешком по пыльной дороге, изнывая от жары.

Будучи офицером дисциплинированным, Дронов старался подавить в себе чувство неприязни к лейтенанту и провести расследование, как и полагалось, объективно и всесторонне.

— Расскажите по порядку — почему выбрали военную профессию, что мешает честно служить, ну и вообще, как дошли до жизни такой?

I.

Бывает так: идет жизнь размеренно, месяц за месяцем, год за годом, в учебе, в труде, и, кажется, вся она пройдет спокойно, не торопясь. Но вдруг события замелькают одно за другим, как в кино, быстро и стремительно. Летом 1957 года Алексей Шатров испытал именно это. И производство в офицеры было началом быстрых перемен.

Торжественный выпускной вечер. Ярко освещенный зал. Бордовая плюшевая скатерть на столе президиума. Блеск орденов на мундирах начальников и преподавателей. Захватывающие минуты читки приказа Министра обороны, каждое слово в котором полно огромного, значительного смысла...

Выпускники были уже в офицерской форме, но пока без звездочек на погонах.

И вот — поздравление генерала. Прикреплены звездочки. И все молодые люди, еще минуту назад — простые смертные, преобразились в офицеров. И вместе с ними Алексей. Теперь он не просто Шатров, а лейтенант Шатров, человек, которому, в отличие от многих других граждан страны, даны особые права, вплоть до права приказывать именем Родины.

Вот с этого дня все закружилось и понеслось в стремительном праздничном круговороте. Последовали переезды. Сначала домой — в отпуск. Затем в Ташкент, в штаб Туркестанского военного округа за назначением. И, наконец, сюда, в далекие Каракумы — «для прохождения дальнейшей службы». Новые места, встречи, быстрая смена впечатлений. И все же самое яркое, красочное и волнующее событие в этом калейдоскопе — выпускной вечер в училище.

Детство у Алексея было не очень радостным. Шла война. Сводки Информбюро в газетах он читал, едва успев одолеть букварь. В День Победы Алексею исполнилось восемь лет, он заканчивал второй класс. Отец погиб еще в сорок первом. Алексей смутно помнил его — знал только по фотографиям.

Мать Алексея не баловала — нечем было. До гибели мужа она не работала, потом устроилась в госпиталь. А много ли зарабатывает няня? Едва хватало на то, чтобы одеться и не быть голодными. Нет, не носил Алексей модных расписных рубашек, ярких галстуков. Но последние два года учебы — в девятом и десятом — всё же перешивал брюки, стремясь хоть узкими штанинами поспеть за модой.

Как и все юноши, Алексей искал в жизни путь интересный. Не забывал и о том, что путь этот должен приносить достаточное количество денег на жизнь ему и маме. Лучшее сочетание увлекательности и обеспеченности Шатров усмотрел в профессии военного. Поэтому и поступил в Ленинское училище в городе Ташкенте. Делая этот шаг, он, как и все кандидаты, написал в рапорте: «Буду с честью носить высокое звание советского офицера и отдам все силы, а если потребуется, то и жизнь, делу защиты Социалистической Родины».

Написал это Алексей, не вникая в значение слов — все писали, и он написал. Слова эти воспринимались как форма, как другие стандартные фразы вроде «настоящим прошу» или «к сему прилагаю». А что значит «отдать все силы», что значит защищать именно Социалистическую Родину, Алексей не задумывался. Он был комсомольцем, однако мало вдумывался в политическую сторону жизни. Пошли его на целину — он поехал бы, начнись война — пошел бы на фронт, но в то же время, если бы комсомольские собрания не созывались целый год, его это не встревожило бы. В общем, до поступления в училище Шатров был «сосуд незаполненный».

За годы учебы в военном училище Алексей окреп, возмужал, приобрел немало знаний, но, как ни странно, к вопросам политическим оставался по-прежнему равнодушным. Однажды у него наметился серьезный душевный перелом. Как человек, идущий в жизни по узкому мостику, он зашатался. Но не упал.

Случилось это после окончания второго курса. Курсанты разъехались стажироваться по войсковым частям. Шатров попал в отдаленный гарнизон. Дела в здешнем полку не ладились. Командиры нервничали, «давай-давай» было главным принципом в работе. Выходных дней не было, работали с рассвета до поздней ночи. Люди устали, озлобились. Отбыв положенный месяц, стажер Шатров, уставший до изнеможения, сел в поезд, забрался на верхнюю полку и проспал двое суток подряд. Его даже пытались будить соседи — живой ли? Первое, что он почувствовал после сна, — был страх. Он открыл глаза и с ужасом подумал: «Так будет всю жизнь».

Штатский человек может изменить профессию просто: был строителем — стал колхозником, играл на сцене — перешел в канцелярию, надоело быть матросом — иди в рабочие. Офицеру это сложнее: он выбирает специальность навсегда.

После стажировки Алексей не раз подумывал о том, что допустил ошибку, поступив в училище. Но предпринимать какие-либо меры было уже поздно — он перешел на выпускной курс. К тому же Алексей знал, что попытки нескольких курсантов уйти из училища ни к чему не привели, эти курсанты лишь потеряли уважение, их склоняли на каждом собрании. Так Шатров по течению, вместе со всеми дожил до последнего курса, сдал экзамены и был выпущен лейтенантом.

В радостные дни перерождения из рядового в офицера на Алексея нашло просветление. Вместе с офицерской формой лейтенанту Шатрову будто вложили в грудь батарейку, вроде той, какие вставляют в карманные фонари. Глаза у него бойко заблестели, лицо оживилось, движения и жесты стали уверенней. «Как хорошо, — думал он теперь, — что я не предпринял никаких глупостей, чтобы оставить училище». Он смотрел на себя в зеркало — стройный, представительный, золотые погоны на плечах сияют, как кусочки солнца. Алексей небрежно вставил в рот папиросу, взглянул искоса, и сердце его застучало от удовольствия: в зеркале он был похож на офицеров, каких приходилось видеть в исторических фильмах.

Поздно вечером, после выпускного торжества, когда гости уже разъехались, а духовой оркестр отправился отдыхать, усталые, счастливые выпускники-лейтенанты, обняв друг друга, прогуливались по ярко освещенным коридорам, обменивались адресами, обещали писать. Спать не хотелось. Это был последний вечер, который им предстояло провести вместе. Завтра они уедут в разные концы страны, и кто знает, где и когда доведется им свидеться: на учениях? В бою? В госпитальной палате? Или через много лет на каком-нибудь ответственном совещании уже в сединах и с лампасами?

В уютной Ленинской комнате за шахматами сидел строгий капитан Потресов — командир выпускной роты. Несмотря на позднее время, он не уходил домой и, видно, оттягивал момент расставания со своими питомцами.

Молодые офицеры накурились до горечи во рту, успели сказать друг другу все, что считали нужным перед расставанием, и постепенно, группа за группой, сошли в Ленинской комнате у доски, где играл капитан.

Выиграв партию, ротный обвел грустным взглядом дорогие его сердцу лица. Он знал характер любого до мельчайших проявлений, понимал настроения по взгляду, по жесту, по тону. Он прожил с ними всего три года, а изучил так, будто каждого вынырчил с пеленок.

— Ну, что ж, други мои, будем спать?

— Не хочется. Расскажите нам что-нибудь на прощанье.

— За эти годы я успел вам поведать все, что знал...

Офицеры помолчали. Все чувствовали, что капитану тяжело с ними расставаться. Но вот он решительно вскинул глаза.

— Скажу вот что на прощанье. Всем вам написаны хорошие аттестации. И вы заслужили их. Но вы еще, дорогие мои, не совсем окрепли. Примите эти характеристики как программу, как руководство к действию. Желаю вам закрепить в себе те прекрасные качества, которые сформировались здесь, в училище...

Капитан пошел вдоль живого коридора расступавшихся перед ним офицеров. Одних он просто похлопывал по плечу, другим тихо говорил: «За вас я спокоен». Третьим грозил пальцем и, улыбаясь, журил: «Увлечаться танцами не советую. Танцевать хорошо, когда твердо

стоишь на ногах». Шатров задумчив сказал: «Мне бы очень хотелось, чтобы вы попали к опытному командиру роты. Вы можете быть хорошим офицером, вырабатывайте в себе самостоятельность».

После окончания училища полагался отпуск, и лейтенант Шатров поехал к матери в Куйбышев.

Мать встретила сына счастливая и окрыленная. Рано постарев от непосильных забот, она за долгие годы впервые просияла. Алексей никогда не видел ее столь радостной. «И как только я мог даже помыслить о том, чтобы бросить училище? Сколько бы горя принесло это ей! Еще больше состарилась бы...» — думал Алексей, глядя на дорогое, родное лицо матери.

— Какой же ты нарядный! — восклицала она, разглядывая сына.

— Это, мама, повседневная форма, а на парадной еще и золотые погоны.

Шатров достал из чемодана мундир и надел его.

Мать покачала головой, на глазах ее неожиданно заблестели слезы — «Вот бы Ваня посмотрел на сына!»

— Чего ты, мам? Не надо. Не плачь... Теперь я не допущу, чтобы ты плакала!

Слезы переполнили глаза и пролились блестящими полосками по морщинистым щекам.

— Спасибо, сыночек. Может быть, и я под конец жизни вздохну свободнее.

Она отерла глаза, вздохнула и умиротворенно проговорила:

— Ну, слава богу, теперь ты вышел в люди.

При встрече с Алексеем знакомые восхищенно всплескивали руками, поздравляли, кое-кто из ребят завидовал.

Но в солнечное сияние этого праздничного месяца заглянула и тень.

Была у Алексея подруга — Надя. Они учились в одном классе. У них не было «официального» объяснения в любви, и предложения выйти замуж Алексей тоже не делал. Но то, что они станут мужем и женой было несомненно и для них самих, и для всех знакомых и близких. Они дружили давно, дружба эта росла вместе с ними и постепенно сложилась в такие отношения, когда люди не могут жить друг без друга. В последние школьные годы они расставались, пожалуй, только на ночь, расходясь по домам спать. Все остальное время были вместе — на уроках, готовили домашние задания, ходили в кино, просто бродили по улицам.

Началась эта дружба с шестого класса. В их группе были «колоритные личности»: Славка Оганесян и Любка Ростовцева; все мальчишки и девчонки с любопытством следили за перипетиями их дружбы-любви: тайные прогулки, вздохи, записки, ссоры.

Лешка Шатров им тоже завидовал, пытался подражать. Он написал записку Наде: «Давай дружить». Но Надя не оценила его рыцарский порыв, показала записку девочкам, и они смеялись как сумасшедшие. Алексей в тот же день отлучил на улице Надю, еще раз доказав тем самым, что от любви до ненависти один шаг. Записок Алексей больше не писал, никаких признаков ухаживания с его стороны не проявлялось, но с того дня за веселой, озорной Надей никто в школе «не бегал». Все знали: Надька — Лешкина.

А вот когда Алексей приехал из училища для того, чтобы жениться и увезти с собой Надю, она вдруг сказала:

— Ты что, обалдел? Я на четвертый курс перешла.

Шатров понимал: Надя права, институт нужно окончить. Но ему хотелось увезти Надю немедленно. Хотелось, чтобы праздник, начавшийся выпуском из училища, продолжался долго-долго, может быть, всю жизнь. А без Нади это невозможно. Она непременно должна быть

рядом. Худенькая, в двадцать лет совсем еще девчонистая, она была бойчее Шатрова, и он сам, видимо, именно поэтому в ее присутствии становился смелее и находчивее. В ней чувствовалась та самостоятельность, приобрести которую очень советовал Шатрову капитан Потресов.

— Недаром у тебя имя такое — Надя, — обиженно сказал Алексей, — значит, только жди и надейся? А если ты здесь за кого-нибудь другого выскочишь?

— Горе ты мое, — сказала Надя, обняла Алексея и, чмокнув в надутые губы, спросила: — Ну куда я денусь? Я Лешкина Надя. Ты что, забыл? Вся школа так говорила. К тому же, я знаю, с тобой шутить опасно. Помнишь, как ты меня побил? Бессовестный.

Алексей рассмеялся.

— Ладно, буду ждать, — согласился он, — но имей в виду, если что случится, теперь не побью, а вот... — он похлопал по пустой кобуре.

Надя шутливо кинулась драться, она тыкала ему в грудь и в живот твердыми кулачками и приговаривала:

— Ах, ты, частный собственник! Я что, не равноправный человек? За кого хочу, за того и выйду. Хоть за Федю-дурачка. Мое дело!

— Во-во, за Федьку можешь, — согласился Алексей, защищаясь от Надиных кулачков. Наконец он схватил ее и прижал к себе. Глаза ее были близко-близко, Алексей отчетливо видел прямые, как лучи, серые черточки.

— Нет, ты, правда мог бы в меня выстрелить? — не отстраняясь, спросила Надя.

— В изменницу-то? И рука не дрогнет!

— Жуть! — Надя посмотрела на Алексея любящими глазами. — Но это хорошо. Так мне и надо!.. Послушай, а ты совсем не изменился в этом училище, как был сумасшедший, так и остался! — заключила она вдруг.

Теперь настала очередь Алексея, он дурашливо замахнулся на нее, а Надя с писком побежала вокруг стола.

Отпуск промелькнул, как один счастливый день. Лейтенант Шатров уехал к новому месту жизни и службы полный решимости сделать свой взвод лучшим в полку и привезти Надю в город, где будет ярко сиять его слава.

2.

Вдоль железной дороги громадной каменной волной возвышался горный хребет. За южными склонами хребта другое государство. На нашей земле весь этот огромный каменный вал служит берегом бескрайнему мертвому морю песков. Шатров лег спать, за окном вагона тянулись пески, проснулся утром — желтые барханы по-прежнему проплывали за окнами. Только узкая полоска такыров — выжженной добела земли — лежала между горами и пустыней. Эта полоска была гладкая, как пологий берег моря после откатившейся волны. Будто обороняясь от пустыни, на такырах, вдоль линии железной дороги, островами раскинулись небольшие пыльные городки, в которых стены домов, крыши и ограды — из глины.

Лейтенант Шатров имел назначение в Рабат¹. Он слышал много рассказов о тяжелой службе в этом гарнизоне, но не поддавался унынию, успокаивал себя: «Люди служат, и я не пропаду».

Поезд прибыл в Рабат днем. После одуряющей духоты вагона на перроне дышалось легче. «Даже деревья есть, а говорили — голо, —

¹ Название населенного пункта, номера воинских частей, их дислокация вымышленные.

отметил про себя Алексей, рассматривая за железнодорожными путями одинокие пыльные кроны. Перейдя пути, он отправился искать полк.

Город был небольшой. Прямые улицы просматривались насквозь, в конце каждой желтели волны барханов. Пустыня обложила Рабат со всех сторон, а местами даже вторглась в его пределы: вдоль глиняных дувалов, в непроезжих переулках, иногда прямо поперек тротуара лежали волнистые, как шифер, барханчики. Дома были низенькие, приземистые, с плоскими крышами. Чахлые деревца виднелись только по дворам, а вдоль улиц стояли серые, потрескавшиеся от жары телефонные столбы. Все было покрыто густым слоем пыли и придавлено горячей подушкой воздуха.

Через полчаса Шатров был в кабинете командира полка и, с волнением думая о том, чтобы не сбиться, докладывал полковнику заученные слова рапорта о прибытии.

Полковник Кандыбин — пожилой седеющий человек с усталым лицом. На груди его выгоревшие орденские планки в три ряда. Командир пожал Шатрову руку и пригласил сесть. Он несколько раз пытался поговорить с лейтенантом, но его постоянно перебивали. В кабинет один за другим, а иногда сразу по двое, входили офицеры с неотложными делами, срочными бумагами, с вопросами, требующими немедленного решения. «Достается человеку», — пожалел Шатров командира.

Алексей просидел в кабинете больше часа. Разговор шел урывками.

— Будете служить в роте капитана Зайнуллина... Опытный офицер. Есть чему поучиться. Кремьен.

Полковник подписал бумагу, отдал ее тому, кто принес.

— Рота — лучшая в полку, краса и гордость. Стреляет только отлично.

Зазвонил телефон. Кандыбин взял трубку, послушал. Коричневое от загара лицо его посветлело, он заулыбался:

— Молодцы!.. Очень хорошо придумали! Надо всему личному составу рассказать. Это пример сознательного отношения к службе. Приду посмотреть обязательно! — положил трубку и Алексею: — Вот какие у нас люди. В гарнизоне трудно даже с питьевой водой. А как мыть автомобили? Мыть-то полагается! Так шофера что придумали? Сделали небольшой бассейнчик, заполнили его водой и моют свои машины. Место же оборудовали так, что вода стекает назад в бассейн — отстает и опять пошла в дело.

Полковнику положили на стол еще какие-то бумаги. Он читал, подчеркивал, коротко бросал пришедшему:

— Это на контроль. Кирпичом пусть займется Торопов. И чтоб точно к указанному сроку!

Шатров следил за лицом командира полка. После разговора о находчивости шоферов полковник выглядел моложе и бодрее. Покончив с бумагами, он вновь обратился к Алексею:

— А шофера молодцы! Таких дел в полку много. В вашей роте народ особенно подтянутый.

Полковника опять прервал звонок.

— Не разрешаю, — строго ответил он, послушав минуту. — Лучше дайте отпуск солдату из роты, он целый день на жару. Писаря — не разрешаю. Не перегружен, сидит в комнате, вентилятор на него, наверное, дует. Нет, не поедет!

Трубка сердито стукнула по аппарату. Кандыбин пояснил Шатрову:

— Моду взяли писарей в отпуск посылать! Крутятся около начальства, жужжат в уши. И кое-кто попадает на удочку. Ходатаи!.. Лимит на отпуска невелик. Солдата нужно поощрять. Из роты, батареи. Он трудом, потом, мозгами, как те шофера, держит на себе всю боеготовность.

Полковник поглядел на часы, взял фуражку:

— У меня занятия. Мы с вами еще побеседуем. Не пугайтесь нашей жары и песков. Привыкните. Служба у вас только начинается. Впереди много других мест, и все они будут легче этого. Кто послужит в Каракумах, становится навсегда жизнерадостным. Любой ручеек, лужайка, роща его радуют. Люди, побывавшие в пустыне, знают цену красотам природы. Вам повезло — вы начинаете здесь службу. Нам, старикам, труднее — дело идет к финишу. Ну, желаю успехов. Хочу насторожить вас на прощанье: выбирайте друзей тщательнее. Есть у нас, к сожалению, отдельные субчики — не попадайте под их влияние.

Первый день Алексей только представлялся да **знакомился**. Побывав у всех заместителей командира полка, у командира батальона и его заместителей, Шатров, наконец, предстал перед своим непосредственным начальником — командиром роты капитаном Зайнуллиным. Это был низкорослый крепыш с загоревшим до черноты лицом. Глаза у него были свирепые, с красными огоньками под воспаленными веками, голос глухой, не по росту басовитый.

Зайнуллин коротко рассказал о роте. Спросил Шатрова о прошлой жизни. О планах на будущее. Иногда задавал странные вопросы:

— Постель имеете?

— Нет, но я куплю...

— Пока наживете, можете взять у старшины солдатскую. Комнату нашли?

— Еще нет.

— Выбирайте хозяйку постарше. Спокойнее будет. Завтра день на устройство. Об остальном будем говорить после.

Шатров ушел от командира роты, чувствуя неприятную робость. Зайнуллин и понравился и не понравился. Шатров уважал строгих, уверенных в себе людей, хотел быть на них похожим. Но знал — служить у таких командиров очень тяжело. Шатров пытался себя успокоить: «На выпускном вечере капитан Потресов пожелал мне попасть к строгому командиру — это сбылось. Видно, крут и груб этот Зайнуллин. Ну да ничего. Потерпим». Но сомнение и страх все же охватывали молодого лейтенанта, когда он вспоминал обгоревшее на солнце лицо капитана и особенно его воспаленные глаза. «Сегодня беседовал просто для знакомства, и то сердце холодело. Попади к нему с какой-нибудь виной — прожжет глазами».

Уже под вечер Алексей зашел в комсомольское бюро — встать на учет. Секретарь полковой организации лейтенант Золотницкий приветливо заулыбался Шатрову, сразу заговорил на «ты».

— Садись. Из Ленинского училища?

— Да.

— Однокашники. Я два года назад кончил.

Золотницкий расспрашивал о преподавателях, командирах. Вспоминали забавные случаи из жизни в училище. Общительный и веселый, лейтенант Золотницкий, казалось, был создан для комсомольской работы. Он был комсомольский вожак не по должности, а по призванию — бурный, напористый, вечно что-то организующий. Комсомольцы полка между собой звали секретаря «Золотце». Причем вкладывали в это слово не тот презрительный смысл, которым порой наделяют людей неприятных — «Вот, мол, попалось нам «золотце!» Нет, Коля Золотницкий был уважаем, к нему бежали со всеми неразрешенными вопросами. Даже когда нужно было переубедить в чем-нибудь полковника Кандыбина, приходили к секретарю.

— Коля (говорили офицеры), товарищ лейтенант (обращались солдаты), ну нельзя же так! Мы хотим как лучше, а он!..

— Ничего, уломаем!— отвечал секретарь. И комсомольцы уходили окрыленные. А уж потом между собой и офицеры и солдаты говорили:

— «Золотце» сказал — будет порядок!

Коля был худощавый, гибкий, волосы с золотистым отливом — может быть, не только по фамилии, а еще и поэтому к нему так крепко пристало прозвище.

— В общем, если что-нибудь не будет ладиться или кто зажимать начнет — давай прямо ко мне — поможем!— сказал на прощанье Золотницкий Шатрову.— Ты иди, а я еще останусь — протоколы переписать нужно, план продумать на следующий месяц...— Он махнул рукой.— Погряз я в этих чертовых бумагах. Завидую тебе. Взводом командовать гораздо интереснее.

Темнело, однако духота не спадала, она не была такой жгучей, как днем, но все же дышалось тяжело, теплый воздух стоял неподвижной плотной массой. Ни ветерка, ни малейшей прохлады от сгустившихся вечерних теней. Тени были горячие.

Столовая военторга оказалась уже закрытой. Шатров отправился по городу искать, где бы поужинать. Есть не хотелось, просто надо было поддержать себя, — нельзя же целый день жить без пищи.

У калиток сидели местные жители. Побрызгав перед воротами водой, они отдыхали и смотрели на прохожих. Алексей остановился около болезненно толстой старушки.

— Не сдается ли у вас комнатка, мамаша?

— Сдала уж, милый, сдала.

Алексей спросил еще у нескольких человек — комнаты не было. Дойдя до конца улицы, он увидел вокзал и вспомнил: там же есть буфет.

Он не ошибся — буфет был еще открыт. В небольшой, плохо освещенной комнате было тускло и грязно. Алексей поужинал лежалыми бутербродами с сыром. Чаю в буфете не было — продавалась только водка. С трудом проглотив сухие комки хлеба, Шатров пересел за стол, над которым желтела лампочка. Он достал из полевой сумки бумагу и стал писать письма. Первое написал матери, второе Наде. И в том и в другом было одинаковое место: «Встретили меня хорошо. Сразу же с головой окунулся в работу. Нет ни минуты свободного времени, люди подходят один за другим, с каждым нужно решать неотложные дела, срочные вопросы, искать выход из затруднения...» Алексей и сам не знал, для чего написал эту невинную ложь — просто ему хотелось выглядеть в глазах матери и Нади значительным, серьезным офицером; не напишешь же о том, что ходишь по пустынному городку, никому не нужный, голодный и одинокий.

В буфет зашли три офицера. Все они были лейтенантами, выгоревшая форма и запыленные сапоги сразу говорили о том, что офицеры здесь уже старожилы. Это подтвердилось и свободным шутливым обращением с буфетчицей, которая оживилась при их появлении. Офицеры были навеселе. Говорили громко, жестикулировали размашисто. Обнаружив скучающего коллегу, пригласили его за свой стол. Шатров пересел.

— Моя фамилия Берг,— сказал высокий кудрявый черноволосый и очень красивый лейтенант,— Семен Берг! И запомни — я швед, а не еврей. Вернее, я не швед, а мои предки были шведы. Я русский.

— Не отмежевывайся,— перебил его приятель,— все равно ты битый швед. Тот самый, который драпал под Полтавой.

— Ша!— остановил его Берг,— дай с человеком поговорить! Значит, ты из училища? Понятно. Спать негде? Порядок! Выпить хочешь? Похвально! Способный малый!— Все вопросы задавал и на все вопросы

отвечал сам Берг.— Будем служить вместе. Мы тоже из полка. Причаливай в нашу капеллу. Мы союз непромокаемых холостяков. Ты женат?

— Нет.

— Отлично! Будем считать заявление поданным. Но таким босяцким ужином тебе не отделаться. Вступление в капеллу отпразднуем особо. Знакомьтесь, этот молодой человек с вдохновенным многообещающим лицом — Гарри Ланев.— Берг указал на рыжего лейтенанта, его лицо было не усынано, а просто заляпано веснушками. Лейтенант Ланев весело огрызнулся:

— Иди ты, травило!— И, пожав руку Шатрову, сказал:— Гриша.

— А это Йог Савицкий,— продолжал Берг, кивнув на худощавого стройного лейтенанта с тонким аристократическим лицом.— Местный сердцеед, гроза рабатских девочек.

Савицкий привстал, тоже пожал руку, представился:

— Игорь.

Он действительно был красив: высокий, ладный, подтянутый, с умным взглядом. Берг, очевидно, не преувеличивал, представляя его как сердцееда.

Лейтенанты, видно, умели веселиться. Как часто бывает между давно знакомыми людьми, начинали смеяться по одному только намеку или слову, таящему в себе какой-то особый, понятный только им смысл.

Шатрову было лестно и приятно чувствовать себя равным в кругу опытных, разбитных офицеров. Совсем недавно он проходил мимо таких, старательно отдавая честь, а сегодня сидит с ними как равный, и они говорят, не таясь, о таких делах, которые обычно скрывают от младших по званию. Не желая показаться желторотым, Алексей чокнулся граненым стаканом и выпил теплую водку, стараясь не морщиться.

Знакомство состоялось. Шатров ночевал у новых приятелей. Они жили в большой комнате, которую снимали в частном доме.

Проснувшись раньше других, Алексей, еще не отвыкший от училищной чистоты и порядка, невольно заулыбался, разглядывая холостяцкое жилье лейтенантов. «Если бы сюда зашел наш капитан Потресов, он упал бы в обморок»,— подумал Алексей.

На столе была скатерть, которую безошибочно можно назвать весьма грязной, каков ее подлинный цвет, установить едва ли возможно, его скрывали следы разноцветных, высохших на ней жидкостей. Закопченная сковородка с остатками подгоревшей картошки находилась в центре стола, в том месте, где обычно ставят вазу с цветами. Грязные тарелки, сальные вилки, куски хлеба окружали сковородку со всех сторон. Пустые консервные банки из-под сгущенного молока оживляли натюрморт ярко-голубыми этикетками. Под каждой кроватью — по открытому чемодану, из них будто бы разбежались носки, галстуки, зеленые форменные рубашки.

На работу лейтенанты собрались быстро, никто и не думал заниматься уборкой. Весело разговаривая, поспешили в военторговскую столовую. За столом Савицкий представил нового друга официантке:

— Аня, это наш четвертый мушкетер. Просим любить и жаловать. А ты, Алексей, когда тебя человечество перестанет понимать и весь мир от тебя отвернется, приходи к Ане, она выручит. Короче, когда не будет денег и никто тебе не доверит в долг мокрой скомканной рублевки, Аня накормит в кредит.

Аня — молоденькая, располневшая на бесплатном военторговском питании девушка. У нее простое, немножко глуповатое лицо, добрые доверчивые глаза, ленивые медлительные движения. Мушкетерам она все время улыбается, ждет — сейчас опять что-нибудь скажут смешное.

Приближаясь к проходной, лейтенанты стали менее разговорчивы. Посерьезнели.

«Хорошие ребята, — думал Шатров, — живут по принципу: всему свое время. Пошутили, подучились, а теперь возьмется за работу». Алексею все в них нравилось. По какому-то неписаному уговору в капелле не полагалось говорить серьезно. Лейтенанты звали друг друга сокращенными именами — Сэм, Йог, Гарри. Шатрову тоже сказали:

— Алексей не звучит. Алексис пошло. Алик приторно. Будешь просто Айк!

Шатров знал, к таким нелепым сокращениям обычно прибегают стилиаги, но перед ним были загорелые, бывалые офицеры, служаки труднейшего гарнизона. Алексей понимал — все это просто веселая шутка, лейтенанты потешаются над стилиагами и их именами, расслабленной походочкой, своеобразной манерой говорить «хохмами».

В полку офицеры разошлись по своим подразделениям и в течение дня не виделись, у каждого были свои дела и заботы.

3.

Капитан Зайнуллин пришел в роту, как всегда, рано. В прибранной, хорошо проветренной казарме было прохладно. Дневальные побрызгали цементные полы водой, и теперь в помещении веяло приятной, непривычной для жителей пустыни сыростью.

Зайнуллин любил эти ранние часы — дышится легко, хочется работать, кажется, много дел за день сделаешь. Но часам к девяти воздух станет горячим и упругим, строения и земля раскалятся так, что от них потянет жаром. Навалится угнетающая духота, движения станут медленными, мысли тягучими.

Вот потому и приходил Зайнуллин пораньше, чтобы до наступления жары все организовать и, как он говорил, раскрутить. А потом — в зной — только ходил и поддерживал заданный ритм — где немногословным одобрением, где суровым и тоже немногословным замечанием, а где и свирепым надиром — надир, правда, тоже в несколько слов, — но слова с хрипотцой, жесткие, как рашпиль.

Перед началом занятий Зайнуллин, вдруг увидев в роте прибывшего вчера лейтенанта Шатрова, сказал:

— Я вам дал этот день на устройство.

— Хотите поскорее в дело вникнуть, — ответил лейтенант.

— Квартиру нашли?

— Нет. Ночевал в гостинице, — соврал Шатров, почему-то решив, что его сближение с компанией Берга Зайнуллину будет неприятно.

— Гостиница вам не по карману. Ищите комнату. На казенную не надейтесь — многие семейные, с детьми — на очереди.

Разговаривая с лейтенантом, Зайнуллин рассматривал его и думал: «С виду паренек ничего — строевой, а что у него внутри?»

Капитан знал, как некоторые ротные командиры в полку мучаются с молодыми офицерами. Все лейтенанты как лейтенанты, и вдруг появляется в роте или в батальоне один, будто разум у него помутило: служить не желаю — увольняйте! И начинаются мучения. Неужели и этот таким окажется!

Зайнуллин шел по расположению роты, а Шатров следовал за ним. Капитан умышленно ждал, как поступит лейтенант, — попросит разрешения заниматься своими делами или будет идти и поддерживать разговор с начальством. Это, конечно, мелочь. Но и мелочь — тоже штрих, из таких черточек, в конечном счете, вырисовывается характер.

— Разрешите идти к своему взводу, товарищ капитан?— спросил Шатров, будто прочитал мысли командира.

«Хорошо,— отметил про себя Зайнуллин,— догадлив: хоть и нет еще у тебя никаких дел, но то, что не хочешь тереться около старших,— уже похвально!» Именно поэтому, наверное, не захотелось отпускать лейтенанта: может быть, еще чем-нибудь порадует, снимет гложущие опасения.

— Подождите, познакомлю вас с расположением роты. Да и с офицерами,— добавил капитан, увидев идущего навстречу лейтенанта.

— Вот командир второго взвода лейтенант Анастасьев.

Лейтенант Анастасьев, маленький, худенький, протянул небольшую ладонь.

Зайнуллин смотрел на него добро и улыбочиво. Анастасьев был плод его, зайнуллинских, трудов; настоящее произведение, созданное потом, кровью и нервами капитана. Когда Анастасьев прибыл в полк, все ротные, у кого были вакантные места, ходили в штаб и тайно предпринимали меры, чтобы хлипкий лейтенантик не попал к ним. Щупленький, стеснительный, Анастасьев стоял в коридоре, ожидая назначения. Он опускал глаза и краснел от одних только взглядов загорелых и обветренных капитанов, которые косо поглядывали на него, проходя в комнату помощника начальника штаба. «И зачем только таких в училище берут!»— говорили их взгляды.

Зайнуллин тогда не прошел мимо. Остановился. Побеседовал с Анастасьевым. Долго колебался, брать или не брать его. Но в конце концов решил — уж лучше этот тихоня, чем какой-нибудь «артист», с которым хлопот не оберешься.

Приведя Анастасьева в роту, Зайнуллин сказал ему:

— Ты слушай меня и делай, что я буду говорить. Я тоже был молодым офицером. И ростом, как видишь, не выше твоего...— При этих словах Анастасьев так и залился ярким румянцем. Но Зайнуллин умышленно сказал об этом, считая, что не обидит лейтенанта, раз сам мал ростом, наоборот, подбодрит его, покажет, что не в росте дело.— Ты не красней, Суворов тоже нашей комплекции был. Все трудности, которые встанут перед тобой, я пережил и преодолел. Станешь выполнять, что скажу,— будет полный порядок. Не будешь, чикаться не стану — выгону.

Анастасьев был очень рад такому условию, робкий и неопытный, он нуждался именно в таком командире. Первый год службы в роте Зайнуллина он скрупулезно выполнял все указания ротного и ходил у него на вожжах: не только на работе, но и в остальное время старался подражать ему во всем. Много пришлось повозиться с ним капитану. Но зато через год, пройдя зайнуллинскую выучку, Анастасьев работал вполне самостоятельно. Взвод его выходил в передовые. Хрупкая внешность лейтенанта, голосишко слабенький и способность быстро краснеть, хоть и были по-прежнему предметом шуток офицеров, но шутки эти стали мягкими, дружескими. Как над ним шутить, если у него чуть не лучший взвод? Только одно осталось за лейтенантом Анастасьевым навсегда — офицеры с первых дней прозвали его «Настя» и между собой звали только этим именем: «Настя отличился!», «Заступаю в наряд — меняю Настю», «Настин взвод на кроссе лучшее время показал».

Солдаты взвода Анастасьева, конечно же, заметили в первые дни неуверенность лейтенанта, но молодой офицер и не скрывал этого, он был бесхитростный, простой и хорошо знал все, чему обучают в училище. Солдаты оценили его заботливость и справедливость, они по-человечески поняли его затруднения и стали всячески помогать новому

командиру. А как может помочь солдат офицеру? Только хорошей службой, меньше отрывая на себя командирское время.

Как это ни странно, во взводе молодого неопытного лейтенанта дисциплина улучшалась, лености и нерадивости почти не отмечалось. А если и случался у кого-нибудь промах в службе, сержанты и солдаты сами без Анастасьева брали виновника «в шоры», да так, что тот пищал. Когда же взвод стали похваливать, тут уж появилась не только гордость, а какое-то тайное, связавшее и сблизившее всех чувство здоровой круговой поруки. Подчиненные знали, что успехи взвода во многом — результат их трудов, они никогда не говорили об этом между собой, но понимали и в душе гордились: помогли вырасти своему командиру. Придет время — уволится он в запас, а лейтенант Анастасьев будет уверенно шагать по службе, вспоминая благородство первых своих солдат, так бескорыстно помогавших ему встать на ноги.

Шатров пожал маленькую руку Анастасьева, приветливо ему улыбнулся и пошел за капитаном, который жестом пригласил его следовать дальше. В углу казармы Зайнуллин встретил и отдал честь плотный и, видимо, очень сильный лейтенант, плечи, руки и ноги у него были круглые и толстые, как у борца.

— Знакомьтесь, командир первого взвода лейтенант Антадзе.

Шатров назвал свое имя и фамилию. Пожимая крепкую руку лейтенанта Антадзе, еще раз подумал: необыкновенно сильный человек. Антадзе был из тех грузин, которые отличаются от своих стройных, чернявых земляков светло-зелеными глазами, волосами с рыжиной, негорбатым мясистым носом, короткими руками и ногами.

Представляя лейтенанта Антадзе, Зайнуллин тайком поглядывал на Шатрова — как он оценивает этого своего будущего соперника. Хитрый татарин не ошибался — Шатров действительно прикидывал и решил, что соперники у него не очень-то серьезные. Анастасьева он несомненно обойдет в первые же месяцы. А этот белобрый грузин, хоть и сильный, видно, тоже звезд с неба не хватает, к тому же по-русски говорит не очень бойко.

Зайнуллин догадывался о той оценке, которую дал Шатров своим сослуживцам, был доволен, что новенький с первых шагов обретает уверенность в своих силах. Это хорошо, смелее возьмется за дело. Что же касается легкой его победы — то здесь капитан был уверен: Шатрову придется не один год попотеть, чтобы дотянуться до этих выращенных и вышколенных им лейтенантов.

Антадзе тоже был зайнуллинским детищем. От него тоже отмахивались другие командиры. Зоркие ротные с первой же беседы посчитали медлительного, неразговорчивого Антадзе тугодумом. А капитан Зайнуллин опять-таки решил: лишь бы лейтенант не был помехой в работе и имел желание служить — в этом он видел главное. «В цирке медведя учат на мотоцикле ездить, — говорил иногда капитан в шутку, — неужели я человека не научу полезному делу».

Зайнуллин не ошибся и в Антадзе. Неразговорчивый грузин оказался неумолимым и старательным. А его тугодумие... Просто он плоховато знал русский язык и не всегда умел высказать ясно и доходчиво свои мысли. В действительности Додик Антадзе был парень развитой, да к тому же еще и весельчак.

Все в полку знали: слава и успехи четвертой роты держатся прежде всего на мудром и опытном капитане Зайнуллине. Он крепко держал роту в своих жестких и умелых руках, ревниво оберегал людей от дурных влияний и случайностей.

Поэтому и сегодня он водил Шатрова по роте, знакомил с людьми и хозяйством, а сам с волнением думал: «Кем же ты окажешься, помощником или камнем на пути роты, о который все мы будем споты-

каться? Взвод — это одна треть роты! Ты можешь повести себя так, что снимешь с моих плеч одну треть всех забот. А можешь и взвалить все эти заботы на меня, да еще сам повиснешь тяжелым балластом». Будь у Шатрова какой-нибудь внешний недостаток, Зайнуллин, наверное, чувствовал бы себя более спокойно. Но молодой офицер был статный, ладный, красив и значителен лицом, в разговоре держал себя непринужденно. Что за всем этим кроется — стремительный рост офицера, успехи в боевой подготовке или танцы, вечеринки, опоздания на службу и то тяжелое состояние, когда работа становится лишь помехой на пути к удовольствиям?

У входа, где-то в коридоре, раздалась зычная команда:

— Батальон, смирно!

В мгновение наступившей тишине послышались одинокие четкие шаги, и сразу же, как только они оборвались, последовал рапорт:

— Товарищ подполковник, второй батальон готовится к занятиям, командир батальона майор Углов.

После команды «вольно» Зайнуллин сказал:

— Замполит Ячменев пришел. — Посмотрев лукаво на Шатрова, добавил: — И думается мне, пришел посмотреть специально на вас, товарищ лейтенант.

— Я ему вчера представлялся.

— Он хочет видеть, как вы за дело беретесь.

— Разрешите идти во взвод?

— Зачем? — вдруг хитро прищурясь, спросил капитан и сам же ответил: — Изображать кипучую деятельность?

Шатров смутился, он, правда, об этом не думал, просто хотел быть в своем взводе, раз заместитель командира полка пришел посмотреть, как он приступил к работе.

— Никогда не занимайтесь этим ИКД — изображением кипучей деятельности, — сказал капитан, — ведите себя естественно. Я вам разрешаю устраивать сегодня быт — вот идите и определяйтесь на квартиру.

Видя нерешительность лейтенанта, Зайнуллин нахмурился:

— Все же хочется показаться начальству при деле? Бросьте. Показуха унижает человека. После этого самому противно. Успеете еще показать себя в настоящей работе. Идите, делайте, что я сказал.

4.

Шатров вел свой взвод на первое занятие. Алексей очень волновался. Как отнесутся к нему солдаты? Они теперь народ грамотный, заметят малейший промах. Осмеют? Едва ли. Наверное, потом между собой станут потешаться — как он сбивался, занкался или сказал какую-нибудь чепуху. «Считали же мы в училище, сколько раз во время лекции подполковник Евсеев скажет «так сказать». Эти слова-паразиты он произносил буквально в каждой фразе, сам не замечая того, а курсанты ставили палочки на бумаге, учитывая каждое «так сказать».

Взвод вышел по пыльной дороге в поле. Голубой простор в небе и бескрайняя желтая гладь на земле. Только слева, неподалеку, возвышалось каменистое плато. Трудно проводить занятия на такой местности, даже ориентиры не подберешь. А по расписанию была тактика. Шатров накануне подготовил подробный конспект, да и без него знал тему наизусть. Только вот местность смущала.

Остановив взвод на гладком, выжженном добела такыре, он повернул строй фронтом к барханам. Солнце пока еще не жгло.

Лейтенант не видел ни яркого солнца, ни барханов, ни такыра, ни взвода Анастасьева, тоже занимавшегося тактикой поблизости. Шатров был полностью поглощен своим волнением.

Знакомя со взводом, капитан Зайнуллин рассказал Шатрову, какие у его подчиненных наклонности, кто как стреляет, как ведет себя, чем увлекается.

И замкомвзвода сержант Ниязбеков тоже подробно доложил о каждом солдате. Но сейчас в голове Шатрова смешались и перепутались и фамилии, и имена, и кто какой год служит. Строй стоял перед ним одноликий — все одинаковые, как штыки, все одного роста, одинаково загорелые. Сапоги, ремни, головные уборы, оружие — все абсолютно одинаковое. Движения — шаги, повороты, взмах руки и те однообразны у всех.

«Как я их буду различать?» — с тревогой думал Шатров. — Даже глаза у всех одинакового цвета!»

Глаза, пожалуй, были сейчас единственным, что видел Шатров. Эти десятки глаз смотрели на него, ощупывали, слушали, ждали.

«Главное не растеряться, — подбадривал себя он, — неуверенность пройдет, нужно не дать повода для насмешек или прозвища — оно прилипнет».

И лейтенант говорил, говорил и говорил. Он разъяснял, как нужно действовать в наступательном бою с применением ядерного оружия, как использовать результаты атомного удара и что делать, если попал в зону высокой радиации.

Иногда ловил себя на мысли, что стремится не столько обучать своих подчиненных, сколько показать им свои знания. Но, даже признаваясь себе в этом, Шатров не пытался ничего изменять — глаза, устремленные на него, пока спокойны; слушали его со вниманием — пусть так будет до конца, больше он ничего не хотел.

— Капитан Зайнуллин идет, — тихо подсказал сержант Ниязбеков.

И хотя Шатров не заметил приближения командира роты, он все же буркнул:

— Вижу.

Сказал и самому стало противно. «Ну зачем так поступил? Человек шепнул, желая добра, а я оборвал его. В другой раз он промолчит».

Поддав команду «смирно!», лейтенант доложил командиру роты о теме занятий. И даже сейчас, повернувшись к Зайнуллину лицом, Шатров спиной чувствовал устремленные на него глаза. И поэтому думал не о сути происходящего, а о том, как он чеканил строевой шаг, как приставил ногу, на нужном ли уровне у него ладонь, вскинутая к фуражке.

— Продолжайте занятие, — спокойно сказал капитан.

— У нас сейчас должен быть перерыв.

— Что ж, делайте перерыв.

Капитан жестом пригласил Шатрова отойти с ним в сторону.

Шатров шел рядом с Зайнуллиным и опять чувствовал к себе отращение. Как с этим «вижу», которое он бросил Ниязбекову, так и тут насчет перерыва — ляпнул некстати, до перерыва еще оставалось пятнадцать минут. Просто струсил. Подумал, что Зайнуллин уйдет, не дожидаясь возобновления занятий. Побоялся продолжать занятия при капитане. Значит, делал что-то не так? Да нет, все как будто говорил правильно. Тогда почему же испугался?

Зайнуллин шагал рядом, как всегда строгий и значительный. Он о чем-то думал. И думы эти, отражаясь на лице, казались тоже важными и значительными.

— Я со стороны наблюдал, как вы проводили занятия, — наконец промолвил капитан. — О содержании ничего не могу сказать — не слышал. А методика неправильная. У вас тактика. Вы людей в поле вывели, чтобы учить их действовать практически. Говорить можно было бы и в

классе. Даже удобнее — не так жарко. Раз вышли в поле — используйте местность.

— Я хотел на первом часу отработать теоретические вопросы, а потом перейти к практическим действиям.

Зайнуллин посмотрел Шатрову в глаза, и лейтенант понял, что ротный видит его насквозь, он без слов, одними глазами сказал: брось оправдываться, зачем хитришь. Я все понимаю: ты волнуешься; если бы я не пришел, ты все три часа читал бы лекцию перед строем; брось финтить, я же тебя не ругаю, а просто подсказываю, что нужно делать.

Зайнуллин посоветовал, как отрабатывать некоторые приемы на местности, подсказал, какие особенности действий в пустыне нужно помнить. Не дожидаясь начала занятия, капитан пожал руку Шатрову и подбадривающе прогудел:

— Ну, давай, не теряйся, держи хвост морковкой. Будь здоров.

Обращение на «ты» и шутка Зайнуллина повлияли на Шатрова просто чудодейственно. Как-то сразу все стало на свои места. Лейтенант впервые увидел и окружающую местность, и взвод Анастасьева, и свой взвод, который теперь не казался одноликой массой, одетой в хлопчатобумажные выгоревшие гимнастерки.

Шатров все еще испытывал волнение и думал о том, чтобы не допустить какой-нибудь ляпсус, но после посещения Зайнуллина это волнение уже не было слепым и паническим.

Развертывая и перестраивая взвод по различным вариантам, Алексей теперь вел занятия более сознательно. Каждый солдат постепенно стал принимать для него более конкретные очертания.

Первым вырисовался и определился замкомвзвода — сержант Ахмед Ниязбеков. Вчера, знакомясь с ним, Шатров подумал: «Зачем его назначили заместителем? Неужели пожилее сержанта нельзя подобрать?» А вот сегодня, видя, как Ниязбеков умело помогает ему на занятиях, как тонко поддерживает и подсказывает иногда, Шатров радовался такому знающему и опытному помощнику. «Хорошо еще, что не ляпнул вчера Зайнуллину свое мнение о его замене».

После сержанта выделился из общей массы здоровенный, рыхловатый солдат со странной фамилией Колено.

Он запомнился и необычной фигурой и медлительностью. Шатров заметил: Колено при всех перестроениях опаздывает занять свое место. При первом построении солдаты стояли строго по ранжиру и поэтому показались все одного роста и одинаковой комплекции. А вот на занятиях, когда взвод перестраивался быстро, в зависимости от обстановки, и каждый солдат вставал в строй где придется, лишь бы побыстрее, Шатров увидел — есть у него низкорослые и высокие, есть худые и широкие в кости. И фигуры у них разные — одни подтянутые, ладные. А вот у Колено живот выпирает.

Да и глаза у каждого свои — голубые, карие, светло-зеленые. Правда, все они по-прежнему внимательно смотрят на взводного, но что же в этом удивительного, — куда же им еще смотреть? Не стоять же с закрытыми глазами. Так будет всегда — они постоянно будут устремлены на командира.

К концу занятий Шатров различал уже не только цвет глаз, а попытался определить по их выражению настроение солдат, их отношение к нему и оценку его действий.

Вот у рядового Судакова, например, — выражение глаз явно ироническое. Этот высокий стройный парень окончил десятилетку. Шатров вспомнил, что говорил о нем сержант Ниязбеков, когда они в канцелярии перебирали служебные карточки взвода. Судаков вырос в семье инженера, получил хорошее, в дополнение к школьному, развитие дома,

но будучи единственным сыном — набалован, изнежен, склонен к эгоизму, не любит черновой работы, служит без желания.

Шатров посмотрел в глаза Судакову еще раз и убедился — в них была нескрываемая ирония. Видно, умный малый. Но насмешливым видом своим он был неприятен Шатрову. Глаза его так и говорят: хоть вы, товарищ лейтенант, и громко командуете, хоть и выкатываете грудь колесом, я-то знаю — внутри у вас все дрожит от волнения, думаете вы о том, как бы не ошибиться при подаче команд, голосишко бы не сорвался, как у молодого петушка...

А вот как поведет себя Судаков, если у Шатрова действительно случится оплошность: захотнет и подсечет его авторитет или промолчит и тем поддержит нового командира — этого Шатров пока определить не мог.

Выделив и запомнив на первом занятии всего троих, Алексей почувствовал себя спокойнее. «Постепенно всех узнаю. Да и ребята, видно, неплохие. Чего это я так напыжился сначала? Почему ждал от них недоброжелательности? Люди как люди — молодые, веселые, здоровые. Никакой неприязни ко мне у них нет. Даже наоборот, явно пытаются поддержать».

Во время перекуров солдаты садились полукругом около лейтенанта, расспрашивали:

— Вы до службы в армии где жили, товарищ лейтенант?

— В Куйбышеве.

— А спортом вы увлекаетесь, товарищ лейтенант?

— Имею второй разряд по кроссу, в волейбол постучать люблю.

— А правду говорят, скоро служба не три, а два года будет? — спросил Колено.

Солдаты засмеялись.

— Этого я не знаю, — сказал, улыбаясь, Шатров.

К обеду взвод возвращался в городок. Была самая жаркая пора. Пот сбегал крупными каплями между лопаток. Шатров чувствовал, как мокрая ткань гимнастерки прилипает к спине. Пропыленные солдаты, раскачиваясь, шагали в ногу. «А что если дать команду «Запевай»? Полагается же водить строй с песней. А вдруг не запоют? Устали, распарились, не до песни им сейчас».

И все же Шатрова так и подмывало испытать, как выполнит взвод не очень приятную команду.

«А зачем обострять отношения? Что это мне даст? Не буду настраивать против себя людей... Но и быть на поводу у подчиненных тоже не дело. Что же, я так и буду всегда подлаживаться — хотят или не хотят? Приятно или неприятно?»

— А как у нас насчет песни во взводе? — громко спросил Шатров.

— Споем! — задорно откликнулся командир третьего отделения сержант Белик.

— Лучше вечером, — вяло сказал разомлевший от жары Колено.

Остальные солдаты молчали. Шатров все еще колебался — как поступить?

— Запевай! — зычноскомандовал сержант Ниязбеков, и Белик тут же зашел приятным напряженным тенором:

«Ходили мы походами...»

Весь взвод подхватил песню, как только кончился запев. Шатров слушал изнывающих от жары, уставших солдат, и теплое чувство признательности и благодарности охватило его. Да, им сейчас не до песни. Они устали. В горле у них пересохло. Но они поют. Поют старательно, желая понравиться новому командиру. Им мучно от жары. Каждое слово сейчас требует усилий. И, несмотря на это, они поют! И сержанты быстро поддержали его, тут же, без промедления. Значит, он, Шат-

ров, пришелся им по душе. Значит, все его сомнения были напрасны. Солдаты тоже хотят ему понравиться, они приняли его — признали командиром! Шатров с удовольствием запел вместе со всеми. И почувствовал — солдаты, видя, что лейтенант поет, стали выводить еще стройнее и громче.

В самое жаркое время подразделения редко возвращались с поля вот так — с песней. Поэтому на взвод Шатрова многие обращали внимание.

— Молодой-то землю роет! — сказал дежурный по полку проходившему мимо комбату Углову.

— Второй батальон, — с шутливой значительностью произнес майор и поднял вверх руку: у нас, мол, все на таком уровне.

Услышал песню и капитан Зайнуллин. Он в этот момент собрался идти на обед и вышел из казармы. «Ну, слава богу, кажется, не промахнулся, — радостно подумал он о Шатрове, — из лейтенанта будет толк. Цепкий, видно, парень».

5.

Прошел первый месяц службы. В нем все было первым — первое занятие, первое заступление на дежурство, первая стрельба и первая получка.

У всех родов войск есть свой день — артиллерии, танкиста, авиации, строителя. А вот про пехоту или, как сейчас называют, — мотострелков забыли. Нет у них официального праздника. Молодые офицеры решили заполнить этот пробел и отмечали день пехоты двенадцать раз в год — каждую получку.

За месяц Алексей врос в жизнь компании холостяков так, будто провел с ними долгие годы. Он хорошо узнал новых друзей, привык к ним и втайне по-прежнему гордился, что его приняли в эту известную всему полку компанию. Узнав товарищей получше, он увидел в них много интересного, любопытного, порой неожиданного.

Обычно в компании кто-то верховодит. В капелле таким негласным вождем был Берг. Он всегда говорил веско и остро. Если спросить мушкетеров, они единодушно отвергли бы чье-либо главенство, каждый считал себя независимым, но все же мнение или предложение Берга почти всегда было решающим и окончательным.

В первый месяц шевельнулось у Шатрова и первое сомнение. Произошло это так. Алексей писал письмо Наде, он с энтузиазмом рассказывал, какие замечательные у него товарищи — умные, веселые, лихие офицеры. Вдруг он поймал себя на том, что пишет Наде о своих друзьях не все, кое-где даже говорит неправду. Именно это желание утаить от Нади некоторые черты и повадки товарищей впервые настрожило его. Однако думать об этом не хотелось, жизнь шла легко и весело, и главной причиной удач Алексей считал так счастливо завязанное знакомство. В конце концов Наде все знать и не обязательно.

В день получки, который совпал с субботой, друзья решили после сытного обеда в полк не ходить. Придя из столовой, они легли каждый на свою койку, занавесили окна байковыми одеялами и, лежа в трусах, ждали, пока спадет жара и можно будет двинуться в парк. Они часто так отлеживались в самые жаркие часы. В это время велись ленивые беседы. Читали. Савицкий рассказывал какую-нибудь историю, в которой непременно участвовала женщина. Иногда даже философствовали или рассуждали о жизни.

Сегодня Берг долго и внимательно разглядывал руку и, наконец, изрек:

— А знаете, люди, как пальцы на руке, бывают большие, средние, маленькие, указательные, безымянные.

— Ты, конечно, большой?— сказал Савицкий — ему не нравилась самовлюбленность Берга.

— Нет, я указательный — я все вижу и называю своими именами. Ты средний, а Шатров безымянный — потому, что я его еще хорошо не знаю.

Вдруг заговорил Ланев. Копируя Семена, он поглядел на свою ступню, закинутую на колено, и задумчиво произнес:

— А по-моему, люди, как пальцы на ноге: бывают прямые, скрюченные и бывают вонючие.

— Железно!— засмеявшись, сказал Савицкий.

Алексей положил на грудь книгу, которую листал, и высказал свое суждение:

— А я бы сравнил людей с книгами: есть люди-романы, встречаются повести, а бывают и скучные брошюрки.

— Ты кто?— спросил Берг.

— Не знаю, не думал.

— Ты — незаконченное произведение.

— А я?— спросил Савицкий.

— Ты — бульварный роман.

— Скотина!—отблагодарил Берга Игорь.

— А я?— Ланев приподнялся на локте и ждал, что скажет Семен.

— Не обидишься?— глаза у Берга сощурились.

— Давай, трави!

— Ты, Гарри. «Крокодил» — такой же смешной и разноцветный.

Ланев несколько раз хлопнул ресницами, потом лег на спину и обиженно сказал:

— А ты просто сволочь!

— Таких произведений не бывает!— пытался сгладить свою обидную шутку Семен. — Да, я совсем забыл рассказать вам, что сегодня утром было. Иду я в роту, ну и, как всегда, стремительно опаздываю. Вдруг из нашей казармы прямо на меня идет Кандыбин. Отозвал меня в сторону и спрашивает: «Говорят, вы пьете подряд два стакана водки и не закусываете. Это правда?». «Никак нет, товарищ полковник, вас обманули — по три!»

— Врешь,— возразил Ланев, желая хоть чем-нибудь отплатить Семену, — у тебя при виде полковника язык западает.

— Куда там! Я ему не раз говорил все, что думаю. Чего мне бояться? Скорей уволят.

— Как же, держи карман шире! Из молодых еще ни одного не уволили, хоть и было много сокращений.

— Знаешь, что я ему сказал прошлый раз на беседе?— спросил Берг.

— Ну.

— Товарищ полковник, я не хочу ждать, когда мне будет тридцать пять лет и меня уволят по сокращению. Оставляю я здесь силы, молодость, и без специальности, будь здоров, на все четыре стороны. Да еще ни в одном приличном городе не пропишут. Зачем мне этого ждать? Лучше сейчас увольте. Я пойду учиться, получу специальность.

— А он что?

— «Если,— говорит,— будете служить честно, никто вас не уволит». А я ему тут же дополнительный вопросик: «Что же, значит, все, кого увольняют по сокращению, служили нечестно?» Смущился он, не сразу ответил. «Сокращают,— говорит,— потому, что нужно, и никто не уходит необеспеченным.» Ну, я ему опять свое: «Вот и увольте меня, мне даже никакого обеспечения не нужно.» Тут он как рывкнет: «А

кто,— кричит,— Родину будет защищать? Я и генерал Таиров? Так нам уже под пятьдесят!»

— Опять завели волюнку,— с тоской протянул Савицкий.

Помолчали.

— Ох и безобразие я однажды устроил,— вдруг весело заявил Игорь.— Когда выпустили из училища, получили документы, купил билет на поезд, и вдруг осенило меня— дай, думаю, дамский парад устрою. Бегу в автомат и по всем телефонам, какие были в моем блокноте, даю команду: «Мусенька, жду тебя под часами около универмага в девять! Аллочка, сосредоточиться в девять ноль-ноль под часами!» И так обзвонил всех. А сам сел на такси и к назначенному времени медленно проезжаю мимо. А они там, возле часов, виражи туда-сюда выписывают, друг на друга поглядывают, как кошки перед дракой. Я дверцу приоткрыл, а они все ко мне. Хорошо, успел крикнуть шоферу «газуй», а то бы всю «Волгу» по винтикам разнесли. Представляю, что там после было. Вот дал копоти! Классическое безобразие получилось!

Офицеры смеялись. Шатров подумал: «Это, пожалуй, подло», но тут же прогнал эту мысль и даже почувствовал, что завидует успеху Савицкого. Алексей не мог похвастаться такими победами. Надя была единственная девушка, которую ему довелось целовать...

Жара спала часам к восьми. Лейтенанты надели легкие тенниски, узкие брюки, остроносые полуботинки. Только Алексей, не имевший гражданской одежды, был в армейских брюках с кантом и в тенниске, которую дал поносить Савицкий. Такая одежда стесняла Шатрова, и он твердо решил купить все необходимое после очередной полочки.

По улице компания шла медленно. Через дорогу переходили не торопясь. Разогнавшийся автомобиль, визжа тормозами, едва не ударил шедшего с краю Савицкого, но капелла шагу не прибавила. Это считалось своеобразным шиком. Бледному, свирепо ругающемуся шоферу небрежно бросили:

— Заткнись!

В парке на волейбольной площадке играли случайные команды любителей. Мушкетеров в городе знали, охотно стали звать в свои команды. Они, снисходительно улыбаясь, сняли наглаженные брюки и рубашечки, вышли на площадку и без труда разгромили противников. После игры, помывшись под водопроводной колонкой, лейтенанты удалились, сопровождаемые восхищенными взорами мальчишек.

С полочки первым делом пошли в столовую. Щедро расплатились с Аней. Каждый понимал свою зависимость и старался заручиться расположением официантки на будущее. Эти расходы, безусловно, считались неизбежными и обязательными. Что же касается других долгов, которые числились за всеми, кроме Алексея (он просто не успел их еще завести), то отдача их откладывалась на лучшие дни.

Ужинать в столовой офицеры не остались. Сегодня это им не подходило.

Отправились в ресторан. Он находился неподалеку, на перекрестке улиц Песчаной и Достоевского. Это заведение было когда-то открыто с самыми благими намерениями. Считалось, наверно, что сюда будут приходить жители после работы, отмечать дни рождения, или молодежь соберется потанцевать. Для танцев была установлена радиола с набором пластинок, для дружеских компаний вдоль глухой стены было сделано несколько кабинок с плюшевыми гардинами. В зале стояли столики, накрытые белыми скатертями, на столиках вазочки с бумажными салфетками... Впрочем, дальше перечислять не стоит: ничего этого давно уже нет. Расчет не подтвердился. Сюда не пошли семейные люди отмечать юбилей, и не успела облюбовать место для танцев мо-

лодежь. Заведением овладели личности с фиолетовыми носами, небритыми физиономиями и те, кто считал допустимым быть с ними. Вазочки побили, скатерти пришлось заменить клеенками, перекаленные стулья уступили место табуреткам, плюшевые занавески стали грязными, как половые тряпки.

Обычно ресторанам дают какое-нибудь название—«Лебедь», «Прохлада», «Луна». У этого тоже было экзотическое имя—«Сто ран»,—не потому, что здесь часто бывали драки и поножовщина—нет; это бывало, но не часто. Да и райсовет ни за что не согласился бы на такое название: шутка ли «Сто ран»—хулиганское, блатное название. Все дело в том, что краска на вывеске от солища потрескалась, а дожди смыли две первые буквы «Ре»—вот и получилось «сто ран». Так ресторан, вообще не имевший никакого названия, обрел свое имя.

Лейтенанты выпили для начала «килограмм», показалось мало,—добавили еще «полкило». Потом отправились на танцы.

На танцплощадке в парке толпилось много парней и девушек, все они друг друга знали. Вели себя свободно. Тут был особый мир, со своими правилами и условностями. Девушки, например, разделялись на тех, кто танцует с гражданскими и кто—с военными. Каждая группа вела себя так, будто других не существовало—говорили, смеялись громко, у всех были свои шутки—«хохмы». Порядки эти оберегались ревниво, и попытки нарушить их нередко приводили к дракам.

Берг, Савицкий, Ланев и Шатров держались особняком—они тоже знали, кто пойдет с ними танцевать и кто откажет. Берг обычно выбирал высоких, статных—себе под стать. Савицкий искал партнерш поярче. Ланев, стесняясь своей рыжей масти, приглашал только хорошо знакомых—официанток из военторговской столовой, машинисток из штаба, сестер из госпиталя. У Алексея определились две постоянные партнерши: Лена—худенькая блондинка, продавщица из книжного магазина и вторая—низкорослая, крепконогая армянка Нора, она работала приемщицей в ателье мод.

Несмотря на то, что танцплощадка находилась среди деревьев и ее окружала лишь легкая металлическая решетка, здесь было душно, как в закрытом помещении. Приторно пахло одеколоном, смешанным с запахом пота и табака. Танцующие вытирали платочками влажные лбы и руки. Еще хорошо, что в моду вошли медленные танцы с едва заметным покачиванием. А как тут прежде управлялись с румбами и быстрыми фокстротами—просто непонятно!

Оркестр мягко загасил мелодию, и музыканты ушли с эстрады на отдых. Мушкетеры собрались в своем углу, и Ланев небрежно бросил реплику «под Шамагу»:

— Наше место в буфете!

Разгоряченный танцами и духотой, Алексей с удовольствием осушил две кружки прохладного пива. У стойки было шумно, тесно и еще жарче, чем на танцплощадке, хотелось поскорее выйти отсюда. Но сегодня был особый день.

— Четыре по сто пятьдесят!—заказал Ланев, и офицеры с видом людей, утомленных прелестями жизни, выпили по стакану водки. Водка была теплая, вонючая, глотать ее было противно. Но делать это у всех на виду было почему-то приятно.

В следующий перерыв посещение буфета повторили. У Алексея шелестело в ушах, огни в глазах расплывались. Ему казалось, что он очень хорошо танцует, двигается легко, говорит свободно. Однако на следующий танец ему отказала даже Нора:

— Иди ты, по туфлям ходишь!

Лена, заметив, что Алексей ищет ее, юркнула в толпу. Шатров

взял за руку девушку, которая стояла рядом, но на него тут же надвинулся грудьё парень в клетчатой ковбойке:

— Не цапай!

— А что?

— А то!

Подоспел Берг. Нарушение правил со стороны Алексея было явным: он хватал девушку, около которой находился ухажер. Семен встал между готовыми кинуться друг на друга парнями. Пытался увести Шатрова, а тот, ободренный общим вниманием, упрямо лез к сопернику. Савицкий и Ланев помогли Бергу оттащить товарища.

— Салажонок начинает проявлять характер!— смеялся Берг.

— Вот так Айк, из-под носа хотел увести чувиху!— вторил Игорь.

Алексей с трудом переставлял заплетающиеся ноги. Его мутило. Он едва успел доплестись до ограды. Друзья повернулись к нему спинами, заслонив содрогаящуюся фигуру товарища от взоров танцующих. Им было неловко за него.

— Это, брат, не по-дворянски,— сказал Берг, когда Алексей затих.— Давай дуй домой. Сам дойдешь?

— Я танцевать буду,— пробормотал Шатров.

— Силен, бродяга!— усмехнулся Савицкий.— Гарри, помоги ему. Уложишь спать— вернешься.

Ланев вывел Шатрова из парка, и они пошли по темной улице.

Алексею казалось, что они идут очень долго и не в ту сторону.

— Куда ты меня ведешь?

— Шагай, шагай.

Двинулись дальше. И опять это тянулось бесконечно. Алексей устал. Он теперь висел на руке Ланева. Мысли перепутались и остановились на том, что вот так он идет давным-давно, с тех пор, когда отошел поезд от перрона, где стояли, махая руками, провожающие мать и Надя. Идет по этой черноте, и нет ничего ни впереди, ни по бокам, только позади где-то, за тысячи километров, остался светлый перрон и улыбающаяся Надя. Шатров упорно пытался повернуть назад, к этому светлomu перрону, но Ланев бесцеремонно дергал его за руку и сердито говорил:

— Да иди ты! Не трепыхайся!

6.

Над городом кружил очередной мутный афганец. Песчаные бури, как по расписанию, налетали два-три раза в неделю. Горячая пыль застилала солнце и все окружающее, а понизу, над землей, со свистом неслась песчаная поземка. Песок стучал в окна, накапливался вдоль стен и поперек улиц волнистыми барханчиками.

Все предметы в казарме и канцелярии покрылись тонким налетом легкой, как пудра, пыли. Окна и двери были закрыты наглухо, и все ж эта пыль оседала на постели, тумбочки, подоконники, столы. Она выделялась из воздуха.

Зайнуллин ходил по расположению роты злой и угрюмый. Нет, не плохая погода действовала на него удручающе. К песчаным бурям, или, как их здесь называли, «туркменским дождичкам», он привык. Настроение у капитана испортилось совсем по другой причине. Зайнуллин видел вчера нового взводного, лейтенанта Шатрова, в компании Берга и Савицкого. Сначала они прошли по парку культуры, а поздно вечером, случайно подойдя к окну, капитан различил в темноте две бредущие в обнимку фигуры. Зайнуллин не разобрал, кто там ковылял, спотыкаясь на ровном асфальте, но ему показалось, что один

из пьяных был лейтенант Шатров. Если он угодил в эту компанию, добра не жди. Нужно, пока не поздно, принимать меры.

— Зайдите ко мне,— сказал капитан Шатрову вечером после занятий.

По насупленным бровям, по тому, что не смотрел в глаза и сказал это куда-то в сторону, Алексей понял — ротный недоволен.

В канцелярии Зайнуллин сказал:

— Садитесь.

Это тоже был недобрый признак, обычно он подолгу не разговаривал, отдавал короткие распоряжения и — «можете идти», рассиживаться считал излишним.

— Я хочу поговорить с вами, товарищ Шатров, о неприятном деле.

Голос у Зайнуллина был глухой, обиженный, капитан смотрел не в лицо Шатрову, а на свои черные от загара, жилистые руки, которые положил на стол.

— Вы попали в группу лейтенанта Берга. Эти стилиги в военной форме вам в друзья не годятся. С ними вы пропадете. Пока не поздно, бросьте эту компанию. Они служить не хотят. Добиваются увольнения. Что у вас с ними общего?

Была бы воля Зайнуллина — он просто запретил бы Шатрову встречаться с этими распущенными людьми, но капитан понимал и очень жалел, что на это у него власти мало. Надо как-то убедить, уговорить Шатрова, доказать, что это в его же интересах. Однако, будучи до мозга костей строевым командиром, Зайнуллин пространно говорить не умел. Он считал достаточным сказать один раз и требовал выполнения без повторных разговоров. Сейчас он понимал: нужно бы разъяснить Шатрову, почему он боится за него, за свою роту. Его подразделение может быть опорочено каким-нибудь ЧП, которое непременно произойдет, если Шатров будет вращаться в этой отпетой компании. Это будет проступок не только Шатрова, но и офицера, который служит в четвертой роте, в той самой, что считается красой и гордостью полка. Зайнуллин был убежден — под угрозой долгий и тяжелый труд его, офицеров, сержантов и солдат роты. Так упорно боролись все они за право называться передовыми! И вдруг появляется этот новый, посторонний человек, который ни одной пылинки не вынес из роты ради того, чтобы она стала еще лучше, но может одним махом все испортить и зачеркнуть. Что бы он ни натворил, что бы ни случилось — все теперь ляжет на баланс четвертой роты. Зайнуллин очень хотел вложить все это в сознание молодого лейтенанта, чтобы отвести угрозу от своей роты. Но, как часто бывает у неразговорчивых людей, все эти мысли и доводы, бурно перебродив в душе, так и остались невысказанными.

Зайнуллин долго и тяжело молчал. Хмурился. И все смотрел на свои жилистые черные руки. Затем, как это обычно случалось в такие напряженные минуты, на него накатила короткий порыв неукротимой ярости. Ротный поднял лицо.

Шатрову показалось, что у капитана нет глаз, между красными каемками воспаленных век стояла сплошная чернота. Несмотря на жару и духоту, Алексей вдруг почувствовал, как холодный ветерок прошелся у него по спине под гимнастеркой.

— Будем считать, поговорили, — глухо сказал Зайнуллин. — Хочешь служить — бросай этих дружков. Не хочешь — скажи сразу. Гадить роте я не позволю. Понял?

— Понял, — тихо сказал Шатров, не понимая сам, что он, собственно, понял, и желая только одного — лишь бы капитан не разолился еще больше.

— Иди.

Лейтенант вышел из канцелярии, чувствуя, как гимнастерка по всей спине плотно прилипла к телу.

«Дал жизни! — невесело подумал Алексей. — Умеет стружку снимать!»

Шатров уже и сам тяготился дружбой с компанией мушкетеров. Надоели невыветривающиеся из головы винные пары. Холостяки, пока водились деньги, каждый вечер после работы «закладывали полкило на четверых». Шатров все чаще подумывал, как бы от них отойти. Но что-то мешало — не те боязнь прослыть пайнковой, не то чувство сообщничества...

В этот вечер, после разговора с Зайнуллиным, Шатров решил остаться в роте. Он пошел в класс и стал готовить конспекты к занятиям на следующий день. Но работал он недолго. Отворилась дверь, и в комнату вошли иронически улыбающиеся мушкетеры.

— Привет пролетарно умственного труда! — с легким смешком сказал Савицкий. — Труд, конечно, облагораживает человека, но от него и лошади дохнут.

— Что пишем? — спросил Берг. — Трактат о том, как громче топтать ножкой? Брось, Айк, все равно не оценят. Пойдем в кино.

Шатров, наблюдая за собой как за посторонним, вдруг в полной растерянности увидел, что покорно встает и идет за товарищами. Не хватило решимости отказаться. Не хотелось терять приятельские отношения. Не хватило чего-то очень нужного, что позволило бы решительно сказать — нет, я не пойду. Не пойду с вами не только сегодня, а вообще отхожу от вас навсегда.

Алексей искал в себе силы, чтобы сказать это, все существо его лихорадочно металось в поисках твердой опоры... но опоры этой в себе он так и не нашел. Как это часто бывает у молодых людей, какая-то стыдливость мешала сделать решающий шаг. Не хотелось оставить о себе плохое мнение, пусть даже у людей нежелательных. Чего доброго, могут посчитать трусом. Молодость горда, она ревниво оберегает свое достоинство!

В следующий вечер Шатров попытался спрятаться в ротной каптерке. Он предупредил дневального:

— Если меня будут спрашивать, скажите, ушел домой.

Алексей слышал, как приходили за ним мушкетеры. Не поверив дневальному, они, громко хлопая дверями, искали его во всех комнатах. Подходили и к двери каптерки, подергали.

— Ключ у старшины, — соврал дневальный.

Друзья удалились.

Шатров выбрался из укрытия, его встретил улыбающийся солдат, доверительно сообщил:

— Ушли.

Лейтенант обошел расположение роты. Еще в училище, будучи рядовым, он любил эти недолгие часы солдатского отдыха, называемые «личным временем». В казарме стояла уютная тишина. В курилке слышалась беседа. В Ленинской комнате шелестели газеты, лоб ко лбу сидели строгие шахматисты. В спальней комнате несколько человек, каждый у своей тумбочки, писали письма — эти были сейчас мыслями далеко.

Грустные думы охватили Алексея. Живут люди спокойной деловой жизнью, а ему приходится мучительно барахтаться в сложных душевных переживаниях. А чего искать? Все прозрачно ясно: вот жизнь, к которой он стремился — служба, хорошие трудяги солдаты, строгий деловой порядок. Нужно только бросить кривую дорожку, по которой шел с компанией Берга. «И нечего откладывать — пошлю их к черту, займусь работой, никуда больше не пойду с ними».

Алексей вошел в ротную канцелярию. Комнатка была маленькая; огромная лампочка без абажура переполняла ее светом, все предметы были яркие, четкие, как на картине художника, не успевшего наложить тени.

Давно Шатров не испытывал такого тихого удовлетворения. Он проработал до поздней ночи. Написал подробный конспект, подчеркнул каждый учебный вопрос цветными карандашами, главное выделил красным, составил расчет времени, продумал весь ход предстоящего занятия.

Уж давно был отбой. Все спали. Но Алексею не хотелось прерывать приятное ощущение деловой занятости.

Предстояли занятия по огневой подготовке — оставалось подготовить материальное обеспечение. Лейтенант вышел к дежурному.

— Где у вас прицельные станки и командирские ящики?

— В роте нет. Помнится, их куда-то сдали. На склад, кажется.

— Не может быть, они постоянно нужны для занятий. Старшина спит?

— Спит.

— Давайте поищем сами.

Комната для оружия после яркой канцелярии казалась плохо освещенной. От пирамид приятно пахло смазкой. Ровными рядами стояли одинаковые автоматы. Командирских ящиков и прицельных станков не было.

— Может быть, в каптерке?

— Точно вам говорю, товарищ лейтенант, на склад их таскали месяца три назад.

— Ладно, завтра разыщем.

На следующий день, после утреннего построения, Шатров спросил капитана Зайнуллина, где взять ящики, но капитан увидел приближающегося командира полка, махнул рукой:

— Потом.

— Мне занятия проводить.

Капитана возмутила непонятливость лейтенанта.

— Да уведите скорее взвод. Неужели не понимаете, время начинать занятия. Сейчас и мне и вам достанется.

Зайнуллин побежал навстречу полковнику с рапортом. Шатров после команды «вольно» поспешил увести взвод в поле.

К занятиям он приступил с некоторым смущением, его стесняло отсутствие нужных приборов. Он старался подыскивать самые доходчивые слова и приемы, чтобы научить солдат тому, что наметил в конспекте. Будь эти приспособления, все воспринималось бы в десять раз легче.

Перед концом первого часа занятий к взводу Шатрова подкатила легковая машина, из нее вышли командир полка и подполковник Ячменев.

7.

Кандыбин спал, не укрываясь. На стуле, рядом с кроватью, стоял вентилятор «подхалим» и, мягко урча, гнал теплый ветер на спящего.

Окна были распахнуты, но сквозняка не ощущалось, нагретый за день воздух стоял неподвижно.

Было еще темно, только на востоке начинало сереть.

Зазвонил телефон. Полковник сел на кровати. Протянул руку. Рука безошибочно нашла в темноте трубку. Первая мысль: «ЧП!»

Если зазвонят командиру полка ночью, значит, случилось что-то необыкновенное. Или возникло такое затруднение, которое никто из

офицеров штаба, заместителей и все они вместе разрешить не смогли. Хотя ночной звонок в жизни командира полка не исключение, все равно каждый раз он заставлял Кандыбина вздрагивать и поднимать трубку с ожиданием неприятности.

— Слушаю,— сказал Кандыбин хриплым после сна голосом.

— Товарищ полковник, беспокоит Торопов, завтрак срывается,— сказал в трубке голос заместителя по тылу.

— Опять воды нет?

— Так точно.

— На водопровод звонили?

— Звонил.

— Ну?

— Говорят, нет воды.

Это случалось не впервые. В середине лета городок всегда страдал от безводья. Реки здесь нет, родников тоже нет. Город питали водой две скважины, пробуренные недалеко в горах. Но и скважины эти, будучи неглубокими, в самую засушливую пору иссякали.

— Сейчас приеду,— сказал Кандыбин и стал одеваться.

Подъехав к штабу, он увидел три темных силуэта: толстый, круглый — подполковник Торопов, тонкий и длинный — начальник продовольственной службы капитан Щеглов, маленький кряжистый старшина-сверхсрочник — заведующий столовой Тимченко.

Поздоровавшись, полковник коротко приказал:

— Вы со мной.

Грузный Торопов полез в машину.

— Вы — разбудите начальника военторга, узнайте, сколько у него на складе бутылок минеральной воды.

Щеглов стукнул каблуками и пошел в штаб.

— Вы пройдите по умывальням и посмотрите, где сколько в бочках воды, вернусь — доложите.

Старшина сказал «есть!» и быстро пошел в сторону казарм.

— На водопровод,— сказал Кандыбин шоферу.

В армейской жизни может случиться все — срываются занятия, не подвезут вовремя обмундирование, перенесут совещание, отложат лекцию, отменят киносеанс, только одно здесь произойти не может — солдат никогда и ни при каких обстоятельствах не будет оставлен без пищи. Вот и сейчас, отправляясь на водопровод, Кандыбин уже готовился к самым крайним мерам: не окажется воды на головном сооружении, завтрак можно будет приготовить, собрав воду из металлических бочек и емкостей, приспособленных для набора воды в умывальни. Если и там она кончилась, придется сварить кашу на «Боржоме» или «Нарзане». Бывало и такое. Кандыбин не раз уже сам умывался дома минеральной водой и кипятил чай из солоноватой «Арзни».

Главное сооружение водопровода находилось за городом. Оно было обнесено высокой стеной. Оставив машину у ворот, офицеры пошли к дежурному. Дежурил высокий, стройный Берды Клычев, молодой, но уже с особой туркменской бородкой, которая растет лишь под скулами и похожа на приклеенную. Он знал офицеров, не раз встречались. Клычев повел приехавших вдоль сооружений, виновато говоря:

— Чего будем делать — нэт вода! Дождь нэт, земля сухой, вода нэт.

Бетонированные отстойники зияли огромными пустыми чашами. Только на дне блестели остатки воды — уровень ее был ниже черных отверстий труб, по которым вода должна вытекать из бассейнов.

— Может быть, резерв какой-нибудь есть, хотя бы немного, солдатам пищу приготовить нужно,— сказал мрачный Кандыбин.

— Резерв был. Тоже кончал. Пока резерв раздавал, думал, другой

бассейн полный станет. А он не наполнился. Теперь нигде вода нэт. Через сутка будем пускать. Наберем одна котлован — дадим, потом опять сутка собирать будем.

— Тогда разрешите мы насосом накачаем ту, что ниже уровня осталась. Водовозку подгоним прямо к берегу и накачаем, — попросил Торопов и добавил: — Нельзя солдат голодными оставлять.

Клычев задумался. Отстойники водопровода — святая святых, сюда не только машину — человека постороннего нельзя впускать. Но военных Клычев знал хорошо, их в городе все уважали. И он тоже уважал. Очень хотел помочь им, но нельзя было нарушать инструкцию.

Проще всего сказать «нет». Он был бы прав и поступил бы, как положено по должности. Но Клычев был туркмен, он знал цену воде. Когда дело касается воды, ответить просто отказом нельзя. Вода нужна людям, если ее не дать, будет тем людям очень плохо. Клычев решил:

— Пусть приезжает водовозка. Один раз дам вода. Другой раз директором договаривайся. Другой дежурный не пустит.

Возвращаясь в полк, Кандыбин и Торопов молчали. Оба думали, как быть дальше. В столовую для приготовления пищи воду придется возить, выкачивая ее насосом. Об этом можно договориться с райисполкомом. Ради солдат местные руководители пойдут на такую крайнюю меру. А как быть с офицерами, с их семьями? Кандыбин отчетливо представил дома офицеров, ярко белеющие под палящим солнцем. Ни деревца, ни кустика вокруг — сколько раз пробовали сажать, все выгорает. И в этих голых домах женщины и дети. Даже день прожить в таких домах без воды — пытка. Женщины будут приходить в штаб, спрашивать, что случилось? Одни будут слушать объяснение спокойно, поймут, почему временно нет воды. Другие станут тяжело вздыхать, может, даже поплачут: «Мы-то ладно, а как быть с детьми?» Кое-кто может истерику закатить: «Дожили, воды не хватает! Начальнички! Куда же вы раньше смотрели! Мы будем жаловаться!»

Есть и такие. Жара и жажда изматывают людей, толкают на крайности. «Будут жаловаться — это неплохо: может быть, пробурят третью скважину», — невесело думал Кандыбин.

В полку Кандыбина встретил Ячменев, у него уже были все сведения, которые командир поручил подготовить начпроду и заведующему столовой.

Ячменев прибыл в полк сразу же после отъезда Кандыбина на водопровод. Замполит отругал дежурного за то, что он не доложил ему, Ячменеву, о срывающемся завтраке. Так уже повелось издавна, что политработники занимаются не только пищей духовной. Несмотря на существующий аппарат тыловиков, и забота о питании по традиции стала предметом постоянного внимания замполитов.

А сегодня случилось так, что водой занимался сам командир полка. У него и без этого забот много. Ячменев был очень недоволен тем, что, минуя его, сразу обратились к командиру. За это он и ругал дежурного, а тот оправдывался:

— Я же не докладывал. Подполковник Торопов сам звонил ему на квартиру.

— Ну, хорошо, Торопов позвонил ему. А вы мне почему не доложили?

Дежурный молчал, потом, опустив глаза, сказал:

— Виноват, товарищ подполковник.

— Вот и я про то же — виноват! — сердито выговаривал Ячменев. Замполит сообщил Кандыбину все, что узнал о запасах воды в полку.

— Не густо, — сказал командир. — Надо ехать в райисполком дого-

вориться, чтоб три раза в день хотя бы по одной водовозке разрешили брать прямо с головного сооружения.

— Хорошо, я сейчас же туда поеду,— сказал Ячменев.

Кандыбин посмотрел на замполита и понял: Ячменев переживает за то, что остался сегодня в стороне от ночных хлопот. Хотел сказать: «Брось, не расстраивайся, Афиноген Петрович, хватит мороки с этой водой еще и тебе и мне», но не сказал, сейчас не слова нужны, а как-то по-другому следует снять тяжесть с души замполита. Кандыбин знал: трудяга Ячменев измучается теперь от угрызений совести, что не он, а Кандыбин «пробивал» вопрос с водой. Уважая своего «комиссара» и ценя его как человека, полковник думал, какой применить дипломатический ход, чтобы избавить Ячменева от самобичевания.

— Сейчас ехать не надо — там еще никого нет, рано,— сказал Кандыбин.— Давайте позавтракаем. Проверим, как начались занятия. А то один не умылся, другой не побрился — отсутствие воды может и на ходе занятий отразиться. Потом вместе в исполком поедем.

Предлагая это, Кандыбин размышлял: «Подержу его при себе. Попьем чайку... Пусть убедится, что я на него не обижаюсь».

Когда полк был накормлен, Кандыбин и Ячменев перекусили сами и, выехав из городка, направились на стрельбище посмотреть ход занятий.

Стрельбище от городка было недалеко. Только выехали через задние хозяйственные ворота, сразу стали слышны автоматные очереди, будто по листу железа кто-то, балуясь, стучал отбойным молотком.

Белые домики и пульт управления стояли на ровном открытом поле — вокруг ни кустика, ни травки — все выжжено и засыпано желтоватым песком.

На первом направлении, где остановилась машина Кандыбина, занимался взвод лейтенанта Берга. Красивый и статный, Берг подошел и доложил полковнику о проводимых занятиях. Лейтенант был в хорошо отутюженном обмундировании, начищенных сапогах, опрятный и чистый. Однако полковник сразу нахмурился. «Чем он недоволен? — подумал Ячменев.— Нельзя же так вот по привычке, только потому, что за Бергом утвердилась репутация разгильдяя, считать, что у него всегда все плохо».

— Продолжайте стрельбу,— сказал Кандыбин.

Очередная смена солдат, в выгоревших почти добела гимнастерках, по команде Берга вышла на огневой рубеж. Солдаты в присутствии командира полка старались выглядеть бойчее и действовать расторопнее. Трещали короткие очереди, всплескивалась легким дымком пыль в районе целей. Мишени некоторые падали, другие продолжали стоять положенное количество секунд.

Пропустив несколько смен, Кандыбин стал еще мрачнее. Из шести стрелявших упражнения выполнили все шестеро. «Чем он все-таки недоволен? Стреляют отлично. Наверное, не выспался, да из-за воды ночью перенервничал», — опять подумал Ячменев. Полковник отозвал Берга в сторону и спросил:

— Где командир роты?

— Он у командира батальона на занятиях.

— Неужели вы сами не в состоянии провести стрельбы как полагаются?

Берг хмуро ответил:

— Стрельбы идут нормально. Я не вижу никаких...

— Вот и плохо, что не видите,— перебил Кандыбин.— Солдаты должны при выполнении этого упражнения идти ускоренным шагом или бегом. А у вас как? Пешком ходят! Вразвалку. Вы попусту тратите время и патроны.

Берг строптиво поднял голову и смотрел в сторону. Заметив это, Кандыбин сказал:

— Думаете, это блажь? Считаете, что я придираюсь? Хорошо, я вам сейчас докажу. Вызовите на огневой рубеж двоих только что выполнивших упражнение.

Берг все с тем же недовольным и обиженным выражением лица крикнул:

— Ильин, Каймаков! Подготовиться к стрельбе.

Когда солдаты вышли на исходное положение, Кандыбин стал командовать сам. Он произносил слова громко и четко, будто перед ним стояли не два солдата, а целое подразделение. После поражения первых целей солдаты поднялись в атаку.

— Бегом! — зычно крикнул командир полка, и солдаты побежали, на ходу прилаживая автоматы для обстрела целей, которые должны появиться. С первых очередей мишени поражены не были. Подбежав ближе, солдаты стали хлестать по цели короткими очередями. Пули бились в землю то дальше, то ближе мишеней. Зеленые щиты были теперь близко, но солдаты не попадали в них потому, что после бега у них дрожали руки и колыхалась от тяжелого дыхания грудь. Оба стрелявших получили неудовлетворительные оценки.

— Вот так сказываются упрощенчество и отсутствие у людей натренированности, — зло сказал Кандыбин Бергу. — А на проверке вас заставят стрелять, как написано в курсе стрельб. И мишени вам поставят под цвет местности, а не такие зеленые, как у вас. И вообще, для того чтобы солдата учить стрелять, нужно приходиться на стрельбище в полевом обмундировании и ползать рядом с подчиненными по земле, а не ходить наглаженным и чистеньким. Занятия продолжайте, устранив указанные мною недостатки. Доложите о них командиру роты.

«Зоркий глаз у Матвея Степановича, — думал Ячменев, сидя в машине на заднем сиденье. — А я-то, святая простота, даже умилится чистеньким видом Берга. Как будто сам на животе не ползал! Да, начинаю забывать строевую науку. Нехорошо это. Надо почаще на полевые занятия ходить».

На обратном пути Кандыбин и Ячменев увидели в поле, в стороне от дороги, еще одно подразделение.

— Это, кажется, взвод молодого лейтенанта, — сказал Ячменев, присматриваясь к офицеру, стоявшему перед строем. — Помните — новенький?

— Вот и хорошо. Посмотрим, что он из себя представляет, — сказал Кандыбин и показал шоферу пальцем, чтоб свернул с дороги и ехал к подразделению.

— Был я в роте Зайнуллина в первый день после прибытия Шатрова, — стал рассказывать Ячменев, пока машина, прыгая на кочках, приближалась к взводу. — Специально ходил посмотреть, как новый лейтенант за дело берется. Захожу в казарму, а он навстречу. «Куда направляетесь?» — спрашиваю. «Иду квартиру искать».

Кандыбин при этих словах неопределенно хмыкнул.

— Вот и я сначала подумал — время рабочее, квартиру можно искать и вечером, — продолжал Ячменев. — Но знаете, Матвей Степанович, как он открыто и прямо на меня тогда смотрел! Честный он, хороший парень. Не повернул назад, когда меня увидел, не побежал ко взводу рвение служебное показывать — сказал прямо: иду квартиру искать — и точка!

— Сейчас посмотрим, — не возражая, сказал Кандыбин и вышел из остановившегося газика.

Шатров доложил Кандыбину. Полковник, выслушав рапорт и те-

му, вдруг сморщился, будто глотнул уксуса. Обращаясь к Ячменеву, сказал:

— Вот полюбуйтеесь — огневая подготовка! Прицепных станков нет, ортоскопов нет, солдаты целятся в свет божий. И чему только их учат в училище! Ну, объясните мне, товарищ лейтенант, почему вы так проводите занятие? Это же не учение, а мучение — напрасная трата времени!

— Товарищ полковник, я просто не знал, где взять приборы, в роте их нет, — сгорая от стыда, сказал Шатров. Он сам понимал: так нельзя заниматься. Не скажешь же, что ваш приход в роту, товарищ полковник, помешал найти эти нужные приборы, что Зайнуллин отправил взвод побыстрее, чтобы не торчал он в расположении роты после сигнала приступать к занятиям.

— Отговорки всегда найдутся. Ну зачем врать? Спросите любого, он скажет — командирские ящики и все необходимое находится в складе учебных пособий.

— Я не знал. У нас в училище все это хранилось в роте.

— Прекратите разговоры! Я вижу, если поговорить с вами еще пять минут — во всем виноватым окажусь я, а не вы! Занятия отменяю! Повторите их при полном материальном обеспечении. А вас накажу за халатность!

Полковник сел в автомобиль, сердито хлопнул дверцей.

«Что-то я сегодня весь день не в ногу, — невесело подумал Ячменев — беду с водой проспал, Берг мне поначалу понравился, Шатрова расхвалил».

А Кандыбин, поостыв от охватившей его злости, хотел было подшутить над Ячменевым по поводу его похвал лейтенанту, но, вспомнив, почему не отпустил замполита и возит с собой, решил промолчать. Однако про себя усмехнулся и подумал: «Все же при более хорошем твоём настроении я тебе, Афиноген Петрович, шпильку подпущу».

Вечером на совещании офицеров Кандыбин отругал Берга, а лейтенанту Шатрову за нерадивость объявил выговор.

После совещания к Алексею подошел Берг, за ним следовала «капелла». С серьезным видом, без тени улыбки, будто разговор пойдет о деле большой важности, Берг пожал Шатрову руку и сказал:

— Поздравляю вас, сэр, вам вставили фитиля и всунули первого рябчика.

Ланев и Савицкий прыснули.

— Ну, что, пойдешь конспекты писать или с нами на танцы?

У Берга был победный вид отца, встречающего блудного сына.

При упоминании о конспектах у Алексея дрогнули губы, ему стало очень жаль труда, потраченного бесполезно. Прежде, на мутную с похмелья голову, без подготовки, с одним желанием побыстрее отделаться — все проходило гладко. А тут единственный раз поработал от души, и такая несправедливость!

8.

Весь вечер Шатров был хмурый. Сидел в слабо освещенном углу танцплощадки, слушал музыку. Мелодичные танго шептали о светлых залах с хрустальными люстрами, о столиках, уставленных хорошей посудой и закусками, о джазе и красивых женщинах. Музыка умоляла забыть, советовала наплевать на невзгоды, звала к независимости и отрешению от служебных забот. Но обиды не сдавалась, она держала Алексея за горло и упорно напоминала о полученном выговоре. Шатров несколько раз ходил к буфету, опрокидывал стакан с теплой водкой прямо в горло, чтобы побыстрее обожгла ноющее сердце.

Веселые мушкетеры в перерывах между танцами пытались шутками развлечь затосковавшего товарища — не помогло. Наконец Берг серьезно сказал:

— Осталось последнее средство, предлагаю отдаться женщинам.

— Где их с ходу возьмешь,— возразил Ланев, всегда пасовавший в женском вопросе.

— Здесь все такие, которых мамы позже двенадцати не пускают,— саркастически сказал Игорь, глядя на танцующих.

— Махнем к Марго? — предложил Берг.

— Старые клячи,— Савицкий презрительно скривил губы.

— Зато дело верное,— настаивал Берг.— Не будь эгоистом, Иог, посмотри, мальчик совсем скис.

Лейтенанты зашли в магазин, купили водки и закуски. Потом они долго шагали по темным улицам пригорода. Шли молча, будто собирались совершить преступление. Под ноги попадались бугры и ямы. Это был район, где тротуаров не существовало, солдаты звали его Шанхаем. Низкие неплановые домишки с плоскими крышами и кривыми окошечками стояли прямо у дороги.

Шатрова вели сюда впервые.

Наконец они открыли низкую дощатую дверь и, миновав узкую темную дыру, служившую, вероятно, прихожей — очутились в маленькой густо выбеленной комнатке. Здесь их встретила улыбающаяся хозяйка с болезненно желтым лицом.

Лейтенанты старались казаться непринужденными, шумно здоровались и бесцеремонно выставляли на стол зеленые пол-литровки, консервные банки, дешевые конфеты.

Знакомясь с Алексеем, хозяйка назвалась Марусей, но все лейтенанты звали ее Марго. Она сбегала за соседками. Они не заставили себя долго ждать, пришли напудренные, набрызганные дешевым одеколоном.

Это были женщины по годам не старые, но видавшие виды в жизни.

Алексей обрадовался, что встреча происходит на глухой окраине и темной ночью. Если с такими увидят — сгоришь от стыда! Дамы разобрали кавалеров. Кавалеры лихо выбили из бутылок пробки, и веселье началось.

Алексей постарался побыстрее упиться, до потери сознания.

Очнулся он поздно утром. Последнее, что он мог припомнить из прошлой ночи, была женщина в купальнике, она стояла на столе и, поднимая поочередно худые ноги, кричала:

— Опля! Чупля!

В комнате никого, кроме хозяйки, не было. Алексей лежал раздетый до трусов на железной кровати. Он был укрыт серой простыней, от которой шел запах хозяйственного мыла.

— Ваши все ушли на работу. Тебя не могли поднять — перебрал крепко,— сказала Марго.

Алексей оделся, не глядя на женщину и не разговаривая с ней, побрел домой. Он чувствовал себя настолько отвратительно, что временами казалось: не выдержит тяжести перепоя, вот-вот рухнет на пыльную дорогу и умрет прямо на улице.

Он едва дотащился до квартиры. Кое-как стянул сапоги. Тужурку и брюки снял и бросил их тут же на пол у кровати. Не было сил повесить на спинку стула. Поваляясь в постель, застонал тяжело и надсадно. Его мутило и корежило. Чувствовал он себя так гадко, будто внутри его была смердящая помойка.

Однако долго ему лежать не пришлось — из штаба прибыл посылный. Вытянувшись у двери, он доложил:

— Товарищ лейтенант! Вас вызывает командир полка!

Шатров поднялся с величайшим трудом. Ему хотелось послать всех к чертям, наплевать на приказы и обязанности. Мучения, которые его терзали, были так велики, что, казалось, кроме них, ничего на свете не существует.

Лейтенант оделся и пошел только потому, что за ним наблюдал солдат.

Солдат шел рядом и делал вид, будто ни о чем не догадывается.

Полковник Кандыбин встретил злыми, холодными глазами.

— Как прикажете вас понимать? Это что — демонстрация протеста против вчерашнего выговора? Ну, подожди, я тебя проучу! Объявляю вам пять суток ареста за невыход на службу! Предупреждаю, дело кончится плохо, если вы не исправитесь.

У Шатрова стучало в висках, еле держали ноги, тошнота подкатывала к горлу. Он равнодушно смотрел на полковника и думал: «Только бы не читал длинной морали. Хоть расстрел, лишь бы побыстрее».

Дежурный по приказу полковника отвел лейтенанта на гауптвахту.

Маленькая комнатка, беленые стены, цементный пол, железная койка, солдатская постель. До Алексея никто, наверное, не испытывал радости при виде этой тюремной обстановки. А Шатров облегченно вздохнул: наконец-то один, наедине с желанной кроватью! Можно бухнуться на нее немедленно, не раздеваясь, и заснуть.

Так он и сделал.

Разбудили Шатрова поздно вечером. Начальник караула долго тряс его за плечо. Открыв глаза, Алексей не сразу понял, где он и что происходит. Над головой тускло тлела испачканная известью лампочка. Рядом с кроватью стояли два офицера. У Шатрова было ощущение человека, который очнулся в больнице после автомобильной катастрофы. Он не сразу сообразил, где находится.

Один из офицеров сказал:

— Вы можете идти.

Начальник караула стукнул каблуками, отдал честь, вышел. В оставшемся Алексей узнал подполковника Ячменева. Шатров поднялся и стал приводить в порядок свое обмундирование.

Алексей старался вспомнить, что произошло. Вместе с похмельной одурью из головы выветрились все последние события.

Он с волнением ждал, когда заговорит подполковник, надеясь из слов его понять, за что угодил на гауптвахту. Для Шатрова было бы одинаковой неожиданностью услышать и что он убил человека, и что не отдал честь генералу.

Ячменев стоял низенький, кругленький, пристально смотрел на неопрятного, помятого лейтенанта. Алексей вспомнил, как Берг называл его «Афоня» и утверждал, что на гражданке в колхозе Ячменеву больше одной брички не доверили бы.

Замполит сел на табуретку, печально вздохнул и сказал:

— Когда я увидел вас впервые, подумал — замечательный будет командир. Было в вашей подтянутости, в живых, веселых глазах что-то располагающее и привлекательное. Прежде чем придти сюда, я еще раз внимательно просмотрел ваше личное дело. Признаюсь откровенно — не нашел ничего, что могло бы объяснить ваше поведение. По бумагам вас можно допустить на самую ответственную работу.

— А по делам? — спросил Алексей, надеясь разгадать, почему же он водворен на гауптвахту.

— По делам вас нужно, — подполковник помедлил, выбирая подходящее выражение, — нужно сначала лечить, затем учить и если все это не поможет, судить и с позором выгнать из армии. Сегодня я при-

шел к вам как доктор — лечить. Хочу поставить диагноз, хочу установить, где и когда вы заболели.

— О какой болезни вы говорите?

— Давайте определим ее вместе. Есть такая странная болезнь, которой болевают некоторые молодые офицеры. Корью, например, одни дети болеют. Вот и ваша болезнь специальная, молодежно-офицерская. Я читал автобиографию, которую вы писали, стараясь во что бы то ни стало попасть в училище, а теперь вы расскажите о себе просто так, как собеседнику в поезде.

Шатров усмехнулся и решил тут же воспользоваться приглашением быть откровенным:

— У нас не получится простая беседа. Мы не попутчики. Я арестованный, а вы тот, кто меня арестовал. Я подчиненный, вы начальник. Я младший, вы старший. Поэтому лучше задавайте вопросы, а я буду отвечать.

Голубые глазки Ячменева сверкнули холодком, он строго сказал: — Вы, пожалуйста, не рисуйтесь, и не ломайтесь. Я пришел серьезно говорить с вами, а не упражняться в красноречии. Между прочим, я вас не арестовывал и был против этой крайней меры. Говорю вам это не для того, чтобы расположить к себе и не в виде аванса за вашу откровенность. Как офицер я презираю вас, вы позорите высокое звание офицера, а как политработник и коммунист я обязан разобраться в причинах, толкающих вас на путь разложения. Я не собираюсь с вами заигрывать и приму все меры, чтобы эти причины были ликвидированы, как бы это вам ни было больно и неприятно. Хирург иногда потрошит больного ради его же пользы.

Алексей уже слушал подполковника с интересом и про себя отметил: «Нет, Ячменев не «Афоня» — с ним заигрывать нельзя».

— Что же я должен вам рассказать? — сухо спросил лейтенант.

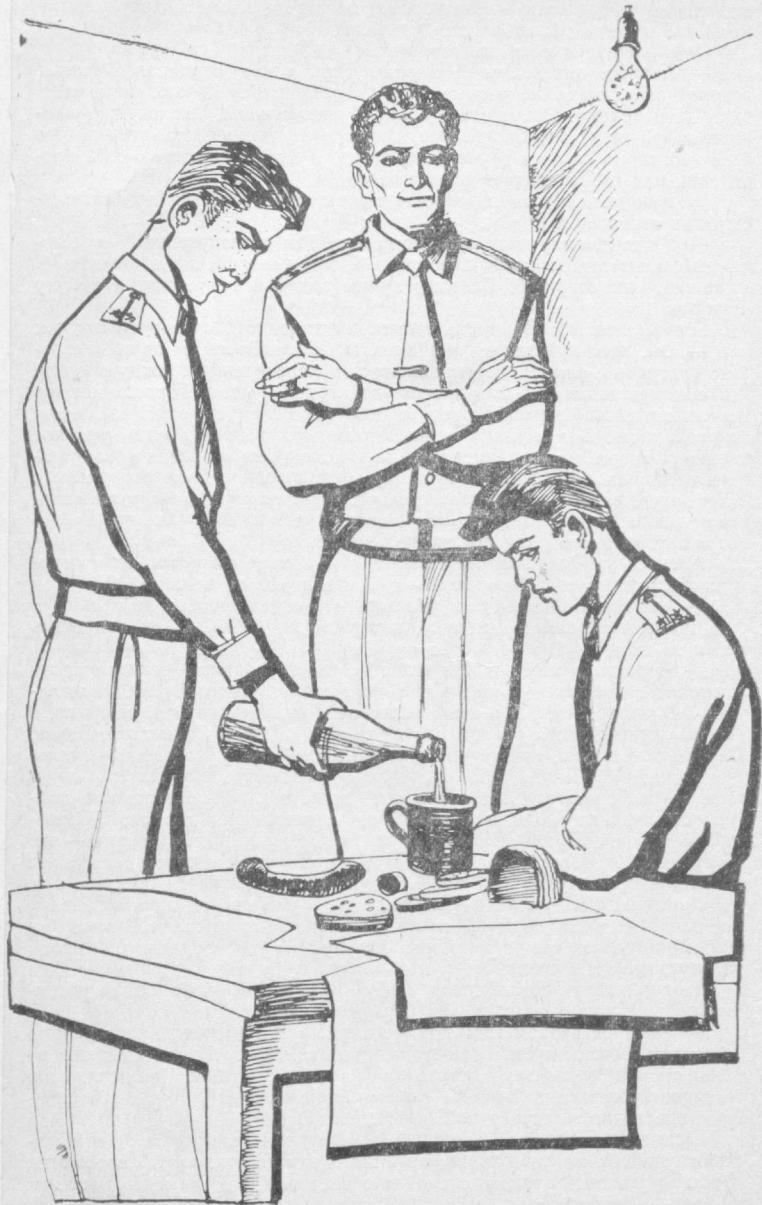
Ячменев склонился на руку, потер глаза, лоб. Он, видно, очень устал за день.

— Черт тебя знает, о чем теперь с тобой говорить, — сказал вдруг замполит с досадой. — Хотел как с человеком, а ты сразу отбил желаниe. Сам взъерепенился и меня взвинтил. Нет, разговора не получится. Теперь слушай, что я скажу. Вот смотрю я на тебя, Савицкого, Берга, Ланева, живете вы, как загипнотизированные. Видел на сцене — гипногизер скажет: «Плавайте!» — уснувшие «плавают», прикажет: «Смейтесь!» — они смеются? Вот так и вы — живете какой-то странной, призрачной жизнью. Люди в вашем возрасте революцию делали, в Отечественной войне Родину отстаивали, сейчас домны, шахты, каналы — все их руками создается. А вы? Что вы делаете? Зимой в сорок первом мы лежали в степи голодные, избитые, исхлестанные пулями и ветром. У меня иней не таял на лице — не было внутри тепла, не жрали неделю. Вот если бы мы тогда не выстояли, фашисты выжгли бы тебе номер на лбу, и ишачил бы ты на них, пока не сдох. А сейчас, если они снова полезут, кто тебя защищать будет? Опять я?

Подполковник встал, глаза у него были полны гнева, белые ресницы торчали, как иглы, желваки бегали по скулам.

— В сорок первом году друга моего Ваню Пилипенко расстреляли за то, что батальон его отошел на полкилометра. Перед смертью он крикнул: «Да здравствует Сталин!» А что бы ты сейчас крикнул, если бы тебя поставили к стенке? — с ненавистью сказал Ячменев, отвернувшись и, энергично махнув рукой, вышел из камеры.

Вспышка Ячменева озадачила лейтенанта. Он подумал: «Политработники так не разговаривают! Много нужно гадостей натворить, чтобы разъярить такого спокойного человека, как Ячменев. Вот так «Афоня» — отчитал хуже, чем пощечин надавал! А действительно, что

бы я крикнул, если меня стали бы расстреливать? Ну, в бою — «Да здравствует Родина!» А сейчас? Да. Нечего мне кричать. Разве только «Долой дисциплину!» Нет, не в ту сторону я иду, не туда заворачиваю! Надо с этим кончать!».

Но не успел Алексей закрепиться в этом решении, как за дверь послышались голоса, и в камеру, в сопровождении начальника караула, вошли Берг и рыжий Ланев.

— Привет одинокому узнику, — весело крикнул Берг.

— Знакомая квартирка! — усмехнулся Ланев.

Берг разложил на столе еду: колбасу, сыр, хлеб и, обращаясь к начальнику караула, сказал:

— Ты иди, друг, наш Монте-Кристо подкуп сделает сам, мы ему помогать не будем. Дай человеку покушать.

Лейтенант ушел. Ланев достал из кармана пол-литра, ударом ладони вышиб пробку и быстро налил водку в кружку.

— Лечись, голова гудит, наверное?

— Уже прошло. Скажите, что я натворил?

— Ничего особенного — культурно провел вечер, — с невинной миной сказал Берг. — Употребил изрядно горячего. Отдался Маргошке. И не вышел на работу. Общественности известно только последнее. Первое мы с Гарри сохраним в тайне до гроба. Второе станет с наслаждением вспоминать Маргошка. Она теперь считает тебя женихом. Да, да — не меньше! В этой проклятой провинции вообще странные нравы: сходишь с женщиной в номер в баню, уже говорят, что ты за ней ухаживаешь. Ну, давай пей, не задерживай тару!

«Не вышел на работу — и только-то! Стоило из-за этого так яриться замполиту. Наверное, самому от начальства сегодня влетело, вот и психует».

Шатрову стало легко и весело. Он залпом осушил кружку и стал слушать новости «с воли».

В эту ночь Шатров спал спокойно и крепко, никакие терзания совести его не одолевали.

9.

Сидеть на гауптвахте неприятно не потому, что здесь душно или плохо кормят, или изнуряют какой-нибудь непосильной работой. Офицер и на гауптвахте по сути дела остается свободным — он находится в незапирающейся камере, имеет право выйти погулять, может, с разрешения дежурного, сходить в библиотеку или в баню. Офицеру, в отличие от солдата, дают постель, ему разрешается заказывать пищу в столовой по своему выбору и средствам. Его могут навещать друзья и знакомые. Только где-то в приказе написано, что он арестованный. Он докапался до того, что его изолировали от людей и препроводили в позорное место. В этом вся суть ареста. И название у позорного дома не наше, отдающее прусским солдафонством — «гауптвахта»! Все слова в уставе понятные, русские, и только одно — название места, где содержат провинившегося, иностранное, будто ты удалился с родной земли, — «гауптвахта»! Будто ты в эти минуты ближе к врагам. И вот сидит человек в обыкновенной комнате и казнит сам себя раздумьями.

У Шатрова к неприятному состоянию, которое ощущает наказанный, примешивалось и маленькое тайное удовольствие. На гауптвахте он отдыхал, отсыпался, собирался с мыслями, много думал о Наде. Здесь было чище, чем на квартире холостяков, мыли пол, обметали пыль. Можно было целый день читать книги или разгадывать кроссворды.

Однажды в минуты такого прояснения Алексей написал Наде письмо. Он не поведал ей все детали своей жизни, но дал понять, что попал в беду и дело может кончиться худо. Письмо долго лежало на тумбочке, Шатров думал, отправлять его или нет. Но когда, возвратясь после вызова и беседы с командиром батальона, окончательно решил — не отправлять, его вдруг не оказалось, видно, унес к почтальону солдат, который убирал камеру!

На четвертый день отсидки Алексей, от нечего делать, свернутой в трубку газетой истреблял мух, они своим жужжанием раздражали. Из окошечка под потолком в камеру спустился четырехугольный белый, как свежевystруганный деревянный брус, столб света. Пыль, поднятая хлопками газеты, струилась в этом столбе миллионами серебристых точек. «И этой дрянью мы дышим», — думал Алексей.

В камеру вошел начальник караула лейтенант Ваганов — огромный, с круглыми мускулистыми плечами здоровяк, он пробасил:

— Иди, вызывает подполковник Ячменев.

Ваганов славился в полку как лучший командир взвода. В отличие от других молодых офицеров, он открыто презирал компанию Берга, беспощадно громил ее на собраниях, искоса поглядывал при встрече в парке или в столовой. Мушкетеры с ним сталкиваться боялись, такой здоровяга мог один надавать по шее всей капелле.

— Не знаешь, зачем? — спросил Алексей.

— Не знаю, — отрезал Ваганов и, повернувшись широченной спиной, вышел, сгибаясь, чтобы не задеть головой за косяк.

Ячменев ждал Шатрова в своем кабинете. Здесь Алексею все было знакомо до мелочей. Светло-желтый письменный стол, такого же цвета книжный шкаф, стулья, накрытые белыми чехлами, географическая карта на стене.

— Хотел зайти к вам, но мне кажется, здесь обстановка более удобная. Садитесь. Я вызвал вас для того, чтобы ознакомить с одним очень важным событием, которое сейчас происходит. Вы газеты в последние дни читали?

— Читал.

— Ну, и что скажете?

Шатров недоумевал, вроде никаких крупных событий не произошло — где-то провалилась американская разведка, куда-то поехал Аден-ауэр, кто-то разрешил на своей территории строить еще одну базу. «Что он, собирается экзаменовывать меня по международной обстановке?.. А, понятно: сначала докажет, что я ничем не интересуюсь, а потом перейдет к тому, что, благодаря низкой политической подготовке, у меня плохая дисциплина». Однако, не видя необходимости кривить душой, Шатров признался:

— Ничего особенного я не заметил.

— Я так и знал. И именно поэтому вызвал вас сюда. Весь полк гудит, как улей. Вся армия пришла в движение. Происходит важный, принципиальный перелом в нашей работе, а он ничего не заметил! В полку прошел партийный и комсомольский актив. Решения партии изучают на политических занятиях. Каждый офицер думает о том, как лучше в дальнейшем работать, а вы ничего не знаете. Вот этого я и опасался! Все честные коммунисты и комсомольцы будут выполнять решения октябрьского Пленума, а вы, Берг, Савицкий и Ланев останетесь в стороне. Берг и Ланев не комсомольцы, их в свое время исключили, вы присидели на гауптвахте... Вот так и пошло бы — те, кто не нуждается в перевоспитании, будут изучать решения ЦК, а те, кто в этом нуждается, все пропустят мимо ушей.

«О каких решениях он говорит? — думал Шатров. — За последние

годы их было так много, что не успеешь изучить одно, уже приходит второе, а за ним и третье».

— Вы слышали об октябрьском Пленуме?— спросил Ячменев.

Шатров ответил:

— Читал, на нем министра обороны сняли.

Ячменев укоризненно и с сожалением посмотрел на лейтенанта.

— Да разве это главное? Министра поправили. Маршалов, как видите, тоже воспитывают. Главное в том, что начинается перестройка всей партийно-политической работы в армии. Разговор идет о совершенно новом положении политорганов в рядах армии.

Ячменев вкратце рассказал о задачах, вытекающих из решений октябрьского Пленума.

— И за вашего брата теперь по-другому возьмемся,— весело сказал замполит.— Всей силой коллектива навалимся. Конец приходит вашей «капелле», как вы ее называете.

— По лицу Ячменева было видно — он возбужден, обрадован и стогает от нетерпения действовать. Замполит подобрал Шатрову несколько газет и сказал:

— Почитайте. Постарайтесь глубже вникнуть. Для вас это очень важно. Причина вашей болезни — аполитичность. Если бы вы сознавали, к чему обязывает служба и защита первого в мире государства трудящихся, то ни за что не допускали бы тех проступков, которые творите сейчас. Думайте. Больше думайте!

Шатров возвратился на гауптвахту. Прочитал и текст самих решений Пленума, и передовику, и подвальную статью, комментирующую их. Но, читая, лейтенант никак не мог сосредоточиться и уловить что-нибудь особенное, из ряда вон выходящее. Армия — любимое детище партии? Так говорили всегда. Влияние партии должно быть постоянно? Тоже старый закон. Коллективно решать принципиальные вопросы? И это не открытие. Так и не увидел Алексей ничего нового — эти решения важны, видимо, для кого-то там, наверху, а не для Ваньки-взводного, — как торчал он целый день в пыли да на жаре, так и придется торчать и после решений.

Отсидев срок наказания, Алексей пришел на квартиру. Освобождение отпраздновано не было. Последние дни месяца, перед получкой, считались траурными — мушкетеры сидели без денег. В столовой добрая Аня кормила их в кредит, записывая долг в блокнотик, залитый щами. Взаимы денег никто не давал, — платежная способность холостяков была известна всем. Для того, чтобы сходить в кино, сдавали бутылки, которых оказывалось немало во всех углах. Возвратясь из кино, ели ложками из стеклянной банки баклажанную икру с хлебом и заваливались спать.

В эти дни пропадала игривость в разговорах лейтенантов. Гарри, Иог, Сэм, Айк — превращались в Гришу, Игоря, Семена, Алексея. Иногда налетал порыв чистоплотности. Раздевшись, мыли пол, выбрасывали объедки, консервные банки, чистили ботинки, утюжили брюки, меняли постельное белье. В проветренной, прохладной от мокрых полов комнате делалось уютно. Друзья включали магнитофон и ложились на свежие постели. Читали.

Берг любил западных писателей, особенно Ремарка и современных итальянцев. Причем его интересовали детали второго плана, фон, на котором действовали герои. Ни к кому не обращаясь, Берг иногда размышлял:

— У него, видите ли, старый автомобиль, квартира всего из трех комнат, спальня, кабинет, детская. Они обедают на кухне, бедняги. Вот бы его сюда, в Рабат, запихнуть, интересно, что бы он тут завыл?

Гриша Ланев упивался библиотекой военных приключений — ма-

ленькими книжечками, на обложках которых темнели силуэты шпионов, пистолеты или мчащиеся автомобили.

— Я, когда учился в ремеслухе, — говорил Ланев, — ни одной лекции не слушал, всё эти книжки читал. Даже на практике приспособлялся: положу перед собой книжку, напильником вкальваю, а глазами то в книжку, то на деталь.

Шатров был уверен, что и в военное училище Гриша пошел, начитавшись этих приключений, в поисках романтики.

Савицкого интересовала любовь, причем Мопассана он считал слишком старомодным.

Шатров развлекался журналами. Особенно любил разгадывать кроссворды. Не находя нужное слово, Алексей кричал, ни к кому не обращаясь:

— Чтение, сопровождаемое музыкой?

— Оратория, — откликнулся Берг.

— Четырнадцать букв надо.

— Вздрючка на разводе, когда играет оркестр, — предлагал Ланев.

— Сформулируй одним словом.

— Одним не получается.

— Кажется, сам нашел: радиопередача. А, черт, одной буквы не хватает...

В эти дни Берг, Савицкий, Шатров и Ланев выходили на работу без опозданий и даже неплохо проводили занятия со взводами. Кое-кто из старших командиров с надеждой поглядывал на них: может быть, наступают перелом и бесшабашные лейтенантки остепенятся? Чтоб не спугнуть деловитость молодых, им не вспоминали старые грехи, пытались даже похваливать. Но в тот момент, когда все были довольны друг другом, когда как будто наступала служебная гармония, лейтенанты вдруг преподносили очередной номер. Справедливости ради нужно сказать: ни разу молодые офицеры не выходили из дома с намерением напиться или что-нибудь натворить. Они отправлялись в город с надеждой весело провести время, встряхнуться, расправить плечи от гнетущей жары. Беды и происшествия случались непредвиденно и там, где их никто не ожидал.

Однажды, в эти вот дни «пустых карманов», возвращались друзья домой трезвые и злые. Шли гуськом один за другим, как волки. Даже говорить не хотелось, настолько тяжело было на душе. Вдруг навстречу идет капитан Дронов и катит новенький мотоцикл. Встреча произошла у подъезда, в котором находилась квартира капитана. Он жил на втором этаже и, стоя перед лестницей, соображал: как закатить мотоцикл наверх.

— Разрешите помочь? — спросил Шатров.

— Очень буду благодарен.

Друзья подняли пахнущий заводской смазкой мотоцикл и на руках внесли его на второй этаж. Здесь они прокатили мотоцикл по длинному коридору, в который с обеих сторон выходили двери, и прислонили к стене у комнаты капитана.

— Трудновато будет каждый день таскать, — сказал Савицкий.

— А я во дворе сарайчик сделаю.

— Вообще-то покупку обмыть полагается, а то заржавеет, — пошутил Ланев, просто так, не думая, что Дронов примет это всерьез.

— Что ж — не отказываюсь. К тому же, за помощь я перед вами в долгу. Заходите.

Лейтенанты для вида стали отнекиваться, но все же вошли. Капитан временно жил один. Жена уехала в гости к родителям.

— Вот и поторопился купить, пока ее нет. Она против — говорит, «не хочу быть вдовой». Мотоцикл «душегубкой» называет. А мне без

мотоцикла просто невыносимо, на стрельбище, на кросс — везде он нужен.

После второго пол-литра выяснилось, что Дронову еще нужно учиться водить мотоцикл.

— Я его, красавчика, и включать не умею.

— Это же проще пареной репы! — уверял Берг. — У меня есть права, я вас в два мига научу.

Компания вышла в коридор. Пока Семен объяснял устройство мотоцикла, Ланев спустился с бидончиком на улицу и, остановив проходящую машину, нацедил бензина. Игорь попросил на время заряженный аккумулятор у соседа Дронова.

Мотоцикл заправили, отерли смазку, и он радостно взревел на весь дом и задрожал от нетерпения побегать. Соседи встревоженно высунулись из дверей, они растерянно наблюдали, как Берг медленно проехал по коридору от окна к окну мимо табуреток с примусами и ведер для мусора, выстроенных вдоль стен.

— Ну, садитесь теперь вы. Пусть хозяина почувствует! Так! У вас отличная хватка! Рекорды будете ставить! Теперь медленно вращайте вот эту ручку, прибавляйте газ.

Дронова отпустили, и он, торжествующий и немного испуганный, покатыл по коридору. Но вдруг его неопытная рука резко дернула рычаг. Мотоцикл отчаянно зарычал, оглушительно выстрелил, наполнив коридор голубым дымом, и рванулся вперед. Когда рассеялся дым, лейтенанты и оторопевшие жильцы увидели лежащий у стены мотоцикл и над ним окно, распахнутое настежь. Поняв, что произошло, все побежали вниз и подняли с земли стонущего Дронова.

Капитан сломал ключицу и был помещен в госпиталь. Жена прилетела на самолете и первым делом продала мотоцикл. А полковник Кандыбин после этого случая на совещании офицеров сказал:

— Не связывайтесь вы с этой бражкой, уж сколько раз я вас предупреждал. Это не офицеры, а ходячее «ЧП».

Берг был объявлен зачинщиком этого происшествия и арестован на трое суток...

Дело разбирали и на комсомольском бюро. Савицкому и Шатрову пришлось выслушивать обвинения за всю компанию. Золотницкий метал громы и молнии, а Шатров, глядя на его возмущенное лицо и рассыпающиеся волосы, думал: «Наивное «Золотце», ты знаешь только о мотоцикле, невыходе на службу, двух-трех пьянках, а что бы ты сказал, если бы хоть одним глазком узрел все, что мы откалываем? Ты, «Золотце», наверняка онемел бы, и стало бы в комсомоле одним пламенным оратором меньше. А как реагировал бы Кандыбин, если бы до него дошло все, что мы делаем после работы? Этот прямолинейный, он просто передал бы дело в трибунал. А Ячменев?» — Алексей на минуту почувствовал себя особенно неловко, — Ячменев оказывался единственным человеком, которого Шатров стеснялся по-настоящему. Замполит в беседе на гауптвахте так пригвоздил Алексея, что Шатров каждый раз старался его обходить при встрече. Стыдно было смотреть в глаза.

Высказывались все члены бюро, вспомнили прошлые грехи, и было принято решение: Шатрову объявить выговор, а Савицкому выговор с предупреждением, так как у него уже были другие взыскания.

Когда расходились из комнаты бюро, встретили в коридоре полковника Кандыбина. К командиру полка обратился комсорг Золотницкий:

— Товарищ полковник, завтра у нас будет обсуждаться вопрос о воспитательной работе среди молодых офицеров. Может быть, зайдете?

— Нет времени, дорогой, — ответил Кандыбин, — как-нибудь в другой раз.

От этих слов Алексей вдруг почувствовал себя свободнее, скован-

ность ослабла и постепенно вовсе исчезла. «Все это говорильня, — утешал себя Алексей, — буря в стакане воды. Мы еще в школе не очень-то боялись этих выговоров. Кандыбин даже время тратить не хочет на такие пустяки».

Город давили душные сумерки. Старушки поливали тротуары у ворот и садились на лавочки подышать. Савицкий и Шатров шагали рядом. Им было немножко грустно, но не больше.

Легкомысленный Савицкий на следующий же день отличился вновь. Недалеко от дома, в котором снимали квартиру холостяки, жила стройная и миловидная девушка. У нее были темные косы, собранные в тугую корону, глаза черные и блестящие. Мушкетеры не раз пытались с ней заговорить при встречах. Однако юная красавица при этом даже не удостоивала их взглядом, молча проходила мимо. И вот, Савицкий, возвращаясь домой, как он сам говорил, «под шафэ» (что означало — выпивши), увидел идущую впереди грациозную соседку. Он поравнялся с ней. Заговорил. Но ответа не последовало. Игорь до самой калитки пытался вызвать девушку на разговор, но она молчала. Распаленный спиртным, задетый невниманием, Савицкий ворвался вслед за нею во двор и пытался ее поцеловать. Девушка закричала. На помощь ей выбежали соседи. Здоровенный дядя скрутил руки Савицкому и вытолкнул его за ворота, сказав вслед:

— Если ты, скотина, еще раз приблизишься к этой девушке, я пришибу тебя на месте!

Шатров застал только финал этого происшествия, он проходил мимо, когда растрепанный Игорь вылетал на улицу. Алексей бросился было на помощь товарищу, но Савицкий остановил его.

— Не надо. Я сам виноват.

А потом, уже по дороге домой, поправляя на себе помятое обмундирование и оглядывая места, где отлетели пуговицы, Игорь рассказал Алексею все по порядку.

— Подумаешь, недотрога! — возмутился он. — Говорить не хочет!

10.

Полковник Кандыбин разговаривал в своем кабинете с Ячменевым о предстоящих учениях. Разговор перебил Зайнуллин. Он открыл дверь и спросил:

— Разрешите, товарищ полковник?

— Заходи, — радушно встретил капитана Кандыбин. Он любил Зайнуллина. Высоко ценил и ставил всем в пример его требовательность и твердость. Полковник считал, что у каждого офицера, независимо от звания и должности, должен быть свой стиль, свой почерк в работе. Уставы и порядки в армии общие — одни для всех, но каждый офицер поддерживает и внедряет их по-своему, в зависимости от опыта, знаний, склада характера. У Зайнуллина свои твердые взгляды. Они нравились Кандыбину скорее всего потому, что сам полковник тоже был не из говорунов, любил строгость и решительность. Кандыбин видел в Зайнуллине себя — молодым ротным командиром. Он работал бы точно так же напряженно, цепко, ни на минуту не ослабляя требовательности. Полковник втайне завидовал Зайнуллину и жалел, что самому не довелось командовать ротой в мирное время. Ротная ступень промелькнула во время войны; не успел осмотреться, как был назначен замкомбатом в боях на Висле.

Зайнуллин постоял у стола, помедлил, будто хотел подчеркнуть значительность того, что он сейчас произнесет.

— Садитесь, — сказал Кандыбин.

Но Зайнуллин не сел. Он этого себе не позволял — полковник для него был полковник, и Зайнуллин считал себя обязанным стоять, когда решаются служебные вопросы. Капитан садился в присутствии полковника только на совещаниях или на офицерских вечерах, к праздничному столу, да и там немедленно поднимался, когда к нему обращались старшие. Зайнуллин был ярый противник показухи в любом ее проявлении. Просто уважение к старшим и понятие о субординации он считал главными устоями дисциплины и порядка в армии.

Полковник, зная эту особенность капитана, не настаивал — все равно не сядет. И это тоже нравилось Кандыбину.

— Ну, с чем пришел?

Зайнуллин еще помедлил и, наконец, выложил:

— Уберите от меня эту сволочь!

И Кандыбин и Ячменев поняли: говорит он о Шатрове.

— А почему?— спросил Ячменев.

— Он разлагает роту. Мешает работать.

— Почему-то у нас принято считать, что молодых офицеров должны воспитывать старшие начальники,— сказал Ячменев.— Лейтенант Шатров ваш подчиненный, и вы обязаны его воспитывать.

— Я обо всей роте забочусь,— хмуро буркнул Зайнуллин.

— А Шатров это не рота? Он тоже служит в вашей роте.

— Служит? Он не служит, а гадит...

Кандыбин поспешил на выручку своему любимцу:

— Может быть, переведем его куда-нибудь?

— Если Зайнуллин не может с ним справиться, Шатров другому командиру вообще на шею сядет,— Ячменев невольно польстил самолюбию капитана.

— Ты сделай так, товарищ Зайнуллин,— посоветовал командир полка,— требовательности не снижай, о каждом поступке докладывая официальным рапортом. Когда накопится этих рапортов достаточное количество, я найду этому субчику место. Пора за них браться всерьез, хватит прощать и уговаривать. Как думаешь, Афиноген Петрович?

— Браться всерьез давно пора,— задумчиво сказал Ячменев,— только браться нужно всем, а не только нам с вами.

— Некогда мне рапорта писать,— упорствовал Зайнуллин.— Мне работать надо, а не бумагу переводить.

Зайнуллину позволялось многое. Никто другой не посмел бы так говорить с полковником. Но полковник не только прощал ему эту грубоватую манеру говорить, но стремился ни в чем не отказывать. Тем более, что Зайнуллин никогда не злоупотреблял его расположением и обращался с просьбами только в крайних случаях. Кандыбину было очень неприятно отказывать сейчас капитану.

— Ничего не могу сделать. Штат во всех ротах укомплектован. Перевести Шатрова некуда. Ты потерпи немного, я переведу его при первой же возможности.

Полковник пообещал это не только из уважения к Зайнуллину, он и сам был обеспокоен положением, создавшимся в четвертой роте. Кандыбин ни в коем случае не хотел допустить, чтобы лучшей ротой дивизии считалась рота не его полка. Сейчас зайнуллинская — первая, и командир полка готов был поддержать ее во что бы то ни стало.

Зайнуллин, движимый таким же стремлением, зло и глухо басил:

— Гнать надо из армии этих Бергов, Савицких, Ланевых. Чего с ними возиться! Это они сбивают с пути молодых офицеров. Шатров сначала хорошо за дело взялся.

— А почему же вы его не удержали?— спросил Ячменев.

Зайнуллин промолчал.

— Природа, как известно, не терпит пустоты. Не было вашего и нашего влияния, вот и заполнили этот пробел Берг и Савицкий.

Зайнуллин не стал спорить с Ячменевым. Он только пожалел, что замполит оказался в это время у командира полка. Будь Кандыбин один, он поступил бы решительнее.

Раздосадованный неудачей, Зайнуллин, возвратясь к себе в роту, вызвал Шатрова в канцелярию. Сдерживая распирающий его гнев, капитан сказал, не взглянув даже на вошедшего лейтенанта:

— Если вас наказывать за каждый проступок, то вы один потянете роту на последнее место по дисциплине. Поэтому будет так: сержанты справятся без вас.

И вдруг, не сдержав злости оттого, что офицер, которого он так ждал, на которого возлагал большие надежды, оказался не помощником, а помехой, Зайнуллин почти выкрикнул:

— А твоего духа чтоб в роте не было! Понял?! Ходи где хочешь, а здесь не появляйся. Не разлагай мне людей своим гнусным видом. Понял?!

— Так точно,— ответил Шатров, растерянно соображая: отстраняют его от должности или это просто очередной «разнос».

А Зайнуллин продолжал еще некоторое время бушевать. Он сознавал, изгнать Шатрова из роты у него не хватает власти. То, что он говорит, это лишь попытка как-то в обход пресечь разлагающее влияние лейтенанта. Уж если не помогает, то пусть хотя бы не вредит! Но капитан знал, все это лишь разговор, болтовня — лейтенант будет ходить на службу, будет пьянствовать и сидеть на гауптвахте... Вообще случилось то, чего капитан больше всего боялся, от чего долгое время старательно оберегал свое подразделение — в роте завелся «артист», и теперь все результаты его трудов могут пойти прахом.

Потерял покой и полковник Кандыбин. В тот же день он попросил генерала Таирова принять его. Командир полка приезжал к комдиву иногда без предварительных звонков. Официальное обращение насторожило генерала. Он принял полковника, готовый услышать что-то неприятное.

Генерал Таиров был плосколиц, с раскосыми башкирскими глазами и жестким седым ежиком. В прошлом кавалерист, генерал и в пятьдесят пять лет сохранил стройность и подтянутость.

— Слушаю вас,— сказал Таиров, когда полковник по его приглашению сел к столу.

— Представляю вам рапорт и прошу предать суду военного трибунала лейтенанта Берга,— сказал Кандыбин и подал генералу рапорт.

Таиров взял бумагу, положил ее на стол перед собой,— вот оно что!— и, не читая, продолжал смотреть на Кандыбина.

— Я о нем несколько раз вам докладывал,— сказал командир полка, понимая взгляд генерала, как желание выяснить суть дела.— Вы, товарищ генерал, каждый раз высказывали надежду, что Берг исправится. У меня лично больше надежды нет, наказания на него не действуют. Я настаиваю на суде. Берг систематически пьянствует, служебные обязанности выполняет формально. В прошедшее воскресенье не выполнил мой приказ.

У генерала дрогнули седые брови.

— Как? Прямо отказался выполнить?— спросил Таиров.

— Он не заступил в наряд. Должен был дежурить согласно утвержденному мной графику, но явился на развод пьяным, и его не допустили. Я понимаю, суд крайняя мера, но мне нужно на нее опереться. С воспитанием молодых офицеров у меня в полку дела обстоят очень напряженно. Ради исправления других придется жертвовать Бергом.

Есть у меня еще Савицкий, Ланев, да вы сами их знаете, товарищ генерал.

— Вы все возможности испробовали?

— Все.

— Приносит ли Берг общественный вред?

— Так точно. Только за последние месяцы вовлек в свою компанию прибывшего из училища лейтенанта Шатрова. Была в полку отличная зайнуллинская рота, а теперь ее знобит, как в лихорадке.

— Почему?

— Шатров в ней командует третьим взводом. На Зайнуллина просто смотреть жалко. Извелся офицер. И так работает много, а тут этот Шатров. От него столько хлопот и неприятностей.

Генерал очень хорошо знал капитана Зайнуллина, не раз награждал его ценными подарками и отмечал в приказах. Роту, конечно, надо выручать. Но и отдать человека под суд, искалечить ему жизнь генерал Таиров так вот просто, с маху, не мог.

— Сознательно или не сознательно влияет на молодых офицеров Берг?— спросил генерал.

Кандыбин на минуту заколебался. Он понял, разговор о судьбе Берга сейчас закончится. Генерал примет решение. Полковнику очень хотелось избавиться от нерадивого лейтенанта, но Кандыбин был честный человек. Он не мог пойти на наговор.

— Нет, товарищ генерал, Берг влияет на других не умышленно. Он не враг, а заблудившийся. Вместе с тем — проступки он совершает сознательно, добивается, чтоб его уволили из армии.

— Вот видите,— задумчиво сказал комдив.— Мне кажется, вы еще не использовали все наши средства дисциплинарного воздействия. Поэтому удовлетворить ваше ходатайство я не могу. Поработайте еще с этим человеком. Лучше, если он перебесится и будет служить в наших рядах, чем попадет в тюрьму и всю жизнь потом будет коситься и считать себя обиженным. Кстати, вы советовались с замполитом, с секретарем партийной организации?

Полковник отвел глаза, устало, как о деле давно всем надоевшем, сказал:

— Говорил не раз. И с ними говорил, и на совещаниях, при всех офицерах каждую неделю толкуем — все за то, чтобы избавиться от этого типа.

Но верный себе Кандыбин, почувствовав, что уклоняется от прямого ответа и докладывает хоть и правду, но не точно, тут же переломил себя, подчеркнуто прямо и ясно сказал:

— Решение предать суду Берга я принял самостоятельно, с замполитом и секретарем по этому вопросу не советовался.

— Вот видите. Тем более — нельзя считать, что все меры уже исчерпаны.— Генерал спокойно смотрел на помрачневшего Кандыбина, понимая: полковнику неприятно сейчас сидеть перед ним — получалось так, будто он пришел с делом, которое глубоко не продумал, не используя свои возможности, уже просит вмешаться старших.

Командир дивизии знал: это не в правилах Кандыбина, поэтому, стремясь как-то смягчить отказ и принять часть вины и на себя, рассудительно проговорил:

— Все мы не безгрешны, Матвей Степанович, норовим по старинке работать. А перестраиваться надо. Правильно нас поправили на октябрьском Пленуме. Посоветоваться, послушать других никогда не вредно...

Вечером у себя в кабинете Кандыбин умышленно заговорил с Ячменевым о Берге. Вспомнив при этом, как пытался вилить перед генералом, полковник начал разговор с самого для себя неприятного.

— Я сегодня подавал рапорт о предании суду Берга, но генерал меня выставил за то, что я не мог доложить ваше мнение по этому делу.

Ячменев очень хорошо знал Кандыбина, уважал его за прямоту. Были ему известны и недостатки полковника — излишняя самостоятельность, нежелание послушать других, — поэтому, узнав о случившемся, Ячменев подумал: «И поделом тебе, не будешь лезть к начальству, не поговорив предварительно с замполитом». Но подумал так Ячменев без злорадства, а с легкой иронией. Ведь Кандыбин не питает к нему личной антипатии, даже наоборот — по-своему любит «комиссара». Ячменев, будь у него склочный характер, мог бы частенько подставлять полковника под неприятности. Однако Афиноген Петрович понимал: Кандыбин иногда «забывает» о нем, обходит своего замполита под влиянием инерции, которая бытовала в жизни армии уже не первый год. Ведь было так: политработники то выходили на передний план, и обретали подобающую им силу, то вдруг отодвигались в тень; то их положение было равноправно с командирами, то они становились просто заместителями.

Кандыбин как старый служака пережил на своем веку почти все эти перемены и, поскольку октябрьский Пленум был совсем недавно, полковник, естественно, еще не перестроился. Поэтому Ячменев и не обижался на него. Кандыбин честный, опытный командир и коммунист, делить с ним нечего — интересы у них одни, ну, а что касается ошибок, так они в одночасье не устраниются.

Да и к себе Ячменев был сугубо требователен. Он считал: получив большие права и поддержку партии, нужно пользоваться ими осторожно и умело. Афиноген Петрович хорошо усвоил разницу в понятиях — «быть комиссаром» и «комиссарить». «Быть комиссаром», по его убеждению, значило проводить линию партии, подчинять этой линии все, руководствоваться ею при решении любых вопросов боевой готовности и жизни полка. «Комиссарить» же — это значит немедленно проводить в жизнь любые субъективные решения, опираясь на силу, данную тебе партией, и ею, этой вот силой, делать обязательными для всех свои личные прихоти.

Не так-то просто, как это кажется на первый взгляд, быть партийным руководителем, быть совестью полка, быть эталоном чистоты и честности. Показать себя прямолинейным и нестигаемым нетрудно — эти качества можно проявить, обладая и ограниченным рассудком. Гораздо более ценными и полезными для дела Ячменев считал гибкость и дальновидность. Как строевой командир в бою для продвижения вперед применяет обходы и охваты, так и политработник должен осуществлять свою нестигаемость и неуклонное движение вперед не путем упрямых лобовых ударов, а выбирая самый верный и надежный путь к решению вопроса.

Такова была «стратегическая основа», которой руководствовался Ячменев в своей работе.

Вот и сейчас, зная, как трудно переживает Кандыбин свои промахи, как надолго при этом у него портится настроение и потом из-за этого несколько дней весь полк живет, будто придавленный грозой тучей, замполит поспешил выяснить, что, собственно, произошло.

Однако, услышав подробности разговора Кандыбина с генералом, Ячменев понял — это не тот случай, когда нужно заботиться о коман-

дире, щадить его издерганные нервы, думать о его работоспособности, оберегать его уравновешенность.

В принципиальных вопросах Ячменев всегда занимал открытую, прямую, партийную позицию, не считая возможным допускать какие-то недомолвки и сглаживание углов.

Воспитание молодых офицеров вообще, а не только Берга, давно беспокоило Ячменева. Он много думал, наблюдал, анализировал, но не ставил эту проблему, как говорится, ребром только потому, что сам не приходил к каким-либо определенным выводам. В полку время от времени появлялись лейтенанты, которые теряли вкус к военной профессии и добивались увольнения из армии. Они приносили много неприятностей, отрывали время, которого и так не хватало. Дома, отдыхая, Ячменев часто размышлял: как могло получиться, что некоторые молодые люди не хотят служить? Он вспоминал свою молодость — с каким трепетом он и его сверстники шли в военные училища! Командир Красной Армии был тогда самый уважаемый, самый желанный человек всюду. Офицеры и сейчас считаются партией и народом лучшими из лучших сынов Родины. Однако появление пусть даже одиночек, пусть самой ничтожной части процента таких, кто не желает служить, — не только волновало Афиногена Петровича, но и оскорбляло его. Тем более, что одиночки эти не были какими-то выродками. Взять хотя бы Берга, Савицкого или Шатрова — смысленные ребята, имеют хорошее образование. Хотя они и причиняли много неприятностей, хотя и прощтрафились неоднократно, Ячменев где-то в глубине души питал к ним отеческое чувство, любил их. С решением Кандыбина отдать Берга под суд Ячменев был категорически не согласен и сказал об этом прямо:

— Берг, Шатров и Савицкий неглупые ребята, их нужно сохранить для армии. Я уверен, со временем они станут хорошими командирами. Вспомните, Матвей Степанович, разве мы не допускали промахи в молодости?

— Прوماхи были. Но служили мы от души. Если бы зашел разговор об изгнании из армии — для меня это было бы равносильно расстрелу. А они сами, подчеркиваю, сами добиваются увольнения! Скажите, Афиноген Петрович, когда вы пришли в армию, с вами много нянчились? — спросил Кандыбин и тут же ответил: — Никто ни вас, ни меня особенно не опекал. Взвод в зубы и давай, командуй. А ошибся — надир тебе с песочком. Да и ошибались-то мы вроде бы не часто. Служба для нас была всё! Нас не нужно было увлекать и заинтересовывать. А сейчас придет лейтенантик, и начинается с ним возня — всем его обеспечить, романтику профессии ему подай, будущее ему разрисуй, да поточнее, поконкретнее: когда он ротой будет командовать, когда генералом станет. А я взвод получил и думал — на всю жизнь. На ротного командира лишний раз посмотреть боялся, не то чтобы помечтать: и я, мол, в конце службы таким же зубром стану. Ну, скажите, чем они отличаются от нас? Из другого теста, что ли, сделаны?

— Из другого, Матвей Степанович, и никто иной, а мы сами своими достижениями это тесто так сдобрили, что порой теряемся. Когда мы росли, кино только в жизнь входило. Один и тот же фильм по месяцу шел. Я «Чапаева» раз пятнадцать смотрел! Детекторные приемники чудом техники казались. А сейчас эти мальчишки в какой обстановке растут? Тут тебе и телевизоры, радио, и сотни газет, журналов, фильмы — в неделю десяток новых. Вся страна, весь мир у них на виду. Вот поэтому и знания и запросы широкие.

— Запросы вижу, а знания не очень, — вставил Кандыбин.

— Признайтесь, Матвей Степанович, многое ли мы с вами знали, когда взводами командовали? Строевую, физическую, как винтовку собрать и разобрать, как в атаку взвод развернуть. И всё. А сегодня

наши лейтенанты высшей математикой владеют, сложнейшие расчеты могут делать, винтовку сменило ракетно-ядерное оружие. Любой из них, танк, автомобиль, бронетранспортер водит, радиостанции знает. Стрельбы, тактика, уровень всей подготовки разве тот же, что был у нас? А солдаты? Воспитывать современных солдат — образованных, с большими запросами — в десять раз тяжелее, чем тех, кого воспитывали мы раньше. У меня во взводе самый грамотный красноармеец — с семилеткой был. И того в штаб писарем забрали. А сейчас, вот у Шатрова во взводе хотя бы, — ни одного нет с семилеткой, у всех образования больше.

Кандыбин задумчиво сказал:

— Да, раньше все было проще... и как-то красивее, что-ли... Были, конечно, и у нас трудности. Но научный и технический прогресс, видно, разрешая одни проблемы, ставит на очередь дня другие, да какие еще!

— А не думали вы, почему кое-кто не хочет служить?— Ячменев не мог бы ответить на этот вопрос определенно и задал его умышленно, намереваясь послушать мнение полковника. В который уже раз он пытался найти конец в этом запутанном клубке.

— Думал, — сказал Кандыбин. — Мне кажется, это избалованные люди. Удовольствия у них на первом плане. Им не хочется, видите ли, проводить молодые годы в далеком гарнизоне. Тот же Берг, генеральский сынок. Пока отец воевал да служил в частях, мамочка нежила чадо у себя под крылышком.

— А Шатров?— спросил замполит.

— Что Шатров?

— Лейтенант Шатров рос без отца, мать — санитарка в больнице. О нем нельзя сказать, что он избалованный. Да и Савицкий тоже из семьи с невеликим достатком. У Савицкого мать после гибели мужа опустилась, пила, собутыльников и ухажеров на глазах у сына чуть не ежедневно меняла. Вот и вырос он циником. Ни в чью порядочность не верит: уж если родная мать такая, то весь мир вокруг еще хуже. Нет, мне кажется, одной причиной объяснить их поведение нельзя. У каждого должна быть своя.

Кандыбин ничего не отвечал — думал.

— А не подходили вы к этой проблеме с другой стороны?— продолжал Ячменев. — Может быть, у нас в армии что-нибудь не так? Мы служили, нам все нравилось. А этим что-то не по душе. У нас были одни запросы, свой диапазон, а у этих потолок гораздо выше нашего. Может быть, им тесны наши рамки?

— Я согласился бы с вами, — задумчиво сказал полковник, — если бы большинство или лучшие молодые офицеры заговорили о необходимости менять порядки в армии. Но Ваганов, Антадзе, Анастасьев, Зайнуллин, Дронов да и все остальные офицеры работают с удовольствием, и ничто их не стесняет. Нет, Афиноген Петрович, компания Берга — не новая поросль, это плесень.

— Не хочу вас обидеть крайностью своих суждений, — умышленно осторожно начал Ячменев, опасаясь, что полковник, задетый за живое, разозлится и сорвется такой нужный и полезный разговор. — Я знаю, вы любите Зайнуллина, и я высоко ценю работоспособность капитана. Но представьте на месте Зайнуллина Берга — не такого, конечно, какой он сейчас, а Берга с зайнуллинской целеустремленностью и служебным рвением. Кто из них оказался бы лучшим и, главное, более современным командиром?

Кандыбин, не скрывая удивления, смотрел на замполита. Берг и Зайнуллин! У полковника никогда не возникали даже мысли о возможности сравнивать, а тем более ставить этого разгильдяя хотя бы на йоту выше лучшего командира роты.

— Что-то ты загибаешь,— откровенно сказал Кандыбин, а Ячменев стал пояснять:

— Капитан Зайнуллин трудяга — это бесспорно. Но он только отличный исполнитель. А полета мысли, фантазии у него нет.

— Да, уж чего-чего, а полетов и завихрений у Берга предостаточно! — с сарказмом воскликнул Кандыбин.

— Я тоже согласен,— быстро поддакнул замполит, опять-таки опасаясь, чтобы не прервалась нащупанная, как ему показалось, очень правильная мысль.— Вся беда в том, что завихрения, полеты и вообще большой запас энергии у молодых офицеров этой категории направлены не в ту сторону! Нет у них сознательного понимания необходимости воинской службы. Крутит их, как перекаати-поле по такыру. И тут, Матвей Степанович, дело упирается в нас. Мы не умеем дать нужную направленность. Их кружит, а что делаем мы? Ставим на ковер, сажаем на гауптвахту, отдаем под суд и называем это воспитанием. Не приближаем к себе, а отталкиваем... Мы и вы. Мы — начальники, вы — наказуемые. А где чувство коллектива? Уважение? Забота как о наследниках. Чему мы их научили? Чем увлекли? Попытались ли зажечь страстную убежденность, что надо сидеть здесь, в этих проклятых огненных песках, ради блага Родины.

— Не согласен,— строптиво заявил Кандыбин.— Меня и тебя много воспитывали? Ты часто видел командира полка, когда был лейтенантом? Я — только по праздникам. Да однажды на марше — натер ногу и отстал, пока переобувался. Подъехал ко мне на лошади командир полка и с презрением сказал: «А еще командир!» И поехал дальше. Вот и все воспитание. С тех пор, где бы ни намечалась у меня промашка в службе — так и бьет в уши: «А еще командир!» И я наизнанку выворачиваюсь, но добиваюсь своего.

— Значит, нас не воспитывали? — загораясь полемическим задором, возразил Ячменев.— Значит, мы самородки? А что, если я вам скажу такое: мы уже пройденный этап! Как в свое время наши командиры — герои гражданской войны, с их церковноприходскими школами, оказались этапом пройденным, так и мы, с нашими десятилетками и училищами, тоже ступень уходящая. Сейчас высшее образование, кругозор инженера и ученого — на первый план выходят. Мы с вами, Матвей Степанович, только педагоги. Учим новое поколение победителей. В случае войны тяжесть на их плечи ляжет, как в свое время на наши плечи свалилась. Когда командир с презрением сказал вам: «А еще командир!», может быть, большое беспокойство у него было на душе за судьбу армии, и так же, наверное, сетовал он на молодежь, как мы сейчас. А вы до Берлина дошли и переломили хребет самой сильной в мире армии. Так и наши лейтенанты — превзойдут нас! Ученики всегда должны учителей превосходить. Только опыта у них нет. Опыт в нас. И мы должны передать его им. И еще одно — самое главное — нет в них политической наточенности. В гражданской войне — всех вздымала волна свободы и жажда мировой революции. В борьбе с фашизмом — смертельная опасность, нависшая над отечеством. А что сейчас? Какой политический заряд должен в наши дни поднимать лейтенантов? Происки империализма? Так они где-то далеко. А вокруг спокойная, благоустроенная жизнь. Враги готовятся к войне, а некоторые лейтенанты пьянствуют и не хотят служить в армии. Так кто же в этом виноват? Опять мы с вами, Матвей Степанович! Мы, опытные, битые и — победившие! Если мы не добьемся политического горения, кто кроме нас это сделает? Идеиная убежденность — это главное.

Кандыбин молчал. Ячменев смотрел на его загорелое обветренное лицо. В глубоких морщинах у глаз просвечивала белизна. «Щурится, когда бывает на солнце,— подумал Ячменев,— поэтому и остаются

белые полоски. Как бы он не подумал, что я веду с ним официальный разговор и ратую за политическую линию по долгу службы».

Но Кандыбин так не думал, он сидел, тяжело опираясь руками и грудью на письменный стол, и, не меняя позы, спокойно сказал:

— В этом ты прав, Афиноген Петрович,— все идет от идейной основы, корни всех поступков и дела человека в ней. Наши муки с Бергами и Шатровыми тоже отсюда начинаются.

А Ячменев про себя продолжал мысль полковника: «И никуда от Берга и Шатрова не уйдешь — они есть, они факт, они проблема, и ее нужно решать». Вдруг Афиноген Петрович вспомнил слова Ленина, очень хорошо указывающие, в каком направлении нужно искать выход. Он хотел сказать эти слова Кандыбину, но воздержался — как-то неудобно приводить цитаты в простом душевном разговоре. Но Афиноген Петрович тут же отвел эту неуместную стеснительность: разговор по форме простой, ни к чему не обязывающий, но вопрос-то принципиальный! Верный себе в таких случаях, Ячменев сказал:

— Не помню, в какой работе есть у Владимира Ильича мысль: социализм нам придется строить с теми людьми, которые есть, они с недостатками, у них много пороков, доставшихся в наследство от прошлого, но строить будем и построим именно с этими людьми, никаких других, особенных людей не будет. Вот так и у нас, мне кажется,— новое поколение командиров мы вырастим и из этих вот лейтенантов, неопытных, спотыкающихся, причиняющих много неприятностей. Таких, как Ваганов и Антадзе, у нас большинство. Так это же только облегчит нашу работу. Но, к слову сказать, Матвей Степанович, и хорошие, или, как мы привыкли их называть, положительные лейтенанты, тоже требуют нашего воспитательского внимания. Кого мы сейчас воспитываем, куда направлено главное усилие? Туда, где случится прорыв. Напьется лейтенант пьяным, надебоширит — начинается воспитание. А откуда взялся этот нарушитель? Да из этой же хорошей, здоровой среды, на которую мы не обращаем внимания, считая ее хорошей и здоровой...

Зазвонил телефон на столе Кандыбина. Полковник поднял трубку.

— Слушаю.

Кандыбин выпрямился. Сидел теперь ровно, не облокачиваясь на край стола. Ячменев сразу присял — говорит с генералом, и, вспомнив, как утром здесь в кабинете отказался сесть Зайнуллин, подумал: счень они похожи друг на друга. Зайнуллин тоже вырастет в такого же слытного, твердого, знающего полковника, но этого в наше время уже мало...

— Слушаюсь, товарищ генерал. Есть... Есть,— коротко ответил Кандыбин.— Почему поздно сижу на работе?— полковник взглянул на часы и только сейчас обнаружил: скоро двенадцать. Хотел было сказать, мол, вы приказали посоветоваться с замполитом по делу Берга, вот сижу, советуясь, но сдержался, — острить со старшим не считал возможным. Полковник мог ответить на шутку генерала и отвечал не раз, когда тот шутил на учениях или на совещаниях, но сам первый никогда острословия не допускал.

— Засиделись вот с Афиногеном Петровичем... Есть, сейчас идем.

Ячменев думал, что генерал велит идти домой, однако полковник сказал:

— Пойдем, к себе вызывает.

— Что-нибудь случилось?

— Не сказал. По голосу вроде ничего не случилось. Голос веселый.

Кандыбин и Ячменев вышли из светлого штаба в темноту ночи. Но мрак казался беспросветным только из ярко освещенного коридора. На дворе было светло, как ранним утром. Луны на небе не было, серебристый свет исходил от тысяч ярких, будто никелированных звезд. Было душно. Духота не вязалась с ночью и холодным сиянием звезд,

ночь всегда ассоциируется с прохладой, но здесь, в Каракумах, и чернота ночи была перегретая, плотная, неподвижная.

«Даже ночью не отпускает»,— думал Ячменев, ощущая во всем теле тяжелую усталость, накопившуюся в течение дня не только от работы, но и от нестерпимой жары — и от горячего воздуха, который трудно вдыхать, и от сухой теплой пыли, прилипающей к потному телу.

— Чего вы так поздно торчите?— улыбаясь, спросил Таиров; башкирские глаза его сузились в косые щелки.— Не даете мне возможности элемент внезапности осуществить! Или кто-нибудь подсказал, что тревога будет?

— Что вы, товарищ генерал,— возразил Ячменев,— разве мы позволим такое?

— Позвольте! Позвольте! Знаю вашего брата,— продолжал добродушно пошучивать комдив.— Вы хитрые, но и мы тоже хитрить умеем.

— Честное слово, товарищ генерал...— начал было Ячменев.

— Ладно. Верю,— остановил его комдив и, обращаясь к начальнику штаба, высокому животастому полковнику с бритой головой, сказал:— Иди, Захар Юрьевич, подавай сигнал, а я их здесь подержу. Посмотрим, как у них полк поднимается.

Ячменев видел: усталость мгновенно слетела с Кандыбина, морщины на его лице как-то подтянулись и стали прямые и резкие. И спина, до этого немного сутулая, выпрямилась, и глаза, секунду назад утомленные, вдруг засветились и беспокойно забегали. Да и сам Ячменев чувствовал, как тяжелая усталость, которую нес он в себе, направляясь сюда, в штаб, вдруг исчезла. Все существо его напряглось, настроилось и было готово к действию... Готово к действию на всю ночь, на несколько суток, на неделю — если это учения; на год, два и несколько лет — если так вот неожиданно начнется война.

12.

Ночью Шатров и его друзья вскочили с кроватей от громкого стука в окно. Стекла дребезжали от частых торопливых ударов.

— Тревога!— кричал из темноты улицы солдат.— Весь полк поднимается!

Лейтенанты стали торопливо одеваться. Алексей выхватил из-под кровати чемодан, в нем полагалось иметь постоянно уложенными необходимые вещи по определенному списку. Но в холостяцкой капелле это правило, конечно, не соблюдалось. Шатров набросал в чемодан вещи, подвернувшиеся под руку, и выбежал вслед за Бергом и Ланевым на улицу, Савицкий продолжал возиться со своим чемоданом.

В полку все двигалось и суенилось в сплошном мраке. Свет не горел. Автомобили осторожно пробирались между бегающими солдатами и вставали для погрузки у казарм и складов. Солдаты все делали молча. Только команды сержантов и офицеров нарушали хлопотливую, полную движения тишину.

Прибывав во взвод, Шатров в растерянности остановился. Его подчиненные спешно грузили какие-то ящики. Всем командовал сержант Ниязбеков, он знал, куда посылать людей, какие грузы и в какую очередь выносить.

Лейтенант стоял в коридоре и чувствовал себя лишним. На него натянулись солдаты. Один из них, не узнав в темноте офицера, взбужденный тревогой, хрипло крикнул:

— Ну, чего стоишь на дороге? Отслонись!— Солдат пронес на спине что-то большое, черное, похожее на сундук. Шатров разглядел рядового Колена.

«Даже этот, непрошибаемый, забегал,— поразился Алексей.— Ну что же я стою?..»

Через несколько минут рота построилась. Проверяющий, высокий худой подполковник, пошел вдоль строя. Вместе с капитаном Зайнуллиным он осматривал экипировку.

— Неплохо,— сказал подполковник, когда перед ним было выложено содержимое всех вещевых мешков.— Теперь постройте отдельно офицеров.

Капитан Зайнуллин действовал уверенно и четко. Он знал — рота его готова к любым неожиданностям и не подведет.

Проверив чемоданы всех офицеров, подполковник в недоумении остановился против Шатрова.

— Вы что, не тот чемодан впопыхах принесли?

Лейтенант стоял смущенный. В его чемодане не было того, что потребуется в боевой обстановке, к тому же, среди зеленых форменных рубашек предательски белела гражданская тенниска и цветные носки.

— Почему вы прибыли по тревоге неподготовленным?

Шатров молчал.

— Где ваша шинель?

— Сейчас и без шинели жара невыносимая.

— А разве известно, куда вы двинетесь по тревоге? Может быть, в эшелон и на север. Как ваша фамилия?

Подполковник записал в блокнот, а капитан Зайнуллин смотрел на Шатрова ненавидящими глазами. Дай ему сейчас свободу действий, он разорвал бы Алексея. А проверяющий, будто нарочно, подлил масла в огонь:

— Обидно! Хорошая рота и вдруг такой конфуз. Давно я не встречал подобной безответственности.

Все оставшееся до выступления на марш время Зайнуллин материл Шатрова при каждой встрече. Проходя мимо, он гудел хриповатым басом, а если мешало присутствию солдат или старших — очень понятно шевелил кривящимися губами, Алексей без труда догадывался, что он хочет сказать.

... Марш длился всю ночь. Наутро, когда нужно было спешиваться и атаковать, Шатров чувствовал себя вялым и разбитым. Он с трудом плелся за цепью взвода и тоскливо думал: «Когда все это кончится? Кому нужна такая игра в солдатики? Что дадут эти дистанции, интервалы, углом вперед, углом назад? Атомная бомба хряпнет, и останется одна пыль от всей этой строевой науки».

В полдень Алексей вновь столкнулся с проверяющим.

— Покажите вашу карту... Почему нет последних данных? Доложите, что вам известно о противнике? Какова радиационная обстановка?

Шатров попытался пересказать то, что говорил капитан Зайнуллин, отдавая приказ. Но сознание никчемности всего происходящего настолько его размагнитило, что не хотелось даже повторять, как он считал, пустые и никому не нужные выдумки о несуществующем противнике.

— Он что у вас, больной?— спросил подполковник командира роты, готового кинуться на бессовестного лейтенанта.

— Он не больной, он стилига,— выдавил из себя Зайнуллин.

— Вот оно что! Тогда понятно...

«Что ему понятно?— с ненавистью подумал Шатров.— Я сам ничего понять не могу, а ему уже все понятно!».

... День был еще более мучительным, чем ночь. Солнце выскочило из-за края земли сразу горячее, обжигающее. На небе, как всегда, ни облачка. Солдаты закрепляли захваченный рубеж. Рыли окопы, а барханы текли и заравнивали ямки после каждого взмаха лопаты. Алексея раздражала эта бесполезная, идиотская трата сил. Хотелось бросить

все к черту, укрыться в тени, замереть и лежать неподвижно, пока не пройдет нестерпимая жара. А солдаты, обливаясь потом, продолжали копать. Рыл ленивый Колоно и всегда ироничный и флегматичный Судаков, рыли все. Гимнастерки на них сначала почернели под мышками, потом мокрое пятно расплылось на всю спину. Часа через два одежда высохла прямо на людях, спины покрылись солью, как инеем, и только под мышками продолжала чернеть мокрая ткань.

Под руководством Ниязбекова солдаты рубили лопатами саксаул и укрепляли осыпающиеся стены окопов. К полудню все же своего добились — песок покорился, траншеи были вырыты. И в тот момент, когда все было сделано и люди могли прилечь отдохнуть, вдруг поступила команда:

— Собрать подразделения! Выходить для посадки на машины!

Где-то что-то изменилось в обстановке, и рота, бросив все, поспешила на новый рубеж.

Моторы бронетранспортеров перегревались, колеса буксовали в песке. Солдаты вылезали из кузова и катили машины руками. Раскаленная броня обжигала руки, песок убежал из-под упирающихся ног. Солдаты напрягались до того, что жилы на лбу делались черными и, казалось, вот-вот лопнут.

На такырных участках машины поднимали плотную завесу горячей пыли. Солдаты сидели в кузовах, густо засыпанные этой мельчайшей коричневой пудрой. На каждом лице оставалось лишь три влажных пятна — два глаза и рот.

Все учения Шатров думал об одном: «Только бы поскорее это кончилось. Прав Берг, нужно приложить все силы к тому, чтобы уйти из армии. Любой ценой. Не стану я гробить здоровье на этих никому не нужных учениях».

Шатров механически отдавал распоряжения, получая команды от Зайнуллина, а что, в сущности, происходит вокруг, какова обстановка, он не разбирался, да и не стремился к этому.

На третий день учений, приблизительно в полдень, когда колонна, рыча надрывающимися моторами, продиралась через барханы, вдали вскинулся гриб ядерного удара. В это время бронетранспортер командира батальона обгонял роту Зайнуллина. Комбат по радио приказал роте остановиться.

Шатров видел, как майор Углов тоже остановил свою машину неподалеку и стал быстро проводить необходимые расчеты. Он, не обращаясь ни к кому, выкрикивал вопросы:

— Ветер? Расстояние? Высота?

А из бронетранспортера тут же доносились ответы тех, кому полагалось их дать:

— Ветер северо-западный, скорость пять метров в секунду!

— Дальность семь километров!

— Высота взрыва две тысячи метров!

Комбат быстро писал на планшете и, видно, не успев дописать еще последней цифры, но в уме закончив подсчет, крикнул:

— Газы!

Радисты мгновенно натянули противогазы, забубнили глухими голосами всем подразделениям:

— Газы! Газы!

— Доложите наверх, — сказал комбат начальнику штаба и замахал фуражкой, подавая кому-то сигнал «ко мне».

Шатров оглянулся — кому он машет? А комбат недовольным, славленным под противогазом голосом кричал и тыкал в сторону Шатрова фуражкой.

— Да вам, вам!

Шатров выпрыгнул из бронетранспортера и побежал по мягкому песку к комбату.

— Поставьте здесь маяка, пусть направляет всех за нами, в обход зоны с высоким уровнем радиации.

И не успел Шатров ответить «есть!», как майор, не сомневаясь в том, что лейтенант его понял, помчался на своем броневике в голову колонны.

— Ченцов, — гозвал Шатров.

Солдат быстро подбежал к нему и приложил руку к головному убору.

— Будешь стоять здесь и поворачивать всех по нашему следу, чтобы подразделения не попадали туда, где произошел взрыв. Понял?

— Так точно!

Шатров сел на свое место и двинулся дальше вместе со всей колонной.

Он прикрыл глаза, старался дышать неглубоко, чтобы пыль, окутывавшая машину, не проникала в легкие. Думая опять только о своем, Алексей вскоре забыл и о ядерном взрыве и о маяке, которого поставил на повороте.

Вечером, когда на привале взвод ужинал и некому было вручить порцию хлеба, сахара и каши, лейтенант забеспокоился — где же Ченцов? Подобрал его кто-нибудь, или он так и стоит там, в песках, на повороте? Помня, как Зайнуллин костерил его за то, что он подводит роту, Шатров не осмелился подойти к капитану и не доложил об оставшемся солдате.

Лейтенант поглядывал вдоль колонны — не бежит ли Ченцов к своему взводу, воспользовавшись общей остановкой, но солдата не было.

Не успел Шатров решить, что же делать, как прозвучала команда «по машинам!», и рота опять помчалась навстречу откуда-то выдвигавшемуся противнику.

Только на другой день утром, когда опять остановились ненадолго, чтобы позавтракать, Шатров подошел к Зайнуллину и доложил об отсутствии солдата.

Даже под слоем пыли было видно, что капитан побледнел. Он коротко бросил:

— Идемте, — и быстро зашагал к комбату. Доложив майору, Зайнуллин не сказал Шатрову ни слова. Он стоял рядом с лейтенантом и ждал, пока майор Углов и начальник штаба по радиостанциям запрашивали всех — нет ли у них Ченцова.

Убедившись, что солдата нигде нет, Углов доложил о случившемся начальнику штаба полка.

— Разрешите послать за ним одну машину? — спросил майор, держа перед собой микрофон. — Да. Пошлю того, кто его оставил. Он дорогу знает... Есть! — И, обращаясь к Шатрову, майор коротко приказал: — Вернитесь. Заберете солдата и прибудете вот в этот район. Дайте вашу карту.

Майор сам обвел красным кружком место, куда следовало Шатрову возвратиться.

— Отправляйтесь!

Никто не ругал Шатрова. Но Шатров чувствовал — все, ненавидя его в эти минуты, сдерживаются только потому, что надо действовать очень быстро. Все знали: с пустыней шутки плохи! Только замполит, капитан Дыночкин, укоризненно сказал:

— Как же вы одного оставили? Ни на войне, ни в пустыне люди в одиночку не ходят. Неужели не знаете этого?

...Шатров долго колесил по безмолвным горячим пескам в поисках

солдата. Пустыня, когда по ней шли колонны, казалась обжитой, обыкновенной местностью. Только песок мешал движению. А вот сейчас, когда вокруг не было ни души и все барханы стали одинаковыми, Шатров вдруг остро осознал: они такие же сыпучие и одинаковые на сотни километров в любую сторону. Он впервые за все время почувствовал, что находится именно в пустыне и что пустыня эта огромная, безжалостная и опасная. Ему стало страшно. А каково в этом огнедышащем песчаном море Ченцову? Бедный солдат без воды, без пищи, да еще в одиночестве может погибнуть от солнечного удара или сойти с ума от этого колоссального раскаленного безмолвия. Здесь даже с целым взводом солдат на сильной машине чувствуешь себя почти обреченным.

Шатров метался по пескам. Он гонял транспортер то вправо, то влево и вскоре окончательно запутался во множестве следов, оставленных подразделениями полка, средствами усиления и тыловыми службами, которые обеспечивали учения.

Замкомвзвода Ниязбеков, а потом и все остальные солдаты пытались вместе с лейтенантом сориентироваться и разобраться, где же они находятся.

Попробовали двигаться на север к засыпанному колодцу, чтобы от него начать поиски. Однако, проехав около двадцати километров, решили остановиться.

— Может, мы удаляемся, а не приближаемся к этому колодцу?— сказал Судаков, как всегда иронически глядя на лейтенанта.

К вечеру Шатров окончательно запутался. Бензин был на исходе. Уже не о Ченцове, а обо всем подразделении думал лейтенант. Теперь, если строго двигаться на юг, и то не добраться до края пустыни, вдоль которого идет железная дорога.

Шатров решил вести машину на юг, пока хватит горючего, а дальше выбирать пешком.

...Утром взвод Шатрова нашли вертолеты.

Подняв в воздух огромную воронку песка, один из них приземлился. Песок еще не успел осесть, а из машины выпрыгнул летчик в белом полотняном шлеме. Он подбежал к Шатрову и, не здороваясь, неприветливо сказал:

— Солдата нашли и вывезли на вертолете. Вы находитесь вот здесь,— летчик показал место на карте.— Бензин мы вам привезли. Двигайтесь строго на юг. Мы будем периодически к вам подлетать. Если собьетесь, подправим.

— Не собьетесь, у меня есть компас,— сказал Шатров.

Летчик посмотрел на взводного. Алексей ожидал прочитание в его взгляде ироническое: «У тебя и раньше был компас!», но встретил в голубых глазах строгое, холодное презрение.

Шатрову предстояло еще вывести из пустыни взвод, поэтому летчик не сказал ему о том, в каком состоянии он подобрал в песках Ченцова. Солдат был без сознания. Может быть, он уже умер в госпитале, во двор которого, нарушая все инструкции, летчик посадил вертолет.

...Шатров медленно пробивался через пески. Приближение к железной дороге, к людям, к воде и жилью не радовало его. Он знал, там ждали его большие неприятности. Если бы не нужно было выводить взвод, он остался бы здесь в песках и умер в одиночестве. Кому он нужен там, на обжитой земле? Бергу, Савицкому, Ланеву? Плевать им на него. Наде? Матери? Когда они обо всем узнают, будут презирать его. Вот и выходит, что ждут Шатрова только Зайнуллин, Золотницкий и Кандыбин, ждут для того, чтобы публично наказать и объявить всем, что лейтенант Шатров не офицер, а ничтожество. Стоит ли ради этого выходить... Шатров, не отрываясь, с сожалением смотрел на проплывающие мимо горячие горы желтого песка. Совсем недавно он прокли-

нал эти барханы, боялся их, старался вырваться из их жаркого безбрежья. А теперь они казались ему более добрыми, чем те люди, которые ждут его там, у края пустыни.

13.

Капитан Дронов закончил допрос. Шатров подписал протокол. Когда лейтенант вышел из канцелярии, к нему обратился дежурный:

— Товарищ лейтенант, звонили из комсомольского бюро. Старший лейтенант Золотницкий просит вас придти туда.

«Ну, пошло теперь по всем инстанциям»,— с тоской подумал Шатров.

Золотницкий, всегда веселый и подвижный, сегодня был хмур и официален. Глядя мимо Шатрова и обращаясь к членам бюро, он сказал:

— Мы вам, товарищ Шатров, не позволим таскать комсомольский билет по скамьям подсудимых.

Другие члены бюро тоже ругали, стыдили Алексея и были согласны с Золотницким—такому человеку не место в комсомоле. Однако, когда дело дошло до голосования, секретарь партийной организации полка седой, лохматый, в роговых очках майор Вахрамеев сказал:

— Я предлагаю дать комсомольцу Шатрову строгий выговор с предупреждением. Может быть, он найдет в себе силы исправиться. Поймите, товарищ Шатров, вас не только за ЧП разбирали. ЧП это всего лишь следствие образа жизни, который вы ведете. Даже если бы не оставили солдата в пустыне—вас уже давно пора спросить, как вы совмещаете звание комсомольца с пьянками, безответственным отношением к службе?

Члены бюро, как показалось Алексею, с облегчением проголосовали за «строгача». Видно, им тоже нелегко было выносить человеку «высшую меру».

Домашатрова встретили неунывающие мушкетеры.

— Ну, как?—спросил Савицкий.

— Исключили?—насторожился Ланев.

— Врезали «строгача»,—киво усмехаясь, ответил Шатров.

— Поздравляю вас, сэр, вам оказали доверие,—Берг картинно пожал Алексею руку.

— И позвольте доложить о надвигающейся радости, сэр,—в тон Бергу сказал Савицкий, щелкнув каблуками,—к вам едет ваша леди.

— Кто едет?

— Прошу вас ознакомиться с этой «депешей».

Телеграмма была от Нади, она сообщала о выезде. Шатров растерялся. «Зачем она едет? Кто ее звал? Что она здесь будет делать?»

— Нечестно, Айк,—жить в стае холостяков и подпольно проталкивать семейный вопрос,—пожурил Савицкий.

Несколько дней Шатров был объектом розыгрышей и подначек. В день приезда Берг объявил:

— Капелла берет организацию встречи на себя!

На вокзале лейтенанты зашли в буфет и заставили Алексея купить бутылку шампанского.

— Грабьте, плебеи,—отшучивался Шатров,—человеку предстоят опустошительные расходы, а вы его разоряете.

За бутылкой вина строились различные варианты предстоящей встречи. Больше других фантазировал Игорь Савицкий—женский вопрос был его стихией:

— Значит, так,—говорил он, подняв руки вверх, как фокусник, показывающий, что в них ничего нет.—Прекрасная незнакомка появ-

ляется из вагона, а мы стоим, выстроившись в одну шеренгу у выхода. Аик преподносит букет, и мы все по очереди ее целуем.

Ждать пришлось долго. Поезд опоздал на тридцать минут. За это время друзья успели «выпить эстафету два по сто», и окончательный вариант встречи, изложенный все тем же Савицким, выглядел так:

— Прекрасная незнакомка выходит из вагона, и мы даем салют из четырех бутылок шампанского. Аик подхватывает невесту на руки и несет к машине, мы с Сэмом оберегаем от толкотни на флангах. Ланев тащит чемоданы с нарядами.

— Сам тащи.

— Гарри, не восставай.

Передернув плечами, Игорь продолжал:

— Да, послушай, Аик, опиши внешность, а то мы дадим салют какой-нибудь чужой красавице. Я себе ее представляю так: голубоглазая блондинка, модное светлое платье обрисовывает гибкий стан. Она упругая и гибкая, как хлыст.

Здание вокзала наполнилось гулом, задребезжали окна, и вдоль перрона тяжело покатились пассажирский состав.

Офицеры поспешили к выходу. Бутылку шампанского успел купить только Савицкий.

У восьмого вагона встречающие неодобрительно поглядывали на шумную группу нетрезвых офицеров. Игорь держал бутылку наготове и, вытаращив глаза, смотрел то на Шатрова, то на выходящих из тамбура пассажиров.

Когда вышла Надя, Алексей пошел ей навстречу, и друзья поняли: это она. Разочарование, словно ледяной душ, охладило пылкое воображение офицеров. Савицкий не выстрелил пробкой шампанского. Берг весело хмыкнул. У Ланева от удивления отвисла нижняя челюсть, он перевел глаза на оцепеневшего Савицкого и, вспомнив его радужные фантазии, вдруг заржал, заикался в неудержимом смехе. Берг дернул его за рукав, Ланев смолк.

Надя была худенькая веснушчатая девушка, в простеньком ситцевом платье, обута она была в дешевенькие девчачьи туфли с ремешками на подъеме.

Алексей тоже был смущен. Прежде он не задумывался о внешности Нади, она просто была лучше всех. А вот сейчас, глядя на нее глазами человека, уже потертого жизнью, он вдруг увидел — Надя-то, оказывается, самая заурядная девчонка.

С офицеров слетела игривая веселость. Они сдержанно поздоровались с Надей и не знали, как себя держать при ней.

Воспользовавшись заминкой, Алексей кивнул друзьям.

— Ну, бывайте. Мы пошли.

Он взял у Нади чемоданчик и повел ее в гостиницу. Дорогой Надя расспрашивала, как он живет, а сама все время рассматривала его со стороны.

— Это твои друзья?

— Да.

— Какие смешные. Они всегда такие стеснительные и растерянные?

— Стеснительные? — Алексей усмехнулся. — Ну знаешь, любому из них палец в рот не клади, до плеча руку оттяпает.

Алексей чувствовал: Надя и его рассматривает, она насторожена, и первое впечатление, видно, складывается не в его пользу. Это злило его — он привык ей нравиться. Из головы не выходили беды последних дней и предстоящий суд чести. «Мало забот, теперь еще эта приехала. Дернул меня черт написать ей тогда на гауптвахте дурацкое письмо. Вот, пожалуйста, благородная девушка пришла на помощь в трудную

минуту. Друзья познаются в беде! Все на своих местах. Погибающий товарищ обопрется на протянутую руку и будет спасен».

В номере гостиницы Надя подошла к Алексею, взяла его за руки и печально сказала:

— Ты очень изменился, Алеша. Я тебя едва узнала.

Она посмотрела на его глаза, красные от выпитого на вокзале вина и водки, на одутловатое лицо, на несвежие, поблекшие губы. От Алексея шел устойчивый запах водочного перегара.

— А ты не изменилась, выглядишь, как тогда, в школе.

— Я плохо сделала, что приехала?

— Нет, почему же?— Алексей попытался придать своему голосу бодрость и улынуться.

— Наверное, я опоздала. Я теперь не нужна. Но когда ты прислал письмо, у меня шли экзамены. Я не могла потерять год. Выехала, как только отпустили на каникулы. У тебя очень большие неприятности?

«Начинается,— подумал Алексей и чуть не застонал от сознания безвыходности положения.— Ну зачем ты приехала! Куда тебя деть? Как избавиться от этого тошнотворного, никому не нужного разговора? Была бы хоть прилично одета, пошли в кино или на танцы...»

— Я привезла тебе письмо от мамы,— сказала Надя и, открыв чемоданчик, подала конверт.

В номере было серо от наступающих сумерек. Алексей не стал зажигать свет и подошел к окну. Кроме обычных упреков за долгое молчание, мать писала: «А Надя девушка очень порядочная. Как получила от тебя письмо, места не находила, высохла вся бедняжка...» Алексей посмотрел на Надю— она сидела в глубине комнаты, маленькая, серенькая, похожая на тень. Сострадание и жалость на миг шевельнулись в груди. «А какая была задорная девчонка, красивая, фигуристая,— вспоминал он,— показать бы мушкетерам, какой она была на выпускном вечере в школе! Тогда у нее были длинные волосы, подвитые снизу в локоны. Они красиво колыхались при каждом движении. Румяные, будто после горячего душа, щеки, белоснежная кофточка и огненно-красная юбочка. Надя всегда жила бедновато, отец ее погиб на фронте, мать, сраженная горем, болела и с трудом зарабатывала на питание. Она не могла сшить Наде белое платье к выпускному вечеру. Но веселая и бойкая Надя и в будничной одежде была привлекательной. Да, сейчас, наверное, жить стало совсем тяжело, мать состарилась, на стипендию не распыгаешься. Совсем высохла, бедная. И за меня переживала, наверное. Если я ее обижу, будет очень плохо. Но и жениться из жалости тоже не дело. Хоть ты и привезла рекомендательное письмо от мамы, все равно я тебя выпровожу. Надо это сделать до суда, чтоб ничего не узнала. Только как это сделать помягче?»

А Надя тем временем пыталась избавиться от охватившего ее смятения. «Как он опустился!— думала она.— Был такой чистый и хороший парень, а сделался каким-то взрослым, выпивающим мужчиной. Он совсем не рад моему приезду. Даже не поцеловал! Он все забыл, что было между нами. А может быть, вообще ничего не было, и мне только казалось, что он с меня глаз не сводит. Но письма из училища? Планы на жизнь? Он умолял ждать, ревновал, каждый месяц просил фотокарточки. И вдруг такой холодный и чужой. Совсем чужой человек. Я, видно, очень его стесняю. Зачем я приехала? Глупая фантазерка! Никакой помощи ему не нужно. Еще подумает, что я набиваюсь в жены. Как глупо и стыдно, стыдно, стыдно». Надя почувствовала, что глаза стали у нее горячими, губы запрыгали и шершавый комочек покатился по горлу. «Только этого не хватало!— сердито подумала она.— Нет, милая, раскисать я тебе не позволю. Сейчас же бери себя в руки! Что затеяла, доводи до конца и убирайся с поднятой

головой. А ты, Алеша, если даже будешь умолять меня на коленях, я твоей женой не стану и, если смогу тебе помочь, то сделаю это ради того Алешки, с которым целовалась в пустом классе».

Так они сидели в неосвещенном номере — он на подоконнике с письмом в руке, которое уже давно прочитал, а она у стола, делая вид, что не хочет мешать его чтению. И оба мучительно думали, что же им делать, о чем говорить?

Выручили мушкетеры — они загалдели, затопали в коридоре, отыскивая номер, который указал им администратор. На секунду затихнув, умышленно осторожно постучали в дверь. «Наверняка стучит Савицкий, — отметил про себя Алексей, — даже в этом проявляется его натура, стучит осторожно, ириво, с намеком на возможность пикантного положения».

— Да, входите.

Веселая троица ввалилась в номер. Их лиц не было видно, однако Шатров и по качающимся силуэтам видел — «добавили».

— Пардон.

— Воркуете?

— Айк, поправьте манишку, я включаю свет.

Щелкнул выключатель, и улыбающиеся, красные рожи с любопытством уставились на Алексея и Надю.

— Чистая работа, никаких улик! — сказал Савицкий.

— Ну, хватит вам трали-вали разводить, идемте на танцы, — предложил Берг.

— Может быть, нам выйти, пока вы наденете вечерний туалет? — спросил Савицкий, склоняясь перед Надей.

«Видно, у них так принято — говорить обо всем развязно, с потугой на остроумие, — подумала Надя. — Ну что же, постараюсь держаться в тон». И она ответила:

— Выходить не нужно, наряды и меха я отправила багажом, а с собой привезла одни драгоценности. Она открыла чемоданчик, достала простенькие, похожие на пуговицы, клипсы и, прикрепив их на уши, весело добавила:

— Я готова.

— Железно! — промычал Ланев.

На танцплощадке Надя старалась быть веселой назло раскрашенным фифам, которые презрительно кривили губы, кивая в ее сторону. Одна из них громко спросила Берга:

— Где вы подобрали эту пеструшку!

Пьяные мушкетеры мужественно танцевали с Надей по очереди, делая вид, что им весело. Но, оставаясь с Алексеем наедине, говорили без стеснения:

— Не то, Айк! Нет в ней породы — село.

— Для любви надо иметь не только душу, но и тело.

В перерыве Шатров предложил пойти в ресторан.

— Я не пойду, — быстро отказалась Надя.

— Почему?

— Я не хожу по ресторанам.

— Теперь придется пойти. Ужинать надо? Надо. Не умирать же с голоду.

— Пойдемте, Наденька, — убеждал Савицкий. — Это вполне приличное место, куда даже детей водят кушать мороженое, — он предложил ей руку и повел к выходу.

По пути в ресторан Берг, шедший с Алексеем сзади, вполголоса наставлял:

— Ты смотри, Айк, не вляпайся. Эта пеструшка тебе в жены не

годится. Тебе нужно подбирать такую, чтобы после того, как выгонят из армии, могла поддержать, пока получишь высшее образование.

— Тебе не кажется, что это вроде сутенерства?

— Айк, брось хорохориться, ты не на собрании. Я же не говорю — всю жизнь сидеть на ее шее, а пока окончишь институт, получишь специальность.

В ресторане офицеры вели себя шумно. Добавили еще по двести грамм, не обращая внимания на отговоры Нади. Потом они поругались с гражданскими выпивохами с соседнего столика. Дело едва не кончилось дракой. В общем, ночью, когда покачивающийся Алексей стоял в коридоре перед дверью в Надин номер, ей был полностью ясен образ жизни холостых офицеров и ее школьного товарища.

Шатров был пьян. Он порывался войти в комнату, а Надя его не пускала.

— Пусти.

— Не пушу.

— Почему?

— Я хочу спать.

— Будем спать вместе.

— Не говори глупости, иди домой.

— Пусти.

— Идем, я тебя провожу.

Она довела Алексея до квартиры. Он пытался обнять ее в темноте и завести в дом.

— Как тебе не стыдно!

— Да ты не бойся, их нет дома, они еще где-нибудь мотаются.

Надя освободилась от его рук и пошла в гостиницу. Алексей, покачиваясь, брел за ней, бормотал:

— Надя, подожди. Надо поговорить...

Она пришла к себе, заперлась в номере и долго плакала под пьяное мычание Алексея за дверью.

...На следующее утро Алексей столкнулся с Надей у выхода из штаба.

— Ты что здесь делаешь?— спросил удивленно Шатров.

— Пришла в политотдел.

— У нас нет политотдела.

— Тогда к замполиту.

— Зачем?

— Рассказать, как живут некоторые молодые офицеры.

Шатров обозлился.

— Там без тебя давно все известно.

— Пусть прибавится и мое мнение.

— Кому оно нужно?— Алексею очень не хотелось, чтобы Надя говорила с Ячменевым. Он ей обязательно скажет о предстоящем суде.— Послушай, брось ты эту затею. Не ходи. Мне будет стыдно за тебя. У офицеров считается позорным, когда жена бежит жаловаться. Это неприлично.

— Я тебе не жена, а школьный товарищ. Я просто расскажу, какой ты был и какой ты стал. Ты очень опустился, и я хочу, чтобы тебе помогли.

— Да пойми: они знают все лучше тебя. Поняла?

Надя испуганно глядела на Алексея.

— Что с тобой происходит, Алеша?— тихо спросила она.

— Я не хочу служить в армии.

— Но разве для этого нужно падать так низко?

— Поговорим вечером, а сейчас уходи.

— Нет, я повидаюсь с замполитом.

— Да пойми ты, наконец, это же глупо. Только в книгах положительные герои критикуют лучших друзей и ставят о них вопросы на собраниях. Если ты пойдешь, между нами все будет кончено.

— Между нами и так все кончилось. Я так поступаю ради твоей матери. Сколько она, бедная, страдает из-за тебя! Ты здесь пьянствуешь, а ей дрова на зиму купить не на что. Пошли ей хоть рубль на лекарство. Она от одного внимания поправится. Она скрывает от людей, что сын, лейтенант, ей не помогает.

Надя едва сдержала слезы. Чтобы не расплакаться, она отвернулась от Алексея и решительно вошла в штаб.

Шатров поручил взвод сержанту Ниязбекову, а сам вернулся к штабу, сидел в курилке и следил за выходом. Надя вышла через час. Ее сопровождал подполковник Ячменев. Он пожал ей руку и кивнул на прощанье.

К вечернему поезду Надя пришла на перрон. Алексей следил за ней издали, но не подходил. Он же сказал: если пойдешь к замполиту— между нами все кончено. Она купила билет. Прибыл поезд, и Надя вошла в вагон. Были минуты, когда Алексею хотелось броситься к ней, плакать, просить и умолять, чтобы она не уезжала. Он чувствовал, — рвется последняя ниточка, связывающая его с юностью, с прошлым, с кругом порядочных людей. Понимал: это та последняя соломинка, за которую нужно ухватиться. Но не мог заставить себя. Как патефонная пластинка с испорченной дорожкой, мысль кружилась на одном: поздно, поздно. Слишком поздно! Теперь уже все пропало!

14.

— Слыхали, ребята, нашего лейтенанта под суд отдают,— сказал, таинственно понизив голос, Колоно.

Взвод только что отпустили после вечерней поверки. Солдаты готовили постели на ночь.

Слова Колоно так и обожгли Ченцова: «За меня!»

Ченцов пролежал в санчасти три дня и, оправившись от солнечного удара, вернулся в строй.

— Откуда знаешь?— спросил Ченцов.

— Офицеры в курилке между собой говорили,— все так же таинственно поведал Колоно.— Лейтенант Ваганов сказал лейтенанту Антадзе: «Приходи на тренировку в субботу без опоздания.» Они штангой занимаются. А лейтенант Антадзе ответил: «Мы все опоздаем, и ты, Ваганов, тоже,— в субботу суд чести дело Шатрова разбирать будет».

К ним подошли другие солдаты взвода. Они сели на кровати и стали негромко обсуждать случившееся.

— Жалко лейтенанта,— сказал Ченцов.— Совсем он не виноват. В этой чертовой пустыне любой заблукать может.

— А если бы ты концы отдал?

— Если бы да кабы. Живой остался, зачем лейтенанту службу портить?— возразил Ченцов.

— А он не очень-то дорожит службой,— сказал Судаков,— радоваться будет, если уволят.

— Ты-то откуда знаешь?— недовольно спросил Колоно.

Судаков считал Колоно недалеким парнем, он не был с ним в приятельских отношениях, даже разговаривал с ним редко — был убежден: ничего умного Колоно не скажет. Вот и сейчас, отвечая на вопрос Колоно, Судаков глядел на сержанта Ниязбекова. Умышленно адресовал свой ответ Ниязбекову, который очень досаждал Судакову своим служебным рвением и требовательностью.

— Лейтенант понял, что военная служба отживает. Все эти ать-два, становись, равняйся — пора сдавать в музей. Он правильно решил: надо уходить из армии. Найдет на гражданке более интересную специальность.

Это заявление Судакова не было новостью для замкомвзвода. Ниязбеков знал давно — Судаков тяготится службой. Он не служит, а отбывает воинскую повинность. Сержант не раз пытался развеять неправильные мысли Судакова, убеждал, втолковывал. Но тот, считая себя более развитым и знающим, не прислушивался к словам Ниязбекова. Тогда сержант решил сломить внутреннее сопротивление солдата повышенной требовательностью. Но из этого ничего хорошего не получилось. Судаков озлобился, стал вступать в пререкания, подшучивал за глаза над сержантом. Вот и сейчас он неспроста заговорил о том, что армейские порядки пора сдавать в музей.

— Интересного в жизни много, это правильно, — согласился Ниязбеков, — но, кроме интересного и приятного, есть еще и необходимое. Армия и армейские порядки будут нужны еще долго — пока будут враги на земле.

Судаков знал, что Ниязбеков до призыва на военную службу был учителем. Поэтому он и говорил всегда так назидательно, будто объяснял. А Судакова эта манера выводила из себя. Судаков считал, что Ниязбеков говорит прописные истины, а значительность и солидность на себя напускает искусственно. Поэтому, когда заходил разговор вообще и возражения не считались пререканием, Судаков всегда отстоявал противоположную точку зрения. О чем бы ни говорил Ниязбеков, Судаков непременно был против. А сержант, верный своей учительской хватке, не торопясь, пункт за пунктом разъяснял и прижимал к стене поверхностного и непоследовательного Судакова.

— Я разве говорю, что армия не нужна? — горячился Судаков. — Я говорю, что одни люди могут служить в армейских условиях, а другим это не нравится, им тесны армейские рамки, у них запросы шире.

— Ах, запросы шире? — с легким сарказмом сказал Ниязбеков. — Запросы, товарищ Судаков, это в некотором отношении синоним слову потребность. А мы пока еще не дошли до того, чтобы удовлетворять все потребности. Сейчас еще такие времена, когда нужно думать и о своих обязанностях...

— Товарищ сержант, — перебил Ниязбекова Ченцов, — товарищ сержант, бросьте вы с этой занудой спорить, надо о лейтенанте подумать.

Солдаты выжидающе смотрели на сержанта. Фактически он был командиром взвода. Лейтенант Шатров, поначалу горячо взявшийся за работу, потом как-то от нее отошел. Занятия по расписанию проводил неинтересно. После окончания занятий куда-то исчезал. Не было у него времени поговорить с солдатами, просто побыть с ними, посидеть в Ленкомнате, расспросить о домашних делах или помочь во время самоподготовки. Вот лейтенанты Анастасьев и Антадзе возятся с солдатами постоянно. А Шатров приходит и уходит минута в минуту, как служащий в каком-нибудь учреждении — отсидел свои часы, и шабаш. Будто не с людьми работает.

Ниязбеков давно уже во всех этих вопросах заменил лейтенанта, поэтому и взвод держался по результатам боевой подготовки на приличном уровне.

Ниязбеков после слов Ченцова задумчиво сказал:

— Помочь ему, к сожалению, мы едва ли сможем. На заседании офицерского суда чести нам не полагается присутствовать...

— А может быть, мне пойти к командиру полка? — спросил Ченцов. — Ведь все из-за меня заварилось.

— Конечно, как потерпевший, вы можете заявить, что не имеете претензий к лейтенанту. Но боюсь, дело не только в ЧП, которое с вами произошло,— все так же, будто размышляя вслух, негромко говорил Ниязбеков.

— А может, все же сходить?— настаивал Ченцов.

— Сходите,— согласился сержант,— хуже от этого не будет. Как вы думаете, ребята?

— Надо пойти.

— Конечно, надо,— заговорили солдаты.

— Давайте всем взводом пойдем,— предложил Колено.

— Вот это нельзя делать,— возразил сержант.— Это просто ни к чему. Да и по уставу коллективные заявления высказывать не полагаются. Ченцов спросил наше мнение, мы ему по-товарищески посоветовали, а дальше пусть решает сам.

— Так я пойду,— сказал Ченцов.— В штабе окна светятся. Может быть, командир еще там. А то завтра с подъема опять занятия, и времени не вырвешь сбегать.

В ярко освещенном коридоре Ченцова остановил дежурный:

— Вы к кому?

— К командиру полка.

— Зачем?

— По личному делу.

Дежурный подумал. Было бы что-нибудь служебное, он, чтобы не беспокоить командира, направил бы солдата к одному из офицеров штаба. Но солдат пришел по личному делу, а с этим он имел право обратиться к кому угодно.

— Разрешение у своего командира спрашивали?— оглядывая невысокую, но подтянутую фигуру Ченцова, спросил дежурный.

— Так точно,— ответил Ченцов, не моргнув глазом.

По уставу Ченцову, конечно, полагалось идти по служебной лестнице от младших командиров к более старшим. И каждый из них давал бы разрешение идти выше только в том случае, если бы сам не смог удовлетворить просьбу Ченцова. Но Ченцов понимал — ни командир роты, ни командир батальона ему помочь не могли. К тому же, их нет в подразделении. Они дома. А суд завтра. Поэтому, отвечая дежурному «так точно», Ченцов думал, что обманывает его частично: сержант разрешил обратиться к командиру полка, ну, а Шатрова об этом и спрашивать неудобно, потому что разговор о нем и пойдет.

— Ну что ж, пройдите,— сказал дежурный,— командир еще здесь.

Ченцов подошел к двери, на которой висела черная стеклянная табличка с надписью — «Командир полка». Солдат минуту стоял, не решаясь войти и собираясь с мыслями. Затем расправил гимнастерку под ремнем, подтянул живот, выпрямился и, приоткрыв дверь, воскликнул неестественным голосом:

— Разрешите войти, товарищ полковник!

Кандыбин сидел за письменным столом, разбирал бумаги. Он поднял глаза на Ченцова:

— Входите,— затем встал из-за стола, пожал солдату руку.— Слушаю вас.

— Товарищ полковник, я насчет лейтенанта Шатрова. Не судите его, пожалуйста. У меня никакой обиды на него нет. Пустыня, сами знаете, какая она. С кем беды не бывает. А я к товарищу лейтенанту Шатрову никаких претензий не имею.

Ченцов сказал все это быстро, на одном дыхании, боясь, как бы не сбиться, не оробеть. А высказав, он облегченно вздохнул и вытер со лба крупные капли пота, выступившие от напряжения.

Кандыбин внимательно смотрел на солдата. Лицо полковника было

спокойно. Ченцов даже не подозревал, какую бурную реакцию вызвали его слова в душе Кандыбина.

Это длилось всего несколько секунд. Кандыбин, не склонный к сантиментам, вдруг почувствовал горячий прилив любви и уважения к солдату. Он смотрел на невысокого Ченцова, на его по-мальчишески оттопыренные уши, на мягко очерченный рот, на широковатый, как бы слегка расплющенный нос и думал: «Вот в этом ты весь, наш великий и простой русский солдат. Сколько побед ты добыл, выполняя наши приказы! Сколько вынес на своих плечах наших ошибок и неправильных решений! Но всегда любил ты своих командиров, верил им безгранично. И даже чудом оставшись в живых, стоишь вот и просишь за человека, который непоправимо виноват перед тобой. «Ни обиды, ни претензий не имею!» Золотой паренек! Тем больше и тяжелее вина Шатрова, так бездушно поступившего с тобой».

— Садись, Ченцов,— сказал Кандыбин так же спокойно и приветливо, как произнес «войдите» и «здравствуйте».

— Ничего, я постою,— смущенно сказал Ченцов.

— Садись, поговорить хочу с тобой.

Ченцов подождал, пока сел полковник, а потом уж осторожно опустился на краешек стула.

— Расскажи мне о себе. Откуда ты, кто родители, где учился, кем работал,— попросил командир полка.

Не понимая, зачем это нужно полковнику, но улавливая его доброжелательный тон, солдат немного успокоился.

— Жил я в деревне Зыкино, она в Оренбургской области находится. Там и учился. Окончил десять классов. Отец на фронте погиб. Мать и сестра работают в колхозе. Я тоже до армии работал в колхозе.

— Кем?

— В полевой бригаде.

— А где отец воевал, на каком фронте?

— По письмам, которые сохранились, вроде бы на Прибалтийском.

— Ну, а город или село, под которым погиб, не знаешь?

— Нет,— печально сказал Ченцов.— В последнем письме, как и во всех других, обратный адрес — полевая почта и номер. И все.

Кандыбину очень хотелось помочь солдату. Стоит, наверное, где-нибудь скромный памятник и, может быть, на нем в длинном списке есть и фамилия Ченцова. Сын должен знать, где похоронен его отец.

— Номер полевой почты не помнишь?

— Нет, не помню.

— Напиши матери, пусть пришлет, а мы через архив запросим. Попытаемся установить боевой путь, которым шел твой отец. Уволишься, может быть, проедешь или проедешь по этому маршруту.— И, чтобы как-то развеять охватившую его и солдата печаль, Кандыбин добавил:— Туристом, может, проедешь, на собственном автомобиле.

Ченцов улыбнулся.

Полковник встал, пожал ему руку.

— Ну, что ж, иди, товарищ Ченцов, я передам твою просьбу офицерскому суду чести.

15.

Суд чести проходил в Доме офицеров. Зал, в котором Шатров много раз смотрел кинофильмы, теперь выглядел строго и официально. Стол, накрытый красной скатертью, стоял не на сцене, где его обычно ставили для торжественных собраний, а внизу, в самом зале. Одинокий Шатров сидел в пустом пространстве между красным столом и рядами кресел.

Судьями были хорошо известны Шатрову однополчане: подтянутый и стройный командир первого батальона подполковник Тарасов, постоянно суетливый и худой, как мощи, начпрод капитан Щеглов и здоровенный, не только видом похожий на борца, но и действительно борец, старший лейтенант Аронов. Да, сейчас не подойдешь к Тарасову и не заговоришь запросто о рыбалке, о которой он может говорить в любое время дня и ночи. Или к Щеглову с каким-нибудь продовольственным вопросом. Или к тому же Аронову, который в любое время готов добродушно пошутить.

Сегодня они судьи.

В зале за спиной Алексея все ряды были заполнены. Кандыбин, Ячменев, Торопов, штабные офицеры сидели около окна. Компания Берга собралась возле глухой стены в заднем ряду, Анастасьев, Антадзе — рядом с Зайнуллиным.

Сначала судьи, как и полагалось, подробно разбирали суть дела. Шатров, хоть и волновался, но все же раздраженно думал: «Зачем повторять? Они же читали все перед заседанием. Опять формализм и напрасная трата времени! А впрочем, это естественно, мне хочется, чтобы все кончилось побыстрее, а им нужно использовать дело как воспитательное средство для других».

Шатров утешал себя тем, что происходящее — неизбежная неприятная ступень к скорому освобождению. Надо только потерпеть. Замкнуться. Перенести. Слушать и пропускать все мимо ушей. Все это скоро кончится. Суд возбудит ходатайство об увольнении лейтенанта Шатрова из армии. А министр обороны, конечно, издаст приказ. Министр не откажет офицерскому суду чести.

Однако, как ни старался Шатров замкнуться и укрыться, судьи то один, то другой кололи его вопросами, обнажали перед всеми.

— Это ваша карта? Ею вы пользовались на учениях?

— Да.

— У вас почти нет тактической обстановки, почему?

— Не успевал наносить. В движении не было возможности.

— Ну, а там, где вы оставили человека, можно было хотя бы точку поставить?

Шатров молчал.

— Можно или нет?

— Можно, — тихо сказал Шатров.

— Почему же вы не поставили? Почему вы так легко подвергаете смертельной опасности человека? Вашего подчиненного, о котором вам полагается заботиться.

Шатров молчал.

Но молчать ему не позволяли. Его заставляли говорить. Из-за стола судей и из зала все время сыпались обидные, разоблачающие вопросы, и на них надо было отвечать.

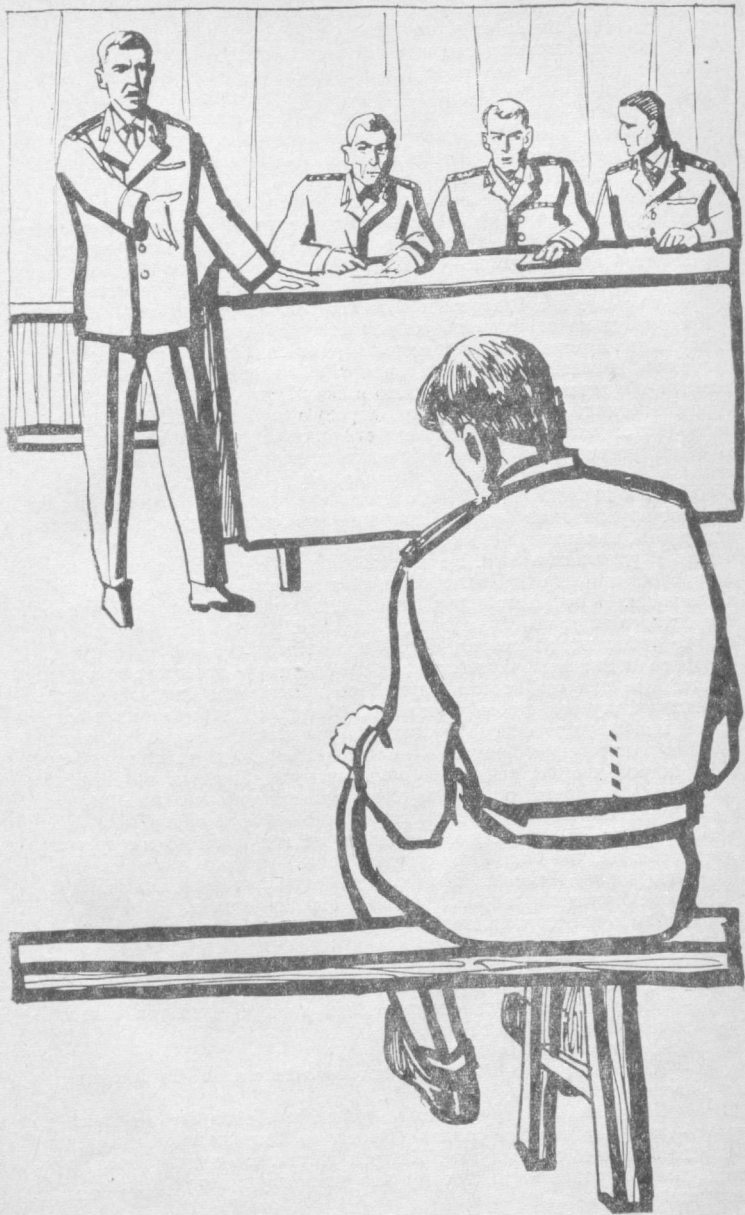
Офицеры безжалостно клеймили Шатрова позором. Они единодушно требовали изгнать его из армии. Особенно зло и горячо высказался Зайнуллин. Он боялся, как бы суд не пожалел Шатрова и не продлил бы тем самым его, Зайнуллинские, муки.

Шатров очень удивился, услышав, как после Зайнуллина слово попросил Берг.

Присутствующие притихли.

Высокий и красивый Берг подошел к трибуне. Проходя мимо Шатрова, он украдкой подмигнул ему — не принимай, мол, всерьез, это все лишь хитрость, ради твоей же пользы.

— Я хочу присоединиться к общему мнению, — веско сказал Семен. — Лейтенант Шатров совершил достаточно проступков для того, чтобы уволить его из армии. Не хочет служить — и пусть уходит, зачем

его держать? И командованию меньше неприятностей. В общем, надо увольнять, всем будет от этого польза.

В зале послышался сдержанный ропот. Офицеры задвигались, закрипели стульями, они явно были недовольны выступлением Берга. Руку поднял Ячменев. Председатель дал ему слово.

Маленький, белобрысый замполит быстрым шагом вышел к трибуне, он на ходу резким движением рук расправил гимнастерку, и по этому резкому движению, по быстрым шагам Ячменева Алексей понял: сейчас подполковник смешает его с землей.

— Ни один завод не выпустит за ворота явный брак, — сказал Ячменев и рубанул ладонью воздух. — Так почему же мы хотим выпустить Шатрова из своей среды? Он тоже брак в нашей воспитательной работе! Изгнать его из армии — значит, признать себя бессильными. Что же получается? Советские люди, у которых и так забот по горло, станут за нас еще и с Шатровым возиться? Я считаю это неправильным и прошу суд не возбуждать ходатайство об увольнении лейтенанта Шатрова из армии. Нам всем надо задуматься о работе среди молодых офицеров. И взять, наконец, за горло стилиг в военной форме, которые позорят офицерский корпус. Я имею в виду Берга, Савицкого и Ланева. Они разлагают, отравляют нашу здоровую атмосферу. Я не случайно назвал их стилигами. Да, товарищи, стилижничество проникает в армию. И дело тут вовсе не в узких брючках и поповских прическах. Наши стилиги носят военную форму. Правда, стремление чем-то выделиться приводит к нарушению формы одежды и в условиях армии — они вынимают пружинки из фуражек, перешивают брюки в дудочки, отпускают волосы, как пещерные люди. Но это внешние проявления стилижничества в условиях армии. Не в этом главный порок. Стиляжничество, товарищи, это прежде всего категория идеологическая, искривление в сознании. И приводит оно к антиобщественным делам и проступкам. Все стилиги ищут полегче тропинку в жизни. Если удастся не работать, они не работают, их лозунг «Пусть все работают, а я буду есть». Посмотрите на наших полковых стилиг, кто из них работает как положено? Никто! Все они «отбывают» служебное время! Чем они занимаются? Пьянством, хулиганством, скотством. Мы долго терпели их в своей среде, надеясь, что они заблуждаются, ошибаются по молодости. Но сегодня должны предупредить — не надейтесь больше на нашу доброту! И не ждите, что мы пойдем по легкому пути. Нет, мы не возложим бремя вашего перевоспитания на плечи советских тружеников. Мы сами попробуем излечить вас от хамского отношения к труду и к своим общественным обязанностям. А если вы не исправитесь, мы поступим с вами так же, как поступают с туеядцами и на гражданке!

Выступление Ячменева офицеры одобрили аплодисментами.

После Ячменева попросил слова командир полка.

— Слово предоставляется полковнику Кандыбину, — сказал председательствующий.

Полковник встал. Он был хмур. Дождался, пока успокоились офицеры, взволнованные выступлением замполита.

— Вчера вечером, уже после отбоя, ко мне приходил солдат, — медленно проговорил Кандыбин.

В зале стало совсем тихо.

— Тот самый рядовой Ченцов, которого лейтенант Шатров потерял на учениях. Он пришел с просьбой...

У Шатрова по телу побежал холодок. Лейтенант напряженно ждал — что мог сказать солдат? Просил о беспощадном наказании? Требовал воздать по заслугам? Шатров считал, что солдат вправе просить самой суровой кары, потому что он виноват перед ним, виноват позорно!

Кандыбин сделал паузу умышленно, чтоб пронять лейтенанта. Пусть попереживает. Это полезно, даже сейчас, когда по лицу видно — дошло, наконец!

— Солдат просил меня передать суду офицерской чести, что он ни обиды, ни претензий к лейтенанту Шатрову не имеет...

По рядам прошел сдержанный гул. У Шатрова напряжение сменилось чувством благодарности к солдату и к полковнику Кандыбину, передавшему эти слова. Однако то, что командир полка сказал дальше, опять заставило Шатрова внутренне съежиться, опустить голову.

— Вы знаете, товарищи, как устает наш солдат за день. После отбоя он засыпает мгновенно. Голова не успеет коснуться подушки, он уже спит. А Ченцов не спал. Он не мог спать потому, что его командира будут судить. И как он считал... судить из-за него! Человек, жизнью которого вы так бездушно распорядились,— сказал Кандыбин, обращаясь к Шатрову,— просит суд о снисхождении к вам. Вот пример благородства! Вот вам пример проявления солдатской чести! И такого человека вы едва не погубили, товарищ лейтенант Шатров!

Кандыбин повернулся к судьям и жестоко закончил:

— Я считаю, товарищи судьи, просьба солдата должна склонить вас не к снисхождению, а к предельной суровости. Офицер, легкомысленно рискующий жизнью людей, не заслуживает пощады ни на войне, ни, тем более, в мирное время!

Когда суд удалился на совещание, Алексей вышел вместе со всеми офицерами покурить. Он стоял в стороне один. К нему подошли мушкетеры.

— Ну, старик, поздравляю,— негромко сказал Берг, чтоб не слышали другие,— скоро ты будешь вольный сокол, идут последние часы твоей службы.

И только сейчас Алексей осознал, что действительно, служба его кончается. Ячменев хоть и выступил против увольнения, но он выступал не как замполит, а как рядовой участник суда. Суд может не посчитаться с его мнением. К тому же выступление Кандыбина свело на нет слова Ячменева. И другие выступающие офицеры тоже высказывались за безусловное изгнание Шатрова из армии. Офицерский суд чести будет руководствоваться мнением большинства. А мнение большинства ясно. К тому же, приговор офицерского суда чести обжалованию не подлежит.

Значит, судьба лейтенанта Шатрова решена. И главным виновником в том, что служба сложилась так позорно, был несомненно Берг. С него все началось, он постоянно твердил о необходимости уволиться. Если бы Алексей не встретился в тот проклятый вечер в буфете на вокзале с капеллой, может быть, ничего этого и не было... Через несколько дней придется снять офицерскую форму. А что дальше? Специальности нет. Приедешь к маме и скажешь: я опять на твою шею, мамочка! А какими глазами я буду смотреть на Надю? На других ребят, которые восхищались моей красивой формой и поздравляли с окончанием высшего офицерского училища? Нет, в Куйбышев ехать нельзя. Что же остается? Опять поступить учиться, как советует Берг, определиться к какой-нибудь одинокой женщине в мужья, чтобы кормила, пока кончу институт? Опять этот Берг и опять подлость? Алексей с ненавистью посмотрел на улыбающееся, красивое лицо Семена и злобно сказал:

— Уйди.

Берг побледнел. Стараясь сгладить ситуацию, спросил:

— Ты что, чокнулся?

— Уйди или я при всех дам тебе в морду.

Берг хмыкнул и, сохраняя достоинство, отошел, не торопясь.

Суд вынес решение: объявить лейтенанту Шатрову строгий выговор. Мнение Ячменева посчитали наиболее правильным. Алексей отыскал глазами подполковника. Понял Ячменев или нет, что хотел высказать Шатров этим взглядом, неизвестно. Он посмотрел на лейтенанта прямо и строго, но Алексей заметил, что у замполита чуть дрогнули края губ в ободряющей улыбке. И этот едва уловимый намек был сейчас в жизни лейтенанта единственной опорой, надеждой и великой ценностью. Вокруг недоброжелательные косые взгляды. Позади все мерзко, подло и грязно. Даже капеллы для него больше не существуют — он сказал об этом Бергу прямо в его красивую рожу. В общем, все рухнуло. Все надо начинать сначала. Причем, начинать в гораздо более трудной обстановке. Когда он приехал из училища, все двери перед ним были гостеприимно распахнуты. Каждый готов был помочь, поддержать, ободрить. Теперь от него все отвернулись. И только вот эта едва заметная улыбка «комиссара», скорее даже намек на улыбку, говорила о том, что жизнь продолжается, по-товарищески советовала — «Держись! Еще есть возможность поправить дело!»

Шатров не подошел к Ячменеву. Офицеры делали вид, что не замечают его.

Он шел один. Куда идти? Что делать? Опять нет квартиры. Нет друга. Нет близкого человека, с кем можно было бы отвести душу.

Единственное место, куда он мог пойти, где было ему отведено определенное место, где всегда он нужен и где постоянно есть дело — это был полк. А в полку его взвод. Туда и отправился Алексей.

(Продолжение — в № 4).

Надира

В переводах
Сергея ИВАНОВА

Богатое литературное наследие поэтессы-классика Майхляр айим Надиры, созданное на узбекском и на таджикско-персидском языках, является образцом восточной поэзии первой половины XIX века. В 1842 году Надира трагически погибла от рук фанатиков ислама.

«Эпоха низменная, возлюбленный жесток, счастья нет. Пусть поглотит земля это время с его празднествами и пиршествами, коль виночерпий судьбы наполнил наши чаши не вином, а кровью», — писала поэтесса Надира — выразительница идей прогресса и человеколюбия. Она горячо защищала права угнетенных женщин. Таковы основные темы ее творчества.

Публикуем — впервые на русском языке — газели Надиры, которые по просьбе «Звезды Востока» перевел с подлинника доцент кафедры тюркской филологии Ленинградского университета Сергей Николаевич Иванов.

Кандидат филологических наук
М. КАДЫРОВА.

Газели

1

Притворство, алчность, корысть — вот лад песнопений шейха.
Не слушай их: нет лжеца, глупей и презренней шейха.

Твердит: «Не могу терпеть любви к красивым и юным»,
А сам укрылся в притон — вот ханжество бдений шейха!

На лживой своей стезе порока и зла он алчет,
Мираж океана лжи — мечта вождедений шейха.

Мой слабый, как искра, вздох его в печаль повергает,
Хоть в огненной злобе слов и нет дерзновенней шейха.

Он всем леденит сердца своей холодной беседой,
А вкрадчивый шепот злей, чем ветер осенний, у шейха.

Украшит концы чалмы и — горд пестротой этой,
Бахвальство и хвастовство — вершина свершений шейха.

Найти бы тебе, Надира, средь шейхов мудрого старца,
Ты б гордым челом легла к порогу ступеней шейха.

2

Хоть мир бедой своих дорог замаран,
У мудрых был ли хоть сапог замаран?

Кого корысть за ворот держит крепко,
Тот и подол не уберёт: замаран.

Мир от вершины до подножья грязен,
Не будь в нём с головы до ног замаран.

Ведь птица Анка миру не являлась,—
Был ли у ней хоть коготок замаран?

Проходят все чистилище мирское:
Тот вышел чист, другой не смог — замаран.

Мелькнет в вине святоши отраженье,
И в чаше — грязь, любой глоток замаран.

Знай, Надира: ханжа ручья коснется,
И — в устье грязь и весь исток замаран.

3

Черны витки твоих кудрей — ночная пелена любви,
Лучи чудесной красоты — как полная луна любви.

Без звука сладостных речей больному сердцу жизни нет:
Краса твоих рубинов-губ — сама душа, полна любви.

Все сердце — кровь, в душе — лишь скорбь, вся жизнь моя —
Ведь это я твоей рукой к такой присуждена любви!
кромешный мрак.

Твой лик — сокровищница тайн — тайн совершенства красоты,
Моя ж печальная душа — бездонная казна любви.

Мне суждены печаль и грусть, стенанья, муки, боль измен,
А ты — ты счастлив: у тебя — благие времена любви.

У бед любви суров закон: в степи безумья чахнуть мне.
Сосуд любви разбит тобой, я в жертву отдана любви.

Огнем вся печень сожжена — ей дать бы влагу уст твоих,
Уста ж твои горьки, как соль,— как будто соль нужна любви!

Ах, долго ль униженья прах мне будет усыпать чело?
Ужель загублены тобой и слава, и весна любви?

Готова я принять и боль, и радость милостей твоих —
Ведь раб покорный — Макнуна велениям верна любви.

4

Приди, любимый, верен будь, неверностью меня не мучай,
Пускай убогий мой приют осветит лик твой — светоч жгучий.

С возлюбленным разлучено, с его рубинами-губами,
О сердце, в горести своей ты кровью захлебнись горячей!

Польются слезы из очей, едва твои увижу кудри,—
Ах, этот ливень занесен зловещею и черной тучей!

Забудь жестокою печаль неверного и злого мира,
Налей вина, утешить скорбь не упусти счастливый случай.

Ведь должен мужественным быть и тот, кто не в доспехах брани,
На ком не сыщешь бранных ран, на ком не виден ус колючий!

От крови сердца моего, от печени кровоточащей
Вино, как яхонт и рубин, сверкает краснотою жгучей.

Ты этой песней, Надира, любви и верности взыскуешь,
И на судилище людском оправдан лад твоих созвучий.

5

Счастья встреч без мучения нет,
Без шипов — роз цветения нет.

Есть избранники сердца у всех,
Мне ж в любви утешения нет.

Встреч с возлюбленным я лишена,
И от мук мне спасения нет.

От соперниц глумленье терплю,
Но любви без терпения нет.

Тени нет у разрушенных стен,
Сокрушенным — забвения нет.

Пусть твой локон змеится: где клад,
Там от змей избавления нет.

С кипарисом не сравнивай стан —
В кипарисе движения нет.

Слов соперниц не бойся: у злых
Не найдешь одобрения. Нет!

Но поймет, кто в любви одинок:
Надире исцеления нет.

Прошла счастливая пора, нет больше мне вестей о нем,
И сердце на его пути скорбит в рыдании немом.

Где кипарис взметнется ввысь — цветут бутоны нежных роз,
Но сколько стройных тех деревьев ушло, покинув сад — свой дом!

И он на пиршестве времен вознесся гордой головой,
Но, как свеча,— в недолгий срок,— сожжен губительным огнем.

В садах, где верность и любовь, весной бутоны роз цветут,
В разлуке ж печень, как тюльпан, кровавым рдеет лепестком.

Степи безумья сухоей — то сердце мечется мое,
Но след к заветной той тропе ему поныне незнаком.

И если пес его придет о сердце горестном узнать,
Я брошу печень перед ним приманкой, лакомым куском.

От мук разлуки я больна, и скорбно я на мир гляжу.
А он на слезы Надиры уже не глянет и тайком.

7

В те дни, когда я без друзей, без их бесед одна,
Я в одиночестве моем печальна и грустна.

В разлуке с луноликим тем в моей лачуге мрак,
Мне вместо пищи — горечь слез и желчь — вместо вина.

Лишь он один был у меня среди мирских сует,
И от земных раздоров я была отрешена.

Что солнце мне и что луна, о, грозный небосвод!
Над повелителем моим сошла земля черна.

Чертог любви я возвела ценой таких трудов,
Поток событий снес его, мой труд погиб сполна!

Зачем, друзья, твердить мне ложь, что будто бы он жив?
Ведь и во мне уж жизни нет: смотрите, как бледна!

В разлуке с ним нет и следа того, чем я жила.
Жива я или же мертва — загадка та трудна.

И сколько б ни было богатств под властью рук моих,
Без светоча моей души ничтожна и казна!

Шербет свиданья был в мечтах, но рок послал мне яд.
Что ж делать, коль судьба моя была предreshена?

Надежд не стало, Надира, и нет уж веры в мир —
Моя надежда — шах Дара ушел в обитель сна!

Мне без тебя вино мое средь радости пиров — огонь,
А без вина рубинов-губ и сладость яств, и плов — огонь.

Как равнодушного увлечь? Напрасны стоны и мольбы.
Друзья, пощады я прошу — в душе моей багров огонь!

Сказать ли правду — ночь и день твоя измена жжет меня:
Проснусь и — пламенем тоска, и ночью среди снов — огонь

Без губ-рубинов даже мед мне, как отравы на устах.
Ты далеко — свечой горю, речей моих суров огонь.

Что делать мне, как перенести его жестокою любовь:
Я — как засохшая трава, а он — как жар костров — огонь.

О друг, не спрашивай меня о жаре сердца моего:
Я от разлуки вся горю, всё тело — до основ — огонь.

И сколько б пламенный твой лик разлукою ни жег меня,
Всё мало: я, как мотылек, и жечь меня готов огонь.

Аскет бездушный, ты спросил причину слез и мук моих.
Ты видишь: грудь тоской горит, ответ — мой этот зов — огонь.

В словах печальной Макнуны — лишь пламя, больше — ничего:
В листках тетради — скорбь горит, диван моих стихов — огонь!

9

Десница рока, разметав мой прах, разлуки урагану отдала,
Остатки тела волнам моря слез — рыданий океану отдала.

О лекарь, понапрасну не трудись, от бед моих лекарства не ищи:
Покинутых ведь власть судьбы навек болезни злой дурману отдала.

В печали о любимом век прошел, моей кручине не было конца,
Безбрежная тоска мой дух беде — я в ней как в бездне кану! — отдала.

В моих словах печальных ладу нет, нет в них порядка: ведь звезда
Жемчужины тех слов такой, как я, — носящей в сердце рану — отдала.
судьбы

Отчаянье сомкнуло мне глаза, с моим Юсуфолицым разлучив,
Судьба меня пристанищу беды — в плен темному чулану отдала.

Затерянное сердце не найдешь, его моя разлучница-судьба
Как каплю крови океану слез — потоп, куда ни гляну! — отдала.

Как цвет тюльпана, Надире на грудь багрянцем не легло клеймо беды:
Велением своим печать судьбы ее Умарсултану отдала.

Хаким НАЗИР

Перевел с узбекского
Борис ЗУБАВИН

Известный узбекский писатель Хаким Назир за 30 лет своей творческой деятельности создал много повестей, рассказов и очерков. Его книги издавались в Ташкенте и Москве: «Неугасимые молнии», «Парки, которые привели море», «Мальчики из кишлака», «Пионерский сад», «Степной воздух», «Мои дорогие дети» и другие. Он пишет преимущественно о детях и для детей.

Свое пятидесятилетие Хаким Назир встретил новой повестью «Огненная река», которую мы и предлагаем вниманию наших читателей.

ОГНЕННАЯ РЕКА

Повесть

1. Весна, я и моя сестренка

Вы даже и представить не можете, как я люблю весну. Меня в эту пору все радует: и солнечный луч, рано утром пробившийся в окошко и разбудивший меня своим теплым прикосновением, и непередаваемо чистый, сочный, пропитанный ароматом цветущих урюковых и персиковых садов воздух, и деловитое гудение пчел в розовых шапках деревьев, и холмы, сплошь покрытые фиалками и тюльпанами. Все купается в море тепла и света, все ликует, приветливо и радостно улыбаясь!

Моя бабушка (она мастерица придумывать всякие названия) говорит, что весна — карнай¹ лета. Победные звуки карнай извещают о наступающем торжестве. Весна тоже как бы говорит ярким солнцем, теплом, цветами: ну, ребята, скоро и на вашей улице будет праздник — вот-вот начнутся летние каникулы. И за это я люблю весну еще больше.

¹ Карнай — духовой музыкальный инструмент.

Недавно мне захотелось побездельничать, поваляться на кровати, что стоит у нас в саду на берегу хауза,¹ под цветущим урюком.

Над головой гудят пчелы, теплый легкий ветерок набежит волной, качнет, раздвинет ветки, и тогда я вижу синее-синее далекое безоблачное небо. Очень это хорошо!

Лежал-лежал я вот так, слушая монотонное гудение пчел, и не заметил, как заснул. И приснилось мне, будто надо мной сладко и нежно поет какая-то диковинная птица. Я всматриваюсь и вижу меж ветвей урючины птичье гнездо. Не скворечник-будочку, которую вчера смастерил и повесил, а что-то большое, размером с сундук. Из этого сундука высунул голову сокол и зорко и зло осматривается. Вот он заметил меня и, подмигивая круглым глазом, манит к себе. Я послушно взлетаю на дерево, протягиваю руку, чтобы схватить эту зловещую птицу, но неожиданно сам оказываюсь у нее в когтях. Взмахнув со свистом широкими крыльями, сокол поднимается в воздух, держа одной лапой меня, а другой—своего птенца. Соколенок пытается вырваться, но огромный сокол крепко держит его. Бедный птенец все равно не унимается, крутится и так, и этак и, наконец, изловчившись, выскальзывает из когтей, прихватив с собой и меня. Мы камнем летим на землю. Я в ужасе кричу, просыпаюсь и... шлепаюсь в хауз.

Тут подбегает моя бабушка.

— Вай, вай, дитя мое,—всплеснув руками, испуганно причитает она.—Ну ничего, ничего, от воды в жизни только радость, это—к хорошему.

Добрая хлопотунья приносит мне сухую майку, трусы. Я, переодеваясь, рассказываю ей свой страшный сон. Бабушка улыбается и, конечно, все истолковывает по-своему, грозя мне пальцем.

— Как только пришла весна, ты и вовсе стал упрямым. Наверное, даже во сне норовил все делать по-своему. А знаешь ли ты, что непослушный утенок, чтобы только сделать по-своему, пытается нырнуть в воду сразу и головой, и хвостом, а? Ладно, ладно. Хорошо, что только с кровати свалился, да еще—в воду, мягко было падать. Видать, это к добру.

Интересная у меня бабушка: никогда не лезет в карман за словом. Вот и сейчас будто ненароком, а все же укорила меня в упрямстве. Но я не в обиде. Лишь бы при маме не вспоминала, что иногда я бываю упрям, как осел.

На урючине засвистела, весело залилась птица. Это, конечно, не сокол, что приснился мне, а разноперый бойкий щегол. Вот он заметил мой скворечник и заскакал по веткам вокруг него. Вроде бы ничто не говорило ему об опасности. Осмелев, он уселся на жердочке, осторожно заглянул внутрь. Затем, окончательно расхрабрившись, что-то радостно и победно проверещав, скрылся в будочке. Секунду спустя выпорхнул и улетел было, но вновь вернувшись, уселся на жердочке уже по-хозяйски. Моя сестренка Попык, прибежавшая к хаузу за бабушкой, зачарованно наблюдает за щеголом.

— Влетел, влетел!—кричит она и хлопает в ладоши. Тут же, как и следовало ожидать, начала приставать ко мне:—Достань, братик, птичку, достань!

— Нельзя, она улетит и больше не вернется к нам.

Но куда там! Попык и слышать ничего не хочет, знай твердит свое:

— Достань...

Она всегда так. Если уж что-нибудь взбредет ей в голову, хо-

¹ Хауз — искусственный водоем.

чешь-не хочешь, исполняй ее желание. Из-за нее даже на самокате никогда как следует не покатаешься, тут же привяжется: «Я тоже, я тоже!» А куда ей, совсем маленькая. Сидела бы да играла в свои куклы. Так нет же, обязательно вяжется туда, куда ее не просят, и расстроит любую мальчишечью игру. Только возьмешься играть в чижика, она тут как тут: примите меня. Но это еще ничего, а вот когда она начинает вдруг требовать, чтобы я достал пролетевший над нами самолет, это уже ни на что не похоже. Как тут быть? Убедить ее, что достать самолет невозможно — напрасно время терять. Нарисуешь самолет — она даже искоса взглянуть на него не хочет. Тогда скрепя сердце делаю ей, как учили нас в кружке авиамоделизма, малюсенький самолетик. Стараюсь, тружусь в поте лица, хотя знаю, что все старания пропадут даром: Попык сломает самолет при первом же запуске.

Вот и сейчас: пытаюсь объяснить ей, что нельзя трогать щегла, отвлекаю, но не тут-то было: Попык плачет горькими слезами.

— Ну, как я достану тебе эту птицу? И зачем она тебе? — в отчаянии спрашиваю я.

— Хочу поиграть с ней, — канючит Попык.

— А если она клюнет тебя? Ведь будет больно.

— Не клюнет. Она добрая...

Ничего не поделаешь. Да и, сказать по правде, самому становится интересно: поймаю или не поймаю я щегла? Лезу на урючину, сажусь верхом на толстый сук рядом с будочкой и загораживаюсь ветками. Не помогает. Щегол замечает меня и улетает. Чтобы замаскироваться получше, отползаю немного в сторону, осторожно перекидываю ногу и... не удержавшись, лечу вниз. Попык отчаянно визжит.

Распластавшись на земле, с ужасом думаю, что у меня переломаны руки и ноги. Начинаю потихоньку подниматься. Вроде бы ничего, цел. Но радость моя преждевременна. Все сильнее ноет ладонь правой руки. Это, видно, когда я летел с дерева, зацепился за какой-то сук и разорвал ее до крови. Прибежала бабушка, захохотала, засуетилась. Принесла вату, бинт, тут же сожгла эту вонючую вату и, присыпав пеплом рану, забинтовала руку. А рука все болит и болит. Прижав ладонь к груди, начинаю бегать по двору из конца в конец, словно волк в клетке, а Попык стоит возле хауза и ревет что есть мочи. Ей, видите ли, жалко меня.

С этого дня я стал левшой. Ложку держу в левой руке. Ужас как неудобно. Пока донесешь до рта, половина супа выльется на штаны. Писать тоже пробую левой. Строчка получается извилистой, словно диаграмма успеваемости, вывешенная в коридоре школы. Эта левая рука словно чужая. Не знаю, чем она занималась до сих пор?

Теперь уж я не играю ни в футбол, ни в волейбол, не хожу и в кружок авиамоделизма. Как говорится, предоставлен самому себе. До чего же это все-таки скучно — быть одному! К тому же каждый, кому не лень, кричит, завидев тебя: «Эй, левша!» Только этого не хватало. У меня и так есть прозвище: все ребята кличут меня Крошкой. И очень редко называют по имени. А зовут меня Дамир. Когда я был маленький, у меня было иное имя: Замир. Но оно мне совершенно не нравилось, потому что в нашем детском саду была девочка по имени Замира. Всякий раз, когда звали кого-нибудь из нас, мы под всеобщий хохот мчались вдвоем: пойдя разберись в попыхах, кто же потребовался воспитательнице.

В школе мы с Замирой попали в один класс, а если учесть, что фамилии наши тоже были очень похожи (я — Насыров, она — Надьрова), то теперь нас легко путала и старушка-учительница. Од-

нажды она закатила мне в дневник пятерочку, а Замире — тройку. Замира, конечно, залилась горькими слезами, а я, как говорят, воды в рот набрал и ни гу-гу. Уж очень приятно было видеть в своем дневнике эту пятерку. Разумеется, учительница скоро во всем разобралась и поставила пятерку и тройку на свои места. А я так обиделся на это, что даже решил попроситься в другой класс, только не знал, как объявить об этом. К моему счастью, в другой класс перевели Замиру. Она тоже, видно, не хотела, чтобы ее со мной путали.

«Ну, теперь все дела пойдут на лад», — обрадованно решил я.

Но не тут-то было. Стоило мне записаться в волейбольную команду, как все пошло шиворот-навыворот, и начались новые неприятности. Однажды мы соревновались с девочками и проиграли. И почему-то во всем оказался виноватым я один. Звеньевой Салих стал выговаривать мне:

«Недаром у тебя девчачье имя. Уж лучше бы ты играл в их команде!»

Тут терпению моему пришел конец. Вернувшись домой, я все рассказал маме, горько упрекнул ее:

— Неужели не могли дать мне настоящее имя? Ведь смеются надо мной.

— А какое же имя, по-твоему, настоящее? — устало спросила мама.

— Ну, например, Рахим, Салим, Карим.

— Можешь не смущаться, сынок. Замир — это одно из новых, современных имен. Твой... — тут мама смолкла.

Я знаю, она хотела сказать «твой покойный папа», но как всегда смолкла, и слезы показались на ее глазах. С тех пор, как умер папа, прошло уже два года, а мама все еще не может смириться с его смертью.

— Я сама дала тебе имя Замир, — сказала она. — В ту пору были имена: Галаба, Инкилоб,¹ Октябрь. Слышал, наверное?

Слышал. Знаю и другие имена. У нас в школе одного мальчика зовут Маратом, а другого Феликсом. Но ведь эти имена не спутаешь с девчачьими. Никому не взбрдет в голову назвать мальчишку Маратой. А вот к моему имени стоит только добавить одну букву, и готово — посмешище.

Очень это злило меня. Я не давал покоя матери, и она, не выдержав моих яростных атак, обратилась за советом к бабушке. А бабушка, известно, если дело касается меня, неизменно принимает мою сторону. Но тут старушка, видно, не разобралась сразу, в чем дело.

— Анархон, доченька, оставь свою затею, — возразила она. — Имя мальчика созвучно имени его покойного отца: Замирджан и Сабирджан. До чего приятно слушать. Оно и идет нашему мальчику, как драгоценный камень к перстню.

Долго убеждали мы бабушку, пока она не смекнула, наконец, что меня дразнят девчонкой. Она сразу же изменила свое мнение, и, теперь уже при полной ее поддержке, мне решено было дать другое имя: Дамир.

— Оно очень похоже на прежнее, даже значительнее по смыслу, — убежденно разъясняла мама бабушке. — Я все узнала. Если Замир значит — «За мир», то Дамир — «Да здравствует мир». Красиво, не правда ли?

Бабушка согласно закивала головой.

Вот каким образом я избавился от девчачьего имени. А что ка-

¹ Галаба — победа, Инкилоб — революция.

саются других прозвищ, которые прилипли ко мне («крошка» и «левша»), то тут уж ничего не поделаешь даже при помощи мамы и бабушки. «А, пусть дразнят»,—решил я и махнул на это рукой.

2. Бабушка и мама

Оттого, что я на некоторое время стал левшой, больше всех проиграла бабушка. До этого я иной раз помогал ей по хозяйству: ходил в магазин за хлебом и за молоком, приглядывал за сестренкой, продевал нитку в иголку, кормил собаку Лайку. Сказать по правде, всеми этими ответственными делами я занимался лишь в свободное время. А если был чем-то занят, бабушка не то чтобы дать то или иное поручение, даже ходить старалась возле меня на цыпочках. Став левшой, я и вовсе избавился от поручений.

Мама работает в мастерской под названием «Индпошив». Встает рано. Долго расчесывает перед зеркалом длинные волосы и, уложив их тугим узлом на затылке, принимается гладить платье. К этому времени бабушка вносит в комнату кипящий и стреляющий, словно мотоцикл, самовар, ставит его возле стола. Постелив дастархан,¹ уютно усаживаясь, скрестив ноги, и зовет нас с сестренкой.

— А ну, ягнята мои, скорей к чаю!

Мама всегда спешит. Не присаживаясь, выпивает пиалу чая, берет за руку Попык и уходит. По дороге она оставит Попык в детском саду. Уже стоя на пороге, велит мне:

— Смотри, помогай бабушке. Веди себя хорошо.

— Ладно,— говорю.

Вернувшись с работы, она никогда не забывает спросить у бабушки, как я вел себя, помогал ли ей. Бабушка, словно заученный урок, отвечает всегда одной и той же фразой:

— Да, ягненок мой очень послушный и во всем мне помогает,— при этом она хитро подмигивает мне.

Должен честно сказать, что это мне очень нравится. Бабушка до того добра ко мне, что даже если я иногда и разобью что-нибудь или поломаю, все равно не пожалуется маме.

Однажды случилось вот что. Попык, увидев, как мальчишки запускают змея, пристала ко мне, чтобы я ей сделал такого же, хотя эта игра совсем не для девочек. Вы уже знаете, что отделаться от нее не так-то просто. Я выдернул из цинковки несколько камышинок, быстренько приклеил их к клочку чайной обертки, привязал ниточку и вручил Попык. Но не тут-то было. «Не такой!»—заявила она и решительно разорвала игрушку. К этому времени мне и самому захотелось запустить в поднебесье настоящего змея, и я начал искать лучинки, прямые и прочные. Вскоре они были найдены, и я начал сооружать всамделишного змея.

— Смотри, Попык,— восторженно говорил я.— Змей у нас выйдет на славу: с жужжалкой, с красными ушами, с длинным разноцветным хвостом. Как запустим в небо, всех ребят завидушки возьмут.

— Ой, ой, скорее, скорее!—радостно закричала Попык. Должно быть, и бабушке стало любопытно, и она подошла, чтобы узнать, чем это мы заняты. В это время я, ничего не подозревая, аккуратно разрезав очередную палочку надвое, принялся остругивать половинки.

— Вай! Что ты делаешь!—закричала не своим голосом бабушка, вырывая из моих рук и палочку, и ножик.

¹ Дастархан — скатерть.

Только тут я догадался, что разрезанные мною палочки те самые, что долго и верно служили ей при трепке шерсти и ваты для матрацев и подушек.

Мама про это ничего, конечно, не узнала.

Но не все наши проделки кончались так благополучно. Вот, к примеру, сняла Попык со швейной машины приводной ремень (надо же догадаться) и, привязав его к ошейнику Лайки, стала важно прогуливаться с собакой по двору. Мама, как на грех, была дома, увидела разгуливающую взад-вперед Попык и отобрала у нее ремешок, слегка стегнув девочку по ногам.

— Вай, вай,— подпрыгивая, притворно закричала Попык.— Больно, больно!

— Это все из-за тебя. Видишь и молчишь!— с упреком сказала мне мама.

— Она натворила, а я виноват?

— Да, ты,— раздраженно сказала мама.— Ты всегда начинаешь первый, а от тебя и к ней пристаёт.

Обидно мне стало. Будто я закопченный котел и от меня к другим людям сажа пристаёт. Вот и не знаешь, откуда на тебя беда нагрянет. Даже поиграть с Попык нельзя. Думаешь развлечь девочку, а наживаешь неприятности. Конечно, если бы я не помог ей снять с машины этот ремешок, то кхм... Но сама она тоже хороша. Для нее стараешься, выдумываешь всякие полезные занятия, а она, знай, упрямится, капризничает, даже начинает поучать. А ведь от горшка два вершка. Представляете, что будет, когда она малость подрастет, пойдет в школу?

Вообще у нас почему-то редкий день проходит без приключений. Что-нибудь да случится. Ты и не хочешь, а оно получается помимо твоей воли. Ну, к примеру, такой случай. Кое-как (одной левой рукой) накачал я велосипедную шину, а тут пришла с работы мама и вслед за ней бабушка из булочной.

— Так-то ты помогаешь бабушке!— всплеснула руками мама.— Зачем тебе с одной-то рукой велосипед?

Я неопределенно пожал плечами. Мама тяжело вздохнула:

— Ну, что мне делать с тобой, левша ты этакий?

А откуда мне знать, что ей надо делать со мной? И я, разумеется, промолчал.

Выучила бабушка.

— Смотрю,— говорит,— готовит уроки. Ну и пусть, думаю, не стану отрывать от важного дела, схожу сама.

— Что-то я не вижу, чтобы он готовил уроки,— сказала мама.

— А у меня сейчас как раз перерыв,— поспешно поддержал я бабушку и показал на книжки и тетрадки, в беспорядке лежавшие на столе.

— С каких это пор ты стал готовить уроки вечером?— недоверчиво спросила мама.

— А я действую по расписанию.

Наверное, мама не очень-то поверила мне на этот раз, потому что сказала:

— А ну-ка, покажи.

Протянул я ей свой табель-календарь, где был написан режим дня. По этому режиму, составленному еще папой, я должен был готовить уроки по утрам. Но я переписал все заново и на всякий случай сделал так, чтобы можно было готовить уроки, когда тебе вздумается: и утром, и вечером. Может, лет через десять-пятнадцать для школьников изобретут какие-нибудь электронные мозги, чтобы можно было поручить им готовить домашние задания. Это будет, ко-

нечно, здорово. Но это еще когда будет, а пока получается так, что тебе заниматься уроками совершенно некогда.

Посудите сами. Только сядешь утром за стол, разложишь книжки-тетрадки, а на улице уже ребята кричат. Разве тут до уроков? Мысли разбегаются во все стороны, как тараканы. За окном приятели резвятся, а ты торчи, как привязанный, за столом. Разве не обидно? Вот и переносишь волей-неволей занятия на вечер. А вечером обязательно находится какое-нибудь важное, неотложное дело.

Мама внимательно просмотрела весь табель-календарь и нахмурилась.

— Кто это добавил?—спросила она, ткнув пальцем в «Вечерние занятия».

— А у нас конец третьей четверти, и учительница велела готовить уроки и утром, и вечером.

— Какая учительница?—недоверчиво взглянув на меня, спросила мама.

— Халима-апа,—вырвалось у меня.

Тут я прикусил язык. Дело в том, что Халима-апа, наша классная руководительница, иногда бывает у нас дома. А вдруг мама спросит у нее: «Это вы так распорядились?»

Что мне тогда делать?

Мама, видно, утомилась за день и не стала дальше расспрашивать, ушла в дом. Бабушка улыбнулась и, подмигнув, шепнула мне на ухо:

— Ну и мастер ты на выдумки! Не напрасно говорят, что лодыр дело не любит, но зато поучать готов всякого...

— Вы и сами, бабушка, большая мастерица на слово.

— А на дело?—хитро прищурился глаза, спросила она.

Я не нашелся, что ей ответить. А тут еще мама снова появилась во дворе и вновь взялась за проверку тетрадей. (А я-то обрадовался, что избавился от допроса).

Не найдя в тетрадях следов сегодняшних домашних занятий, она опять нахмурилась.

— Так-то ты готовишь уроки! И у тебя хватает смелости обманывать меня?

Я испугался. Да, не думал я, что мое невинное вранье приведет к таким последствиям. Мама разошлась вовсю:

— Ты измучил меня,—сердито говорила она.— До каких пор будешь безобразничать? Когда поумнеешь?—Тут она, совсем распалась, схватила меня за ухо.—Упрямец, ты будешь слушаться меня?

Конечно, мне было больно, однако я молчал. А мама, зная, что все это для меня, как с гуся вода, ухватила и за второе ухо. Вот тут-то я уж не стерпел. Защищая свою бедную голову, я резко вскинул руки. И в это время большую мою руку словно раскаленным гвоздем проткнуло. Заорав благим матом, я вскочил с места и пустился наутек. Мама—за мной. Я решил, что она теперь задаст мне настоящую трепку, и, неистово вопя: «Вай, вай!»—закружил по двору.

— Стой! Остановись же, говорю тебе! Покажи руку!—кричала запыхавшаяся мама.

С перепугу я уж и про боль позабыл. Остановясь, крепко прижал руку к груди и покорно втянул голову в плечи.

— Сильно болит?—озабоченно спросила мама, подходя ко мне. Она с величайшей осторожностью разбинтовала мою несчастную левую.

— Все из-за озорства, неслух,—теперь уже с явным сочувствием произнесла она. Помазав мою ладонь какой-то вонючей желтой мазью, строго сказала:—Будь осторожен. И к холодной воде не прикасайся, а то, чего доброго...

Все ли мамы такие? Велит помогать бабушке по хозяйству и тут же: «Будь осторожен... К холодной воде не прикасайся». Как это понять?

До каких пор рука будет болеть? До каких пор бабушке придется и умывать меня и ботинки мои зашнуровывать. Ведь у нее без меня забот полным-полно... Одна Попык чего стоит! Не сказать ли об этом маме? Я уж рот было раскрыл, да увидел, что она вновь стала строгой, и промолчал. Наверно, подумала, что я, чего доброго, еще загоржусь. Да что я Попык, что ли, чтобы на меня действовали всякие нежности. Подумаешь! И проглотив готовые было вырваться из моего рта слова, я и сам важно нахмурился и принялся за уроки.

Скоро позвали меня ужинать, но я и ухом не повел. Будто это не меня звали. Решил доказать!

Бабушке, конечно, стало жаль меня.

— Устал, наверно, ягненок мой! — запричитала она. — Небось изголодался совсем, хватит уж уроками-то заниматься, иди-ка за стол.

Если говорить по-честному, у меня в животе давно играли сурнаи, но я все еще продолжал крепиться. Обернувшись, я увидел, как бабушка поставила на стол еду. Уж не машхорда¹ ли? Точно, машхорда. А тут еще почувствовал я запахи душистой зелени, которой бабушка щедро приправляет это любимое мое блюдо. До чего же вкусно готовит бабушка!.. С трудом овладев собой, я еще ниже сгорбился над тетрадами, показывая этим все свое прилежание.

— Ему оставьте, потом подогреете, — сказала мама бабушке.

«Скорее бы поужинали, что ли», — нетерпеливо подумал я. Никакие уроки, конечно, не лезли в голову. Цифры и буквы скакали по страничкам, словно кузнечики, пчелами разлетались перед глазами.

Но вот, наконец, ужин кончился, и все поднялись из-за стола. Этого мне только и надо было. Я тут же потихоньку проскользнул в кладовку, где у нас стояла клетушка для курицы. Заглянул я в нее, а там — пара яиц. Одно еще совсем тепленькое.

С яйцами я управился враз. Быстренько твердым стебельком продырявил скорлупу и одним махом высосал и белок и желток. Порядочек. Теперь не мешало бы мягкой лепешки раздобыть. Потихоньку-полегоньку прокрался я в столовую, и половина лепешки мгновенно исчезла в моем кармане. Скоро я вновь, как будто ничего и не было, сидел за своим столом и, загораживая рот перевязанной рукой, уплетал лепешку. Тут меня вдруг одолела икота. Пошел к водопроводу. Теперь уж полный порядок: и наелся и напился. И цифры с буквами прекратили свои танцы, встали по местам. Только мне уж было не до них. До моего слуха донесся голос мамы. Она жаловалась бабушке:

— Этот левша скоро доведет меня до горячки. Если не заставишь, ни за что сам не примется за дело. Ах, несчастная я. Покойный...

Снова про папу вспомнила. Ей, конечно, много легче было при нем. Знала только свою работу в индпошве... А чтобы проверить тетради, расписание, дневник... Пока сам не скажу... А когда приглашали на родительское собрание, обычно говорила: «Отец, сходите-ка сами». Если же я досаждал ей какой-либо выходкой, просила папу: «Урезоньте-ка своего сыночка». Вот и все. Да и разговаривал со мною больше всех и гулял тоже папа. А как он ночами баюкал Попык... Она тогда была еще совсем маленькая.

От этих мыслей у меня начала болеть голова, и в нее уже никакое ученье не лезло.

Вскоре высоко над городом пролетел самолет. Подбежала Попык и повисла у меня на шее.

¹ Машхорда — суп с рисом и машем.

— Достань, ака¹, достань самолетик.

Это как раз было то, что надо. Я быстренько сложил тетради, книги, сказал Попык: «Пойдем, сейчас достану»,— и потащил ее на улицу.

3. Эгей, дядя Степа идет!

С приятелями до самой темноты гонял в футбол. Я здорово устал и, придя домой, с ходу забрался под одеяло. И уж начал было засыпать, как услышал такой разговор:

— Поел он?

Бабушка заглянула в столовую и ответила:

— Нет, не ел.

— Ну, что за мальчишка!— с горечью произнесла мама.— Даже упрекнуть ий в чем нельзя. Левша-левой. И все у него, упрямец этакого, шиворот-навыворот.

«Э,— подумал я.— Вот почему мама называет меня левой. Совсем не потому, что вынужден временно все делать левой рукой. Левша для нее, оказывается, то же самое, что и упрямец.»

Бабушка тем временем принесла пиалу, чайник и, пытливо поглядывая в мою сторону, не спеша, поудобнее устроилась на диване. Я притворился спящим. Усадив маму рядом с собой, бабушка завела свою «шарманку».

— Вся беда, доченька, из-за того, что без отца растет. Будь у него отец, все пошло бы по-другому. Послушайся же, доченька, моего совета. Мать плохого не посоветует.

Все о том же. Стоит маме пожаловаться на что-нибудь, бабушка тут как тут и все начинает объяснять по-своему.

— Султанбай очень порядочный йнгит²,— сладким голосом продолжала бабушка.— И профессия у него — одно украшение.

— Ах, оставьте!— раздраженно воскликнула мама.

— И до чего чадолюбив!— восхищалась бабушка.— Ведь он в твоих детках души не чает. И они все понимают. Ты приглядишься-ка: стоит ему появиться, как они начинают ликовать да радоваться. Я-то все вижу, от меня ничего не скроется.

Дядя Султан, о котором шла речь, приходился нам дальним родственником. С некоторых пор он изредка навещает нас. (Это он привел нам Лайку). Дядя Султан — сухошавый и, наверное, очень сильный. Обычно, входя в наш дом, пригнув голову, чтобы не стукнуться о притолоку, он непременно весело говорит:

— Эгей! Дядя Степа идет.

Он и в самом деле похож на дядю Степу из книжки. Здороваясь с нами, он непременно поднимает Попык до потолка и «удивленно» воскликнет при этом: «Э, да ты выше меня!»

Пусть себе шутит на здоровье. Мне только не нравится, когда в разговоре с нами он вдруг скажет: «Эх, птенчики-цыплята». Так можно называть девчонок, пожалуйста. А за что же меня-то так величать, чем я провинился перед ним?

Впрочем, обида моя не очень уж и большая, он человек хороший. Не напрасно же бабушка так расхваливает его — понимает толк в людях. Я тоже могу кое-что про него сказать, как он, например, часами возится с нами, будто наш покойный папа. А папа никогда не жалел времени для нас. О чем бы я ни спрашивал, он всегда терпе-

¹ Ака — брат.

² Йнгит — молодой человек.

ливо, ласково объяснял мне и даже научил играть в шахматы. С тех пор, как папа умер, в доме нашем стало пусто, печально и скучно. Бабушка, и особенно мама, долго ходили сумрачные и вздыхали. Я-то понимала, в чем дело, а вот сестренке было невдомек. Она шумела, приставала к старшим с расспросами, и ей, конечно, попадало от мамы.

С тех пор, как стал заглядывать к нам дядя Султан, у нас словно бы потеплело и посветлело в доме. Он рассказывал нам с Попык много всяких удивительных историй. Особенно интересно, когда он вдруг примется рассказывать о своей жизни. А чтобы он разговорился, я спрашиваю как бы невзначай:

— Отчего это вы так почернели, дядя Султан?

— Оттого, птенчики-цыплята, — отвечает он, — что я всю свою жизнь провел в степи.

— Всю жизнь? — нарочно с недоверием спрашиваю я.

— Да, всю жизнь, — говорит он и начинает рассказывать. — Я родился в степи, в степи и вырос. Только вот учился в городе. Но потом, как закончил учебу, обратно в степь подался. Строил там дороги, мосты, проводил воду в пустынные места. Э, да все это надо увидеть своими глазами.

Мне интересно слушать его, а вот Попык, минуты не пройдет, начинает зевать во весь рот и хныкать:

— Дядя, поиграем, пожалуйста...

И дядя Султан охотно соглашается. То начертит на земле квадраты, чтобы мы прошли по ним с закрытыми глазами и не наступили ни на одну черту, то сделает для Попык качели, то возьмется чинить мой велосипед, то смастерит дуплянку для птиц. Много интересного умеет он делать своими неугомонными руками.

Стоит дяде Султану появиться в нашем доме, как бабушка сразу прибодряется и начинает готовить что-нибудь особенно вкусное, чтобы угостить гостя на славу. Только вот дядя Султан человек стеснительный, ест мало, особенно при маме. Когда же он соберется уходить, бабушка ласково поет ему:

— Сынок, Султан, ты уж не стесняйся, приходи к нам почаще, наш дом — твой дом. Детишки очень скучают без тебя.

— Спасибо, анаджан.¹ У меня ведь никого нет, кроме вас.

— И еще, сынок, делай, как велит доктора. Этот самый гипертон, говорят, опасная болезнь, — наставляет его бабушка.

У дяди Султана, как говорится, — ни кола, ни двора. Родители его умерли — он совсем одинок. А в Ташкент приезжает лечиться. У него часто болит голова, и врачи советуют ему остаться в городе. Интересно, как он сам решит? Судя по бабушкиным словам, может быть, и останется. Сегодня мне стало ясно, что бабушке очень хочется, чтобы дядя Султан переехал к нам жить навсегда. Это, конечно, неплохо, только маме не особенно по душе, что он станет для нас папой; и тут уж я полностью на ее стороне.

— Для хорошего человека и жизнью пожертвовать можно. И мне на старости лет опора нужна, — не унимается бабушка, утирая широченным рукавом своего платья слезы. — И детишкам отец нужен. Мать плохого не посоветует. Ты послушайся меня, доченька...

«Интересно, что скажет мама», — думаю я с сильно бьющимся сердцем.

Но мама не соглашается.

— Ну, посудите сами, аяджан, ведь могила еще свежа... Так быстро забыть...

А бабушка, знай, свое:

¹ Ана — мама, аяджан — милая мама.

— Султан очень общительный, чуткий йигит. Как увижу его, так и кажется, будто сына своего вижу. Сжался надо мной, доченька,— и она заплакала.

Мама нерешительно сказала:

— А как дети отнесутся?

— Дети?— облегченно воскликнула бабушка.— Это дело ты представь мне. Вмиг уговорю. Слава богу, внучата мои послушные, с разумом, понимают доброе отношение.— Тут она принялась на все лады расхваливать нас.

Конечно, очень приятно слушать похвалу, только мне не понравилось это ее «вмиг уговорю». Попык, разумеется, нетрудно уговорить, несмышлениш еще, ей бы только играть. Но зачем меня равнять с ней? Ну, а если спросят, что ответить? Согласиться? А если не согласюсь, она ведь обидится. Но разве можно обижать такую бабушку?

Я задумался не на шутку и уже не слышал, о чем они толкуют. Думал-думал и до того додумался, что у меня аж в голове загудело, словно туда, как в улей, набились пчелы.

Потом, сквозь сон, мне представилось, будто дверь нашего дома распахнулась и в комнату, пригнувшись, чтобы не задеть притолоку, шагнул дядя Султан и весело произнес:

— Эгей, дядя Степа пришел!

4. Недовольство

Вот уж и месяц минул, как дядя Султан пришел в наш дом со своим чемоданом в брезентовом чехле и остался у нас насовсем. Месяц минул, а я все никак не могу привыкнуть к нему. Что такое! Прежде, когда дядя Султан заглядывал к нам изредка, он был для меня ближе, чем теперь. А что касается Попык, то стоило бабушке сказать «называй его папой», она сразу же послушалась. Виснет на нем, то и дело просит: «Папа, поиграйте со мной», «Папа, купите мне шар, во-о-т такой, большой-пребольшой», «Папа, я хочу мороженого».

Дядя Султан не устаёт возиться с ней и во всем потворствует. То раскачивает качели, то сачком снимает с дерева зеленые урючины, то, усадив ее на плечи, носится, словно угорелый, по двору, как это бывало проделывал и папа со мной. Особенно раздражает меня, когда он, встав на четвереньки и посадив на спину Попык, начинает катать ее по веранде. Попык пищит от удовольствия, хохочет-заливается, а у меня кошки на сердце скребут. Я даже стараюсь не смотреть в их сторону. Сижу себе за уроками. Делаю вид, что меня это нисколько не касается. С одной стороны, конечно, мне так и надо поступать — учебный год кончается, с другой стороны, во мне ни с того ни с сего вдруг заговорила гордость, и я решил держать себя независимо.

Иногда он подходит ко мне и заводит разговор:

— Ну, как дела, товарищ ученик?

— Ничего, хорошо,— небрежно говорю я, не оборачиваясь, хотя у меня в этот момент никак задачка не получается.

Но дядю Султана, как и моего отца, не обманешь. Он лукаво смотрит на меня и, конечно, сразу же догадывается, что мне приходится туговато.

— Помочь?— спрашивает он.

Я, разумеется, не против того, чтобы он помог, но креплюсь. Так, за здорово живешь, сдаваться не резон, и я непреклонен.

— Рахмат,— сдержанно отвечаю я,— надо на свои силы надеяться.

— Ты это верно говоришь,— улыбается он большими черными глазами.— Хвала твоему учителю.

«А при чем тут учитель?»—думаю я, непонимающе уставясь на дядю Султана. А он добавляет:

— Правильно воспитывает.

Некоторое время спустя он хлопает в ладоши. Это — «звонок» на перемену.

Не так давно дядя Султан соорудил стол для тенниса и сейчас ждет меня с ракеткой в руке. Хотя меня так и подмывает бросить уроки и тоже схватиться за ракетку, я сдерживаюсь и отвечаю:

— Я ещё не кончил уроки.

— Хороший ученик должен правильно сочетать учебу с отдыхом. Видимо, тут у твоего учителя — промах. Ну, скорее же, у меня руки чешутся. Хочу еще раз доказать тебе, какой из меня чемпион, — смеется он, хотя накануне с треском проиграл мне.

Игра очень увлекает нас. Каждое добытое с боем очко радует его не меньше, чем меня. Он даже губами причмокивает от удовольствия. А Попык, только мячик упадет на землю, стремглав бросается за ним, визжа и хохоча. Не знаю, как это произошло, но отношения наши опять наладились, и я перестал коситься.

У дяди Султана золотые руки. Он все умеет и никогда не устает. То наколет дров и, размельчив тешой уголь, уложит все это под тандыром¹, то возьмется чинить плитку или стиральную машину, то, вскопав землю, вымерит площадку для будущей клумбы — пятиконечной звезды. Он даже, можете себе представить, великолепно моет полы. Отводит Попык в детский сад и забирает ее оттуда — и это стало его обязанностью.

А в выходные дни, засучив рукава, дядя Султан принимается готовить «его величество плов». Когда же мама, смеясь, скажет:

— Не мужское это дело — возиться возле казана, — он отвечает:

— Нам это привычно. Степняк не любит жить чужим трудом.

Бабушке все это очень нравится. И тем не менее она озабоченно нет-нет да и скажет:

— Оставь, сынок, хватит с тебя и того, что возишься с детьми. Ты приляг, отдохни немного.

Мама вторит бабушке:

— Не утруждайте себя очень. А то еще голова разболится.

— Мне уже лучше. Надо ведь помочь вам, анаджан, в свободное время. А то скоро и на работу, — говорит дядя Султан.

— Что, снова? — пугается бабушка.

Дядя Султан улыбается.

— Придет время, посоветуемся.

Мы с бабушкой удивлены таким ответом. Мама же молчит. Может быть, она знала и раньше? Да, так оно и есть. Однажды, лежа в постели, я услышал, как мама и дядя Султан стали о чем-то шептаться. Сперва слов нельзя было разобрать, но вдруг дядя Султан громко, раздразненно сказал:

— Я обещал, по крайней мере, на год. А ведь слово — дороже золота.

— Тише. Старая услышит, переживания начнутся, — сказала мама. — Да и дети не должны знать.

Кто из них прав? Мама иногда поступает не очень-то справедливо. Однажды, например, сосед попросил одолжить ему кетмень. Мама, даже не заглянув в кладовку, ответила: «Рукоятка сломана». Верно, она была когда-то сломана, но дядя Султан давно заменил ее новой. Мама, видно, не знала об этом, и я сказал: «Нет, мама, рукоятка уже новая», — и торжественно вынес кетмень. Сосед ушел очень довольный,

¹ Тандыр — глиняная печь для выпечки лепешек.

а мне влетело. «Стыд какой из-за тебя»,— сказала мама и предупредила, что, если я в другой раз вмешаюсь в разговор взрослых, она меня отлупит.

Вот и сейчас: сказала дяде Султану «тише», а сама стала говорить еще громче. И рад бы не подслушивать, да что поделаешь, если я не глухой и все так ясно слышно. А может, взять и уйти на улицу? Что бы там ни было, а я понял, о чем они спорили.

— Зачем вы так необдуманно пообещали?— говорила мама.— Вы инженер, могли бы устроиться на какой-нибудь завод в городе. А теперь как вы будете там, в степи? Ведь врачи категорически запретили вам уезжать надолго. А если станет хуже? Враг, что ли, вы себе?

— Чудно говорите,— басит дядя Султан.— Сколько людей едет в степь, неужто они враги сами себе?

Мне досадно. Почему мама так настойчиво отговаривает его?

Наступило долгое молчание. Потом мама устало проговорила:

— Как хотите.

То ли согласилась с ним, то ли обиделась— не понять. Я уж подумал было, что на этом разговор и окончился, как дядя Султан, совершенно неожиданно, убежденно сказал:

— Вместе поедем.

— Что?!— испуганно воскликнула мама.— Зачем мне это надо? Покинуть дом, в котором родилась, а?

И опять — молчание.

— А как быть с детьми?— услышал я некоторое время спустя.

— Возьмем с собой,— не задумываясь, ответил дядя Султан.

— Да вы думаете, что говорите? Оставить такой дом и мытарствовать с детьми в степи? Нет, это не дело... Не советую и вам ехать.

Дядя Султан — человек настойчивый.

— Не паникуйте,— спокойно сказал он.— Там тоже есть свои прелести. Приедете, узнаете. Сперва возьмем Попык, а за Дамиром я приеду к концу учебного года. Устраивает?

Не устроило. Мама сослалась на то, что никак не может оставить работу.

Дядя Султан возразил:

— И там найдется для вас хорошая работа.

— Дети привыкли к бабушке,— не уступала мама.— Мне одной там не сладить с ними. А оставить их бабушке — совестно.

«Эй, аяджан, зачем наговариваете? Да еще равняете меня с Попык. Неужели я такой отпетый, что нельзя оставить меня с бабушкой? Если вас удерживаем только мы, можете спокойно ехать. Как-нибудь справимся тут одни с бабушкой». Вот что хотелось сказать маме. Но я сдержался. Она могла подумать, что я нарочно подслушиваю.

Дядя Султан начал что-то выговаривать ей. Потом они надолго замолчали, и я, так и не дождавшись конца разговора, заснул.

5. «То умно, что обмерено»

Утром мама не стала по обыкновению расчесывать волосы перед зеркалом, гладить платье. Даже к еде не притронулась. Почему так поступила, а? Опаздывала или обиделась на кого?

— Доченька, как же без завтрака-то?— только успела сказать вслед ей бабушка.

Дядя Султан, обычно весело болтавший с нами за завтраком, сидел нынче молчаливый, словно воды в рот набрал. Веки его были припухшими, глаза красны. Может быть, снова разболелась голова, мучила бессонница? Хотел было спросить его об этом, да постеснялся.

Из-за мамы и у дяди Султана и у меня на душе стало муторно и тревожно. Даже аппетит пропал, хотя бабушка напекла отличных кругляшей-оладий. Чтобы только не обижать ее, я едва съел три штуки и поднялся из-за стола. Дядя Султан, взглянув на часы, сказал:

— Пойдем, Попык, уже время.

Обычно, отведа сестренку в детский сад, он тут же возвращался домой. Но на этот раз словно в воду канул до самого вечера. Вернулся вместе с Попык. А я давно уж пришел из школы и просто не знал, куда девать себя, все ждал: вот-вот придет дядя Султан, и мы сразимся с ним в теннис. Но он явился молчаливый, усталый и сразу же растянулся на диване. Заговорить с ним мне было неудобно, и я пошел на улицу.

Сегодня в нашем доме было непривычно тихо.

Но на следующий день мама и дядя Султан вновь принялись объясняться. Теперь мама сослалась на бабушку:

— Я передала ваши слова маме. Она очень обиделась и сказала: «Разве этого ожидала я от Султанбая? За сына его считала, а он — нате-ка, что выдумал».

Дядя Султан в ответ на это не сказал ни слова. Поднялся и, молча ссутулясь, ушел из дома неизвестно куда. А мама позвала меня к себе.

— Садись, надо посоветоваться,— сказала она.

Я опасноville прилепился на краешке стула. Раньше мама только приказывала сделать то-то, так-то... А тут вдруг решила посоветоваться. Прежде всего я степенно прокашлялся, хотя у меня и не першило в горле. Потом попытался придать своему лицу серьезное, многозначительное выражение. Не могу сказать — удалось ли мне это. Ведь не станешь сейчас же заглядывать в зеркало.

На хмуром лице мамы появилась улыбка. Знаю, что так бывает всегда, когда ее разбирает смех. Отчего это ей сейчас весело? Не оттого ли, что я стал таким серьезным? Что же тут смешного? Но вот улыбка исчезла с ее лица, и она сказала дрогнувшим голосом:

— Папа хочет оставить нас.

Меня словно кто встряхнул. Папа! Слово это торжественно звучало для меня с тех самых пор, как я помню себя. Вот уж два года, как это слово не произносили ни я, ни мама. Теперь оно прозвучало для меня довольно-таки странно. И потом еще — хочет оставить нас. Вот так штука! В разговорах, нечаянно подслушанных мною, кажется, ничего такого не говорилось. И не сама ли мама сказала ему: «Как хотите». Почему ж теперь она паникует? Выходит, она вовсе не хочет, чтобы дядя Султан уезжал от нас навсегда. Конечно, не хочет.

Я решил высказаться напрямик:

— Ведь вы сами не согласились, когда он предложил всем вместе поехать в степь.

— Несносный мальчишка! — Мама погрозила пальцем. — Разве я не говорила тебе, чтобы ты никогда не подслушивал чужие разговоры? Я было приподнялся со стула, чтобы улизнуть, пока не поздно, но мама разгадала мои намерения и строго сказала:

— Сиди. С тобой советуются. Будь умным. Слушай меня внимательно. Что ты скажешь, если папа предложит поехать в степь всей семьей?

Что я скажу? Если скажу «не поеду», так ведь он обидится. Конечно, обидится. Да и мне самому неплохо было бы пожить в степи, поглядеть, где работает дядя Султан. Я, разумеется, за то, чтобы ехать. И как можно скорее. Но как сказать об этом? Мама-то против. Попробуй скажи! Так я и сидел, хлопая глазами, не зная, как быть.

— Запомни хорошенько, — стала учить меня мама. — Скажешь: «Не поедем мы в вашу степь, не хотим». И будешь стоять на своем. Понял?

И Попык научишь. Если как следует заупрямитесь, может, он и передумает. Понял, сынок?

Как не понять! Только сумею ли я исполнить толково это приказание? Я ведь не артист, чтобы вышло все как по-писаному.

А мама пристально смотрит на меня и ждет, что я ей отвечу. Да, попал я в переplet! Ведь если не скажу «хоп»¹, она не оставит в покое. И кроме того, она может оттаскать за уши. Как быть? И, решив не рисковать ушами, я бодро сказал: «Хоп».

Ну и обрадовалась же мама!

— Молодец, сынок,— просияв, ласково сказала она и потрепала меня по плечу.

Несколько дней подряд ходил я по двору и все повторял: «Не поеду в вашу степь, не поеду в вашу степь». И был очень доволен, что дядя Султан не заговаривает со мной о поездке. Может, он передумал, решил не уезжать из города? А может, врачи категорически запретили ехать, сказали, что знойный воздух Кызылкумов вреден для его здоровья, или еще что-нибудь? Как бы там ни было, я был доволен, потому что, заговори он со мной про степь, все равно сказал бы то, что думаю, а не то, чему учила мама.

Так все и продолжалось. Но вот сегодня дядя Султан проснулся очень рано и стал собираться в дорогу. Надел серый дорожный костюм, вынес из дома чемодан в брезентовом чехле. Сказал несколько слов маме, долго о чем-то беседовал с бабушкой. Потом распрощался и с нами. Подкинул над головой Попык, дважды поцеловал ее в лоб, опустил на землю. Поцеловал и меня. Попык было увязалась за ним:

— И я поеду.

— Поедешь, поедешь, только попозже,— ответил дядя Султан.

— А мороженое, мороженое купите?

— Будет и мороженое.

С грустной улыбкой он помахал нам рукой, поднял свой чемодан и ушел со двора.

Уехал.

А через неделю почтальон принес письмо. Дядя Султан сообщал о том, что добрался благополучно, приступил к работе. О работе написал только три слова: «Прокладываем огненную реку». А что это за необыкновенная река, где она находится? Неужели нельзя было немного поподробнее сказать? Наверное, был недосуг. Я стал ждать второе письмо, но прошло много дней, а весточки не было. Вот уже урюк, совсем крохотный и зеленый в ту пору, когда дядя Султан уезжал, покрупнел, и косточки стали твердыми, вот уж и листья винограда, в ту пору только что пробившиеся из почек, стали такими большими и сочными, что в них заворачивают рубленое мясо и делают голубцы. Ах, какие бывают голубцы в плове! Даже и не разобрать, что вкуснее— плов или голубцы. Бабушка говорит:

— Как жалко, ведь сынок Султанбай так любит плов. Ел бы на здоровье да похваливал сейчас. Как он там обходится? Трудно, наверное, одному, без присмотра?— Вздохнув, она спрашивает у мамы:— Анархон, пришло письмо? Что он замолчал? А ты ему ответила? Еще нет? До чего же беззаботна ты! Бедняжка, он, наверное, все глаза проглядел, твоего письма дожидаясь.

Теперь мне все понятно. Он ждет ответ и потому не пишет. А я уж и соскучился по нему. Нет-нет, да и вспомнится его ласковое «сынок». А тут еще Попык все чаще начинает хныкать:

— Когда к папе поедем?

И вот однажды бабушка, тяжело вздохнув, говорит маме:

¹ Хоп — ладно.

— Чем так в беспокойстве день и ночь жить, лучше бы уж уехали, доченька. Детей можешь забрать, а можешь и оставить.

— Не выйдет,— говорит мама.—Здесь оставлю—вам трудно будет, с собой возьму — меня измучают.

Вот-вот. Опять мы виноваты. Что же делать? Говорю маме:

— Аяджан, мы не подведем вас, будем послушными.

Мама лишь рукой махнула.

Тут снова начала бабушка:

— Положись на меня, доченька. Я присмотрю за ними. Лишь бы весточки присылала. Сны худые вижу я. Не оставляй Султана одного, доченька. Ты уж послушайся меня, старую. Говорят, то умно, что обмерено да обдуманно.

— До чего умная бабушка у нас,— говорю я Попык. Но та, разумеется, ничего не поняла.

Мама после долгого раздумья сказала:

— Пусть наш Дамир благополучно окончит пятый класс, а там увидим.

Она словно пощечину мне дала, я обиделся.

— Аяджан, неужели думаете, что я не смогу закончить пятый?

— Я так не думаю, сынок. Но закончить можно по-разному.

Стало быть, не верит, что окончу с хорошими отметками.

... Может, она из-за этого и не едет к дяде Султану?

Продолжение следует.

Майя БОРИСОВА

Известная ленинградская поэтесса Майя Борисова одной из первых откликнулась на ташкентскую беду, прислав в дар нашему пострадавшему от землетрясения городу «Поэму входящих бумаг». Гонорар за эту поэму положил начало фонду, который пойдет на строительство библиотеки имени журнала «Звезда Востока».

ПОЭМА БЕЗ КОНЦА

1.

Вот...

А теперь я расскажу про нас.
Про нас двоих.

Как в тот тиший вечер,
Когда ты мне сказал...

А я сказала:

— Не лги!

А ты ответил:

— Я не лгу.

Я на минуту возвращусь к началу,
Чтоб, пробежавшись по воспоминаньям,
Тебя догнать.

И быть навеки вместе.

И я вернулась в плоский пыльный город,
Сидящий гордо, точно пуп России,
Среди полей.

И ты был очень близко.

И звал меня.

А я к тебе спешила,

И остров наш был ут же, за углом,
Он так блаженно был
 необитаем
И так тенист и солнечен!

2.

 Но церковь
Вдруг выросла над озером
 и тотчас
Заколыхала пухлым отраженьем,
Как дама треф,
 козырная,
 с пришепом.
А во дворе стоял открытый гроб.
В нём мертвая лежала.
 Как рубильник,
Был нос ее победно к небу задран.
А в общем, двор был шумен и слоист:
Светлея асфальт;
 на нем толклись старухи,
Чернея;
 выше — голуби мелькали,
Светлея;
 а повыше их вороны
Чернели;
 а еще повыше небо
Светлело;
 а чуть-чуть повыше неба
Чернели ветви высохших осин.
Так мертвое
 с живым перемешалось.
И мертвое, отмеченное черным,
Себя стремилось выдать
 за живое:
И двигалось, и звуки издавало.
Глаза живые, спрятавшись во мраке,
Молчали,
 но умершие слова
«дондеже», «иже», «паки», «аллилуйя»
Влезали в рот и жалась к языку,
Чтоб хоть на миг стать теплыми, живыми.
И даже нос, похожий на рубильник,
Вдруг стал и впрямь
 похожим на рубильник:
Не столько мертвым, сколько
 неподвижным
До времени, и не таким уж страшным.
О, я тут оказалась очень кстати!
Мне задан был, как Золушке, урок:
На каменном полу угрюмой ночью
Я отделяла маковые зерна
От проса,
 я во лжи искала правду
И разлучала темное со светлым
И темное сметала в дальний угол,
А светлое лечила и поила

Живой водою,
с губ, как голубенка.
И был урок тяжел,
а ночь мала.
Тогда тебя я позвала на помощь,
Но ты не отозвался.

Я взглянула:
Далёко, возле грани горизонта
Ты шел один.

Как испугалась я!
Я попыталась все переиначить,
Обратный ход задать воспоминаньям,
Но получалась полная нелепость,
Как в киноплёнке, пущенной назад,
Где бойкие ныряльщики мгновенно
Из-под воды возносятся на вышку,
Футбольный мяч, как бабочка, садится
На вежливый носок тяжелой бутсы
И всё в таком же роде.

Стало ясно:
Ты — впереди.
Мне снова — догонять.

И я спешу. И ты опять стал близким.
Ты ждал меня на площади Дворцовой
И на часы смотрел,

а я ныряла
В целебные зеркальные озера
И праздничное платье надевала,
Горячее от утюга.

Но тут...

3.

Раскрылась дверь,
и холодом пахнуло.
И в комнату мою вползла тревога
И подкатила пыльным помелом
Две маленьких обугленных планеты.
Одна планета называлась

БОРЯ.

Она устала бегать возле
солнца,
Которое не грело — обжигало.
Она сидела, сгорбившись, на стуле
И чай пила, и в чашку клала сахар,
А дикие зеленые глаза,
Как спутники, имевшие орбиты,
Вокруг нее, как спутники, вращались
И посылали радиосигналы.
Ну, а планете было не до них:
Она сидела, ко всему слепая,
Сидела и молчала.

Чай пила.
Другой планете было девятнадцать
Обычных лет.

Отнюдь не световых.

Ее война швырнула в мирозданье,
Проволокла сквозь тусклые созвездья
Приемников, больницы и детдомов.
И вот теперь

она лежит, укрывшись
Моим пальто,

и голосом обычным
Мне говорит, что главное — не боль,
А то, что очень стыдно.

Больно тоже,
Но главное — не боль.

А был бы мальчик —
Ей так сказала после медсестра.
Чем я могла помочь им?

Я не знала.
Но пальцы их переплелись с моими,
Как травы с ветром,

или как с сознанием
Тревожные предутренние сны.

Чем я могла помочь им?
Мы стояли
На кромке мирового океана —
Две маленьких обиженных планеты
И я меж ними.

Черная тревога
Из их сердец в мое переливалась,
И, видимо, им становилось легче.
Они уснули.

Я лежала тихо
И думала о них.

Не о тебе.
О, как потом я за тобой бежала!
Ты знаешь, как бежала я?

Не знаешь.
А у меня ветра сжигали слезы
В глазах раскрытых,
сердце колотилось

У самых губ,
как в тот тишайший вечер,
Когда ты мне сказал...

А я сказала:
— Не может быть...

А ты сказал:
— Навек.

Я не хотела, — слышишь? —
не хотела,
Чтобы завод вставал передо мной!
Но память за рукав меня схватила
И протащила через проходную.

4.

В знакомый цех.
Там дерево пилили,
Строгали, мяли, красили, сушили,
А дерево ревело, огрызалось

И загоняло, обозясь,
занозы

Девчонкам в пальцы.

Но потом стихало

И под сверлом вдруг испускало запахи,
Бессильный, неожиданный и грустный:
То сливок,

то духов,

то кисловатый

И добрый аромат молочной кринки,
Прожаренной на солнечном плетне,
А иногда ванили...

Старый мерин

По кличке «Бантик» вывозил из цеха
Покорные древесные изделия.
Им правил лилипут тридцатилетний.
Сжимая вожжи в детских кулачках,
Он дискантом нежнейшим матерился.
А в цехе у станков

стояли немки.

Они когда-то жили под Одессой.
В минувшую войну их то и дело
Освобождали:

то «от большевизма»

Фашисты,

то всерьез, наоборот...

Так, в результате всех освобождений,
Они попали за Полярный круг
И, постепенно оползая книзу,
Уперлись в этот тихий городок.
Девчонки говорили по-немецки
Неважно.

А по-русски очень бойко.

Их в комсомол пока не принимали.
А в перерывах табельщица Нина
Читала им роман о партизанах,
И ахали девчонки от восторга,
Когда по ходу действия романа
В итоге хитроумных операций
Взлетал на воздух целый эшелон
С фашистами.

И только тетя Берта,
Чей тусклый снимок на Доске почета
Висел в углу бессменно, как икона,
Ложилась на скамью лицом к стене,
Но не спала,

а плакала тихонько.

Теперь скажи,

как я могла уйти

От этих слез?

От этих двуязычий,

Двуслыщиц,

от лихого визга пил,

От этих норм, и планов, и расценок,
Как я могла уйти?

Я не ушла.

Я отстаю —
 безбожно, безнадежно...
А ты всё дальше, милый,
 ты всё дальше.
Ты, словно луч,
 прямой и напряженный,
Пронзаешь толщу стен, дорог и судеб
И цель находишь,
 как находит пуля
Ту самую, единственную точку.
А я — не луч.
 Я просто уголёк.
Я по земле качусь:
 кого-то грею,
Кого-то поджигаю, как солому,
Кому-то путь мгновенно освещаю...
И ничего уж
 с этим
 не поделать.

Зиннат ФАТХУЛЛИН

Перевели с узбекского

А. АЛЕКСЕЕВ, А. ФАТХУЛЛИНА

Первое произведение известного узбекского драматурга, заслуженного деятеля искусств УзССР Зинната Рахимова Фатхуллина пьеса «Бутоны» была поставлена на сцене республиканского театра драмы в 1930 году. С этого и начался плодотворный путь писателя-коммуниста.

За прошедшие годы им написаны пьесы: «Маска сорвана», «Жизнь на сцене», «Предатели», которая была поставлена и на сцене русского театра, «В дни испытаний», «Ценою жизни» и другие, рассказы и очерки. В 1951 году он написал повесть «Я говорю тебе — живи» о Герое Советского Союза Кудрате Суянове.

Пьеса Зинната Фатхуллина «Ласточка моей весны», которую мы печатаем, идет почти во всех театрах Узбекистана, ее ставят в Таджикистане, в Киргизии, она выдержала уже около 500 спектаклей.

ЛАСТОЧКА МОЕЙ ВЕСНЫ

*Лирическая комедия
в двух действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Азиза
Бекназар
Норкузи
Негмат
Мирза
Тулкуной
Айташ-хола

Действие первое

Хорошо обставленная комната. В углу справа—низкий стол, вокруг стулья. Рядом — невысокий диван, на нем подушки. Слева — пианино. Через широкие застекленные двери, ведущие на веранду, видна буйная зелень сада.

За пианино сидит Азиза. Она то играет, то вносит какие-то исправления в ноты — работает над своим сочинением.

На веранде появляется Норкузи, нерешительно останавливается перед дверью. Потом осторожно, на цыпочках входит в комнату. Услышав шаги, Азиза испуганно оборачивается и, перестав играть, удивленно смотрит на вошедшего. Она, конечно, сразу же узнала его. Но, чтобы наказать Норкузи, который, уже давно демобилизовавшись из армии, не заехал к ней, Азиза решила притвориться, что видит его впервые.

АЗИЗА. Извините, вы к кому?
НОРКУЗИ (*смущенно*). Я?.. К вам.
АЗИЗА. Ко мне?
НОРКУЗИ. Неужели не узнаете? Это я — Норкузи!
АЗИЗА. Простите, но я вас не знаю.
НОРКУЗИ. Но ведь... Вспомните хотя бы... Ну, хотя бы... (*Совсем смутился.*)
АЗИЗА. Что «хотя бы»?
НОРКУЗИ. Ну, как мы вместе...
АЗИЗА (*удивленно*). Вместе?
НОРКУЗИ. Ну, как вы учили меня понимать музыку... Стихи...
АЗИЗА. Нет, не помню.
НОРКУЗИ. А вы помните, кто бросал цветы вам под ноги, когда учились в десятом классе?
АЗИЗА. А я откуда знаю? Тот, кто бросал, все время прятался за дувалом.
НОРКУЗИ (*не сдержавшись*). Бросьте притворяться, пожалуйста! Может быть, вы откажетесь даже и от того, что провожали меня в армию и плакали?
АЗИЗА. Вы меня с кем-то путаете, молодой человек... Сядьте, пожалуйста, и объясните, кто вы такой и что вам нужно.
НОРКУЗИ. Ну, знаете! (*Хочет уйти.*)
АЗИЗА. Куда же вы?
НОРКУЗИ. Я вам сейчас принесу все письма, которые вы мне писали!
АЗИЗА. Я вам писала?
НОРКУЗИ. Вот увидите!
АЗИЗА. Да стойте же! Это не вы ли учили меня ездить на осле?
НОРКУЗИ. Нет. Чего не было, того не было.
АЗИЗА. Ну, может быть, тот, кто отнял у меня любимую куклу?
НОРКУЗИ. Да нет же! Я отнял ее у того, кто отнял у вас и вернул вам. Помните?
АЗИЗА. Что-то, кажется, начинаю припоминать.
НОРКУЗИ. Наконец-то...
АЗИЗА. А сколько, по-вашему, мы с вами не виделись?
НОРКУЗИ. Почти пять лет.
АЗИЗА. Когда же вы вернулись из армии?
НОРКУЗИ. Уже месяцев шесть.
АЗИЗА. И не стыдно вам?
НОРКУЗИ. А чего мне стыдиться?
АЗИЗА (*с волнением*). Прошло столько времени, а вы даже не подумали, что надо встретиться с другом детства. Разве это не обидно?!
НОРКУЗИ. Азиза...
АЗИЗА. Не оправдывайтесь!
НОРКУЗИ. Послушайте меня, Азизахон.
АЗИЗА. Эх, вы даже поверили, что я вас не узнала.
НОРКУЗИ. Можете не узнавать и даже не признавать меня... Прошло много времени... Вы стали композитором, а я...
АЗИЗА. Поэтому хотели совсем забыть меня?
НОРКУЗИ. Откровенно говоря — да. Чем видеть вас и страдать, лучше... Конечно, не раз я приезжал в Ташкент и каждый раз торчал возле вашего дома, видел вас издалека и уходил.
АЗИЗА. Почему же?
НОРКУЗИ. Смелости, что ли, не хватало, не знаю.
АЗИЗА. Ну, вот теперь я сама приехала. Уже третий день я в кишлаке, а вы даже свою тень не показываете.
НОРКУЗИ. Прошу прощения.
АЗИЗА. На этот раз, видимо, тоже не хватило смелости придти ко мне?
НОРКУЗИ. Смелости-то хватило, но только дойти до вашего дома... А вот войти как-то не решался.
АЗИЗА. И все же вошли.
НОРКУЗИ. В этом виновата музыка. Вы так хорошо играли, что я даже не заметил, как вошел в комнату...
АЗИЗА. Ой, мы же забыли поздороваться... Здравствуйте, Норкузи-ака!
НОРКУЗИ (*пожимая руку Азизы*). Здравствуйте! Как вы живете? Как ваше здоровье?
АЗИЗА. Спасибо, хорошо. Я вижу, вы несколько не изменились. Такой же здоровый, закаленный...
НОРКУЗИ. Вы тоже... Только глаза стали еще больше, красивее и косы длиннее.
АЗИЗА. Я очень рада, что вы пришли.
НОРКУЗИ. Лучше поздно, чем никогда.
АЗИЗА. Садитесь, пожалуйста. Ладно, так и быть, я вас прощаю.
НОРКУЗИ (*садится*). А я вас не могу простить, Азизахон.
АЗИЗА (*удивленно*). За что?
НОРКУЗИ. Люди говорят, что раньше вы каждый месяц приезжали сюда, к

родным. А как я вернулся — ни разу не были... Выходит, не я, а вы не хотели меня видеть?..

АЗИЗА. А люди еще говорили, что в этом году я оканчиваю консерваторию? НОРКУЗИ. Да, говорили.

АЗИЗА. Так вот, поэтому и некогда было часто приезжать. То экзамены, то отчетные концерты, то еще что-нибудь...

НОРКУЗИ *(вздыхнув)*. Извините, я вижу вы очень заняты. Мне лучше уйти... *(Поднялся со стула.)*

АЗИЗА. Куда?.. Нет, нет, я вас не пушу. Ой! Я совсем забыла! Я ведь поставила чайник! Простите, я сейчас... *(Убегает.)*

НОРКУЗИ *(подходит к пианино, осторожно гладит клавиши, смотрит на ноты)*. Значит, я для нее друг детства и только?.. Может быть, для нее слава сильнее любви?.. Нет, Норкузи, терять надежду не надо. Любовь слепа, для нее что шах, что нищий...

Входит Азиза с чайником и пиалами.

АЗИЗА. Прошу к столу.

НОРКУЗИ. Спасибо. Сочту за честь... *(Садится за стол.)*

Азиза разливает чай по пиалам, предлагает конфеты, печенье, фрукты.

АЗИЗА. Пожалуйста...

НОРКУЗИ *(понижению осваиваясь)*. Спасибо... *(Пьет чай.)*

АЗИЗА. Расскажите, пожалуйста, о себе подробнее.

НОРКУЗИ. О чем?

АЗИЗА. Ну, например, не скучаете ли вы здесь, в кишлаке?

НОРКУЗИ. Да нет! Непредельно скучать. Ну... а если мне становится грустно, ухажу на берег канала... К старой иве... Помните ее?

АЗИЗА *(смущенно)*. Помню... Но тогда мы были слишком молоды.

НОРКУЗИ. И были счастливы. Очень счастливы.

АЗИЗА. От одной только влюбленности люди не становятся счастливыми, Норкузи-ака.

НОРКУЗИ *(помрачнев)*. Понятно. *(Встает из-за стола.)* Спасибо за угощение.

АЗИЗА. Куда же вы?

НОРКУЗИ. Пора... Вам надо заниматься.

АЗИЗА. Да подождите же!

НОРКУЗИ. А я все равно буду бороться за свое счастье...

АЗИЗА *(переводя разговор на другую тему)*. Норкузи-ака, хотите послушать мою новую музыку?

НОРКУЗИ *(не сразу, хмуро)*. Если у вас есть время для меня...

АЗИЗА. Есть, есть! Конечно, есть! Садитесь, пожалуйста. *(Подбегает к пианино, кладет руки на клавиши, на минуту задумывается, а потом, лукаво взглянув на Норкузи, начинает играть. Сначала слышится только мелодия, а потом вступают два голоса — мужской и женский. В это время на веранде появляется Негмат. Незамеченный, он останавливается у двери.)*

МУЖСКОГО ГОЛОС. «Помнишь, как ждал я тебя под ивой плакучей? Кровью обливалось сердце, когда ты не приходила...»

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. «Помню...»

МУЖСКОГО ГОЛОС. «Помнишь, как пыль от следов твоих прикладывал к глазам своим? Сердце билось от счастья, услышав одно лишь слово — люблю...»

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. «Помню...»

НЕГМАТ *(бурно аплодирует)*. Bravo, bravo! Великолепная музыка. *(Целует руку Азизы.)* Я за вами, Азизахон. Моя машина ждет вас.

АЗИЗА *(показывая на Норкузи)*. Негмат-ака, прошу познакомиться — друг моего детства. Вместе росли, учились.

НЕГМАТ *(сняв очки, протягивает руку)*. Очень рад. Композитор Негмат Нурий.

НОРКУЗИ *(крепко пожимая руку)*. Механизатор Норкузи Шодиев.

НЕГМАТ. А-а-а... Если не ошибаюсь, вы служили во флоте. Даже стихотворные послания писали Азизе-хон... Не так ли? *(Читает наизусть.)*

Ты — полная луна на небе,
Жемчужина на земле.
А в глубине моря ты,
Как солнце, сияешь мне...

Это вы сами сочинили, молодой человек?

НОРКУЗИ *(сдержанно)*. Кто вам давал читать чужие письма, тот, наверное, назвал и автора этих строк.

АЗИЗА. Но что здесь плохого? Он посылал мне письма, а я ему песни свои...

НЕГМАТ *(Норкузи)*. Ну, и что вы скажете о песнях Азизы?

НОРКУЗИ. Они написаны неплохо. От чистого сердца. Волиуют. Не то, что музыка, в которой много шума, а слушать нечего.

НЕГМАТ. Тонкое суждение... А вы слышали песню «Город-сад»?

НОРКУЗИ. Композитора Негмата Нурий?

НЕГМАТ. Да, это моя песня.

НОРКУЗИ. Слышал и даже несколько раз.

НЕГМАТ. Значит, понравилась?

НОРКУЗИ. Нет, просто хотел понять ее.

НЕГМАТ. Поняли?

НОРКУЗИ. Не совсем. Правда, название хорошее — «Город-сад». Но в песне, кроме городского шума, ничего не услышал. А ведь сами знаете: где сад, там и цветы, а где цветы, там и соловьи.

АЗИЗА (*удивленно*). Вот как!

НЕГМАТ. Видимо, вам нужны частушки: «Ой-ой-ой-ой, где шатался, милый мой!»

НОРКУЗИ. Я не знаю таких глупых частушек. А вот хорошую песню я очень уважаю. Слыхали такую:

Чуть повеет зимою, улетают ласточки,
Не вынося стужи, голода, страданий...
...Сердце, другу отданное смолоду,
Не боится никаких испытаний...

НЕГМАТ (*с иронией*). О, я вижу, что вы, действительно, не чужды поэзии...

НОРКУЗИ. Нам нужны такие стихи и музыка, товарищ композитор, которые волновали бы наши сердца, вдохновляли бы нас в труде, чтобы мы любили их, как материнский голос у колыбели.

НЕГМАТ. Боюсь, что в понимании искусства вы, товарищ Шодиев, до сих пор еще не вышли из колыбели!

АЗИЗА. А может быть, устами младенца глаголет истина?

НЕГМАТ. Вы, как всегда, очаровательны, Азизахон. Но мы теряем время — напоминаю: моя машина ждет вас у ворот. Вам необходимо отдохнуть немного, дорогая Азизахон.

НОРКУЗИ (*мрачно*). Ну, мне пора.

АЗИЗА. Куда же вы, Норкузи-ака?

НОРКУЗИ. Желаю вам хорошо провести время.

АЗИЗА. Нет, нет! Я никуда не поеду. Гость для меня дороже всего.

НЕГМАТ. Ну что же, тогда придется уйти мне, дорогая моя Азизахон.

АЗИЗА (*Негмату*). Вы обиделись?

НЕГМАТ. Да нет... Но ведь мы же договорились...

НОРКУЗИ. Уговор дороже денег, Азизахон. Спасибо за музыку, за все... (*Протягивает руку Азизе.*)

АЗИЗА. Норкузи-ака! Я буду очень обижена, если вы не останетесь.

НОРКУЗИ. Не настаивайте, прошу вас. У меня еще много дел.

АЗИЗА. Ой, как нехорошо получается! А еще друг детства...

НОРКУЗИ. До свидания, Азиза-ой! (*Как Негмат, хочет поцеловать ей руку.*)

АЗИЗА (*невольно отнимая руку*). Ой! Норкузи-ака... Зачем же вы так?

НОРКУЗИ. Мне, значит, нельзя?

Негмат смеется.

АЗИЗА. Да нет... Почему же... Но вам это как-то не идет...

НОРКУЗИ. Ну, тогда я просто, по-матроски... (*Обнимает Азизу и целует ее. Азиза неожиданно дает ему пощечину и обеими руками закрывает свое лицо.*)

НОРКУЗИ. Простите!.. (*Быстро уходит.*)

НЕГМАТ. Нахал! Хам!

АЗИЗА. Ой, смерть моя, что я наделала? Норкузи-ака! Норкузи-ака! Вернитесь, слышите!

НЕГМАТ (*преградив ей путь*). Успокойтесь, Азизахон. Он не стоит того, чтобы огорчаться.

АЗИЗА. Ой, как я теперь буду смотреть ему в глаза. (*Бросается ничком на диван, плачет.*)

НЕГМАТ (*нервно*). Вы правильно поступили, Азизахон. Очень правильно! Он стыдно сказать, принял вас за девушку из портового кабака. Наглец! Хорошо, что я оказался здесь, а то бы он... Вы еще не знаете, на что способна эта матросня... Ну, будет вам, не плачьте. Он не стоит ваших слез. (*Хочет поднять упавшие до пола косы Азизы.*)

АЗИЗА (*испуганно и недовольно*). Что вы делаете, Негмат-ака?

НЕГМАТ. Простите... Я без умысла... Вы вполне можете на меня надеяться, я ваш искренний друг.

АЗИЗА. О чем вы? И что этим хотите сказать?

НЕГМАТ. Я хочу сказать, что ваш гость — невежда, а вы — будущий композитор.

АЗИЗА. Ну и что же?.. Разве я допустила что-нибудь неприличное?

НЕГМАТ. Нет, конечно. Но вы сами знаете... Сердце, отданное смолоду, не различает ни шаха, ни ничего.

— АЗИЗА. Причем здесь это изречение?

НЕГМАТ. Эх, Азизахон, Азизахон! Ну, подумайте сами: кто он и кто вы? Если вы — сверкающая звезда, то он, извините за выражение, мерзкая жаба из кишлачного арыка.

АЗИЗА. Что же я, не могу поговорить с другом детства? Не могу подать ему руки?

НЕГМАТ (с мольбой). Я хочу, чтобы вы свою руку отдали человеку, который стал бы вашим рабом, поклонялся бы вашему таланту и помог бы вам идти к вашему блестящему будущему!

АЗИЗА. Кто же этот рыцарь? Где он?

НЕГМАТ. Ах, какой же вы недогадливый человек, Азизахон!

АЗИЗА. Негмат-ака, не могли бы вы яснее выразить свои мысли?

НЕГМАТ. Да, вы правы. Мне кажется, что действительно наступила пора поговорить по душам... Не зря говорят, что как бы больной ни старался скрыть свою болезнь, а жар выдает его.

АЗИЗА. Вы болеете?

НЕГМАТ. Да. Я болен, и только вы можете исцелить меня.

АЗИЗА. Вы о чем это?

НЕГМАТ. Я безумно люблю вас, Азизахон! Неужели вы этого не замечаете?

АЗИЗА. Ой! Как снег на голову...

НЕГМАТ. Это не снег, это — счастье. Не отказывайтесь от него, моя дорогая Азизахон!

АЗИЗА. Вы сегодня какой-то странный, Негмат-ака.

НЕГМАТ. Теперь я не ака, а раб ваш. (Становится на колени.) Сжальтесь, не отвергайте. Если вы скажете «нет» — я умру.

АЗИЗА. Ой, что вы делаете? Встаньте! И не умирайте, пожалуйста.

НЕГМАТ. Я ждал четыре года! Четыре года горю в огне любви. Я не могу больше ждать... Не могу! Признаюсь — я уже говорил с вашим отцом. Он согласен.

АЗИЗА. Говорили с отцом? Как в старину, втайне от меня? А я что же, ничего не значу?

НЕГМАТ. Я не хотел волновать вас, не хотел мешать вашим занятиям... Понимаете?

АЗИЗА. Как это нехорошо. Давайте в другой раз поговорим об этом, Негмат-ака?

НЕГМАТ. Когда же?

АЗИЗА. Не торопитесь, я никуда не убегу.

НЕГМАТ. Тогда обладейте меня.

АЗИЗА. Что вы!

НЕГМАТ. Значит, отка?

АЗИЗА. Не знаю, не знаю.

НЕГМАТ. Ну, что же... Закончите консерваторию — будете на коне. Выйдете замуж за этого тракториста... Все будет хорошо!

АЗИЗА. Негмат-ака, я же вам ничего еще не сказала.

НЕГМАТ. Вы не любите меня...

АЗИЗА. А вы?

НЕГМАТ. Разве был бы я у ваших ног, если бы не любил? Вы — волшебница в искусстве, Азизахон. Вы не знаете цены себе.

АЗИЗА. А если бы я была простой кишлачной девушкой, вы полюбили бы меня?

НЕГМАТ. Как?.. Кишлачную девушку?! (Пауза.) Мне кажется... Это было бы похоже на сказку: «Принц влюбился в лягушку» (Смеется.)

АЗИЗА (с улыбкой). Удачное сравнение! Bravo! Благодарю за откровенность. Но стоит ли вам, Негмат-ака, создавать вторую сказку, полюбив кишлачную девушку?

НЕГМАТ. Ну вот, обиделись. Вы же, дорогая Азизахон, уже не кишлачная девушка, а принцесса любви, царица искусства!

АЗИЗА. Ой, от этих восхвалений у меня уши болят.

НЕГМАТ. Жаль, что вы не понимаете моих чувств, Азизахон. Надеюсь, со временем поймете.

АЗИЗА. Может быть.

НЕГМАТ. А пока — до свидания, моя прекрасная принцесса! (Церемонно раскланивается.)

АЗИЗА. (Тоже официально). До свидания, мой прекрасный принц! (Негмат уходит. Азиза садится на диван, задумывается.) Прекрасное?.. Что же это прекрасное? Как определяется оно в человеке? Чем измеряется? Или тем, что он внешне красив, красноречив, жизнерадостен? Может, тем, что он прост? Может быть и худым, некрасивым, но душа светлая, чистая, как родник? Музыка моя, только с тобой я могу поделиться своей радостью и печалью...

Играет на пианино, а женский голос под аккомпанемент произносит:

Ушел мой покой, сердце в тревоге,
Зачем только ты пришел ко мне?..
Иль ты пришел, чтобы вновь зажечь
Тлеющий огонь любви во мне?..

У двери появляется Норкузи.

НОРКУЗИ. Разрешите? Я пришел просить у вас прощения. Ведь я причинил вам столько неприятностей.

АЗИЗА. Нет, нет... Это я должна просить у вас прощения, Норкузи-ака. Мне стыдно смотреть вам в глаза.

НОРКУЗИ. Я сам виноват. Увидел вас — и не смог сдержаться нахлынувших чувств. Еще раз прошу прощения... Вот видите, уже прошло много времени, как мы расстались. Я опустился на дно морское, а вы всплыли наверх... Стали композитором, а я — хлопкороб.

АЗИЗА. Хлопок — это наш хлеб, наш богатый стол, наши красивые дома, веселые песни.

НОРКУЗИ. Но вы сейчас — генерал, а я — простой солдат.

АЗИЗА. А какой солдат не мечтает стать генералом?

НОРКУЗИ. Я вам говорил, что буду бороться за свое счастье. Но увы! Какое может быть счастье, если нет взаимности? Обещаю: я никогда вас больше не буду беспокоить, никогда.

АЗИЗА (*испуганно*). Как это никогда?

НОРКУЗИ. Останемся лишь друзьями. До свидания!

АЗИЗА. До свидания... Нет, нет, подождите. Не уходите!

НОРКУЗИ. Нет, лучше мне уйти.

АЗИЗА. Норкузи-ака, вы можете хоть немного побыть со мной? Как друг детства.

НОРКУЗИ. Не могу, времени нет.

АЗИЗА. Ведь раньше, я помню, мы ни один день не могли жить друг без друга.

НОРКУЗИ. Это было раньше, когда мы учились в одном классе.

АЗИЗА. А сейчас?

НОРКУЗИ. Сейчас... Вдруг опять появится этот ваш композитор? (*С улыбкой.*)

Третий лишний, говорят.

В это время раздается сигнал машины, Азиза смотрит во двор.

АЗИЗА. Вай, папа приехал!

НОРКУЗИ. Где? Тогда я немедленно должен уйти.

АЗИЗА. Никуда вы не уйдете! Если уж я генерал, а вы солдат, слушайте меня: идите на кухню и, когда закипит чайник, заварите чай и несите сюда. (*Убегает.*)

НОРКУЗИ. Ну, что же — приказ есть приказ. Матрос должен его выполнить. (*Уходит на кухню.*)

В комнату в сопровождении Азизы входит Бекназар.

АЗИЗА. Что с вами, папа? Вы чем-то огорчены?

БЕКНАЗАР. Как будто у меня мало своих неприятностей, а еще ты...

АЗИЗА. О чем вы, папа?

БЕКНАЗАР. Негмат-ака все мне рассказал. Какой стыд!

АЗИЗА. Негмат-ака?

БЕКНАЗАР. Слышишь, я дал тебе высшее образование не для того, чтобы ты строила глазки кишлячному шалопаю!

АЗИЗА. Папа! (*Хочет уйти.*)

БЕКНАЗАР. Стой! Ты опозорила меня перед Негматджаном! Я был готов провалиться сквозь землю. В общем, чтобы ноги этого нахала не было в моем доме!

С чайником и пиалами входит Норкузи.

НОРКУЗИ. Салом, Бек-ака!

БЕКНАЗАР (*еле сдерживаясь*). Салом... Как ты здесь очутился?!

НОРКУЗИ. Да так... Я ведь как вернулся из армии, ни разу не видел Азизы. Вот и решил навестить ее.

АЗИЗА. Ой, папа, как я обрадовалась, увидев Норкузи-ака!

БЕКНАЗАР. Вот как? (*Норкузи.*) А ну-ка, поди, позови сюда Мирзу.

НОРКУЗИ. Есть позвать сюда Мирзу. (*Уходит.*)

БЕКНАЗАР. Только этого не хватало! Да как ты могла?

АЗИЗА. При гостях даже кошке не говорят «брысь», а вы так встретили Норкузи-ака, как будто...

БЕКНАЗАР. Молчи! Не перебивай! Как раньше было спокойно в нашем колхозе. Одни боялись, другие стеснялись. А приехал этот бузотер — во все органы посыпались анонимки.

АЗИЗА. Не думаю, чтобы Норкузи-ака...

БЕКНАЗАР. Ногам покоя не стало: то бежишь в райком, то в обком, то в ЦК едешь! Недаром говорят, что молва о плохом на версту впереди бежит. Так и у меня: не успел вернуться домой, как слышу, что этот нахал допустил с тобой такое бесстыдство... И главное, перед Негматджаном! Какой позор! Ах, негодяй!

АЗИЗА. Папа, он же — гордость вашего колхоза!

БЕКНАЗАР. Слишком разбаловали его. Глаза жиром заплыли. А жир, сама знаешь, только свинье не во вред. Недаром говорят, что разжиревшая собака на хозяина бросается.

АЗИЗА. Ой, папа, вы уж слишком.

БЕКНАЗАР. Молчи! В общем, разговор окончен. Замуж ты выйдешь за Негмата.

АЗИЗА (*удивленно*). За Негмата?

БЕКНАЗАР. Да, за Негмата!

АЗИЗА. Не выйду!

БЕКНАЗАР. Нет, выйдешь!

АЗИЗА. Мне еще рано!

БЕКНАЗАР. Рано? Ты знаешь, сколько лет было твоей матери, когда я взял ее в жены? Пятнадцать!

АЗИЗА. Мало ли какие глупые обычаи раньше были!

БЕКНАЗАР. Хорошие обычаи были! А ведь ты уже старуха по сравнению с той, которая дала тебе жизнь.

АЗИЗА. Если бы была жива мама, она защитила бы меня от жестокости отца. И почему только она так рано покинула меня? (*Плачет.*)

БЕКНАЗАР (*задумывается*). Ну, ладно, не плачь. Я ведь тебе только добра хочу, доченька. Ведь нельзя же упускать такого случая. Главное, ты с Негматом — пара. Как бриллиант с перстнем!

АЗИЗА. А я не хочу!..

БЕКНАЗАР. Ну, чем он тебя не достоин, глупая? Вместе учились, профессия у вас одна. Его уважают — композитор! Знай, лучшего бриллианта тебе не найти!

АЗИЗА. Бриллиант лишь внешне красив, папа.

БЕКНАЗАР. Зато он и днем и ночью светит.

АЗИЗА. Да не греет.

БЕКНАЗАР. О, горе мне с тобой! Не спорь с отцом, слышишь? Человеку по росту шьют халат. Ровня с ровней, а кизяк со своим мешком — вот так говорят мудрые люди.

АЗИЗА. Папа, давайте лучше оставим этот разговор. И без того хватает у вас забот. Выпейте лучше чаю. (*Подает отцу пиалу с чаем.*)

БЕКНАЗАР. Ты для меня — самая главная забота. Негматджан мне сказал, что он собирается в туристическую поездку, мир посмотреть. А вот после свадьбы и ты поехала бы вместе с ним. Такое счастье не каждому выпадает, доченька. А я, на вас глядя, порадовался бы на старости лет. Ох, плох я стал в последнее время, совсем плох.

АЗИЗА. Успокойтесь, папа. Я подумаю.

БЕКНАЗАР. Вот это другой разговор. Ах ты, моя умница, мое счастье. (*Целует ее в лоб.*)

На пороге появляется Мирза с сумкой в руке.

МИРЗА. Во-первых, привет вам, Азизахон!

АЗИЗА. Привет, Мирза-ака! Заходите, заходите.

МИРЗА. (*подает ей цветок*). Это вам. Из колхозного сада.

АЗИЗА. Спасибо.

МИРЗА. Азизахон, ну как, вы придете на мою свадьбу?

АЗИЗА. Наконец-то решили жениться?

МИРЗА. Да! На этот раз уже окончательно и бесповоротно!

АЗИЗА. Поздравляю! Кто же невеста?

МИРЗА. Одна молодая девушка. (*Целует кончики пальцев.*) Красавица!

АЗИЗА. Из какого же сада этот ваш... (*целует кончики пальцев*) цветок?

МИРЗА (*с достоинством*). Из колхозного.

АЗИЗА. А свадьбу когда будете играть?

МИРЗА. Во-первых, свадьба будет осенью. (*Заметив хмурое настроение Бекназара.*) Если, конечно, Бек-ака не против. Если же не осенью, то тогда — зимой. А может быть, весной лучше будет, а, Бек-ака?

БЕКНАЗАР. Чепуху болтаешь, Мирза! Так у тебя и жизнь вся пройдет в мечтах о молодой девушке. Я вижу, ты женишься, когда у верблюда хвост до земли вырастет.

МИРЗА. А я посажу верблюда на задние ноги, и его хвост сразу землю достанет. Останется лишь получить у вас благословение, Бек-ака.

БЕКНАЗАР. Хочешь добрый совет?

МИРЗА. Ваш совет, Бек-ака, всегда добрый.

БЕКНАЗАР. Женись на ее матери. А то и вовсе время потеряешь.

МИРЗА. Что вы, что вы, Бек-ака! Лошадь плохая — продашь — избавишься, а от старой жены как избавишься?

БЕКНАЗАР. А ну тебя! Скажи лучше, где... этот самый?

МИРЗА. Кто?

БЕКНАЗАР (*раздраженно*). Ну, этот самый, Норкузи.

МИРЗА. А, Норкузи... Он там с машиной возится.

БЕКНАЗАР. С какой машиной?

МИРЗА. С вашей.

БЕКНАЗАР. Моей?!

МИРЗА. Не беспокойтесь, Бек-ака. Я попросил зажигание отрегулировать. Золотые руки дал аллах этому человеку.

БЕКНАЗАР (*Азизе*). Пойди, посмотри с веранды, что он там делает. А потом позви сюда. Скажи, я велел ему зайти в дом. (*Азиза повернулась так резко, что взметнулся подол платья.*) Постой, постой! Это еще что такое?

АЗИЗА (*смиренно*). О чем вы, папа?

БЕКНАЗАР (*возмущенно*). Как одета ты?

АЗИЗА. Удобно, папа. Ведь сегодня жарко...

БЕКНАЗАР. Интересно знать: почему это твоей матери никогда не было жарко? А? Молчишь? То-то! Иди! (*Азиза уходит из цыпочка, смиренно сложив ладони.*)

МИРЗА. Хорошая у вас дочь, Бек-ака! (*Целует кончики пальцев.*)

БЕКНАЗАР. А откуда ты знаешь, что она хорошая?

МИРЗА. Она красивая, как полная луна! А луну, говорят, подолом не закроешь...

БЕКНАЗАР. Цыц! Откуси себе язык! Тебя только не хбалало. Налей лучше чего-нибудь.

МИРЗА. Чего прикажете налить?

БЕКНАЗАР. Хоть один глоток, но лучше коньяку.

Мирза наливает коньяк Беку и немного себе. Бекназар, не коснувшись своей пиалы, как бы перепутав, берет пиалу Мирзы и пьет. Мирза, разинув рот, не посмел взять пиалу Бекназара и только облизнулся.

МИРЗА. Хороший коньяк. Во-первых, говорят, лучше грузинского нет.

БЕКНАЗАР. А во-вторых, быстро отвечай: хочешь жениться?

МИРЗА. Бек-ака! Разве можно умирающего от жажды спрашивать: хочешь ли пить? (*Пытается налить себе коньяку.*)

БЕКНАЗАР. Это потом. Слушай: сделаешь одно дело, и свадьба — осенью!

МИРЗА. Все сделаю, Бек-ака! (*Берет пиалу с коньяком.*)

БЕКНАЗАР (*отнимая пиалу*). А не сделаешь, весной тоже будешь ходить, как сейчас. Мое слово — закон.

МИРЗА. Не выдержу до весны, Бек-ака. Умру! (*Прижимает руки к груди.*)

БЕКНАЗАР. Да погоди! Не умирай! (*Наливает немного коньяку и подает Мирзе.*)

Пей.

МИРЗА. Нет, я не буду пить, Бек-ака. Спасибо.

БЕКНАЗАР. Больше не дам. Пей!

МИРЗА. Не могу...

БЕКНАЗАР. Пей, говорю! Хоть горло смочи.

МИРЗА (*пробует*). Не люблю... Фу, отрав!

БЕКНАЗАР. Не лмайся, пей скорее.

МИРЗА (*выпивает и облизывает пиалу*). Противный алкогольный напиток... (*Морщится.*) Да, Бек-ака, вы что-то хотели мне сказать?

БЕКНАЗАР. Да, хотел. Я, конечно, в любви плохо разбираюсь. А ты вот жениться собираешься. Значит, кое-что в этом деле должен понимать.

МИРЗА. О, Бек-ака! Я в этом деле сейчас — профессор, лекции могу читать. Это, во-первых...

БЕКНАЗАР. А во-вторых, слушай меня внимательно.

МИРЗА. Слушаю.

БЕКНАЗАР. Пока не поздно, надо поссорить Азизу с Норкузи. Понял? Если сумеешь это сделать — устрою тебе свадьбу сразу же после сбора урожая. Договорились?

МИРЗА. Сто лет вам жить, Бек-ака! (*Хочет налить коньяку.*)

БЕКНАЗАР. Потом, потом. Сначала ты скажи, как будешь действовать?

МИРЗА. Ну как... А зачем их надо ссорить, Бек-ака?

БЕКНАЗАР. Ты что, больной? Если больной, надо лечиться, а не жениться! «Зачем их ссорить!» Он — негодяй, склочник! Анонимки на меня пишет.

МИРЗА (*тихо*). Говорят, что он на ваше председательское место хочет сесть?

БЕКНАЗАР. Этого я не боюсь. Я не таким хребет переламывал. Хуже то, что он мне в зятя набивается.

МИРЗА. И в зятя? Значит, одним камнем двух птиц сразу думает убить?

БЕКНАЗАР. Но ни в одну не попадет! Знаешь, он какой прохвост? Сегодня хотел поцеловать Азизу.

МИРЗА. Что он, с ума сошел?

БЕКНАЗАР. А она ему такую пощечину влепила, что у него все лицо пере-
косилось!

МИРЗА (*схватившись за щеку*). Ой-ой-ой! Вот нахал! Э-э, вы сами виноваты, Бек-ака. Слишком расквалили его. Подняли до небес! «Мой лучший механизатор! Маяк моего колхоза!» Вот тебе и маяк!

БЕКНАЗАР. Ладно. Это мы потом разберем. Лучше ты отвечай на мой вопрос: как ты их будешь ссорить?

МИРЗА. Во-первых, я ему скажу: «Эй, Норкузи, оставь нашу Азизу в покое, не будь назойливой мухой, летающей над сладким медом...»

БЕКНАЗАР. А во-вторых, если он тебя спросит: «А какое твоё ишачье дело?»

МИРЗА. Вот-вот! А мне только этого и надо. Скажу, что именно, мол, ты по-ишачьи поступаешь. Если, скажу, ты женишься на Азизе, обязательно превратишься в ишака. Она, скажу, культурная, образованная, а ты травинка на её дорожке.

БЕКНАЗАР. Молодец, Мирза, молодец! Оказывается, соображает твоя башка. Так-так! Ну, что ещё скажешь?

МИРЗА. Во-первых, я скажу...

БЕКНАЗАР. Не во-первых, а уже во-вторых.

МИРЗА. Во-вторых, я ему скажу: «Уже опоздал, дорогой Норкузи. Азиза с Негматджаном уже, как голуби, друг у друга из клюва зерна берут...»

БЕКНАЗАР. Постой, постой! Как это зерна берет друг у друга?

МИРЗА. Очень просто. Разве не видели, как голуби...

БЕКНАЗАР. Ты что мелешь? Да разве моя дочь...

МИРЗА (*испуганно*). Бек-ака! Вы немного не поняли. Норкузи надо просто отпугнуть.

БЕКНАЗАР. А если он не испугается?

МИРЗА. Если не испугается, скажу, что Азизахон и Негматджан теперь всегда вместе, что их теперь и водой не разольешь. Как говорится, муж и жена — одна сатана.

БЕКНАЗАР. Сам ты сатана! Подумай, что говоришь!

МИРЗА. Бек-ака! Да это я так... чтобы красиво было, чтобы как стихи — «муж и жена одна са-та-на!»

БЕКНАЗАР. Дурак! Больше ничего не мог придумать? Не видать тебе свадьбы ни осенью, ни весной.

МИРЗА. Умру!

БЕКНАЗАР. Тише! Кажется, они идут.

Входят Норкузи и Азиза, одетая в длинное узбекское платье, голова повязана косынкой.

БЕКНАЗАР (*грустно*). Заходи, Норкузи, заходи. А ты, дочь моя, умница моя, пойди в сад, постели мне там что-нибудь в тени. Иди, иди. Устаю я в последнее время что-то.

АЗИЗА. Хорошо, папа. (*Уходит.*)

БЕКНАЗАР. Садись, Норкузи, садись. Угощайся.

НОРКУЗИ. Я уже пообедал, Бек-ака.

БЕКНАЗАР. В другой раз вежливость свою покажешь. А сейчас не обижай хозяев — угощайся.

НОРКУЗИ. Спасибо. (*Отламывает кусочек лепешки и ест.*)

БЕКНАЗАР. Мирза, налей коньячку.

МИРЗА. Коньяк налит, Бек-ака. Ждем вашего благословения.

БЕКНАЗАР (*поднимая рюмку*). Выпьем сначала за счастье дочери моей. (*Пьет. Норкузи молча одним глотком опорожняет пиалу.*) А теперь ответь мне на такой вопрос, Норкузи.

НОРКУЗИ. Слушаю вас, Бек-ака.

БЕКНАЗАР. Ты мой лучший бригадир, гордость моего колхоза, маяк области. Таким сделал тебя я. Да, я. А ты пиешь на меня анонимки. Как это понять?

НОРКУЗИ (*поднявшись*). Зачем вы, Бек-ака, обвиняете меня в том, что я трус?

БЕКНАЗАР. Сядь, будь гостем, сядь. А не хочешь, так скажи: если не ты, то кто?

НОРКУЗИ. Не интересовался.

БЕКНАЗАР. А кто их вдохновляет?

НОРКУЗИ. А мне откуда знать!

БЕКНАЗАР. Ну, не сердись, не сердись! Слушай, что я тебе скажу: знаешь ли ты этих анонимщиков, или не знаешь, или сам занимаешься этим грязным делом — мне всё равно! Если и в этом году займешь первое место, женю тебя на любой девушке, которую выберешь. Большую свадьбу справлю — на весь район!

МИРЗА. А когда моя свадьба будет, Бек-ака?

БЕКНАЗАР. Пока ты помолчи!

МИРЗА (*тайком выпивает коньяк*). Слышишь, Норкузи, что говорит Бек-ака? Он нам как отец родной.

НОРКУЗИ. Спасибо, Бек-ака. Но обо мне не беспокойтесь.

МИРЗА. За ваше здоровье, Бек-ака! (*Поднимает пиалу.*)

БЕКНАЗАР (*отнимая пиалу*). На своей свадьбе будешь пить. А сейчас шоферу не положено.

МИРЗА (Норкузи). Видишь, как родной отец! Где еще такую заботу найдешь? (Тянется к пиале.)

БЕКНАЗАР. Довольно, говорю тебе! Для муравья и капля — озеро. И так уже глаза в разные стороны смотрят. Давай, Норкузи, выпьем за передовых людей нашего колхоза! Скоро сбор урожая — поднимем тост за наши успехи! Пусть все скажут, что Бек-ака молодец! Он привел свой колхоз к воротам коммунизма!

НОРКУЗИ. О, куда вы махнули, Бек-ака!

БЕКНАЗАР. Разве я неверно говорю?

НОРКУЗИ. Сколько ни говорите слово «халва», все равно во рту сладко не станет, Бек-ака.

БЕКНАЗАР (обиженно). Вот всегда ты такой, Норкузи. Строптивый, непочтительный. Я к тебе по-хорошему, а ты...

НОРКУЗИ. Правду в лицо говорить не грех. Не забывайте: недруг льстит, говоря, а друг бранит, говоря.

БЕКНАЗАР. Ну хорошо, согласен. Если ты друг мне, то скажи: чем я плохой председатель? На двух тысячах гектаров сею хлопок. Миллионами ворочаю! Девять ферм имею, мельницу, свой кирпичный завод. Светлые дома для колхозников построил, все улицы заасфальтировал.

МИРЗА (незаметно выпивая коньяк). О дворце культуры забыли, Бек-ака. А больница, а родильный дом?

БЕКНАЗАР. Э, да разве все перечислишь? Теперь у нас не кишлак глинобитный, а целый город! Настоящий каменный город!

НОРКУЗИ. А почему вы, Бек-ака, после каждого слова говорите «я», «мой», «моя»? Вы кто — бай, фабрикант или избранный народом председатель колхоза?

БЕКНАЗАР. А почему я не имею права сказать «я», «мой», «моя»? Если бы не я, то кто бы построил дворец культуры, баню, кино?

НОРКУЗИ. А какая польза от того, что построили дворец культуры? Вы же превратили его в амбар для минеральных удобрений. А баню — в инкубатор...

БЕКНАЗАР. Что же делать, если помещений не хватает?

НОРКУЗИ. Надо было в первую очередь построить то, что действительно необходимо, Бек-ака! (Одним глотком опорожня пиалу.) А у вас все для показа! Снаружи блестит, а внутри — трещит.

БЕКНАЗАР. Критикуй, критикуй! Моя кожа толстая, выдержит. А еще, говорит, что не он анонимки пишет.

НОРКУЗИ. Не хватало мне пачкаться!

БЕКНАЗАР (подняв пиалу). Пей, Норкузи, пей! Это успокаивает тех, у кого язык чешется.

НОРКУЗИ. Мне уже хватит.

БЕКНАЗАР. Пей за дружбу, за мир. (Чокается и пьет. Мирза тоже незаметно выпивает.)

НОРКУЗИ. В кинотеатре демонстрируются фильмы, а колхозники смотрят их, сидя на полу.

МИРЗА. И за это скажи спасибо, Норкузи. Ведь раньше, во-первых, и этого не было. Ничего не было. Босыми ходили. На ишаках ездили.

НОРКУЗИ. Мало ли что раньше было! Человеку свойственно стремиться к лучшему, он имеет право на это. А у нас понастроили новые дома, а спят в них на полу и кушают на полу. Разве так строят коммунизм, Бек-ака?

БЕКНАЗАР. Ну, хватит! И Москва не сразу строилась! А мои колхозники довольны, что я им построил такие дома, и не жалуется...

НОРКУЗИ. Потому и не жалуется, что знают — попусту.

БЕКНАЗАР. Ох, и язык у тебя, Норкузи! Ну, знай, что язык мой — враг мой.

Торопливо входит Негмат.

НЕГМАТ. Извините, Бек-ака, опоздал. Приятного аппетита! (Увидев Норкузи.) Вот уж не думал встретить вас здесь.

БЕКНАЗАР. Не сердитесь, Негматджан. Это я его задержал. Ну, где же вы попадали?

НЕГМАТ. Я виноват, Бек-ака. Недавно сочинил одну хорошую вещь и забыл, куда ее положил, и пока нашел, смотрю, и время прошло.

МИРЗА (слегка пьян). Ну и как, нашли вашу хорошую вещь?

НЕГМАТ. Да-а-а. Разве мог бы я потерять то, что посвятил нашему знатному председателю... Вы чем-то огорчены, Бек-ака?

БЕКНАЗАР. Да нет... Просто устал.

НЕГМАТ. Да. Руководить таким большим хозяйством, конечно, дело нелегкое. Но на то и существуем мы, работники искусства, чтобы помогать трудовому народу! Поэтому разрешите развлечь вас, дорогой Бек-ака, своей музыкой. Уверю вас, если от восхищения не будете кричать «бис», я откажусь от своего имени.

БЕКНАЗАР. Давайте, давайте, Негмат-ака, послушаем. Уверенность — половина успеха.

МИРЗА (пьяно аплодируя). Просим, просим!

НЕГМАТ (садится за пийнино и, аккомпанируя себе, начинает петь).

О тебе я песню пою, Бекназар-ака,
Ты наш славный председатель, друг колхозника.
Любят все тебя на свете, любят, как отца,
Гордость ты нашего края, честь тебе, хвала!

БЕКНАЗАР. Молодец, Негматджан! Молодец! Вдохновляющая песня! Конечно, немного нескромно... Сами знаете, сейчас не то время... А вот как умру — тогда можете хвалить, как вам угодно. Ну, а в общем, ничего. Музыка шумная, громкая! Я горжусь вами, Негматджан! *(Поднимает пиалу и пьет.)*

МИРЗА *(опьянев, еле встает с места)*. А мне, во-первых, эта музыка совсем не понравилась... А во-вторых, это не музыка, а барабанный бой. Знаете, она грохочет, как град по железной крыше. Честное слово.

НЕГМАТ. Я не для пьяных писал эту музыку, Мирза-ака.

БЕКНАЗАР *(Мирзе)*. Ты что, от запаха, что ли, опьянел?

МИРЗА. А чем я хуже других, дорогой Бек-ака? *(Обнимая Негмата.)* Простите меня, товарищ композитор... Я, конечно, отсталый человек, только телевизор смотрю... Многого не понимаю, но высказать свое мнение никто мне не запретит!

БЕКНАЗАР. Я запрещаю!

МИРЗА. Э, нет, дорогой Бек-ака! Сейчас меня и автоинспекция не остановит. *(Негмату.)* Люблю критиковать! Вот за это и мать моей невесты меня не любит. Баба-яга! Чертова баба-яга! Она говорит: не отдам свою дочь за извозчика, за арбакеша! А какой я арбакеш? Я шофер знатного председателя колхоза, нашего дорогого Бек-ака!

БЕКНАЗАР. Да что ты мелешь?

МИРЗА. Ну вот, Бек-ака меня уже и в мельника превратил. *(Плачет.)* Я же ваш водитель, дорогой Бек-ака! Притом самый передовой. Я всегда лечу впереди других машин! А мать моей невесты, чертова кукла, говорит, что я недостойн ее дочери, что я не знатный человек... Не из рода ходжи.

НОРКУЗИ. Ладно, ладно, Мирза-ака, успокойся. Я сам сосватаю тебе Тулкуной. Никуда она от тебя не денется.

МИРЗА. Я ее, во-первых, убью... Нет, не ее, а старуху, проклятую! Так убью, что охнуть не дам!

БЕКНАЗАР *(Норкузи)*. Убери его отсюда!

НОРКУЗИ. Идем, Мирза-ака, идем во двор. Там поговорим.

МИРЗА. Пойдем, Норкузиджан, дорогой, пойдем, пойдем, пойдем. Мы ведь с тобой друзья по несчастью. Ах, да, слушай, у меня с тобой есть серьезный разговор. Понимаешь, очень серьезный! Знаешь, браток, когда я трезвый, не знаю почему, но не могу говорить правду... *(Смотрит на Бекназара.)* Но когда я пьян... *(Норкузи уводит Мирзу.)*

БЕКНАЗАР. Вот окаянный! Когда же он успел напиться?

НЕГМАТ. О чем это он, Бек-ака? Какой у них серьезный разговор?

БЕКНАЗАР. А ну их! Потом о них поговорим. Садитесь, дорогой Негматджан. Ну как, подумали о моей просьбе?

НЕГМАТ. О какой? Ах, да... Подумал, подумал, Бек-ака.

БЕКНАЗАР. После нашей встречи я пошел к вашему дяде. Умный он человек.

НЕГМАТ. Если бы он был неумный, не стал бы прокурором.

БЕКНАЗАР. Мы с ним говорили по душам. Откровенно. Но я был удивлен, когда он начал защищать клеветников. Верит, будто я увлекся накоплением личного богатства. А в колхозном стаде как будто я имею собственных баранов. Ведь это же ложь! Я всю жизнь отдал колхозу. Разъясните своему дяде, что я не такой, каким он представляет. Моя совесть чиста, как молоко моей матери. *(Прослезился.)*

НЕГМАТ. Знаю, Бек-ака, знаю. Не волнуйтесь, не плачьте. Как-нибудь найдем выход из этого положения. Теперь, когда нац разговор о вашей дочери, дорогой Бек-ака, принял благоприятный оборот, я считаю своим долгом помочь вам, помочь, как будущему отцу. Дядя меня уважает, слушает меня. Держитесь, Бек-ака, держитесь! Мы вас в обиду не дадим. Собаки лают, караван идет!

БЕКНАЗАР. Спасибо, сынок, спасибо! Я знаю, что кое-кому, вроде этого матроса, хочется запачкать меня грязью. Не выйдет!

НЕГМАТ. Как только смеют издеваться над человеком, который достоин того, чтобы ему при жизни воздвигли монумент? Ах, как это все несправедливо! *(Бекназар вытирает платком глаза.)* Будьте спокойны, Бек-ака, я все сделаю для вас. Защищать честного человека — мой долг!

Входят Азиза и Норкузи. Азиза не замечает Негмата.

АЗИЗА. Папа, я вам постелила. Можете пойти отдохнуть.

БЕКНАЗАР *(грубо)*. Хорошо. *(Негмату.)* Да не обращайтесь на них внимания. *(Протягивает пиалу.)* Ну, выпьем за ваше здоровье!

НЕГМАТ. Я не пью, Бек-ака, спасибо.

БЕКНАЗАР. Зачем обижать меня, дорогой Негматджан? Я ведь хочу, чтобы вы вошли в мою семью, чтобы заменили моего дорогого сына. Моего дорогого сыночка, что на войне... *(Носовым платком вытирает слезы.)*

АЗИЗА. Папа...

БЕКНАЗАР. Замолчи!

НЕГМАТ (*радостно*). Уговорили. За ваше здоровье, дорогой отец. (*Оба пьют, причем, Негмат быстро пьянеет после первого же тоста.*)

БЕКНАЗАР. Да, между прочим, вы не обиделись на то, что я немного покритиковал вашу музыку?

НЕГМАТ. Ничего... Это же критика. А критика всегда горька.

БЕКНАЗАР. Не обижайтесь, дорогой Негматджан. Вы, наверное, тоже знаете, что есть указание: поменьше громких слов, поменьше похвал. А вокруг меня — анонимщики... Еще донесут, что мы с вами разводим культ личности.

НЕГМАТ. Спасибо, Бек-ака, на добром слове. А то вы даже не представляете, как это больно, когда тебя ругают, когда твою музыку не понимают. (*Вдохновенно.*) О, будущее поколение, когда же дойдет моя музыка до тебя!

НОРКУЗИ. Куда же вы пойдете с этой музыкой, Негмат Нуриевич? Ведь ваша музыка такая, что если дьявол ее услышит, и тот с воплем удерет.

БЕКНАЗАР. Не смейся над другими, Норкузи, над тобой тоже могут посмеяться!

НОРКУЗИ. А что я плохого сделал, Бек-ака?

БЕКНАЗАР (*пьяный подходит к Норкузи*). Чем вешаться на шею девушке, которая тебе, как сестра, лучше бы повесилась на виселице, бесстыжий!

АЗИЗА. Папа, милый, успокойтесь! Норкузи-ака не виноват.

БЕКНАЗАР. Кто же виноват, если не он?

НОРКУЗИ. Азиза, вы уже успели пожаловаться на меня? Эх, вы!

АЗИЗА. Это не я. Клянусь.

НОРКУЗИ. Я уже слышал вашу клятву, вспомните?

НЕГМАТ (*встает с места*). Бек-ака, ладно уж. Он так поступил от невежества, от своей некультурности... Прошу вас, простите его.

БЕКНАЗАР. Я и другую твою щеку вывернул бы наизнанку, да рука не поднимается. Ты мой... неплохой колхозник.

НОРКУЗИ (*с иронией*). Спасибо вам за теплые слова, Бек-ака, за угощение. Пока! (*Идет к двери.*)

АЗИЗА (*преграждая путь*). Норкузи-ака! Не сердитесь на отца. Он расстроен...

БЕКНАЗАР. Отпусти его. Не стыди меня перед Негматджаном!

АЗИЗА. Простите нас, папа!

НОРКУЗИ. Успокойтесь, Бек-ака, слово, данное Азизе — сдержу! Вот ваша дочь! Пусть она будет счастливой! (*Уходит.*)

БЕКНАЗАР. Азиза! (*Она останавливается.*) И без тебя найдет дорогу.

АЗИЗА. Зачем вы обидели его, папа? (*Направляется в соседнюю комнату. Пошатнулась. Пьяный Негмат хочет ее поддержать. Бекназар выходит на террасу.*)

НЕГМАТ. Азизахон, почему вы так страдаете из-за человека, который недостойн вашего волоска?

АЗИЗА. Зачем вы насплетничали отцу о Норкузи?

НЕГМАТ. Я только хотел предотвратить опасную игру.

АЗИЗА. Вы избрали очень неверный путь, Негмат-ака.

НЕГМАТ. Подскажите мне другой, и я буду счастлив пойти по нему... Рядом с вами, дорогая моя, Азизахон.

АЗИЗА. Видно, нам с вами не по пути. Прошу, оставьте меня в покое.

НЕГМАТ (*обидевшись*). Вы меня выгоняете? Ну что ж. Я уйду. Но боюсь, что своим отношением ко мне вы сделаете больно своему отцу.

АЗИЗА. Негмат-ака, закройте, пожалуйста, с той стороны дверь.

НЕГМАТ. Я вижу, здорово вскружил вам голову этот мазутный бочонок. Пока. (*Демонстративно уходит.*)

АЗИЗА (*садится за пианино. Берет первые аккорды, поет*):

Улетевшие осенью ласточки
Прилетают весной опять.
Но сердце, отданное смолоду,
Не вернешь...

Занавес

Действие второе

Полевой стан бригады Норкузи. До гор раскинулись хлопковые поля. На переднем плане полотняный навес, под ним ковер и подушки. Обеденный перерыв, по радио передают легкую музыку. С узелком в руке входит Мирза.

МИРЗА (*кричит*). Норкузи, о, Норкузи! Иди же скорей, тебе мать обел прислала! Что ты бредешь, опустив голову? Деньги, что ли, потерял?

НОРКУЗИ (весь в ощипках хлопка). Деньги что, Мирза-ака! Человека потерял. самого дорогого человека.

МИРЗА (растопырявшись на ковре скатерть). Э, что упало, то пропало. Во-первых, надо было пораньше возвращаться из армии. Какая девушка пять лет ждать будет? Не дождалась, ну и пусть. Она не достойна твоих страданий. Ей нужен такой человек, который, во-первых, был бы в очках, в полосатой рубашке, в узких штанах и, чтобы волосы лежали на шее, как лошадиная грива. Вот она и нашла такого шимпанзе. Не тужи, браток. Во-первых, ты еще молод и женишься на такой, которую даже собственная мать не целовала. А ну, садись, ешь. (Пробует.) Ба-бай-бай! Мертвый воскреснет, если покушает этот плов. Да бери же больше! Во-первых, работа у тебя тяжела. Если по полной ложке не возьмешь, откуда сил наберешь? Ну, как успехи в твоей бригаде?

НОРКУЗИ. План уже выполнили.

МИРЗА. Вот и молодцы! Это самое главное! А зазнайку выкинь из головы — и все.

НОРКУЗИ. Из сердца-то она не уходит.

МИРЗА. Что, твое сердце — отцовский дом, доставшийся ей по наследству? Выдели ее оттуда — и крышка!

НОРКУЗИ. Не могу! Лучшее ее никого нет и не будет.

МИРЗА. Э-э! У потерянного ножа рукоятка, говорят, золотая. И она тебе так кажется. Эх, если бы ты знал, в скольких девушек я в молодости влюблялся — счесть нет! В одну влюбляюсь, другую тут же забываю! А вот с этой, с Тулкуной, крепко попал на удочку. Сидит она вот здесь. (Показывает на сердце.) И миллицией не вывелишь. Уж на ней-то я обязательно женюсь.

НОРКУЗИ. А если мать не отдаст?

МИРЗА. Украду! Посажу в машину и — айда в горы! Ищи потом ветра в поле.

НОРКУЗИ. Брось, Мирза-ака, ты же не басмач.

МИРЗА. Что я, не имею права жениться на молоденькой девушке?

НОРКУЗИ. Ты же старше ее отца.

МИРЗА (распалаясь). Причем здесь ее отец? Он уже давно умер! Во-первых, я ее люблю...

НОРКУЗИ. А она тебя?

МИРЗА. Я ее тоже...

НОРКУЗИ. А она, она, спрашиваю, любит тебя?

МИРЗА. Ах, она!.. Чудак ты человек! Разве девушка открыто скажет: любит она или нет? Любви, брат, все возрасты покорны. А знаешь, кто это сказал?

НОРКУЗИ. Знаешь — скажи.

МИРЗА. Наш завклубом — Хайдарали. Умный человек. Его голова — это шар земной!

НОРКУЗИ. Так почему же он сам — старый холостяк?

МИРЗА. Один раз он уже был, так сказать, бракованный. А я вот еще ни разу.

НОРКУЗИ. Неужели?

МИРЗА. Не веришь? Я еще, брат, такой чистокровный холостяк, что женщин от мужчин отличаю только по одежде. Смешно? Нет, брат, это не смешно. Это — судьба! (Возведя глаза к небу.) Эх, Тулкуной, Тулкуной! Неужели ты не видишь, как я страдаю?

НОРКУЗИ. Э-э, лучше расставить бы тебе сети для матери Тулкуной, для Айташ-хола, и все было бы в порядке.

МИРЗА. Э... Когда есть мать... Э, черт! То есть, когда есть дочь, на кой мне случась ее мать? Она же старуха, да еще из какого-то там «знатного» рода ходжей!

НОРКУЗИ. Она еще совсем не старуха. Как раз то, что тебе нужно. Трудолюбивая, опрятная, всегда будешь ходить в чистой рубашке, кормить тебя будет, как барана на праздничный шацлык. А сама? Скажи, чем она хуже любой девушки?

МИРЗА. Норкузи! Не выводите меня из терпения! Я не бабочка, чтобы летать от цветка к цветку. Или на матери... Тыфу, черт! То есть, или на дочери женюсь, или... или всю жизнь проживу стопроцентным холостяком!

НОРКУЗИ. О-о, я вижу, крепко засела у тебя в сердце эта Тулкуной...

МИРЗА (стуча кулаком себя в грудь). Как гвоздь в доске! (Смотрит вдаль.) А вон еще одна сердцеедка идет.

НОРКУЗИ. Где?

МИРЗА. Туда, туда смотри.

НОРКУЗИ. Это же Азиза опять приехала!.. (Жадно пьет воду.) Эх, лучше бы совсем не приезжала.

МИРЗА. Тоже мне! Из-за тебя она не должна навещать свой родной кишлак? (С рубабом в руке появляется Азиза и, делая вид, что никого не замечает, идет мимо.) Салом, Азиза-хон! Если других не хотите замечать, то в отношении меня этот номер не пройдет! Я шофер и приятель вашего отца, Мирзой Каримджаном меня величают.

АЗИЗА. Извините, пожалуйста, Мирза-ака! Но на вас такая громадная шляпа, что я приняла ее за навес и под ним не заметила вас.

МИРЗА. А вот ваш отец, почтенный Бек-ака, замечает меня даже на расстоянии голоса.

НОРКУЗИ. Не задерживай Азизу, Мирза-ака. Может быть, ее осенило вдохновение. Пусть идет к своему излюбленному месту, на берег канала и сочиняет свою музыку.

АЗИЗА. Кажется, вам не очень приятно, что я выбрала эту тропинку?

НОРКУЗИ. Мне гораздо было бы приятней, если бы я вовсе не видел вас.

АЗИЗА (*насмешливо*). Вы ненавидите меня, Норкузи-ака. Ну что же, тогда я буду ходить другой дорожкой. Странно, некоторые люди пытаются языком поразить сердце, полагая, что язык острее ножа.

НОРКУЗИ. Разве у вас есть сердце?

АЗИЗА. Об этом не спрашивают, проверяют.

НОРКУЗИ. Я знаю, что у вас вместо сердца — камень. Его не только языком, но и пулей не поразить.

АЗИЗА. Ошибаетесь. Сердце девушки оружием не покорить. А порой бывает достаточно ласкового взгляда или теплого слова, чтобы покорить его.

НОРКУЗИ. Но только не ваше...

АЗИЗА. Я поражаюсь некоторым людям, которые обнажают шпагу против соловья, когда его можно убить и рогаткой. Эти люди, видимо, не могут отличать соловья от вороны. А жаль. (*Уходит.*)

МИРЗА. Здорово она тебя отбрила. Во-первых, я не знал, что она такая ядовитая.

НОРКУЗИ (*упав головой на подушку*). Яд с ее языка для меня слаще меда.

МИРЗА. Тоже мне — мед! Одни им наслаждаются, а другие отравляются.

НОРКУЗИ. О, если было бы возможно, я бы и сердце свое расстелил дорожкой у ее ног!

МИРЗА. Эй! Не только сердце, хоть всего себя с потрохами преврати в дорожку и тогда она твоей не будет. (*Увидев прошедшего в стороне Негмата.*) А вот, пожалуйста, и хозяин идет следом за ней. Полюбуйся!

НОРКУЗИ. Где?

МИРЗА. А вон там, за деревьями.

НОРКУЗИ. Я убью его. (*Жадно пьет воду.*)

МИРЗА. Ты что, с ума спятил? Во-первых, не смей даже думать!

НОРКУЗИ. Обоих убью!

МИРЗА (*испуганно*). Слушай! Что тебе — жить надоело?

НОРКУЗИ. А зачем мне жить без нее?

МИРЗА. Жил до сих пор и дальше жить будешь. Тем более, она тебе уже совсем чужая.

НОРКУЗИ (*смотрит в сторону, куда ушла Азиза*). Да, ты прав. Она чужая мне. Совсем чужая. Все кончено. (*Начинает пить воду, но Мирза отнимает пилалу.*)

МИРЗА. Зачем так много пьешь? У тебя внутри рис растет, что ли?

НОРКУЗИ. Я простужен, Мирза-ака. Мне жарко. Я горю.

МИРЗА (*приложив руку ко лбу Норкузи*). У тебя температура!

НОРКУЗИ. Пусть.

МИРЗА. Как увидишь ее, так у тебя поднимается температура.

НОРКУЗИ. Это от огня любви. А как я ее любил! Когда в море плавал, ни на минуту не забывал о ней. Если на берегу встречал хоть немного похожую, с нежностью думал: «О, моя Азиза еще лучше...»

МИРЗА. А Тулкуной разве хуже Азизы? А я чем хуже ее?.. Нисколько! Одно ясно: не везет нам с тобой, братишка. Рановато мы родились с тобой. Наш Хайдарали — мудрый человек. Он все знает. Скоро, говорит, у нас города и кишлаки станут одинаковыми, между шофером и профессором, между механизатором и изобретателем никакой разницы не будет. Шофер, говорит, сможет жениться на ученой девушке, а ученый — на любой колхознице. Но пока, к сожалению, равенства в любви нет. На одного говорят, что стар, на другого — некультурный, незнатный, без положения, на третьего еще что-нибудь. Тьфу!.. (*С досадой.*) А ведь иной человек только на вид хороший, а заглянешь внутрь — пустой, как сушеная тыква!

НОРКУЗИ (*в тоске*). И как она только этого не видит?!

МИРЗА. Вот именно! Ходит по маминой указке — и все! И сама ко мне не идет, и меня к себе не берет. И сама стареет, и мне уже пятый десяток пошел. Ведь сердце-то молодое. Как увижу ее, так и самого себя забываю.

НОРКУЗИ (*неожиданно резко*). Не знаешь, когда их свадьба?

МИРЗА. Наверно, скоро. Почти каждый день Бек-ака ездит к дяде Негмата. То ли как к свату, то ли как к прокурору. Не поймешь. Пойду-ка на берег канала, помою машину и — домой. (*Уходит.*)

НОРКУЗИ. О, разлука! Как мне было хорошо с тобой, когда я был далеко от своей любимой. Она казалась мне чистой, светлой, как небо, ясной. Подводным солнцем я называл ее. Но не согрело оно меня, а сожгло, сожгло, как некоего поэта, который с горечью воспевал: (*Читает.*)

Хочу напиться любовью моей милой, но не могу,

Хочу отвести свой взгляд от нее, но не могу.

Сверкающая звезда она на небе любви,

Но как ни стараюсь достичь ее — не могу.
Я, как мотылек у огня, кружусь вокруг нее,
Обжигает крылья мои, хочу отойти — но не могу...

(Норкузи жадно пьет воду, садится к дереву. Его мучает головная боль.)

Затемнение.

Берег канала. Склонившиеся ивы. Положив перед собой нотную тетрадь, Азиза подбирает на рубабе мелодию. Записывает. Задумывается, как бы прислушиваясь к песне, которая рождается в ее воображении. Слышен женский голос.

Красив твой сад, созданный тобой,
Но сад — пустыня, раз нет тебя со мной.
Приди, мой милый, приди, желанный.
Я пою только для тебя, дорогой.

Появляется Негмат. Он слегка пьян. При его появлении песня прерывается.

НЕГМАТ. Здравствуйте, Азизахон!

АЗИЗА. Зачем вы ходите за мной, Нигмат-ака? Что скажут люди, увидев нас вместе?

НЕГМАТ. Не гоните меня. Я скажу несколько слов и уйду.

АЗИЗА. Только поскорее, пожалуйста.

НЕГМАТ. Азизахон, вы в последнее время избегаете меня...

АЗИЗА. Опять вы об одном и том же!

НЕГМАТ. А что я вам сделал плохого?

АЗИЗА. А что может сделать хорошего человек, если он даже за свое приветствие хочет получить вознаграждение?

НЕГМАТ. Неужели добро так быстро забывается?

АЗИЗА. Лучше заслуженная пощечина, чем добро с упреками. (Язвительно, с улыбкой.) Свои аплодисменты на моих концертах, видимо, тоже считаете добром?

НЕГМАТ. Что бы ни было в прошлом, вы простите меня, Азизахон. Умоляю вас. Я прошу вашей руки. Подумайте сами, я композитор, вы тоже.

АЗИЗА. Вы не композитор, а ремесленник.

НЕГМАТ. Азизахон, прошу вас, не оскорбляйте меня.

АЗИЗА. Я недавно узнала, как вы поступали в консерваторию.

НЕГМАТ. Как? Мой талант открыл мне двери консерватории!

АЗИЗА. Не талант, а знакомство. И диплом получили только по знакомству.

НЕГМАТ. Азизахон!

АЗИЗА. Прошу вас, оставьте меня в покое.

НЕГМАТ. Я больше не могу! Чаша терпения переполнилась. Или я погибну у ваших ног, или вы станете моей женой. Другого выхода нет. (Подходит к ней.)

АЗИЗА. Одумайтесь, что вы говорите?

НЕГМАТ. Если не согласитесь, заберу силой.

АЗИЗА. Насильно, говорят, мил не будешь!

НЕГМАТ. Буду.

АЗИЗА. Да вы пьяны! Отойдите от меня! (Хочет уйти.)

НЕГМАТ (преградив дорогу). Стойте! Еще одну минутку.

АЗИЗА. Ни одной! Пустите.

НЕГМАТ. Не пущу!

АЗИЗА. Вы с ума сошли?

НЕГМАТ. Да! Это я из-за вас лишился рассудка... (Схватив Азизу за руки, привлекает к себе.)

АЗИЗА. Да как вы смеете?!

НЕГМАТ. У любви нет стыда!

АЗИЗА (вырываясь). Отпустите меня... Или я брошусь в канал!

НЕГМАТ. Не пущу!

Азиза резко отталкивает Негмата, и тот, потеряв равновесие, падает в канал.

НЕГМАТ. А-зи-за!

АЗИЗА. Ой, смерть моя! Что я наделала? (Смотрит вниз.) Держитесь за ветку! За ветку!

НЕГМАТ. Помо-ги-те! Тону...

АЗИЗА. Какой позор! Мужчина, а тонет. Спасите! Помогите!

Вбегают запыхавшийся Мирза, пролетает по инерции мимо Азизы. Потом, резко повернувшись, возвращается бегом обратно.

МИРЗА. Что такое?

АЗИЗА. Он тонет! Помогите ему! Тяните его на берег. Скорее!

МИРЗА. Во-во... Во-первых, а если он сам меня потянет на дно? Тогда как?

НЕГМАТ. По-мо-ги-те!

АЗИЗА. Да помогите же! Спасите!

МИРЗА (*начинает снимать ботинки, потом, расстегивая ремень на брюках, смотрит вниз.*) Ну, почему вы панику подняли? Во-первых, он не тонет. Видите, как крепко держится за ветку? (*Кричит.*) Эй, кто там есть? Сюда, сюда! Человек тонет! Спасите! Скорее сюда! (*Придерживая спадающие брюки, снова смотрит вниз.*) Ой, ветка сломалась... Ой, потонет... Норкузи! О, Норкузи! Где ты, Норкузи! Слышишь меня, Норкузи?! Услышь, ради аллаха!

Вбегает Норкузи, на ходу снимает рубашку.

НОРКУЗИ. Где? Кто?

МИРЗА. Вон он. Тонет. Этот самый... Жена Азины... Тьфу, черт! Жених ее, композитор этот самый. Вот он. (*Норкузи бросается в воду. Мирза застегивает ремень на брюках.*) Ах, черт возьми! И зачем только я его позвал? Он скорее утопит этого вашего композитора, чем спасет. Да-да! Он так и сказал! Ой! Вот будет скандал! (*Смотрит вниз.*) Ух, кажется оба ушли в подводное царство.

АЗИЗА. Ой, смерть моя! Что же мне теперь делать? Только этого не хватало... (*Отвернувшись от канала, закрыла лицо руками.*) Почему я такая несчастная? (*Плачет.*)

МИРЗА. Спокойно, спокойно, дорогая Азизахон! Мое положение куда хуже, чем ваше. Моя Тулкуной и не тонет и не горит, и замуж за меня не выходит. Настоящая спящая царевна. А я горю, горю без дыма и без огня... (*Удивленно.*) Смотрите, смотрите, тащит! Схватил его за шевелюру и тащит! Слава тебе, матрос!

АЗИЗА (*легко вздохнув*). Выручил...

МИРЗА. А он у нас всегда такой: что схватит — не упустит. (*Кричит.*) Давай его сюда! (*Азизе.*) Видите, он какой? Спас ему жизнь.

АЗИЗА. Он не ему, а мне спас жизнь. Не знаю, чем только отблагодарить его...

МИРЗА. Держись за иву, Норкузи, за иву! Не бойся! Я здесь! (*Азизе.*) А вы пригласите его на свадьбу и подарите ему чего-нибудь и все будет в порядке. (*Увидев Негмата.*) Вон ваш жених, уже на берегу! Вой-бой! Распух, как бурдюк. Ну, посмотрите же на своего жениха!

АЗИЗА. Не хочу видеть эту мокрую курицу!

МИРЗА (*опеиши*). Что? Мокрую курицу? Разве так можно говорить про жениха?

АЗИЗА. Не жених, а жало змеиное.

МИРЗА. Ничего не понимаю.

АЗИЗА. Как он там — жив?

МИРЗА. Норкузи! Как он там — жив? (*Прислушивается.*) Что-то молчит...

АЗИЗА. Ой, лучше бы умереть мне...

МИРЗА. Ну, разве можно так говорить, когда и солнце и луна светят только для вас, Азизахон! Выживет! Смотрите, как Норкузи приводит его в чувство.

АЗИЗА (*не глядя*). Что он там делает?

МИРЗА. Качает. Смотрите, смотрите, уже забила вода изо рта! Вот здорово! Как из фонтана.

АЗИЗА. Значит он жив?

МИРЗА. Норкузи! Как там композитор? Азизахон страшно волнуется. Есть надежда?

Появляется обессиленный Норкузи, держится за грудь. Ему больно.

НОРКУЗИ. Начал дышать. Иди, постели под него что-нибудь.

МИРЗА. Во-первых...

НОРКУЗИ. Иди, иди.

МИРЗА. Иду, иду. От честного труда не состаришься. (*Скрывается за деревьями.*)

АЗИЗА. Норкузи-ака...

НОРКУЗИ. Не волнуйтесь, ваш жених вне опасности. Проследите, чтобы он не простыл. (*Уходит.*)

АЗИЗА. Норкузи-ака, что с вами?

НОРКУЗИ. Не волнуйтесь. Грудью ударился о корягу. Пройдет. Идите к нему.

АЗИЗА. Постойте! Мне нужно с вами посоветоваться. Я не знаю, что делать...

НОРКУЗИ. А что случилось?

АЗИЗА. Дядя Негмата — большой человек, прокурор. Вчера он вызвал моего отца и дал понять, что если я не выйду замуж за его племянника, то будет выдан ордер на арест отца.

НОРКУЗИ. Вот как! Но ведь ваш отец не виновен. Его просто оклеветали!

АЗИЗА. А что стоит клеветнику превратить клевету в обвинение? Посадят и — все!

НОРКУЗИ. Как это могут посадить человека, если он совершенно не виновен, Азизахон?

АЗИЗА. Вы так говорите, чтобы успокоить меня. А отец совсем растерялся и, чтобы спасти себя, отдаст меня за Негмата. (*Плачет.*)

НОРКУЗИ. Ах, даже так! (*Подходит к Азизе.*) Азиза, не плачьте. Не надо. Это напрасно. Послушайте меня. Я вам откровенно скажу. Я не обвинял вашего отца, а защищал, несмотря на то, что он ненавидит меня.

АЗИЗА. Я не верю этому.

НОРКУЗИ. Клянусь! Я всюду доказывал, что он совершенно не виновен. Виноваты другие. (*Пьет воду.*)

АЗИЗА. О, если бы это было так... Но вы же сами критиковали моего отца.

НОРКУЗИ. Да, критиковал. У Бек-ака много недостатков, но он не преступник.

АЗИЗА. Тогда чьи же эти триста пятьдесят баранов, обнаруженные в стаде нашего колхоза?

НОРКУЗИ. Эти бараны и принадлежат тем, кто писал анонимки. Бек-ака баранов приобщил к колхозному стаду. Это писак обозлило. Теперь они мстят за потерю своего богатства и хотят взвалить всю вину на Бек-ака. (*Пьет воду.*) А прокурор Зиямов хочет ловить рыбу в мутной воде. Подлец!

АЗИЗА. А кто они такие?

НОРКУЗИ. Найдут их. Анонимки написаны детским почерком. Пойдут в школу и сопоставят почерк писак с почерком детей. Тогда найдут и того, кто писал, и того, кто диктовал.

Появляется взбешенный Бекназар.

БЕКНАЗАР (*Норкузи*). Ты опять пристаешь к моей дочери?

НОРКУЗИ. Бек-ака...

БЕКНАЗАР. Опять позоришь меня?

АЗИЗА. Отец, как вам не стыдно?!

БЕКНАЗАР. Что?! Как ты смеешь?

АЗИЗА. Вы его не знаете!

БЕКНАЗАР. Вон отсюда!

АЗИЗА. Вы не отличаете друга от недруга, отец! Опомнитесь!

БЕКНАЗАР. Уходи сейчас же! Ну, чего ты плачешь? Не плачь! Знаю, теперь отец не нужен тебе. Выучил я тебя. Теперь в облаках витаешь. Мне тебя не достать. Иди! Я хочу поговорить с Норкузи наедине, не мешай нашему разговору.

Азиза уходит.

НОРКУЗИ (*пьет воду*). Плохо себя чувствую, Бек-ака. У меня температура. Скорее говорите.

БЕКНАЗАР. Сын мой, отрекись от Азизы. Не морочь ей голову. Я тебе любую девушку сосватаю, какую только хочешь. Свадьбу справлю, большую свадьбу! Ты достоин уважения. Ты сокол моих полей. Но, прошу тебя, забудь Азизу.

НОРКУЗИ. Бек-ака, я до самой смерти не забуду ее. Но будьте спокойны, я на ней не женюсь. (*Пьет воду.*)

БЕКНАЗАР. Вот и молодец!

НОРКУЗИ. Кому угодно отдайте свою дочь, но только не за Негмата. Он подлец!

БЕКНАЗАР. Это ты подлец! Три раза с жалобами на меня ездил в Ташкент. Пригласил сюда комиссию. Это ты все натворил. Ты!

НОРКУЗИ. Вы не преступник, Бек-ака!

БЕКНАЗАР. Да, ты прав. Я не преступник! Я честен... Но зачем, зная об этом, ты клеветал на меня? Почему? Из-за того, что я не хочу выдать за тебя свою дочь? Лучше бы ты нож вонзил в мою грудь, чем клеветать на меня!

НОРКУЗИ. Бек-ака... поверьте, вас одурачивают.

БЕКНАЗАР. Нет, это ты меня дурачишь! Хочешь дочь мою получить, меня посадить в тюрьму, чтобы самому стать председателем колхоза!

НОРКУЗИ (*раздраженно кричит*). Ложь!.. Не верьте этой клевете, Бек-ака! (*Обессилел, не может говорить, прислоняется к дереву.*)

БЕКНАЗАР (*поддержав*). Что с тобой, Норкузиджан?

НОРКУЗИ. Не могу дышать!

БЕКНАЗАР (*обмахивает его подолом халата*). Мирза! Мирза!

Вбегает Азиза.

АЗИЗА (*прикладывает ко лбу Норкузи ладонь*). Ой, он весь горит.

НОРКУЗИ. Пройдет... Я еще на вашей свадьбе... танцевать буду... песню спою...

БЕКНАЗАР. Спасибо, сын мой. На свадьбе Азизы ты будешь главным тамадой, хорошо? (*Снова кричит.*) Мирза! О, Мирза! Куда ты пропал! Шут!

МИРЗА (*подбежав*). А-а-а? Здесь я, Бек-ака! Эге, что случилось с Норкузи?

БЕКНАЗАР. Где твоя машина?

МИРЗА. Здесь.

БЕКНАЗАР. Сейчас же его в больницу. Я тоже еду. Норкузи плохо. Скорее!.. Ну, поднимай осторожно, осторожно.

Бекназар и Мирза уносят Норкузи к машине. Азиза остается одна. Нежная музыка словно успокаивает и сочувствует ей.

АЗИЗА (*грустно*). Все это из-за меня... О, если бы я могла своими глазами облегчить его страдания! Если бы могла свое дыхание слить с его дыханием и исцелить его недуг...

Затемнение.

Снова пслевой стан Норкузи. Покачиваясь от усталости, входит Мирза и валится под навес. Его одежда в оцепках хлопка.

МИРЗА (*грустно поет*).

Наступил я на колючку.
От боли страдаю я.
Знал бы — не наступил бы
И так не страдал бы я.

(*Тяжело вздохнув.*) Да, брат, работать на комбайне Норкузи — это не баранку крутить легковушки. Сельмой пот с меня сходит... Пожалуй, ополоснуться надо. (*Начинает раздеваться. С узелком в руке появляется Тулкуной. Заметив ее, Мирза прячется за куст.*) Ие-ие! Кого я вижу! Не может быть! Не верю своим глазам. Ой, как смешно получилось! Во-первых, простите. (*Одевается.*)

ТУЛКУНОЙ. Я шла на ферму, и ваша мать попросила по пути передать вам обед. Возьмите, покушайте, Мирза-ака, пока горячее. Пожалуйста.

МИРЗА. О, спасибо вам за заботу. Если бы вы каждый день заглядывали ко мне!.. Я был бы счастлив. Вы — моя птица счастья, дорогая Тулкунджан.

ТУЛКУНОЙ. О, да вы говорите, как поэт...

МИРЗА. Во-первых, хотя я еще поэтом не стал, но уже сочиняю и пою. (*Держа тюбейку у рта, чтобы лучше был резонанс, начинает петь.*)

О-о-о! По дороге мчится «Волга», красавица моя,
Сердце летит быстрее, навечно оно твое!..
Летит, летит оно к тебе, черноглазая моя!

Ну, как, не правда ли, здорово?

ТУЛКУНОЙ. Замечательно! Но только что-то не совсем складно. Вы лучше покушайте, Мирза-ака, пока горячее.

МИРЗА. Когда вы рядом со мной, Тулкуной, мне ничего горячего не требуется.

(*Оглядываясь.*) Постойте, когда вы шли сюда, вас не видела ваша мать?

ТУЛКУНОЙ (*испуганно озвываясь*). Мать? Мать!? (*Прячась за Мирзу.*) Где мать?

МИРЗА (*испугавшись*). Мать? Где мать? (*Оглядевшись.*) Никого же нет...

ТУЛКУНОЙ. Как нет? Вы же сами сказали.

МИРЗА. Я? Я ничего не говорил.

ТУЛКУНОЙ. Ой, какой же вы трусливый, Мирза-ака.

МИРЗА. Трусливый? Что вы, дорогая Тулкуной. Чего мне бояться этой старушки?

ТУЛКУНОЙ. Если эта «старушка» узнает, что я была здесь, она мне ноги переделает!

МИРЗА. Во-первых, я не понимаю: неужели ваша мать своей собственной дочери не желает счастья? А?

ТУЛКУНОЙ. Она говорит: если ты, говорит, еще раз вспомнишь имя этого извозчика, прокляну тебя, выгоню, говорит, из дома.

МИРЗА. О, господи! Опять старая песня! Во-первых, вы объясните матери, что Мирза-ака не извозчик, а шофер первого класса, личный водитель нашего знатного председателя колхоза. А потом скажите, что после того, как заболел Норкузи, он сел на его машину и геройски собирает хлопок, и нет человека, который бы не восхищался его работой. Поняли, дорогая моя, Тулкуной?

ТУЛКУНОЙ. Поняла. Слушайте, Мирза-ака...

МИРЗА. Что, моя дорогая?

ТУЛКУНОЙ. Простите за нескромный вопрос, пожалуйста.

МИРЗА. Прощаю! Задавайте свой вопрос.

ТУЛКУНОЙ. Скажите... сколько вам лет?

МИРЗА. Сколько лет? Гм, гм... Во-первых... Вы сами скажите-ка, пожалуйста, во сколько лет мужчина бывает в самом соку?

ТУЛКУНОЙ. В двадцать пять.

МИРЗА. Э-э, что вы говорите! Двадцать пять — это же еще совсем зелень. Прибавьте немного.

ТУЛКУНОЙ. Ну, в тридцать, наверно.

МИРЗА. Еще чуть-чуть прибавьте.

ТУЛКУНОЙ. Тогда в пятьдесят, что ли?

МИРЗА. Эх, куда хватили! Пятьдесят — это же седой старик. Нет, убавьте.

ТУЛКУНОЙ. В сорок пять?

МИРЗА. Еще чуть-чуть убавьте.

ТУЛКУНОЙ. В сорок, да?

МИРЗА (*радостно*). О, моя умница! Сразу отгадала. Я просто поражен вашей смеяльщицой, дорогая моя Тулкуной.

ТУЛКУНОЙ. А вы, оказывается, очень забавный человек, Мирза-ака. Своими веселыми загадками сразу пленяете девушек.

МИРЗА. Что есть, того уже у меня не отнимешь, милая моя Тулкуной.

ТУЛКУНОЙ. Вы так красиво умеете говорить, Мирза-ака... Словно мед льется из ваших уст. Натуральный мед.

МИРЗА. О, моя пчелка! Только вы можете достойно оценить меня. Вот за это я вас и люблю. Это первая и последняя моя любовь, во-первых...

ТУЛКУНОЙ. А во-вторых?

МИРЗА. А во-вторых, посидите со мной хоть минуточку, пожалуйста.

ТУЛКУНОЙ. Ой, нет! Я боюсь.

МИРЗА. Чего? Я же не шакал, не съем.

ТУЛКУНОЙ. Не верю.

МИРЗА. Клянусь вашими глазами.

ТУЛКУНОЙ. Ну, теперь можно верить. (*Садится на ковер. Мирза хочет сесть поближе к Тулкуной, но она отодвигается от него.*) Скажите еще что-нибудь, Мирза-ака. Знаете, чье?

МИРЗА. Что, моя умница?

ТУЛКУНОЙ. Вы по разговору, по голосу совсем молоденьким кажетесь.

МИРЗА (*придвигаясь к ней поближе*). Сердцу моему — только двадцать пять.

ТУЛКУНОЙ. Так мы почти ровесники!

МИРЗА. Конечно, радость моя! (*Снова придвигается ближе к Тулкуной.*)

ТУЛКУНОЙ (*отодвигаясь от него*). Ой, нет, нет! Я пока боюсь.

МИРЗА. Чего?

ТУЛКУНОЙ. Мне мать не позволяет. Она все время учит меня: будь скромной, не слушай мужчин.

МИРЗА. Почему же? Во-первых...

ТУЛКУНОЙ. Мать говорит: телочка не мигнет, бычок веревочку не порвет.

МИРЗА. Тогда вот что, черноглазая моя. Во-первых, если уж телочка начала мигать, то лучше нам поскорее поговорить о нашей, так сказать.... В общем, вы сами знаете... В общем, дело только за свадьбой.

ТУЛКУНОЙ. Какая свадьба?

МИРЗА. Не знаете, какая? Наша, конечно.

ТУЛКУНОЙ. Ой, боюсь! Мама убьет меня.

МИРЗА (*придвигаясь к ней поближе*). Тулкуной, поймите меня, моя умница... (*Прижав рукой к траве конец ее косы.*) Извините... Конечно, нам сначала надо попрощать благословенья у вашей матери.

ТУЛКУНОЙ. Моя мама скорее умрет, чем согласится на наш брак.

МИРЗА. Не бойтесь! Я уговорю ее.

ТУЛКУНОЙ. Нет, нет, не надо. Тогда она вас убьет.

МИРЗА. Я же с ней буду говорить ласково-ласково, нежно-нежно. А на ласковое слово и змея из норы выползает.

ТУЛКУНОЙ. А моя мать не выползет.

МИРЗА. Ну, тогда, может быть, вы сами поговорите? Возьмите и прямо скажите, что я вас безумно люблю.

ТУЛКУНОЙ. Ой, нет, этого я не скажу.

МИРЗА. Ну, тогда скажите, что вы безумно любите меня.

ТУЛКУНОЙ. Ой! Этого уж я совсем не могу сказать.

МИРЗА. Ну, тогда скажите, что мы оба любим. Нет-нет, не ее, а друг друга.

ТУЛКУНОЙ. Это еще как-нибудь можно... (*Тянет прижатую косу, но Мирза не отпускает и придвигается еще ближе.*) Пустите, Мирза-ака, больно.

МИРЗА. А мне, думаете, не больно, когда вы отодвигаетесь от меня?

ТУЛКУНОЙ. Мирза-ака, дорогой, мне хорошо с вами.

МИРЗА. Ангел мой! (*Прижимает ее руку к своей груди.*) Мне еще лучше.

Появляется разгневанная Айташ. В руках у нее прут.

АЙТАШ. Проклятие! Вот чем они тут занимаются?! Какой стыд! (*Тулкуной и Мирза разбегаются в разные стороны и прячутся в кустах.*) Где она, безумная дочь? (*Увидев Тулкуной, хочет ударить ее.*)

ТУЛКУНОЙ (*отбегая*). Мама, я здесь совершенно случайно... По пути... Я шла на ферму.

АЙТАШ. Заблудилась и попала сюда, где кроме одного старого козла никого нет? И глазки тут строишь, и бровями играешь перед этим блудливым арбакешем? Забыла, ты из какого рода? Забыла?

ТУЛКУНОЙ. Мама, милая, ну ведь я...

АЙТАШ. Молчи, глупая!

МИРЗА (*выйдя из-за куста*). Послушайте меня, Айташ-хола! Во-первых... Ну, посмотрите сюда, пожалуйста!

АЙТАШ. На что мне смотреть, старый петух? На твои крашенные усы? Или на твои вытаращенные глаза? Вот как дам сейчас по рогам — копыта зануют!

МИРЗА *(отбегаая)*. Ой-ой-ой! Зачем же так, Айташ-хола? Ударьте сначала себя, не будет больно, ударьте другого.

АЙТАШ. Ты меня еще учить? Старый осел! *(Хочет побить его.)*

МИРЗА *(убегая от нее)*. Я осел? Ох, как вам не стыдно оскорблять своего будущего зятя, тетушка Айташ.

АЙТАШ. Я тебе не отдам свою дочь!

МИРЗА. Не отдадите, она уйдет — и все! Выслушайте мои мудрые слова, Айташ-хола: девушку надо отдать тому, кто ее любит! Дочь ваша любит меня, а я ее. Мы с ней, как Лейли и Меджнун, Тахир и Зухра, Ромео и Джульетта! Вель это верно, Тулкуной? Скажите, Тулкуной, скажите это вашей умной, прекрасной, замечательной матери, скажите прямо и без колебаний!

ТУЛКУНОЙ *(испуганно)*. Да, да, конечно... Мы друг друга... Очень...

МИРЗА. Точка!

АЙТАШ. Нет, не точка!

МИРЗА. Вы же сами слышали, что она сказала, дорогая Айташ-хола.

АЙТАШ. Ах ты, ослушница! Я убью тебя сейчас! *(Угрожая хворостиной, гонится за Тулкуной.)* Убью! И не пожалео!

МИРЗА *(преграждая ей путь и неожиданно подставляет свою спину)*. Нате, нате! Убивайте лучше меня! Ради Тулкуной я готов умереть даже от ваших побоев!

АЙТАШ *(от удивления уронила прут)*. Ой, лучше мне умереть, чем пережить такой позор... *(В изнеможении опускается на землю, будто бы теряя сознание.)*

МИРЗА *(бережно поддерживает ее)*. Айташ-хола, милая, дорогая! Положите немного умирать. Если вы умрете, тогда кто же будет решать нашу судьбу? Вам плохо, да, плохо?

АЙТАШ. Ой, как вам не стыдно, милый Мирзаджан, обнимать одинокую женщину?

МИРЗА. Как? Разве я вас обнимаю? *(Убирает руки.)* Вот, пожалуйста, если вам это неприятно.

АЙТАШ. Приятно или неприятно, это не тебе знать, старому холостяку. Бесстыжий!

МИРЗА. Прошу прощения. Я же, во-первых, не хотел... Вот, видите, сразу пришли в себя от моих исцеляющих рук.

АЙТАШ. Ой, лучше мне умереть, чем видеть, как ты будешь губить мою дочь! О, горе мое, несчастье мое!

МИРЗА. Во-первых, дорогая Айташ-хола, я не собираюсь губить вашу дочь. Она цветок моей души. Я ее на руках буду носить, на плече, а на голову — сама сядет.

АЙТАШ. Э! Все вы мужчины обманщики.

МИРЗА *(вкрадчиво)*. Дорогая Айташ-хола, кто яда пчелы не знает, тот и цены меда не знает...

АЙТАШ *(подозрительно)*. Постой! А где ты научился так красиво говорить?

МИРЗА. В школе любви к вашей дочери.

АЙТАШ. Не верю я тебе, старый пес.

МИРЗА. Уф, не выдержу... Ну, что вы понимаете в любви, уважаемая старушка?

АЙТАШ. Типун тебе на язык! Какая я тебе старушка?

МИРЗА. Простите, это я, во-первых, из уважения, по ошибке. А во-вторых, какой же я старый пес? Ну, ладно, прощаю и буду вас называть тетушкой, ладно? Договорились, дорогая моя тетушка!

АЙТАШ. И не стыдно тебе называть тетушкой свою ровесницу, дорогой мой Мирзаджан?

МИРЗА. Как же мне тогда вас величать? Стыд какой, если будущий зять свою тещу будет называть Айтусей, Айташечкой. Это, во-первых...

АЙТАШ. К черту твои «во-первых»! Знай, я свою дочь за такого «во-первых» не выдам! Сказала, не выдам и кончено! *(Оглядывается, ищет дочь.)* Тулкуной!

О, Тулкуной! Боже, куда делась эта девчонка? Сквозь землю провалилась, что ли? Тулкуной, о, Тулкуной!

ТУЛКУНОЙ *(робко выходит из-за куста)*. Слушаю вас, мамочка.

АЙТАШ. Ты что, любишь его?

Тулкуной молчит.

АЙТАШ. Почему молчишь?

МИРЗА. Молчание — знак согласия.

АЙТАШ. Горе мое! Ну, так и быть, подойди поближе. *(Устало садится на ковер под навесом.)*

МИРЗА *(тихо)*. Наконец-то... *(Решив, что мать согласилась на их обручение, Мирза и Тулкуной опускаются возле нее на колени и, раскрыв ладони, как для молитвы, ждут ее благословения.)*

АЙТАШ. Мирзаджан, дорогой мой мальчик, иди пока вон туда, подальше от нас и пообедай. А то плов остынет. Иди, мой дорогой зятек, иди.

МИРЗА. Иду, дорогая матушка, иду. Всех благ вам от вашего дорогого зятя. *(Берет узелок с едой и отходит в сторону. Тулкуной следует за ним.)*

АЙТАШ *(дочери)*. А ты подожди. *(Мирза и Тулкуной поворачиваются к Айташ.)*

МИРЗА. Мы слушаем вас, дорогая матушка.

АЙТАШ. Это тебя не касается, мой дорогой зятек. Ты иди, кушай, а то голодным останешься.

МИРЗА *(тихо Тулкуной)*. Держись, не отступай. *(Уходит.)*

АЙТАШ *(дочери)*. Подойди ближе, дочь моя!

ТУЛКУНОЙ *(с опаской)*. Иду, матушка, иду.

АЙТАШ *(ласково)*. Как это ты здесь очутилась, моя красавица?

ТУЛКУНОЙ. Ну, что же я могу поделать, мама, если Мирза-ака всегда на моем пути?

АЙТАШ. О, я вижу вскружил тебе голову этот старый болван.

ТУЛКУНОЙ. Мама, прошу вас, не оскорбляйте Мирзу-ака. *(Заплакала.)* Ведь я тоже уже не молода... Это вы меня состарили, вы! Ни одного парня не нашлось, который бы вам понравился... Тот такой, этот сякой! Вы всех разогнали, кто сватался. Не лишайте меня последней надежды!

АЙТАШ. Не реви.

ТУЛКУНОЙ. Вот останусь из-за вас в старых девах, тогда узнаете!

АЙТАШ *(заплакав)*. А мне что прикажешь делать? Своего почти ровесника называть зятем? А он меня будет называть матушкой? Это же посмешище на весь кишлак! О, проклятый арбакеш!

ТУЛКУНОЙ. Не называйте его арбакешем, мама. Он шофер, понимаете, шофер у нашего председателя колхоза! А сейчас, пока Норкузи-ака в больнице, Мирза-ака на его машине собирает так много хлопка, что все только и говорят: ай, молодец, ай, молодец, Мирза!

АЙТАШ. Помнишь, как еж зовет ежонка?

ТУЛКУНОЙ. О, мой мягонький.

АЙТАШ. А ворона своего вороненка?

ТУЛКУНОЙ. О, мой беленький.

АЙТАШ. Вот и ты, глупая, подобна им... Обворожил мою дочь старый осел, и я не знаю, что мне теперь делать.

ТУЛКУНОЙ. Делайте что хотите, мама, ругайте сколько хотите, а все равно я за него замуж выйду! Точка! *(Убегает вслед за Мирзой.)*

АЙТАШ. Ой, смерть моя! Останусь я одна-одинешенька. *(Пауза.)* Постой, может быть, и мне подыскать кого-нибудь, а? Я ведь еще не так стара. Если захочу, любому мужчине могу вскружить голову. Но найду ли я мужа из рода ходжей? А если нет? Ну и черт с ними! Мужья — они все одинаковые... *(Задумывается.)* Пусть так будет. Точка! *(Уходит.)*

З а т е м н е н и е.

Полевой стан колхоза, здесь часто собираются бригады. Из репродуктора льется веселая мелодия. Входит модно одетый Негмат. В одной руке у него магнитофон, в другой — букет цветов. Сел под навес, выключил радио, включил магнитофон и лениво улегся на подушку. С магнитофонной ленты зазвучал яростный твист. Вдруг Негмат приподнялся на локте, взгляделся вдаль, быстро выключил магнитофон и закричал.

НЕГМАТ. Бек-ака! Хо, Бек-ака!.. Я здесь! Куда же вы?.. Я здесь, здесь! *(Про себя.)* Идет старичок. Посмотрим, что он скажет. А если скажет — нет, тогда как? *(Увидев приближающегося Бекназара, встает и идет ему навстречу.)* О! Бек-ака! Здравствуй! *(Жмет ему руку.)* Поздравляю вас с большой победой! С досрочным выполнением плана хлопкозаготовок! *(Подает букет цветов.)* Я очень рад за вас, Бек-ака!

БЕКНАЗАР. Спасибо, Негматджан. Садитесь, пожалуйста. Давно вас не видел — ездил куда?

НЕГМАТ. Да, ездил по кишлакам. Записывал народные мелодии. Каждому свое: вам хлопок выращивать, а мне — создавать произведения, вдохновляющие людей труда.

БЕКНАЗАР. Да. Это дело хорошее.

НЕГМАТ. Будущее ждет от нас хорошей музыки, Бек-ака.

БЕКНАЗАР. Мы ведь тоже ждем от вас хорошей музыки, дорогой мой Негматджан, но никак не дождемся.

НЕГМАТ. Ну и Бек-ака! Вы же сами знаете: чтобы написать хорошую музыку, нужны годы. Музыка, это не трактор — сегодня сделал, а завтра — в поле. *(Вдохновенно.)* Музыка — это ракета, летящая в грядущее будущее!

БЕКНАЗАР. А если она без крыльев, тогда как?

НЕГМАТ. Ракета-то как раз без крыльев, Бек-ака.

БЕКНАЗАР. А если нет у нее горячего, чтобы запереть сердца людские? Ведь не всякие чернила воспламеняются.

НЕГМАТ. Ай, какой вы дотошный, Бек-ака. И до всего вам дело. Ну ладно, уговорили. И для вас напишем. Обязательно напишем.

БЕКНАЗАР. Вот это другой разговор.

НЕГМАТ. Ну как, Бек-ака, поговорили с Азизахон? Я ведь за ответом пришел.

БЕКНАЗАР. Да ведь знаете, какие сейчас дети, дорогой Негматджан? Брыкается, как неоседланная лошадь... *(Хочет вернуть цветы.)*

НЕГМАТ *(не принимая букета)*. Очень жаль, что вы не сдержали своего слова.

БЕКНАЗАР. Знаю, знаю. Но что с ней поделаешь? Твердит одно и то же — пока, говорит она, не будет прекращено судебное дело, ни о какой свадьбе и речи быть не может.

НЕГМАТ *(опешив)*. Но ведь был другой уговор — сначала свадьба, а на следующий день — реабилитация!

БЕКНАЗАР. Вот, вот! А она, упрямая девчонка, заладила свое. Сначала, как это вы сказали?

НЕГМАТ. Реабилитация, черт возьми, дорогой Бек-ака!

БЕКНАЗАР. Верно, верно! Сначала она самая, а на следующий день... *(Возвращает цветы.)*

НЕГМАТ *(механически берет букет)*. Что-то мне все это очень подозрительным кажется, Бек-ака... Придется позвонить дяде. Насколько мне известно, тучи над вашей головой стали еще гуще... Не думайте, что если вы председатель передового колхоза, то все вам простят? К сожалению, закон неподкупен и неумолим, уважаемый Бек-ака! *(Возвращает цветы.)*

БЕКНАЗАР *(механически берет их)*. Знаю, знаю, многоуважаемый Негматджан. Но что делать? Пусть уж сначала покончим с неприятностями, а потом... *(Вручает букет.)*

НЕГМАТ *(отстраняя цветы)*. «Потом» — это не сегодня, дорогой аксакал. Где мы с вами «потом» встретимся, не знаю. Может быть, и совсем не встретимся. Вы понимаете, о чем я вам говорю?

Входит Азиза.

АЗИЗА. Папа, я хотела с вами поговорить.

БЕКНАЗАР. Говори.

АЗИЗА. Только с вами.

НЕГМАТ. Тогда, Бек-ака, я пройдусь немного.

БЕКНАЗАР. Можно, только ненадолго.

НЕГМАТ. Ну, если я немного задержусь... подождете. *(Уходит.)*

БЕКНАЗАР. Чем ты так взволнована, доченька?

АЗИЗА. Как же мне не волноваться, папа. Волнуюсь за вас и за себя. *(Пауза.)* Если вы не виновны, то почему же так боитесь Зиямова?

БЕКНАЗАР. Ах, доченька моя. Я ведь однажды уже испытал горечь клеветы. Но тогда я был молод, выстоял. А сейчас...

АЗИЗА. А что вы теперь ответите этому нахалу?

БЕКНАЗАР. Не беспокойся, будь что будет, но я не отдам тебя этому прохвосту. Вижу: не любишь ты его. И он пристал к тебе не от любви.

АЗИЗА *(обрадованно)*. Папа! Дорогой папа!

БЕКНАЗАР. Но и Норкузи тебя не отдам. Он клеветник, хочет погубить меня. Погоди!.. Лишь бы все благополучно кончилось. Тогда бы я ему быстро всучил обходную. И след бы его простыл.

АЗИЗА. Папа...

БЕКНАЗАР. Замолчи!

АЗИЗА. Выслушайте меня спокойно, папа. Дело, возбужденное против вас, прекращено.

БЕКНАЗАР. Кто сказал?

АЗИЗА. Вот справка.

БЕКНАЗАР *(берет справку, читает, затем возвращает дочери)*. Азиза, родная моя, я не верю своим глазам, прочти ты сама.

АЗИЗА. Я уже сто раз перечитала.

БЕКНАЗАР. Как же это так? Вдруг оправдали... Просто не верится... Да откуда ты взяла эту бумажку?

АЗИЗА. В прокуратуре... Конечно, при помощи Норкузи-ака.

БЕКНАЗАР. Что-что?

АЗИЗА. Я говорю, что при помощи Норкузи-ака.

БЕКНАЗАР. Ушам своим не верю.

АЗИЗА. Почему вы не верите, папа? Это же он, Норкузи-ака, распутал этот клубок.

БЕКНАЗАР. Каким образом?

АЗИЗА. Он представил документы, что эти бараны принадлежат тем, кто писал анонимки на вас, чтобы взвалить всю вину с больной головы на здоровую.

БЕКНАЗАР. Ой, что-то не верится...

АЗИЗА. Сначала я тоже не верила и, чтобы убедиться, поехала к прокурору.

БЕКНАЗАР. К Зиямову?

АЗИЗА. Нет, по требованию Норкузи-ака дело было передано другому человеку, который и прекратил ваше уголовное дело.

БЕКНАЗАР. Ведь Норкузи ненавидит меня и вдруг он стал моим защитником?

АЗИЗА. К счастью, это так.

БЕКНАЗАР (*не поверив словам дочери, снова читает справку*). За неимением улик, дело Хакназарова Бекназара...

АЗИЗА. Папа, неужели вы не верите даже своей дочери?

БЕКНАЗАР (*обнимая Азизу*). Дочь моя, сокровище мое. Я верю тебе. Ум, оказывается, не в возрасте, а в голове.

АЗИЗА. А я разве не говорила, что Норкузи-ака человек с чистой душой?

БЕКНАЗАР. Как теперь буду смотреть в глаза Норкузи?

АЗИЗА. Норкузи-ака не из злопамятных, папа.

БЕКНАЗАР. Так-то оно так, но мы тебя совсем по-другому обрисовали ему.

АЗИЗА (*удивленно*). Как, по-другому?

БЕКНАЗАР. Не спрашивай... Мы хотели, чтобы он отрекся от тебя, хаяли тебя, как только могли.

АЗИЗА. И как только смели, папа?! Ой, какой ужас!

БЕКНАЗАР. Прости.

АЗИЗА (*увидев издали Негмата*). Вот идет ваш любимец, который, по вашему мнению, и травинки не отнимет у овцы. (*Уходит.*)

БЕКНАЗАР. Эх, дурная голова. Какой же ты передовой человек, коли не понимаешь, что сегодня всякий труд в почете: умом ли ты его совершишь, талантом ли своим или просто руками.

Входит Негмат.

НЕГМАТ. Что-то вы очень грустны, Бек-ака?

БЕКНАЗАР. Как? Наоборот, я сейчас, как никогда, весел, радостен!

НЕГМАТ. Ну, что сказала Азизахон?

БЕКНАЗАР. Короче говоря, Негматджан, вы больше не надеетесь на нее.

НЕГМАТ. Не надеяться?

БЕКНАЗАР. Да, вопрос решен.

НЕГМАТ. Как решен?

БЕКНАЗАР. Окончательно, и решение обжалованию не подлежит.

НЕГМАТ (*опеиши*). Как это так? Вы же обещали, и я вам верил... И вдруг... Ничего не понимаю. Нет, нет, этого не может быть! Если это так, то я... (*Пьет воду.*) Значит, вы меня обманули, Бек-ака. Не сдержали своего слова.

БЕКНАЗАР. Передумал.

НЕГМАТ. Ясно. Раз так, то уже теперь не обижайтесь на меня и на моего дядю. Пеняйте только на себя, если что-нибудь с вами случится.

БЕКНАЗАР. Ну, что ж... Чему бывать, того не миновать.

НЕГМАТ. Вы в тюрьме сгниете, дорогой председатель!

БЕКНАЗАР. Замолчи, подлец! (*Хотел было броситься на Негмата, но сдержался.*)

НЕГМАТ. Пока вы усмирили гнев тем, что прикусили свой палец. Но когда вас посадят, будет поздно. Локоть не укусите.

БЕКНАЗАР. Уходи!

НЕГМАТ. Точка!.. (*Уходит.*)

БЕКНАЗАР. Эй, композитор, вы забыли свой магнитофон! Возьмите! (*Один.*) Не хочет возвращаться, окаянный!

Бекназар берет магнитофон и уходит вслед за Негматом. С другой стороны появляется Норкузи, он радостно осматривает поля. В это время на сцену выбегает Тулкуной и прячется в кусты. Игриво подсакивая, с завязанными глазами появляется и Мирза. И, протянув руки, изображает нищего.

МИРЗА. Где ты, моя козочка?

НОРКУЗИ (*женским голосом*). Я здесь, мой козленочек. (*Ткнул его кулаком и отскочил в сторону.*)

МИРЗА (*удивленно*). Что ты так крепко бодаешься, моя козочка?

Тулкуной с громким смехом выскакивает из-за кустов. Мирза срывает платок с глаз и видит перед собой Норкузи.

НОРКУЗИ. Здорово, Мирза-ака!

МИРЗА (*взглядом ищет Тулкуной*). Здравствуй, здравствуй...

НОРКУЗИ. Вот молодежь-то пошла!

МИРЗА. Э, кого я вижу! Норкузи! Да, слушай, и как тебе только не стыдно: мы тебя ждем у клуба, а ты где-то гуляешь! (*Отдает честь*). Во-первых, разрешите доложить, товарищ командир голубого корабля.

НОРКУЗИ. Слушаю!

МИРЗА. Сегодня у нас большой праздник. Колхоз выполнил хлопковый план! Вашей машиной я собрал 120 тонн хлопка. А ваша бригада сдала по 35 центнеров

хлопка с гектара. Докладывает механизатор молодой с бородой — Мирзакаримджан Мирзахаликджанович Мирзарафикджанов!

НОРКУЗИ (*взяв под козырек*). Здравия желаю, Мирза-ака! Спасибо, что заменил меня... (*Обнимает его.*)

МИРЗА. Ну, как здоровье, во-первых...

НОРКУЗИ. Все в норме. Я готов петь на твоей свадьбе хоть целый день. А как Айташ, согласилась?

МИРЗА. Согласилась, но с условием, чтобы мы ей нашли хорошего жениха из любого рода!

НОРКУЗИ. С, тогда совсем будет хорошо!

МИРЗА. Норкузи, друг мой, ты хороший человек, добрый человек. Но я в отношении тебя — свинья.

НОРКУЗИ. Свинья? Почему?

МИРЗА. Скажу, если только ты меня простишь.

НОРКУЗИ. Прощаю.

МИРЗА. Помнишь, все время я охаивал Азизу на чем свет стоит.

НОРКУЗИ. А ты думал, я тебе так и поверил?

МИРЗА. Не поверил?

НОРКУЗИ. Верить тебе, это значит опереться на воду.

МИРЗА. Ну и молодец!

Входит Бекназар.

БЕКНАЗАР. Ну и хитрец! Ну и тихоня!.. Критиковал, создал комиссию, ходил по учреждениям, защищал меня, а мне ни слова.

НОРКУЗИ. Вы же, Бек-ака, все равно не поверили бы мне, да еще сколько было бы ненужных разговоров!

БЕКНАЗАР. Прости, сынок. (*Обнимает Норкузи.*) Я во многом ошибался.

Входит Азиза.

МИРЗА. Ура! Бек-ака первый раз в жизни признается в своей ошибке!

БЕКНАЗАР (*сердито*). Я всегда такой. Конь на четырех ногах и то спотыкается. Разве до конца узнаешь человека? Не зря ведь говорят, что у животных приметы снаружи, а у людей — внутри. Ну, как твое здоровье, сынок?

НОРКУЗИ. Отлично! Спасибо за вашу заботу, Бек-ака. Приняли все меры, чтобы я поправился.

АЗИЗА. Папа... Вас там ждут.

НОРКУЗИ. Азиза?

АЗИЗА. Норкузи-ака! (*Устремляется к Норкузи, но, постеснявшись отца, останавливается рядом с Норкузи.*)

МИРЗА. Идемте, Бек-ака, они придут за нами.

БЕКНАЗАР. Да, пожалуй, ты прав. Пошли. (*Уходят.*)

АЗИЗА. Что же вы не идете, Норкузи-ака? Там вас ждут колхозники, гости.

НОРКУЗИ (*смущенно*). Жду вашего приказанья, товарищ генерал.

АЗИЗА. А не кажется ли вам, что вы слишком долго засиделись в солдатах?

НОРКУЗИ. Рыба в облаках не летает, плавает в воде.

АЗИЗА. Ах, вот, оказывается, в чем дело? Сохраняете, значит, дистанцию.

А я-то надеялась, что вы и в облаках и в воде, везде и всюду станете моим верным другом.

НОРКУЗИ. По-моему, те тополя давно уже срублены, Азизахон.

АЗИЗА. А мне казалось, что они еще растут.

НОРКУЗИ. Вы сами срубили их и сожгли!

АЗИЗА. А вы, мало того, что придумали этот пепел, еще решили посыпать им свою голову?

НОРКУЗИ. А что мне оставалось делать, если вы...

АЗИЗА. Что же я?

НОРКУЗИ. Если вы оказались так далеки от меня, как небо от земли?

АЗИЗА. Путь к нему начинается с первого шага по земле. Или вы будете ждать, когда вам подадут космический корабль, дорогой мой, оробевший солдат?

НОРКУЗИ. Нет, наверное, мой друг, я не достигну той звезды, о которой мечтал с юношеских лет.

АЗИЗА. Ответьте лучше на вопрос: что в жизни главное?

НОРКУЗИ. Любить друг друга!

АЗИЗА. Где вы это вычитали?

НОРКУЗИ. В своем сердце.

АЗИЗА. Интересно! Придется, видно, и мне обратиться в рентгеновский кабинет, чтобы врачи прочли то, что написано и в моем сердце. Но обязательно в вашем присутствии... И вы прочтете высеченные, как на мраморе, лишь несколько строк...

НОРКУЗИ. Какие строки?

АЗИЗА. А разве вы не знаете народную песню?

Улетевшие осенью ласточки
Прилетают весной опять.
Но сердце, отданное смолоду,
Не вернешь...

НОРКУЗИ. Радость моя! Счастье мое!

АЗИЗА. Ну, вот! Сразу же пошли какие-то нежности... А как же с тополями, Норкузи-ака?

НОРКУЗИ. Знаете, как я рад, что и ваш отец...

АЗИЗА. Я спрашиваю, как с тополями? С теми, которые я срубила и сожгла?

НОРКУЗИ. Я посажу целую рощу! Целый лес! Слышите, целый лес! *(Протяну- к ней руки, но Азиза нежно отстранила их.)*

АЗИЗА. Норкузи-ака, я еще не дала команду «Шагом марш»!

НОРКУЗИ. Неужели я ослышался?

АЗИЗА. Слушай мою команду: смирно!

Норкузи застывает по стойке «смирно»: руки по швам, вытягивается. Азиза подходит к нему близко-близко и говорит тихо-тихо.

АЗИЗА. А теперь... поцелуйте меня, Норкузи-ака.

НОРКУЗИ *(испуганно)*. Ой, нет, товарищ генерал... Слепой только один раз теряет палку.

АЗИЗА. Не бойтесь. Генерал сам приказывает. Вы заслужили ласку, а не пощечину. Целуйте!

Норкузи, сохраняя стойку «смирно», нежно целует Азизу.

МИРЗА *(подбегая к ним)*. Что я вижу!... Норкузи, дорогой, в-первых, вас с нетерпением ждут в клубе, а во-вторых, один аллах знает, чем только вы здесь занимаетесь!

НОРКУЗИ *(радостно)*. Пошли! Полетим! Полетим, ласточка моей весны!

Взявшись за руки, побежали.

МИРЗА. Точка. *(Уходит за ними.)*

ЗАНАВЕС

УЛИЦА ОРУЖЕЙНИКОВ

Глава седьмая

Т е н ь¹

Дядя Юсуп стал сильно кашлять. Утром он с трудом вставал, к середине дня немножко веселел, вечером же был совсем больной. Он не пропускал ни одной молитвы, и часто приступы кашля случались в мечети. Тогда все молящиеся с неприязнью оглядывались на тощего человека со впалыми щеками. Он мешал молиться.

К началу февраля дядя Юсуп слег. На Талиба сразу обрушились все заботы по торговле, нужно было и дрова принести, и чай вскипятить, и в чайхану за едой сбежать. А тут еще занятия с сыном водоноса Ибрагимом. Однажды, когда дядю Юсупа терзал очень сильный кашель и на губах его показалась кровь, Талиб не пошел домой к водоносу, решил пропустить один денек. Вечером водонос пришел сам. Он посидел возле больного, повздыхал и ушел, чтобы вскоре вернуться с женой и сыном. Не слушая возражений, они подняли дядю Юсупа и повели к себе домой.

— Будете жить у нас. Все-таки и уход женский, и еда домашняя. Дядя Юсуп не возражал.

Мать Ибрагима готовила, мыла, стирала на всех и ухаживала за больным. Талиб продолжал вести торговые дела, сам разносил заказы, занимался с Ибрагимом.

Вместе с другими товарами в хибарку водоноса они перетащили и несколько непроданных глобусов, отчего в комнате стало много веселее. Глобусы стояли на полках в нише и по углам комнаты.

Однажды в погожий день Талиб присел отдохнуть возле банка. Из окна на улицу выглядывала большая жестяная труба, и неслись звуки единственной пластинки. Может быть, пластинка эта и не была единственной, но сторож банка заводил только ее. Говорили, что какой-то русский еще в царское время подарил сторожу эту пластинку.

¹ Продолжение. Начало в, № 1 за 1967 год.

— Эй, Талибджан! — окликнул мальчика человек в мундире и чалме с револьвером на боку. — Что-то я тебя давно не видел. Как дядя? Как торговля?

Это был Зарифходжа, спутник по вагону, ехавший с ними из Самарканда в Бухару. Талиб не сразу узнал его в новом одеянии.

— Не узнал меня? Ну что ж, значит, буду еще богаче, — сказал Зарифходжа. — Я теперь туксаба, чиновник его величества эмира, помощник караван-беги. Каждый мусульманин должен послужить нашему правителю в трудный год, если торговым делам это не мешает.

Зарифходжа был очень доволен своим новым положением.

— Вот что, — сказал он на прощанье, — я хорошо отношусь к твоему дяде, поэтому передай ему, чтобы он бросил дружбу с новыми школами... Я открыл торговлю кишками, пусть идет ко мне приказчиком. Эти новые школы сегодня опаснее чумы!.. Передай ему.

Талиб обещал передать все в точности, поклонился Зарифходже и еще больше невзлюбил его.

Возле базарчика, где торгуют своим товаром медники, Талиб увидел дервиша в шапке, отороченной собачьим мехом. Это был тот самый дервиш. Но на этот раз он не собирал денег, не прыгал и не продавал талисманы. Он проповедовал.

— О мусульмане! О правоверные мусульмане! Слушайте меня, если не хотите обратиться в паршивых ишаков и бродячих собак!..

Дервиш стоял на ступеньках лестницы перед заколоченной дверью. Он потрясал посохом, лицо его устранилось дергалось.

— Нам не нужна их аптека-маптека, нас от всех болезней спасает святая молитва! Нам не нужны всякие газеты-мазеты! Нам не нужны грамотеи, которые читают эти газеты-мазеты и сеют смуту! Самый главный вред нам — новые школы!.. Хитрость новых школ велика, они губят наших детей, обрекают их на муки! наших дорогих мусульманских детей в этих школах учат смеяться над верой!..

«Вот врет, — подумал Талиб. — Насыр-ака очень верующий».

Люди вокруг слушали дервиша молча, многие согласно кивали головами.

— О мусульмане, пойдем к нашему дорогому эмиру, пусть он закроет эти проклятые школы, пусть закует в цепи мусульман-отступников!..

Дервиш говорил еще долго.

В доме водноноса тоже было беспокойно. Дядя Юсуп в последние два-три дня чувствовал себя лучше, он добрал до ближайшей чайханы и, наслушавшись новостей, вернулся опечаленным. Талиб рассказал о встрече с Зарифходжей, и дядя еще больше опечалился.

— Неужели и здесь нам не повезет? Я вот выздоравливаю. Неужели все пойдет прахом?

Новую тревогу вызвали у него слова водноноса.

— Знаете, почтенный, — сказал он, вернувшись домой, — соседи передавали мне, что тут ходит один подозрительный человек, наверно, согладатай эмирский... Он выспрашивал соседей про вас. Кто, откуда, чем занимается, не читает ли газеты? Это очень плохо!..

— Плохо! — согласился дядя Юсуп. — Но я ничего запрещенного не делал.

* * *

Через несколько дней Насыр-ака сообщил ученикам, что завтра у них в школе ожидаются высокие гости. Прибудет первый министр — куш-беги и староста купцов караван-беги Абдуррауф. Ученикам было

велено придти в самой лучшей одежде, всем выдали чистые тетрадки и новые карандаши, Насыр-ака и его сыновья каллиграфическим почерком написали на склеенных листах бумаги длинные изречения из корана и молитвы во славу его величества эмира. Было решено, что сыновья Насыр-ака Хамид и Камал завтра не будут вести уроков, чтобы, не дай бог, не допустить ошибок в присутствии высокой комиссии.

Комнаты, отведенные под школу, были устланы коврами, принесенными на время детьми богатых родителей. Даже во дворе, от калитки, до террасы, постелили циновки, а поверх их дорожку из кошмы. В ожидании комиссии обычные уроки не начинали, Насыр-ака вместе с детьми повторял молитвы и читал толкование к корану. Наконец с улицы послышался шум, показались всадники, и Насыр-ака вместе с сыновьями выбежал встречать высоких посетителей.

Хмурые, едва отвечая на приветствия учителя и учеников, вошли в школу куш-беги, караван-беги и два других члена комиссии. Один из этих двух был старый знакомый Талиба — Зарифходжа. Оба бухарских министра были одеты в парчовые халаты.

Насыр-ака рассказал о своих учениках, чьи они дети, сколько времени в школе, чему учатся. Потом он показал книги, по которым он и его сыновья ведут занятия.

— Ты сам где учился?— спросил караван-беги.

— В медресе Мир-Араб,— отвечал учитель.

— А дети твои?

— В Самарканде, в русско-туземной школе.

Члены комиссии молча переглянулись. Насыр-ака понял, что этот ответ вызвал неудовольствие. Стараясь исправить впечатление, Насыр-ака заговорил про то, что главными книгами в его школе, как и во всех мусульманских школах, являются: священный коран, стихи Физули, Хафиза, учебник Хафтияк...

— Ни одной русской книги у нас нет,— подчеркнул учитель.

Куш-беги не слушал его, подошел к окну, где стоял глобус, и, брезгливо скривив губы, склонился над голубым шариком.

— А это?— бросил он.

— Это глобус, маленький земной шар, который помогает нам изучать географию.

— Этих штук развелось в Бухаре слишком много,— раздраженно сказал куш-беги.— Здесь всё на русском языке...

Талиб, хотя он и не был учеником этой школы, сидел вместе с ребятами в последнем ряду. Он недоумевал: ведь глобусов с узбекскими надписями никто не делает... Где же их взять? Талиб знал и другое: один глобус был куплен домашним учителем сына куш-беги, другой купил племянник купеческого старосты. Для себя купили, а другим запрещают.

— Выбросить!— приказал куш-беги.

— Слушаюсь,— поклонился учитель.— Мы ваши дети, вы наши отцы, как прикажете, так и будет.

Он искательно смотрел в глаза министра, но ничего не прочел в них. Немного придя в себя, Насыр-ака стал вызывать учеников. Одних он заставлял решать на доске задачки по арифметике, других читать стихи, третьих писать под диктовку. Ученики отвечали хорошо, в глазах Насыр-ака погас страх, они светились гордостью.

— А ну, Ибрагим, подойди к доске, возьми мел,— сказал Насыр-ака.— Посмотрите,— обратился он к комиссии,— два месяца назад этот мальчик не умел писать, а теперь пишет не хуже писаря. Продиктуйте ему что-нибудь, только попроще, и он напишет.

Караван-беги кивнул учителю и ухмыльнулся в бороду.

— Пиши,— сказал он Ибрагиму.— Чей ты сын?

Ибрагим написал фамилию и остановился, не зная, что делать дальше.

— Ну же,— сказал караван-беги,— что же ты не пишешь?

— Я не знаю, что писать дальше,— растерялся мальчик.

— Ты незаконнорожденный, что ли?— презрительно бросил куш-беги.

— Нет. Мой отец водонос,— обиделся мальчик.

— Вот и пиши, кто твой отец.

Ибрагим, наконец, понял, что от него хотели, и крупно написал на доске:

«Мой отец водонос».

Неожиданно куш-беги встал, за ним поднялись другие члены комиссии и пошли к выходу. Никто из них не сказал ни одного слова учителю, никто не ответил на поклоны учеников. Уже во дворе Талиб догнал Зарифходжу, шедшего последним, тронул за рукав, но тот отстранился, сделав вид, что вовсе незнаком с Талибом.

После ухода комиссии учитель с сыновьями ушел, а ученики столпились в классе, обсуждая визит высоких гостей.

— Нашу школу теперь закроют,— говорили одни.

— Нет, просто всыпят учителю палок тридцать и отпустят,— утверждали другие.

— За что же его будут бить?— удивлялись третьи.

— Мало ли за что. Найдут!— На этом мнении сходились все.

В Бухаре было обычным, когда кого-нибудь бросали в темницу, казнили или подвергали публичному избиению на площади.

В дверь заглянул сын Насыра-ака — Камал.

— Талиб,— позвал он,— возьми глобус и иди сюда.

Талиб принес в комнату, где сидел Насыр-ака, глобус и поставил его перед ним.

— Это он виноват, он виноват!— начал раскачиваться, как над покойником, Насыр-ака.— Как я не догадался! Из-за него закроют школу. Талиб, заведи его домой, или я сожгу его... Это глобус виноват!

— Что вы, папа,— утешал учителя старший сын Хамид.— Разве в глобус дело? Они боятся революции, поэтому всего боятся!..

— Учитель,— вмешался Талиб,— у куш-беги и у караван-беги тоже дома есть глобусы. Дядя Юсуп им продал.

Насыр-ака причитал:

— Разве я за революцию? Аллах свидетель, что я против! Но почему нельзя детям знать арифметику, географию, историю? Почему?!

— Неужели вы не понимаете, папа?— сказал отцу Камал.— Если простые люди будут умнее начальников, будет революция.

— Ох, папа,— вздохнул Хамид.— Давайте переедем в Самарканд. Здесь в Бухаре нет законов! Этот подлый эмир...

— Что ты говоришь!— крикнул вдруг учитель.— Замолчи! Ты не смеешь так говорить!

— Я так думаю,— сказал Хамид.

— И я,— добавил Камал.

Учитель очень сильно разволновался. Он кричал на сыновей, упрекал их в неповиновении старшим, говорил, что они не должны оскорблять законную власть и что, как бы плохо ни было в Бухаре, даже из Ташкента сюда приезжают люди.

— Вот Талиб с дядей приехали. Скажи им, Талиб, где лучше, в Ташкенте или в Бухаре?— с надеждой попросил Насыр-ака.

— Конечно, в Ташкенте,— ответил Талиб.— Я никогда не видел эмира, но если у него такие министры, то эмир сам первый лжец и разбойник!..

Этого Насыр-ака не ожидал. Он посмотрел на Талиба, будто видел его впервые, и крикнул:

— Убирайся отсюда! Убирайся, если тебе не нравится благородная Бухара!— И вдруг заплакал.

Сыновья дали отцу воды. Они говорили, что, действительно, им всем лучше уехать в Самарканд или в Ташкент, где нет эмира и эмирских чиновников, где никто не вмешивается в дела людей и в то, как учитель учит учеников.

Талиб стоял в дверях и не уходил. Очень хотелось помочь учителю.

— Поедемте вместе в Ташкент,— сказал Талиб.— Неужели вам нравится этот зверинец?

Насыр-ака уже пришел в себя и мог говорить сравнительно спокойно.

— Дети мои,— сказал он сыновьям и Талибу,— неужели вы думаете, что мне самому никогда не приходят в голову эти мысли? Но я гоню от себя такие мысли и слова. Я родился в Бухаре, и мои предки родились в Бухаре,— как я покину этот город? Вы тоже гоните эти мысли. Потому что, если есть мысли, могут появиться слова, а слова опасны. За каждой стеной — мыши, у мышей уши и во-от такие языки!

* * *

Каракулеторговцы Ходжимир и Джурабек, вдруг изъявили желание видеть у себя Юсупа с племянником. И не просто позвали их в гости, а сообщили, что разговор будет важный.

Они сидели в большой красивой комнате. Тончайшей работы текинские ковры устлали пол. В стеклянных шкафах светилась хрустальная посуда: вазы, бокалы, кубки. Низенький столик черного дерева, за который они уселись, был инкрустирован перламутром и серебром. В комнате не было окон, зато горели три огромные тридцатилинейные керосиновые лампы. От них было и светло, и тепло.

Разговор начал Ходжимир.

— Мы почтенные люди, торговцы. Мы хотим знать про вас все, уважаемые наши гости. Мы с братом поручились за вас перед купцами Бухары и перед самим Абдуррауфом караван-беги, но мы ничего о вас не знаем...

Джурабек предоставил старшему брату возможность вести самую ответственную часть разговора. Считалось, что тот более опытен.

— Мы хотим знать всю правду, ибо, приняв вас как родственников Усман-бая, мы до сих пор многого не понимаем,— продолжал старший брат.— Вы сказали, что Талибджан родственник Усман-бая, что вы оба — друзья Усман-бая. Так ли это?

Дядя Юсуп кивнул и пояснил:

— Отец Талиба и Усман-бай действительно родственники. Почти троюродные братья. Великодушный Усман-бай действительно очень помог своему племяннику Талибу и мне самому... Аллах не забудет его помощи.

— В чем заключалась помощь Усман-бая?— продолжал свой допрос Ходжимир.

— Он дал нам в кредит товары и снабдил адресами в Бухаре. Благодаря ему мы живем здесь, и у нас есть еда и крыша над головой.

— Большой кредит?— опять спросил Ходжимир.

— Нет, не очень большой. Мы уже вернули ему все, что взяли, и теперь расплатились с ним.

Талиб посмотрел на дядю с удивлением, он не знал, что тот расплатился с Усман-баем.

Джурабек заметил взгляд мальчика.

— Ты что-то хотел сказать?— спросил он.

— Да нет,— уклонился Талиб.— Я не знал, что дядя Юсуп вернул все деньги. Ведь Усман-бай был должен моему отцу...

— Поэтому и дал в кредит деньги?— теперь уже у дяди спросил Джурабек.

— Может быть, и поэтому,— отвечал тот. Он был недоволен вмешательством племянника.

— Та-ак,— протянул Ходжимир. Человек скупой и расчетливый, он не очень-то понимал, как можно дать в кредит и отпустить в Бухару должника в такое трудное время.

— Теперь стало яснее,— сказал Джурабек. Он выдвинул ящик низенького столика и достал оттуда плоский золотой портсигар.— Закуривайте,— предложил он дяде Юсупу.— Это очень хорошие папиросы.

Дядя Юсуп отказался, зато Ходжимир взял папиросу и закурил ее, хотя курение, по-видимому, не доставляло ему удовольствия.

— Я расскажу, почему мы ведем этот разговор... У нас сложилось впечатление, что ваши отношения с Усман-баем не так хороши, как вы нам рассказывали. Если бы вы не рассказали нам всю правду, хотя я уверен, что всю правду вы еще не рассказали, мы бы не знали, как нам поступить. Теперь я, кажется, догадываюсь...— Джурабек затаился и выпустил дым через нос.— Усман-бай не тот человек, которого легко обидеть, значит, он обидел вас?

— Не нас,— возразил Юсуп-ака.— У него был спор с отцом Талиба, а с нами он был вежлив и добр.

Талиб опять посмотрел на дядю с удивлением. Зачем же говорить неправду? Ведь Усман-бай очень обидел их в дунганской чайхане...

Джурабек опять заметил этот взгляд и спросил Талиба.

— Ты хочешь добавить, сынок? Не стесняйся. Видит бог, не желаю тебе зла.

— Мой отец и Усман-бай — враги,— уверенно сказал Талиб, вспомнив последний разговор и красный товарный вагон, увозивший отца из Ташкента.

— Почему?— спросил Джурабек.

— Из-за дедушки. Когда умер мой дедушка уста-Тилля...— начал Талиб и осекся под укоризненным взглядом дяди Юсупа.

— Уста-Тилля из Ферганы?!— с жадным интересом спросил Ходжимир. Он даже чуть подался вперед.

— Да,— кивнул Талиб.— Из Намангана.

— Тот самый уста-Тилля, про которого рассказывают легенды? Тот самый мастер, который нашел золото в Таласе, который всю жизнь искал подземные клады?!

— Да,— сказал Талиб.— Он отец моей матери.

— От него осталось наследство?— продолжал с возрастающим интересом Ходжимир.

— Да,— сказал Талиб.— Маленький дом и хорошая лошадь с седлом...— Говорить о пропавшей тетрадке ему показалось излишним.

— И больше ничего?..— продолжал допытываться Ходжимир, уставясь в глаза Талиба.

— Больше ничего,— твердо ответил Талиб.

— А почему все же твой отец поссорился с Усман-баем?..— теперь спрашивал Джурабек. Талиб заколебался: говорить о тетрадке или не говорить? Решил не говорить ничего.

— Ну скажи, почему они поссорились? Они сильно поссорились?

— Да,— ответил Талиб.— Мой отец сказал, что обрежет Усман-баю уши, и он бы сделал это, если бы его не забрали на работы!

Братья переглянулись между собой.

— Когда же его забрали?— чуть ли не вместе спросили они.

— Через два дня после ссоры...— ответил Талиб.

— Хватит об этом. Поговорим потом,— сказал Джурабек.— Давайте поедим. Хватит о делах.

Подали еду. В огромных пиалах искрился темный густой бульон из бараньих ножек, сдобренный черным и красным перцем и душистыми травами.

— Возьми ложку,— сказал Джурабек и протянул Талибу тяжелую серебряную ложку с затейливым рисунком на ручке.

— Французская. Тебе нравится?— спросил хозяин.— Наверное, вкладах твоего дедушки есть не только золото, но и серебро?.. Как было его настоящее имя?

— Уста-Рахим,— ответил Талиб.

Потом на огромном золоченом блюде подали небольшие колбаски— хасып. Талиб ел хасып в Ташкенте два раза. Но этот хасып был много вкуснее. В колбасках было рубленое мясо, бараний жир, рис, кишмиш и барбарис.

За едой говорили мало, в основном о бухарских блюдах и о том, чем они отличаются от ферганских и ташкентских.

Ходжимир все время поглядывал на Талиба и только один раз спросил, правда ли, что ташкентцы едят эти красные «по-ми-до-ры». Дядя Юсуп ответил, что сам пробовал помидоры и они ему очень понравились.

— Они кислые и сладкие,— сказал он.— Если их мелко нарезать острым ножом и перемешать с тонко нарезанным луком, потом посолить и посыпать перцем, будет вкусно. Можно есть с пловом.

Ходжимир очень удивился и сказал, что эти по-ми-до-ры, может быть, и хороши для русских, но мусульмане их никогда есть не будут.

После чая Джурабек опять достал из тонкого золотого портсигара папиросу, закурил и начал говорить то, что, видимо, хорошо обдумал во время длительной и обильной трапезы.

— Итак, насколько я понял, Талибджан — наследник уста-Тилля. Может быть, он станет так же богат, как я и мой брат. Не возражайте мне. Если Усман-бай сделал то, что он сделал, значит, он сделал это не зря!..

Джурабек многозначительно помолчал.

— Я не знаю, всё ли вы рассказали мне или что-нибудь утаили,— продолжал Джурабек.— Но не зря Усман-бай спровадил вас в Бухару... И в Бухаре вы не в безопасности. Недавно к моему брату Ходжимир приходил человек...

— Ты не должен этого говорить. Я сообщил тебе по секрету,— рассердился старший брат.

— Нет, я должен,— возразил Джурабек.— Мне наплевать на Усман-бая! Он далеко... А здесь мальчик-наследник... Так вот. Приходил человек, который назвался...

— Рахманкул?— выпалил Талиб.

— Нет, назвался он иначе... Шакир или Кабул, как-то так,— ответил Джурабек.— Он интересовался вашим адресом, а я не знал, где вы. Ведь из караван-сарая вы уехали. Так я рассказываю?— спросил Джурабек у брата.

— Он еще говорил, что вы оба, особенно дядя Юсуп, опасные люди, что вы русские шпионы, и Усман-бай поручил ему передать нам все это,— добавил Ходжимир.

— Конечно, это Рахманкул!

Дядя Юсуп сидел бледный. Он опустил голову и медленно перебирал пальцами край своего халата. Глаза его смотрели жалобно, он готов был расплакаться.

— Вы должны понять: вам здесь угрожает опасность, — сказал Джурабек. — Когда вы приехали, торговля тетрадами и карандашами была выгодной, теперь же она опасна... Ты видишь, Талибджан, я дома хожу в европейской одежде, а посторонние видят меня только в чалме и халате... Так это я! От меня в казну эмира идет столько денег, что на них содержится четверть всей его армии. Но и я не позволю себе нарушать обычай на людях. Или возьмем нашего знакомого Зарифходжу. Он раньше немного занимался торговлей каракулем и кишками для колбасы, а теперь торгует самым запрещенным товаром — вином и коньяком. За это полагается тюрьма по нашим законам, поэтому он пошел в помощники к Абдуллауфу. Под крылышком караван-беги ему спокойнее. А ваш товар теперь страшнее вина и коньяка. Уезжайте! И... — Джурабек сделал многозначительную паузу. — И не забудьте, что жизнь вам спасли мы!..

Это был явный намек на будущее богатство Талиба. Наверное, если бы не то, что мальчишка оказался внуком Уста-Тилля, не было бы всего этого разговора.

... По дороге к домику водоноса Талибу все время казалось, что за ними кто-то идет: то он слышал за собой шаги, то чувствовал на своей спине чей-то тяжелый взгляд.

Уже дома Талиб спросил дядю:

— Может быть, дедушка действительно оставил большое наследство, может быть, он зарыл клад в землю, а где он зарыт, сказано в этой тетрадке?..

— Хорошо, если бы так... — вздохнул дядя Юсуп. — Но твой дедушка только один раз нашел золото в долине реки Талас. Этого золота было так мало, что добывать его оказалось невыгодно. Выгоднее было делать саманные кирпичи...

Глава восьмая

Опасная встреча

Дядя Юсуп и Талиб завтракали, когда Анвар-водонос вошел в дом. Он остановился у двери и пристально посмотрел на дядю Юсупа.

— Ты что-то хочешь сообщить нам? — спросил тот, не выдержав его взгляда.

— Да, — сказал хозяин дома и замолчал.

— Говори же, — сказал дядя Юсуп. — Слушаю.

— Вы должны уйти, — водонос был краток. Вообще застенчивый и от этого обычно многословный, он сейчас был слишком краток.

— В чем дело?

— Я сейчас был в мечети, и мне сказали, что я должен выгнать вас, если хочу сохранить свою жизнь...

— Но почему?

Водонос всегда с уважением и даже подобострастием относился к своим квартирантам, считал честью жить с ними под одной крышей. Кроме того — и это имело большое значение для его семьи — деньги, которые жильцы платили за комнату и еду, помогали ему сводить концы с концами.

— Мне сказали, что вы враги ислама и нашего добродетельного

эмира, вы русские шпионы!.. — Глаза несчастного водоноса смотрели на дядю с племянником тупо и зло.

— Какие же мы русские шпионы? — взмолился дядя Юсуп. — Мы такие же мусульмане, как ты. Мой Талиб такой же мальчик, как твой Ибрагим.

— Мне сказали, что вы шпионы. Уходите!

Талиб молча наблюдал за взрослыми. Он почему-то не удивился этому разговору. Нелепость всего происходящего была очевидна, но Талибу многое в Бухаре казалось нелепым. Перемена, происшедшая со смирным водоносом, была неожиданной, но отнюдь не удивительной.

— Мы так долго жили вместе, я относился к тебе, как к брату... — попытался образумить водоноса дядя Юсуп.

— Мне наш мулла все объяснил. Мулла не будет врать, он святой человек!..

Спорить с водоносом было бесполезно.

Водонос смотрел на сборы молча. Однако чем спокойнее становились те, кого он прогонял, тем сильнее ощущал Анвар-водонос какое-то смутное беспокойство.

— Если вы не шпионы, — вдруг сказал он, — то почему у вас на рубашке есть пуговицы? Мусульмане не должны носить пуговицы на рубашке. Почему у вас рубашки с пуговицами? А?

— Ты темный человек, — не оборачиваясь, бросил ему дядя Юсуп. — В коране не сказано, какие должны быть рубашки.

— А почему у вас пиджак из черной материи?

— И про пиджак ничего не сказано в коране, — ответил дядя Юсуп.

— Я неграмотный, — не очень уверенно возразил водонос, — но если мулла сказал, он знает, что говорит.

Потом, немного помолчав, он добавил:

— Можно не очень торопиться. Только к вечерней молитве вас здесь быть не должно. — Он вышел из комнаты, вежливо прикрыв за собой скрипучую дверь.

Дядя Юсуп был полон энергии. Водонос сильно разозлил его.

— Мы пойдем сейчас к Зарифходже, я стану у него приказчиком, и мы еще покажем этому водоносу, кто из нас настоящий мусульманин, — сказал он.

— Я не пойду к Зарифходже, — сам удивляясь своей твердости, заявил Талиб. — Я пойду на станцию и узнаю насчет билета в Ташкент!

— Как хочешь, — обиделся дядя Юсуп. — Без тебя мне будет лучше!..

* * *

Улицы Бухары в этот день утратили свой обычный вид. Они не то чтобы опустели, нет, народу было не меньше, чем прежде, только люди были какие-то другие. Одни старались скорее пройти и скрыться во дворе своего дома, плотно притворив за собой калитку, другие, напротив, слонялись без дела и слушали проповедников, которых в этот день было немало.

На углах улиц, где прежде собирались маленькие базарчики, теперь было пустынно: лепешечники, торговцы сушеной дыней, сыром и прочей провизией куда-то исчезли. Совершенно не было видно детей

и подростков. Их, видимо, не выпускали на улицу. Талиб остановился послушать муллу, проповедовавшего на ступенях большой мечети.

— Мусульмане!— воскликнул мулла.— Настал великий час очищения от скверны. Мы предостерегали вас от тех, кто нарушает наши обычаи, кто под видом распространения грамотности служит нашим врагам, мы говорили вам о русских шпионах. Мы говорили: остерегайтесь! Теперь мы говорим: очищайтесь. Только кровь отступников может смыть ваши грехи!

Это была не обычная проповедь, каких он слышал много в последнее время. Впервые звучали слова не только об отступниках от веры, но и о крови отступников.

— Вступайте в отряд «Непобедимые львы»,— призывал мулла.— Только так вы сможете заслужить прощение грехов и вечное блаженство! Вооружайтесь! Не дадим в обиду святую веру и родину, смерть шпионам!—

Находились люди, которым слова муллы были по душе, они одобрительно кивали ему, вместе с ним кричали «Смерть! Смерть! Смерть!»

— Все, кто хочет найти поддержку, получить оружие и еще кое-что, идите на склады караван-беги Абдурауфа.

«Ого!»— сказал себе Талиб и заторопился на вокзал.

На вокзале тоже царил тревога. Здесь было мало узбеков и таджиков, большинство составляли русские — служащие различных контор, татары и армяне.

Поезд стоял у платформы, но паровоз еще не прицепили.

Талиб подбежал к кассе. Она была закрыта. По платформе озабоченно ходил человек в форменной фуражке, и Талиб обратился к нему:

— Мы хотим уехать в Каган...

Не выслушав его до конца, железнодорожник сказал:

— Садись в поезд, сегодня без билетов. Кассир уже уехал.

— Я должен сбежать за дядей. Он в городе. Мы успеем?

— Не знаю,— сказал железнодорожник.

Ничего не ответив, Талиб бросился бежать.

— Торопись!— крикнул ему вслед человек в фуражке.— Боюсь, что это последний поезд.

Талиб бежал изо всех сил. От вокзала до квартала, где жил Зарифходжа, было довольно далеко, и Талиб совершенно выбился из сил, когда, наконец, увидел дом помощника караванбеги. Десятки людей стояли возле ворот этого дома. Многие из них были вооружены винтовками, ружьями, саблями и кинжалами. Несколько здоровенных верзил стояли кружком и разливали по пиалам вино из бутылки. Талиб даже не успел удивиться тому, что люди пьют вино, ни от кого не скрываясь и никого не стесняясь.

Талиб протиснулся к воротам и вошел во двор. Зарифходжа стоял в дверях амбара и выдавал оружие.

— Подходите, борцы за веру. Подходите!— выкрикивал Зарифходжа, как базарный торговец.

Сначала Талиб подумал, что Зарифходжа продает эти сабли и кинжалы, но потом понял, что оружие тот раздает совершенно бесплатно.

Улучив момент, Талиб протиснулся к Зарифходже и спросил о своем дяде.

— Иди, иди,— грубо сказал Зарифходжа, будто вовсе не был знаком с Талибом.— Нет здесь никакого дяди...

Талиб огляделся и вдруг обомлел: в нескольких шагах от него стоял Рахманкул, бывший ташкентский полицейский.

Талиб пригнулся и нырнул в толпу.

Еще один капкан

С работой не вышло, но Юсуп не очень этому огорчился. По правде сказать, служить приказчиком у Зарифходжи ему вовсе не хотелось. Он и сам уже подумывал о возвращении в Ташкент, но успехи в торговле привязывали к Бухаре.

Юсуп зашел в тот караван-сарай, где жил первые дни после приезда в Бухару.

— Дайте нам с племянником комнату, только не ту, где мы жили, а получше,— сказал он.

— У нас нет комнат,— ответил хозяин.— Все занято.

Это была ложь, и ложь очевидная. Не такое время — конец февраля, чтобы не было комнат.

— Как же нет? — возразил Юсуп.— Я знаю, что есть. Я хорошо заплачу.

— Нет,— сказал хозяин караван-сарая.— Сейчас для вас ничего нет. Я не могу рисковать. Вы приехали из Ташкента, и хотя я знаю, что вы честный купец, я не могу рисковать.

Сердито хлопнув дверью, Юсуп направился в соседний квартал, где жили два его богатых покупателя, но они отказали ему даже во временном жилье. Один долго говорил про трудное время, которое, мол, теперь для всех наступило, а другой и вовсе не захотел разговаривать, замахал руками и не пустил даже в дом.

Между тем, на улицах становилось все беспокойнее. Какие-то люди с кинжалами и саблями прошли в сторону цитадели, а навстречу им двигался отряд эмирских солдат в полном вооружении.

Потом Юсуп увидел дервиша с тыковками на поясе. Он созывал народ послушать мудрые слова настоятеля соборной мечети. Войдя в мечеть, Юсуп увидел, что она полна вооруженных людей.

Роскошно одетый мулла с поясом из стекляруса говорил речь.

— Я знаю, что все вы,— обращался к вооруженным людям мулла,— грешны перед аллахом и людьми, но добрый наш эмир выпустил вас из тюрьмы для спасения родины... Если вы спасете родину, спасетесь сами...

Тут дядя Юсуп заметил, что люди, среди которых он очутился, выглядят довольно странно. Они были в удивительно ветхих и драных халатах и чалмах, о которые, вероятно, вытирали ноги — такие они были грязные. Свирепые лица, шрамы, следы от кандалов на запястьях подтверждали, что мулла не ошибся, когда говорил о том, что эти люди грешны.

Мулла вытащил из-за пазухи бумагу.

— Вот приметы людей, которых нужно хватать и убивать на месте. Вот приметы людей, чье имущество им больше не принадлежит. Вот приметы тех, чьи дома теперь открыты для вас. Слушайте! — Мулла поднес бумагу к глазам и стал читать:

«Тот, у кого рубашка с пуговицами,— наш враг!»

«Тот, у кого короткий пиджак или камзол, похожий на пиджак,— наш враг. Его надо убить!»

«Тот, у кого пиджак из черной материи, сшитый по русскому фасону,— русский шпион».

«Тот из учителей, кто обучает наших мусульманских детей по учебникам из России,— русский шпион».

«Тот, кто своих детей отдаст в такие школы,— наш враг».

«Тот, кто читает газеты или дружит с читающими газеты,— наш враг».

«Тот, кто берет под защиту всех этих людей, кто прячет их или дает им приют,— наш враг».

Юсуп с ужасом слушал слова муллы. Нет, не случайно его выгнал Анвар-водонос, не принял хозяин караван-сарая. Нет, не местный мулла все это выдумал. Это эмирский указ.

«Как хорошо, что они не видят мой пиджак под халатом,— в страхе подумал Юсуп.— Но они могут увидеть мою рубашку с пуговицами!.. Неужели я погибну из-за рубашки?» Он стал пятиться к выходу, прикрыв шею руками. Ему казалось, что все смотрят на него, но бандиты, собранные в мечети, жадно слушали муллу, очевидно, не веря еще в столь неожиданное счастье, не понимая, что теперь им дозволено все, за что вчера еще они томились в воюющих тюрьмах.

Выскользнув из мечети, Юсуп юркнул в какую-то щель между домами, стал лихорадочно обрывать пуговицы на рубашке. Воротник он подвернул внутрь, чтобы никто не мог увидеть, какая на нем незаконная рубаха. Теперь это могло стоить жизни. Приведя себя в должный вид, чувствуя непривычный холод на голой шее, непрерывно озираясь, Юсуп-неудачник поспешно зашагал к дому Анвара-водоноса.

Солнце уже стояло над городом. Был полдень.

«А где же Талиб? — с волнением думал дядя Юсуп.— У него ведь тоже пуговицы на рубашке. Мало ли что может с ним случиться. Хорошо, если он уехал...»

Талиб же долго блуждал по закоулкам, боясь попасть в руки Рахманкула, но беспокойство о дяде заставило его выйти на центральную улицу. К счастью, он сразу увидел дядю Юсупа. Не говоря лишних слов,— все и так было ясно,— дядя с племянником почти бегом направился в квартал, где жили братья каракулеторговцы.

Они вошли во двор так стремительно, что слуги не успели их остановить. Джурабек сидел в кресле у письменного стола, что-то писал в книге и время от времени щелкал костяшками на счетах из слоновой

кости. При виде незваных гостей он вскочил из-за стола, как будто его вытолкнула пружина.

— Как вы сюда попали? — спросил он вместо приветствия. — Я приказал никого не впускать!

Лицо его было испуганным и одновременно злым.

— Уходите немедленно! — говорил он, наступая на оторопевших гостей. — Я буду рад помочь вам, когда кончится то, что началось сегодня. Но сейчас уходите немедленно, не то я сам вызову эмирскую стражу, сам передам вас в руки палачей! Клянусь аллахом, будет так!

...Обессиленные и убитые горем, они плелись по пустынной улице. Спешить им было некуда. Правда, оставался еще дом учителя Насыра, но кто мог поручиться, что он поступит не так, как поступили все остальные их знакомые...

* * *

К их удивлению, калитка учителя Насыра оказалась не запертой. Двор и дом встретили их тишиной, такой непривычной здесь, где в течение целого дня не умолкали ребячьи голоса.

Вся семья учителя собралась в одной комнате. Там был он сам, два его старших сына, жена, маленькая дочка, смешная, большеротая девчушка в коротком шелковом платье. Ей одной было весело сегодня. Она играла с белым котенком.

Насыр-ака грустно кивнул гостям, пригласил сесть рядом и сказал, выслушав рассказ об их сегодняшних злоключениях:

— Если вы хотите оставаться, оставайтесь. Только не думайте, что здесь вы в большей безопасности, чем на площади рядом с цитаделью. Верные люди сообщили мне, что самые худшие опасения подтвердились. Нас всех ждут беды, и пусть аллах даст нам силы пережить это.

Сыновья учителя, Хамид и Камал, молчали. Талиб вспомнил об их споре с отцом и понял, что сейчас сыновья не хотят напоминать отцу о своей правоте. Не время.

Словно угадав, о чем думали другие, Насыр-ака добавил:

— Я родился в Бухаре, я правоверный мусульманин, я верю, что волос не упадет с головы человека, если того не захочет аллах, но... — Учитель вздохнул и опустил голову. — Но я хотел бы, чтобы дети мои были сейчас не здесь, а в Самарканде или Ташкенте. Чем дальше, тем лучше.

Сидя в кругу людей, ожидающих своей участи и все еще надеющихся на лучший исход, Талиб вспоминал, что произошло за один день, и удивлялся. Подумать только: изгнание из дома водоноса, вокзал, Рахманкул, мытарства с поисками жилья, подлость Джурабека, опустевшая школа — все это за один день!

Приближались сумерки, и муэдзины на минаретах Бухары прокричали свой обычный призыв к вечерней молитве. Все собравшиеся в доме учителя облегченно вздохнули. Взрослые и дети молились истово и от души благодарили аллаха за то, что он сохранил их.

Но, к сожалению, день еще не кончился.

Стоя на коленях, словно замороженные торжественными словами молитвы, люди слышали шум на улице и во дворе, — молитву не прервал никто. Низко кланялись пустой стене учитель Насыр, вся его семья, кроме несмышленной девчушки, кланялись Юсуп и Талиб.

«Защитники веры» или «Непобедимые львы» — трудно было бы судить, из какого отряда эти вооруженные бандиты, — ворвались в комнату и, не обращая внимания на то, что люди молятся, стали избивать их ногами и палками.

Бандитов было человек двадцать или двадцать пять. В комнате сразу стало тесно и душно. Брань нападающих, вопли матери, едва ус-

певшей схватить девчужку на руки, и глухие удары слились воедино. Бандиты, впрочем, не столько занимались избиением, сколько старались одновременно с побоями обшарить карманы своих жертв. Они сорвали серебряные браслеты с рук жены учителя, схватили огромные, похожие на инжир, часы дяди Юсупа, в мгновение ока стащили почти новые халаты с Хамида и Камала. Кто-то из бандитов кинулся к сундуку и стал напихивать за пазуху все без разбору. Жадность к добыче отвлекла бандитов от той прямой цели, ради которой их сюда привел офицер эмирской стражи.

— Вяжите их, вяжите! — кричал офицер. Этот приказ был выполнен лишь тогда, когда бандиты убедились, что грабить в этом доме больше нечего.

Учитель Насыр, его сыновья, а также дядя с племянником были, наконец, связаны. Их вывели во двор, и тут оказалось, что во дворе еще сорок или пятьдесят человек. Кто-то из защитников веры уже выбегал из калитки, таща на плече мешок муки. Мешок был порван, за грабителем тянулся белый ручеек. Еще двое бандитов волокли за ручки огромный сундук.

Какой-то, очевидно, менее расторопный грабитель держал в руках глобус и с недоумением смотрел на зелено-голубой шар. Офицер окликнул его, бандит бросил глобус и наподдал его ногой. Другой бандит подцепил его тоже ногой и перекинул через ограду. Неожиданно, расталкивая выходивших из калитки бандитов, протиснулся рослый широкоплечий человек.

— Где начальник? — крикнул он, и Талиб сразу узнал голос Рахманкула.

— Тут я, — ответил эмирский офицер. — Кто спрашивает?

— Я, соглядатай караван-беги, — ответил Рахманкул. — Здесь должны быть два важных преступника, которых я разыскиваю.

— Все мужчины схвачены, никто не сбежал, — ответил офицер. — Возьми факел и посмотри.

Сумерки уже перешли в ночь, и лица людей рассмотреть было трудно.

Талиб невольно укрылся за спиной учителя.

Кто-то зажег факел, Рахманкул взял его и подошел вплотную к арестованным.

— А! Один есть, — сказал он, увидев дядю Юсупа.

Талиб решительно шагнул и встал рядом с дядей.

— И второй! — воскликнул Рахманкул и повернулся к офицеру. — Я прошу этих людей отдать мне. Это важные государственные преступники.

— Эти двое? — спросил офицер, с удивлением рассматривая арестованных. Внешний вид явно не давал основания подозревать их в чем-то значительном. Но слова соглядатай насторожили его. — Если они важные преступники, я сам доставлю их... Ведь я же их поймал!..

— Отдайте мне их, — сказал Рахманкул. — Это, к тому же, мои личные враги. Я могу заплатить...

Офицер колебался, но недолго.

— Если за них положена награда, я сам получу ее, — сказал он и решительно взял у Рахманкула горящий факел.

— Я буду жаловаться караван-беги! — возмутился тот и окончательно погубил возможность завладеть пленниками.

— Ты слуга караван-беги, я слуга самого куш-беги, — сказал офицер и обратился к ожидающим его приказания бандитам: — Хватит, пошли!

Арестованных вывели на улицу и повели по направлению к Арку.

Страшная весна

Весна тысяча девятьсот восемнадцатого года навсегда войдет в тысячелетнюю историю Бухары как один из самых кровавых и страшных периодов в жизни этого древнего города. О событиях той весны писали потрясенные современники, их изучают ученые-историки в наши дни, потому что историю преступлений так же важно знать, как и историю подвигов.

Замечательный таджикский писатель и ученый Садриддин Айни, чье имя известно во всем мире, был одной из жертв дикого эмирского произвола. Во многих его книгах описано то кровавое время, страшные бухарские тюрьмы, пытки и казни.

Садриддин Айни был арестован за год до описываемых здесь событий, его приговорили к семидесяти пяти палочным ударам. Мало что выдерживал такое зверское наказание.

Вот как описывает истязание сам Айни:

«Рубашку мне закатали до самой головы. На мостике уже было приготовлено не менее полсотни кизилowych палок, каждая в полтора аршина длиной и в большой палец ноги толщиной.

Палачи начали бить меня — каждый со своего бока, приговаривая: «Раз, два, три, четыре...» Они били меня своими палками поочередно, как кузнецы бьют молотами по одному и тому же куску железа: только один отрывал палку от моей спины, на нее уже обрушивалась палка другого. Так они обрабатывали меня от шеи до крестца. С каждым ударом из моего тела брызгали струйки крови, разлетались во все стороны куски мяса и кожи. Было нестерпимо больно. Но я обрел в тот момент такие силы, такое терпение, что, не мигая, смотрел прямо в глаза сановникам, считая позором стонать и плакать перед этим гнусным зверьем, перед этими тиранами...».

Люди многого могли бы избежать, если бы знали, что им готовит будущее. Не знал этого и учитель Насыр-ака, не знали Юсуп и Талиб. Конечно, Талибу не нравились бухарские порядки, но если бы он точно знал, что случится с ними в последние дни февраля, он наверняка бы уговорил бежать из Бухары и дядю Юсупа, и учителя Насыра с семьей.

Если бы знать! Нет, сидя в вонючей тюрьме цитадели, в той самой Обхане, где за год до них истекал кровью великий таджик Садриддин Айни, Талиб не знал, что ждет их всех.

Многим казалось, что все происшедшее с ними — нелепость, случайность, необъяснимое стечение обстоятельств. То есть, все, что угодно, только не естественное развитие событий. Узники Обханы знали о незаконных арестах, избиваниях, казнях, которые творились в их городе, но они как-то не допускали мысли, что то же самое может произойти и с ними. Видимо, не хватало фантазии, чтобы представить себя на месте любого из тысяч арестованных, чтобы понять, что такое может случиться с каждым. С каждым. С твоим соседом, с твоим самым близким родственником. С тобой.

Впрочем, и сам эмир Бухары Сеид-Алимхан не знал, что два года спустя народ навсегда выгонит его со своей земли, что возмездие настигнет и тех, кто вместе с ним проливал кровь невинных людей, кто сеял смерть. Жаль только, что многие из тех, кто был в ту ночь вместе с Талибом, так никогда и не узнали об этом.

Едва забрезжил рассвет следующего дня, как в Бухаре вновь начались избиения и аресты. Перечень примет, по которым следует искать и находить обреченных людей, был тот же самый, что и накануне.

Вчера еще в Обхане было сравнительно немного заключенных. Во всяком случае, в камере можно было лечь на пол. Сегодня с утра в тюрьму стали поступать новые узники. О том, что происходило в городе, узнавали от них. Их вид был ужасен. При аресте многих избивали до полусмерти, разбивали головы, ломали руки и ноги. Двоим выкололи глаза. Среди вновь поступающих было несколько учителей, служащих контор, рабочих с железной дороги—если не очень образованные, то, во всяком случае, грамотные люди. И велико было удивление, когда в камеру втолкнули праввернейшего Анвара-водоноса!

Он тоже был сильно избит, стонал и громко читал молитвы. Талиб хотел окликнуть их бывшего квартирохозяина, но дядя Юсуп вовремя дернул его за руку.

— Будьте вы прокляты!— хрипло крикнул Анвар.— Все беды из-за вас, вероотступников!

Из его дальнейших слов стало ясно, что к нему, с муллой во главе, ворвались ученики соседнего медресе, которые искали Юсупа, но, увидев среди оставленных вещей географический глобус, вспомнили, что водонос отдал сына в новую школу, и на этом бесспорном основании схватили отца.

— Бедная моя семья, бедная жена, бедные дети,— плакал Анвар, размазывая слезы по разбитому в кровь лицу.

— Нам еще повезло,— сказал старший сын учителя Хамид.— Нас забрали, оказывается, «Непобедимые львы». Это уголовники, грабители. Они больше о наживе думали.

Выяснилось, что самыми жестокими и безжалостными были ученики высших духовных училищ, предводительствуемые своими фанатичными учителями. Это они выкалывали глаза, плясали на своих жертвах, стараясь заслужить милость аллаха в священной войне против неверных.

Первая половина дня прошла в разговорах о беспорядках в городе. Камера, где сидел Талиб и его друзья по несчастью, через несколько часов оказалась набита так, что ни одного нового заключенного втиснуть уже не удавалось.

— Ничего, скоро вам будет свободно,— весело смеясь, крикнул в окошко камеры стражник.— Вы хотели свободы, будет вам свободно!

— Судить скоро будут,— поняли его слова заключенные.

Действительно, скоро к камерам стали подходить эмирские солдаты и дворцовые стражники. Они хватили до несколько человек и уводили.

На специальном возвышении сидели судьи. Солнце освещало белоснежные чалмы, играло на парчовых халатах и сверкающих стеклянном поясах. Судьи не спрашивали ни о чем, кроме имени. И приговор был заранее ясен: смерть! Неважно, присуждал суд прямо к смерти или к семидесяти пяти ударам палкой. Имя же спрашивали только для того, чтобы занести его в список осужденных. Эмир требовал строгого учета.

Камеры были так набиты, что первыми потащили на суд тех, кого привели последними: они стояли ближе к дверям. Никто из тех, кого уводили на суд, не возвращался обратно, никто не прошел мимо решетки из цитадели в город.

— Может быть, из Арка есть другой выход?— с надеждой спросил Юсуп.

— Нет,— ответил ему Насыр-ака.— Не надо себя обманывать... Нас всех ждет смерть. Нужно подумать, чтобы как-то спасти детей, но я не знаю, как это сделать. Пусть, по крайней мере, они пойдут после нас с вами...

— Мы пойдем с тобой, папа,— сказали Хамид и Камал.

— И я пойду с тобой,— сказал Талиб дяде Юсупу.

— Не говорите глупостей,— тихо и с достоинством сказал учитель. В его словах была такая решимость, что никто не посмел возразить ему. Сыновья учителя промолчали, но крепче прижались к отцу.

Талиб обеими руками обнял дядю. Юсуп тихо и молча плакал, слезы текли по его впалым щекам.

— Слушайте, что я скажу вам, друзья,— продолжал учитель.— Я мусульманин, как мои деды и прадеды, и никто не сможет упрекнуть меня в неверии. Таким я и умру. Но почему аллах создал меня слепым? Я верил эмиру и его министрам больше, чем русским, потому что эмир и его палачи — мусульмане, а русские — христиане или даже вовсе безбожники. Я думал, мы, мусульмане, избраны богом, а они — неверные. Я был против русской революции, я боялся ее, я верил, что наш эмир, будь проклят его род, улучшит жизнь без революции. Слушайте и запоминайте: я за революцию!

Последние слова он выкрикнул громко и повторил их несколько раз. Он говорил это для всех, и люди, до сих пор его не замечавшие, обернулись к нему.

— Не надо, папа,— сказал старший сын.— Не кричи так. Может быть, все обойдется.

— Надо так, надо! — опять выкрикнул отец.— Они убьют нас, они и вас убьют. Я все вижу теперь и знаю, как виноват в этом. Я виноват и в том, что будет с вами...

Учитель заплакал.

— Сволочь! — подал голос из своего угла Анвар-водонос.— Теперь ты плачешь. Зачем же ты, проклятый, делал то, что запрещено? Я не знал, что это запрещено, я неграмотный. Пусть вас всех казнят, пусть вас всех казнят, пусть вас убьют,— а меня за что?!

Те, кто стоял ближе к водоносу, стали ему что-то объяснять, успокаивать, но он долго еще ругался и призывал громы и молнии и все кары небесные на тех, кто знает грамоту, кто читает газеты и смущает умы простых людей. Он даже порывался пододвинуться ближе к учителю, чтобы расправиться с ним.

* * *

После краткого допроса и жестокого приговора все, кто был вызван на суд, сразу же переходили в руки палачей. И тут опять не обойтись без свидетельства Садриддина Айни. Он пишет, что эмир Бухары вначале удовлетворялся довольно простыми методами казни. «Приговоренных связывали веревками по ногам и рукам и укладывали на краю ямы, головами к ней; затем палачи протыкали горло каждого остро отточенным ножом. Ученики палачей, оттащив в сторону трупы, на место их укладывали других. Так один палач за час мог казнить несколько десятков человек и не уставал...

Но этот способ оказался неудобным: ямы наполнялись кровью, и от ее запаха эмиру в Арке становилось трудно дышать...

Даже палачи поняли, что среди казненных имеется много невинных, и запротестовали. Указывая на некоторых, они говорили:

— Этот кажется нам невинным, мы не можем пролить его кровь: невинная кровь принесет несчастье!

Но не это волновало эмира — он видел, что человек с перерезанным горлом быстро умирает и успокаивался, а душа эмира, как у пья-

ницы, жаждавшего вина, требовала других, сильных зрелищ: казненный должен испытывать жестокие муки в течение хотя бы часа...

Ямы, наполненные кровью, засыпали пылью и песком, закрыли досками и сверху поставили виселицы. Тело жертвы поднималось на блоке вверх, до самой перекладины, глаза жертвы выскакивали из орбит, из носа обильно текла кровь, лицо темнело. Когда приближался момент смерти, палачи ослабляли аркан, и жертва падала на землю, корчась в судорогах.

Полежав несколько минут на земле, несчастный проявлял признаки жизни. Бурно дышала грудь. Как только дыхание приближалось к нормальному, палачи снова подтягивали аркан, шея снова упиралась в блок, тело свисало, и снова мучительная и страшная смерть овладевала человеком».

Так вот — учителя Насыра и старшего его сына Хамида приговорили к повешению на блоке... Дядю Юсупа и Камала к семидесяти пяти палочным ударам. А Талиба, учитывая его возраст, — к заключению в тюрьме на шесть лет.

В тот день Талиб видел их в последний раз. Позже он узнал, что приговор был приведен в исполнение, что учитель погиб почти одновременно со своим старшим сыном Хамидом и вместе с дядей Юсупом, умершим во время истязания. Камал тоже вскоре умер — от ран.

Кроме Талиба, в тот день спасся только один человек. Это был Анвар-водонос. Он повалился на землю перед судьями и стал умолять их о пощаде. Он не просто умолял, он рыдал, проклиная учителя Насыра, всех грамотеев, дядю Юсупа, Талиба, русских большевиков и себя самого, возмечтавшего видеть сына Ибрагима настоящим муллой в большой чалме.

— Они русские шпионы, а не я! — кричал он. — Это они друзья большевиков, а не я! Убейте их, а не меня!

Анвар-водонос кричал, и люди, приговоренные к смерти, остро презирали его за этот крик.

Один из судей, лукаво прищурившись, спросил у Анвара:

— А ты согласен быть палачом? Ты можешь заслужить прощение, если станешь хорошим палачом. Ты можешь пытаться и убивать этих вероотступников?

Все замерли. Анвар-водонос замер тоже, видимо, от неожиданно-сти. Его лицо, такое жалкое, дрожащее, начало меняться прямо на глазах. Оно менялось судорожно и быстро, пока вдруг не стало злым и одновременно счастливым. Он посмотрел на судей и опять повалился на колени. Воздев руки к небу, Анвар-водонос заголосил:

— Я их всех убью, я их ненавижу, всех грамотеев!

— Пусть будет палачом, — сказал главный судья. — Из него выйдет хороший палач.

Перемена, происшедшая с водоносом, поразила Талиба и запомнилась на всю жизнь. И еще запомнились ему последние слова, сказанные Насыром-учителем. Он сказал судьям, чиновникам и палачам, уже готовым тащить его к виселице, заключенным, стоящим рядом, стенам дворцов и соборной мечети Арка, своим сыновьям, Талибу и всему свету:

— Я не был революционером, я был просто учителем, но я хочу, чтобы отныне меня считали революционером. Мне недолго осталось жить, но теперь я — большевик. Пусть люди вспомнят обо мне и скажут: «Учитель Насыр погиб не зря!».

И словно доказывая, что это все так, он воскликнул громко и внятно:

— Долой эмира, долой министров-палачей! Да здравствует дружба с Россией и со всеми русскими! Да здравствует свет и добро!

Его схватили, но он вырвался:

— Да здравствует революция!

Глава одиннадцатая

На веревке

— Подайте моему господину! Подайте, пожалуйста, моему господину! — кричал оборванный, тощий подросток с красной полосой через все лицо от виска до подбородка. Он шел впереди белого ишака, на котором восседал грузный рябой старик с мясистым лицом и съеденными трахомой глазами.

На шее у поводыря была веревочная петля. Другой конец веревки нищий держал в руке.

— Подайте моему господину! Подайте, пожалуйста, моему господину!

Люди в Бухаре видели и слышали много всякого, не удивляла их и эта пара.

Стоял апрель. Над городом голубело небо, уже начавшее выгорать от жаркого солнца.

В садах всюду цвели фруктовые деревья, на них еще не было листьев. Деревья будто парили на своих пушистых бело-розовых ветвях.

На минаретах Бухары белели аисты, вернувшиеся из дальних стран. Прилетели острокрылые ласточки и сразу принялись лепить гнезда.

В Арке, в застенках Обханы и Рагханы, еще продолжались пытки и казни, но аресты в городе почти прекратились, лавки и магазины вновь открылись, базары зажили своей обычной суматошной жизнью.

Слепой на ишаке и его поводырь довольно успешно собирали милостыню. Особенно щедрый были купцы. Многие из них еще недавно боялись эмирского гнева, тряслись и задабривали сильных мира сего и возможных доносчиков. Какой же купец не имел связей с Россией и Ташкентом? Каждый мог стать жертвой. Теперь, когда главная опасность миновала, они охотно жертвовали слепому нищему на благодарственные молитвы.

Рябое лицо и трахомные глаза нищего, мальчишка с веревкой на шее и алым шрамом действовали на воображение.

Возле распахнутых ворот склада старик дернул за веревку, и мальчик подбежал ближе.

— Что здесь? — спросил старик.

— Склад каракуля почтенного Джурабека, мой господин, — ответил тот.

Старик что-то прошептал мальчику, и тот, заглянув внутрь, трижды прокричал свое обычное:

— Подайте, пожалуйста, моему господину!

Джурабек вышел к воротам. Он скользнул взглядом по лицу слепого и тут же удивленно уставился на поводыря: он узнал Талиба.

— Святой отец, — спокойно сказал Джурабек, — отпусти джигита на пять минут, пусть он поможет мне. Прими за это серебряный рубль.

Старик пощупал рубль и согласился.

— Возьми веревку, почтенный Джурабек, не выпускай ее из рук и не задерживай мальчишку.

Джурабек взял веревку и вместе с мальчиком вошел в холодную глубину склада.

— Я узнал тебя, Талибджан,— сказал Джурабек.— Этот нарисованный шрам меня не обманул. Ты похудел, и лицо твое стало другим, но я узнал тебя. Я не должен долго говорить с тобой, могут зайти приказчики. Вот тебе еще один рубль, спрячь, пригодится... Попомни мою доброту... Беги к нищему и скажи, чтобы он скорее уходил отсюда.

Джурабек отдал Талибу конец веревки и подтолкнул к выходу.

— Ты долго торчал там, негодный,— зло сказал старик, когда Талиб подбежал к нему.— Почему купец отдал тебе веревку, а не вышел сам?

— Не знаю,— ответил Талиб.— Он сказал, чтобы мы скорее ушли отсюда.

— Он знает тебя? — нищий не думал торопиться.

— Знает,— сказал Талиб.

— О,— воскликнул слепой.— И он не позвал стражу? Значит, он не чист перед аллахом!..

— Пойдемте отсюда,— попросил Талиб.

— Погоди,— нищий подумал и потом пробурчал:— Хорошо, мы еще вернемся.

Пока они говорили, из-за поворота улицы показался Ходжимир. Талиб, не дождавшись приказания, отбежал от старика, веревка натянулась, и нищий, зацокав языком, стал погонять ишака.

Окончание следует.

Михаил ИЗОТОВ

Михаил Изотов — ровесник Октября. В 1937 году окончил мехфак Полтавского техникума мясной промышленности. С 3-го курса литфака вечернего пединститута ушел в ряды Советской Армии. В первом бою с фашистами 22 июня 1941 года получил ранение. В результате второго ранения в 1942 году М. Изотов был демобилизован.

Работал на стройке СаларГЭС и других объектов Узбекистана. Резко сдавшее здоровье и следовавшие одна за другой операции до сих пор держат М. Изотова на больничной койке.

Стихотворения М. Изотова печатались в газетах «Правда Востока» и «Комсомолец Узбекистана».

В журнале «Звезда Востока» публикуются впервые.

В палате

Болят рубцы,
и швы еще не сняты,
почти стерилен
пластиковый пол,
и сестры мне
в заснеженных халатах
три раз в сутки
вводят промедол.
Как дальше жить?
А выход, видно, прост:
я вспоминаю парня из пехоты,
мне так же хочется
подняться во весь рост
и броситься
на амбразуру дзота,
хоть нет войны

и нету амбразур,
и ветер тихо бродит по стране,
и в этом мире
тишины и бурь
иная мысль является ко мне...
Я славлю жизнь
и презираю смерть,
не верю, что она
предрешена судьбою,
и коль теперь придется умереть,
то все равно,
что бросить поле боя.

Пусть ветер тихо бродит по земле,
чем тише он,
тем жизнь слышнее мне.

Самаркандские звезды

Самаркандская ночь.
Приозерная мгла.
Промелькнули окошки трамвая,
и такая вокруг тишина
залегла,
словно улица
впрямь неживая.
Сколько звезд заискрилось

в озерной воде!
Где ж моя?
Может, та,
или эта?
Я обязан лишь ей,
самаркандской звезде,
вдохновеньем бессонным
поэта.

Николай Тарасов родился в 1947 году в Одессе. С шестнадцати лет работал каменщиком, бетонщиком, слесарем. В 1965 году окончил среднюю школу рабочей молодежи в Ташкенте. Призван в Советскую Армию, где в настоящее время проходит срочную службу. Н. Тарасов печатается в журнале «Звезда Востока» впервые.

Наследник

Неразделенная земля,
Неразделенная свобода.
Мы были вместе: ты и я —
Уже с Семнадцатого года.

Я помню, как горело небо,
Ты шел вперед. Мне бой твой ведом,
Хотя еще я внуком не был,
Как ты в те годы дедом не был.

Неразделенная земля
Лишь оттого неразделима,
Что взял ее в наследство я, —
Большую, черную от дыма.

Сирень

Сиренью пахнет... Отчего бы?!
Еще ей рано зацвести:
Нет на ветвях защитной робы
И небо с синью не в масти.

Сирени нет. Есть запах только.
Мы этим запахом больны:
Он скажет, дней осталось сколько
До криков радостных весны.

Пусть будет солнцем день распахан,
И побежит по борозде
Цветок из лиственного праха
К последней утренней звезде.

СОЗДАТЕЛЬ НЕЗАБЫВАЕМЫХ ОБРАЗОВ

О ТВОРЧЕСТВЕ АЙБЕКА

Айбек... Муса Ташмухаммедович... Достаточно назвать имя этого замечательного узбекского писателя, как в памяти возникает целая галерея созданных им художественных образов и прежде всего образ Алишера Навои.

Многие из нас читали стихи и поэмы великого Алишера, знакомились с историческими документами и работами исследователей о нем, но только под пером художника Айбека знаменитый узбекский поэт-мыслитель и государственный деятель предстал перед нами живым, неповторимо-своеобразным и конкретно-ощутимым человеком, чуть ли не близким знакомым, хотя и жил он пять веков тому назад. Такова сила творческого воображения писателя, обладающего глубоким знанием описываемой эпохи и чудодейственным даром словесной живописи.

Роман «Навои» был написан Айбеком в 1944 году и написан рукою опытного мастера, успешно пробовавшего свои силы почти во всех

литературных жанрах. Как и все узбекские писатели старшего поколения, Айбек начинал со стихов. Его первое стихотворение «Звуки лиры» было напечатано в 1922 году в журнале «Армугон», когда автору было всего 17 лет. К этому времени он уже закончил учебу в старометодной мусульманской школе, затем в обычной советской школе «Намуна» и поступил в Ташкентский педагогический техникум.

Жажда знаний, интерес к народным песням и сказкам проявились у Мусы рано, еще когда он вместе с отцом, ташкентским ткачом-ремесленником, ездил в ближние кишлаки, а затем и в дальние селения и города Средней Азии. Многие легенды, рассказы и напевы, услышанные им тогда, вошли в творческий арсенал художника, они помогли ему проникнуть в глубь души народной, понять ее своеобразие.

Песенность и крылатость, отличавшие народные думы о справед-

ливости, свободе и счастье,— были благодатной почвой, на которой разросся чудесный сад узбекской классической поэзии. На этой же почве поднялись и первые поэтические ростки Айбека. Впоследствии он писал о себе и своих соратниках по перу: «Мы все начинали с поэзии, имевшей в узбекской литературе многовековую традицию... Революция видоизменила и жанры поэзии, советские поэты ушли от древнеклассического размера «аруз» и стали писать размером фольклорных народных песен-эпоса — «бармак»... Бармаком начал писать и я».

Как видно из слов писателя, именно Октябрьская революция явилась той могучей и жизнеутверждающей силой, которая определила новый этап в развитии узбекской литературы и, естественно, указала направление его творческого пути.

Советская власть открыла юноше-узбеку путь к вершинам русской культуры, сыгравшей огромную роль в формировании и шлифовке его таланта. Проработав в Ташкенте два года учителем после окончания педагогического техникума, Муса Ташмухаммедов, будущий известный писатель Айбек, едет учиться в Ленинград. К этому времени у него уже вышел первый сборник стихотворений под заглавием «Чувства». Стихи сборника — это многоликая песня о советской нови родной земли, это выраженные сердечным словом радостные чувства дехкан и рабочих, обретших власть, землю, фабрики и заводы, право на счастье.

Учась в Ленинграде в институте народного хозяйства имени Плеханова, Айбек не оставляет своих поэтических занятий. Уже в 1929 году издается его второй сборник стихов «Струны сердца», а затем, в 1932, — «Факел». Айбек-поэт вместе с Хамидом Алимджаном и Гафуром Гулямом продолжали революционную песню, начатую Хамзой Хаким-заде Ниязи. О чем бы ни писал Айбек в те годы — о комсомоле или овладении наукой, о пятилетнем плане или женщине-кондукторе, он всегда щедро брал краски из радужной палитры солнца, озарившего и родную

землю и души людей. Оно, это «великое солнце жизни», виделось поэту, прежде всего, в образе Владимира Ильича Ленина, открывшего новую, светлую эру в жизни человечества.

Величие и свет настоящего особенно были наглядны в сравнении с недавним прошлым, черным, как ночь. И поэт рисует убедительные своей контрастностью картины былого и настоящего в жизни узбекского народа. В начале тридцатых годов им были созданы крупные поэтические полотна «Дильбар — дочь эпохи», «Месть», «Бахтыгуль и Сагиндык», «Кузнец Джура».

В этих произведениях Айбек запечатлел значительные, поворотные явления в судьбах Узбекистана и его людей. Дильбар, героиня одной из этих поэм, в отличие от целых поколений узбекских девушек-рабынь, действительно стала «с веком наравне», она олицетворила величие так называемого «худжума» — массового движения за освобождение женщин-мусульманок. Дильбар, по словам поэта, стала достойной «дочерью эпохи». Ее судьба счастливо отличается от типичных в течение долгих веков судеб Лалихон или Бахтыгуль, о которых Айбек рассказал в поэмах «Месть» и «Бахтыгуль и Сагиндык».

Поэт отчетливо видит движущие силы революции, он высоко ценит революционизирующее воздействие России, русских рабочих, членов партии Ленина на широкие массы узбекских дехкан и рабочих. Как подлинный художник-современник он создает образ кузнеца Джуры, осознавшего необходимость активной борьбы за свои человеческие права и вставшего на защиту завоеваний Октября. В поэме, названной по имени этого главного героя, Айбек рисует также образ узбекского рабочего Турсуна — активного бойца за рабочее дело, познавшего великую Ленинскую правду.

Уже тогда, в тридцатые годы, Айбека глубоко волновал образ Алишера Навои, возвеличившего еще в годы феодального средневековья узбекский народ, положивше-

го начало его самобытной культуре и государственности. В 1937 году Айбек пишет поэму «Навои», которая стала первым крупным шагом писателя в творческой работе над монументальным образом великого гуманиста-просветителя, поэта-мыслителя и дальновидного политика.

Все эти крупные поэтические произведения были как бы подступами Айбека к большой прозе, к новым, прозаическим жанрам, неизвестным ранее узбекской литературе.

В конце тридцатых годов Айбек блестяще овладевает жанром романа. Он создает крупное прозаическое произведение — историко-революционный роман «Священная кровь», увидевший свет в 1940 году. Благодаря этому труду Айбек стал одним из родоначальников узбекской прозы.

Это произведение ярко воссоздало типичную картину общественно-политической жизни узбекского народа в годы первой империалистической войны — в годы назревания Октябрьской революции.

Образ батрака Юлчи вошел в галерею художественных образов узбекской литературы как один из самых значительных. Он под умелой рукой художника стал той каплей, которая несла в себе все типичные качества разбушевавшейся морской стихии. Это из таких, как он, состояли грозные девятые валы революции в октябре Семнадцатого года. Диапазон развития образа батрака Юлчи — от штилевого спокойствия до урагана — весьма характерен для того времени, времени великих революционных преобразований.

Писатель мастерски показывает процесс роста классового сознания у простых людей из народа. Самым верным учителем их становилась правда жизни, которую от них веками скрывали угнетатели, затуманивая ум религиозным дурманом, отвлекая от решительных действий лживым словом, мелкими подачками, страхом жестокого наказания за нарушение извечного обычая.

Айбек убедительно показывает, что, несмотря на кровное родство,

бай Мирзакаримбай для батрака Юлчи — коварный и беспощадный враг. Он живет трудом Юлчи, он унижает его человеческое достоинство, он вконец разрушает его человеческое счастье, забирая в жены Гюльнар.

Настоящим другом узбека-батрака Юлчи становится русский человек — большевик Петров, с которым Юлчи познакомился уже в тюрьме. Петров раскрывает ему глаза на истинное положение дел. И впоследствии, после побега из тюрьмы, Юлчи сам приобщает таких же, как он, обездоленных людей к великой революционной борьбе.

В романе Айбека каждый художественный образ олицетворяет типичные общественные силы, типичные взгляды и мнения предреволюционных лет. С одной стороны — это беднота — Юлчи, Ярмат, Каратай, Шакир-ата, по-разному идущие к правде большевиков, а с другой — богатей Мирзакаримбай, националист Абдушуккур, полицейские держиморды, вся иерархическая пирамида угнетателей, на вершине которой восседает главный тюремщик Российской империи — «белый царь».

И, верный правде действительности, Айбек всей логикой развития событий доказывает неизбежность краха и доморощенных феодалов, и русского царизма. Кровь Юлчи и подобных ему, пролитая за народное счастье — священна, она взойдет солнцем свободы над землей. Именно в этом смысл финала романа.

Через четыре года после «Священной крови» Айбек издает второе свое крупное прозаическое произведение — роман «Навои». Он был написан в годы Великой Отечественной войны, явившись своеобразным и могущественным ударом писателя по расистским бредням фашистских идеологов. Писатель во всем величии показал патриотизм, мудрость и бессмертие народных масс, творящих историю. И только тот, кто живет и трудится во имя народа, — настоящий патриот, мудрец и бессмертный герой. Таков Алишер Навои. На примере

же судьбы царя Хусейна Байкары писатель наглядно изображает, к чему приводит пренебрежение властью имущих к жизни народа.

Роман Айбека «Навои» был удостоен Государственной премии.

В годы Великой Отечественной войны Айбек, как и другие писатели Узбекистана, создал целый ряд произведений, воспевающих героизм советских людей, призывающих мобилизовать все силы для победы над ненавистным врагом. Уже 22 июня 1941 года, в день начала войны, им было написано стихотворение «Смерть врагу». Затем последовали стихи — «Джигитам», «Победа будет наша», «О Родине», «Тетушка Айша». В этих стихах — мысли и чувства, характерные для советских людей в то суровое время. Айбек выступает здесь как певец решимости народа отстоять свою Родину.

Айбек едет в Действующую армию, завязывает крепкую дружбу с фронтовиками, пишет о них стихи, накапливает впечатления для задуманной книги о героях битвы за честь и независимость Советской Отчизны. Расставаясь с друзьями-воинами, он писал:

Прощай, солдат! Далеك отсюда
Узбекистан цветущий мой,
Но никогда не позабуду
Я дружбы нашей фронтовой...
Ты сквозь огонь прошел полсвета,
Себя прославил на века.
Мне хочется напомнить это
Всем тем, чья память коротка.

Уже в 1944 году были опубликованы главы романа Айбека о войне. Он называется «Солнце не померкнет». Это — правдивый рассказ о том, как в огне войны закалялись характеры мирных советских людей, крепла братская дружба воинов разных национальностей, как солнце нашей правды сожгло чумную ночь фашизма.

Военную тему поэт не оставляет и после победы. Он воздаст должное всенародному подвигу в годы войны. В 1946 году пишет балладу «Раис» об узбекской женщине — председателе колхоза, а в 1947-м — поэму «Девушки», посвященную де-

вушкам-хлопкоробам, взвалившим на свои хрупкие плечи мужскую ношу и с честью пронесшим ее до победного конца войны.

Тогда же, в 1947 году, Айбеком написана поэма «Хамза» — о замечательном узбекском поэте-революционере, основоположнике узбекской советской литературы. Гнев и неизбывное горе звучат в строках поэта, когда он говорит об убийстве пламенного трибуна мракобесами, «врагами света», «человекоподобными скорпионами».

В послевоенные годы Айбек работает также над прозой. В 1950 году он закончил роман о людях узбекского кышлака, о тех, кто, вернувшись с войны, жадно взялся за любимый мирный труд — выращивание хлопка. В этом романе писатель ставит насущные проблемы, назревшие к тому времени в сельском хозяйстве, рассказывает о делах, спорах и переживаниях советских людей, борющихся за подъем колхозного производства, выступающих против тех, кто старается жить по старинке. Главный герой романа — Уктам Насыров, бывший фронтовик. Его отличают привычная армейская самоотверженность, высокое чувство гражданского долга. Вместе с другими энтузиастами — звеньевым Сабиром Эрматовым, кстати, тоже бывшим воином, председателем колхоза Мирхайдаром-ата, ветеранами колхоза тетушкой Хадичой и старым мастером-хлопкоробом Саксаном-ата и другими — Уктам прилагает все силы к тому, чтобы страна получила как можно больше хлопка, чтоб зажиточнее, культурнее и крылатее жили советские люди. Писатель не закрывает глаза и на недостатки, он метким словом клеймит лодырей, спекулянтов и других мелких людишек, думающих только о личной выгоде, забывающих о своих обязанностях перед обществом. В романе это — вор Каримкул, темные дельцы Аширмат, Насимджан Файзуллаев, Бакиджан... У этих отщепенцев — нет будущего. Светлое будущее принадлежит людям труда, тем, кто своими руками, талантом, энергией

изо дня в день поднимает родной колхоз к уровню передового, кто видит свое счастье в благе народного.

Истинный герой романа «Ветер золотой долины» — социалистическая новь современного Узбекистана. Писатель с гордостью и великой радостью говорит о ней. И это понятно. Ведь совсем рядом, в странах зарубежного Востока, несмотря на прошедшие десятилетия, все еще живы картины мрачного прошлого его земли. Айбек видел их своими глазами, побывав в 1949 году в Пакистане. Он видел вчерашний день, и тем ярче засверкал для него день сегодняшний.

После поездки в Пакистан Айбек пишет о жизни трудящихся этой страны, об их борьбе за свои права, за дело мира. В 1950 году были опубликованы очерки, озаглавленные — «Пакистанские впечатления», а в 1956 году вышла повесть «В поисках света». Название этого произведения весьма красноречиво. Писатель, рисуя впечатляющие картины общественной жизни Пакистана, подчеркивает главное — борьбу прогрессивных сил за демократию и мир, за счастье народа. Айбек создал запоминающиеся образы передовых людей пакистанского общества — это поэт-коммунист Мухаммад Джамал, настойчиво «ищущие путь к свету» — Ахмад Хусайн, Шариф Сулейман, девушка Искандаро.

В 1963 году Айбек написал повесть «Детство». На русском языке она вышла в переводе Николая Ивашева. Из повести мы узнали много интересного о детских годах будущего писателя, ибо это произведение автобиографическое. Вместе с тем, перед читателем встает типичная картина жизни и быта узбекской бедноты, мечтавшей о счастье и нашедшей его после Великого Октября. Эта повесть Айбека удостоена премии имени Хамзы.

Айбек известен как замечательный переводчик. Его перу принадлежит перевод на узбекский язык пушкинского «Евгения Онегина», «Маскарада» Лермонтова, многих других классических произведений

русских и зарубежных писателей. Айбек является также автором целого ряда научных трудов. Он был одним из первых избран действительным членом Академии наук Узбекистана.

Писатель ведет большую общественную работу как депутат Верховного Совета СССР. В течение нескольких лет Айбек возглавлял писательскую организацию республики. За свои труды, многогранную творческую и общественную деятельность, за огромный вклад в развитие узбекской советской культуры он удостоен многих высоких правительственных наград — орденов Ленина и Трудового Красного Знамени.

Два года тому назад читательская общественность нашей страны отметила 60-летие Мусы Ташмухамедовича Айбека, пожелав ему крепкого здоровья, вдохновения, вечной молодости. Все это время писатель пребывает в постоянном труде: к 50-летию Великого Октября он готовил новый подарок своим читателям, — писал вторую книгу романа «Священная кровь». Называется эта книга «Великий путь». Она освещает беспримерно значительный, поистине исторический период в жизни народов нашей страны и, в частности, узбекского народа — предреволюционное время. Октябрьскую революцию, первые годы Советской власти в Туркестане.

Вот что говорится о новых работах выдающегося узбекского писателя в критико-биографическом очерке Л. Бать и М. Кошчанова «Айбек», вышедшем в 1966 году в Москве, в издательстве «Советский писатель»: «...Айбек заканчивает давно задуманный роман, посвященный событиям Октябрьской революции в Ташкенте. Воспринятое в свое время мальчиком-подростком, эти события ныне выкристаллизовались в многоплановую картину. Писатель — очевидец великой перестройки — стремится рассказать о борьбе, в которой рождался и строился этот мир. Айбек много лет работает над этой темой. Уже печатались от-

рывки из романа, в частности, волнующая сцена митинга, на котором бурно сталкиваются интересы различных классов и партий. Чувствуется, что автор сам был свидетелем этих яростных политических споров, клокочущих страстей.

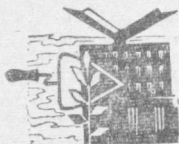
Остается Айбек верен и поэзии. Он снова обращается к яркой исторической фигуре, к образу талантливого мемуариста, поэта и воина Захираддина Мухаммада Бабура (1483—1530), пишет о нем поэму».

Нельзя не обратить внимание читателей на эту новую работу об Ай-

беке — очерк Лидии Бать и Матъякуба Кошчанова. Работа отличается научной обстоятельностью и аргументированностью, содержит целый ряд любопытнейших сведений и наблюдений о жизни и творчестве писателя, написана просто и живо, в нее включены редкие фотографии. Изучение ее поможет еще шире и глубже познать жизнь и творчество Айбека — выдающегося деятеля узбекской советской культуры, удостоенного высокого звания Народного писателя.

Вячеслав КОСТЫРЯ.

Е. ЕФИМОВ

Ташкент: мечты и явь

Посреди улицы врезалась в асфальт — крест-накрест — пара рисок.
— Угол дома. Будущего, — сказал строитель.

Разные приходилось видеть мне схемы, планы, карты, макеты. На кальке, ватмане, синьке, картоне. На досках, установленных кубиками-домами. На вырванных из блокнота листках. С большей или меньшей выразительностью, с различной степенью приближения к натуре они рассказывали о завтрашнем дне. И не находилось каких-либо оснований сомневаться в них. Но одно дело — разобраться в схеме, уяснить ее. Другое — сердцем прикоснуться к замыслу, ощутить решимость людей воплотить задуманное.

Это чувство подарила мне зарубка на асфальте, спекшемся от мороза в камень. На нее показал Владимир Федорович Темерте, главный инженер ташкентского «Укрстроя». Это мог быть и Михаил Коханенко из ташкентского «Мосстроя», и Игорь Березовский из ташкентского «Ленинградстроя», и Халмат Хакимов из «Главташкентстроя», и любой другой ташкентский строитель — приезжий или коренной. Но так уж получилось — зарубка встретилась на Украинском массиве.

Только что мы стояли с Темерте у глубокого котлована, смотрели, как низвергается на блестящие соты арматуры бетон.

— Ставим десятиэтажный дом, — сказал инженер.

Мы подошли к другому котловану, дно которого еще строгаля бульдозеры.

— Школа будет.

Наш путь лежал мимо кирпичных цоколей, едва только выбравшихся на поверхность.

— На эти дома уже ордера выданы. Тем, кто жил здесь прежде.

Владимир Федорович, на ходу разворачивая и сгибая трещавшую под ветром «синьку» — план массива, очеркивал карандашом «объекты», как именуют строители дела рук своих. И все было понятно, убедительно и наглядно, хотя, признаться, связь между планом и площадкой воспринималась несколько отвлеченно. Я видел плавные движения башенных кранов под многотонной ношей, видел сновавшие туда и сюда ковши экскаваторов, видел самосвалы, фундаменты, котлованы, стены, но не смыкались с ними рисунки на «синьке», даже подкрепленные словесным описанием.

И вдруг эта зарубка на камне. Прямо посреди мостовой, на улице Железняка, оказавшейся в центре Украинского массива. По зимней дороге еще шли автобусы, перебегали с тротуара на тротуар пешеходы, шуршали черные с красными подпалинами листья. А это была уже не старая, изъезженная дорога — там, где пролегла она, пустил корни, проступал, утверждался завтрашний Ташкент.

Мы обошли тогда весь массив — по улице Ленина, потом по Кафановской — кривой, с накренившимися стенами и дувалами, выбрались к развороченной, изрытой полосе, уже именуемой продолжением улицы Руставели, но на улицу пока не похожей. Час назад я увидел бы здесь лишь ералаш, преобразование которого требует чуда. Но твердая зарубка на камне... Она помогла увидеть — сквозь пыльные облака рушащихся стен, сквозь бестолочь пустырей и развалин — розовые окна верхних этажей, первыми заглянувших за утренний горизонт, кроплённые студеной росой ветки тополя, а за ним — всю аллею, убегающую в глубь проснувшегося квартала.

Потом еще много раз доводилось мне всматриваться в это завтра многого сердцу города — в завтра, изображенное на макетах и планах, проступающее в только что сложенных стенах. Не знаю, смогу ли передать испытанное при этом. Главным было острое — до студеного укола в сердце — ощущение одинаковости чувств, которые питали к городу и те, кто первым увидел и нанес на чертеж его будущее, и те, кто претворял замысел в явь, и те, кто имел счастье хоть прикоснуться к этому чуду.

Люблю Ташкент. И тот, вчерашний, «до землетрясения». И нынешний, трудный, оцетинившийся кранами, сотрясаемый подземными толчками, тяжелой поступью самосвалов, окутанный пылью. И еще больше — завтрашний. Не только потому, что, как и все, хочу лучшего. Будущее города — награда ему, каждому жителю его за испытания, выпавшие Ташкенту и ташкентцам в суровом 1966 году.

Каким он будет в семидесятом? В восьмидесятом?

Вот самый простой и самый точный ответ — шире, выше, красивее, удобнее, радостнее. Подробности? Чем больше их требуется, тем труднее ответить. И тем чаще встречаются в ответе пробелы. Все зависит от степени приближения, о которой приходится договариваться даже математикам. Иначе измерения теряют смысл.

Не берусь нарисовать картину, охватывающую хотя бы десятую часть будущего Ташкента. Но мне посчастливилось узнать о некоторых замыслах из первых рук — у тех, кто проектировал город. И здесь снова приходится оговаривать степень приближения к точным, абсолютным данным. Ведь вряд ли удастся хотя бы назвать все причастные к этому делу институты.

Главный архитектор Ташкента Александр Викторович Якушев начал было перечислять их, но когда перевалило за три десятка, улыбнулся:

— Смело списывайте из справочника по проектному делу. Это же архитектурный хошар. Во всесоюзном масштабе.

Помолчал и добавил:

— Но хошар по единому замыслу.

Этот замысел выкристаллизовался уже через несколько часов после землетрясения, когда прилетели в Ташкент Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин. И потом день за днем проступали детали, характерные штрихи, особенности, подсказанные опытом зодчих, экономистов, строителей, партийных работников Узбекистана, всех наших друзей из четырнадцати братских республик.

Это, может быть, самое большое чудо: документация, расчеты, чертежи домов, улиц, дорог, кварталов, транспортных линий, парков, водных артерий, промышленных зон, станций и прочих звеньев города — сошлись, приладились, сомкнулись плотно и точно, словно их сработал один мастер. А ведь у этого мастера сотни наименований, тысячи фамилий, тысячи адресов — в Ташкенте, Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Алма-Ате, Тбилиси, Баку, Риге, Фрунзе, Ереване, Кишиневе, Вильнюсе, Душанбе, Ашхабаде, Таллине и других, не стольких городах.

Здесь не будет многих имен. Но хочется все же назвать некоторых — Вячеслава Шкварикова, Александра Кузнецова, Алексея Кудрявцева, Григория Мищенко, Бориса Мезенцева, Зиновия Розенфельда. Они стали рабочей консультативной группой, образованной Государственным комитетом по гражданскому и жилищному строительству, в связи с восстановлением и реконструкцией Ташкента — под общим руководством ведущих градостроителей страны М. В. Покошина и Н. В. Баранова.

Это была одна из мер, сладивших, направивших, выверивших работу доброй сотни институтов. Мер, которые уже в первом полугодии дали стройкам Ташкента рабочие чертежи.

Не следует представлять дело так, словно всё, проектировавшееся прежде, перечеркнули (хотя кое-что и пришлось попросту выбросить). Начинали ведь не на голом месте, не заново — город имел генеральный план. Причем вполне современный, составленный всего за полтора года до землетрясения.

И надо сказать — это был добротный план. Сейчас нет смысла упрекать и авторов двух довоенных генпланов и первого послевоенного — 1954 года. Они создавались в конкретных условиях, в русле тогдашних представлений, опирались на реальные возможности строительной техники. Были в них и достоинства, и недостатки, особенно приметные сегодня. Но что говорить о них, если даже генплан 1964 года пришлось основательно перекроить — в части границ города, магистралей, районов, характера застройки, темпов работ.

Тут надо прямо сказать о том, что как-то не выговаривается — беда, обрушившаяся на Ташкент, обернулась и другой стороной: землетрясение расчистило дорогу строителям. И нечего здесь искать охочности и оговорки. Ведь ясно: случись такое с миллионным городом в иное время, в другой стране, он бы не оправился и за столетие. А Ташкент не только восстанавливается. Он рождается вновь, он становится лучше.

Архитекторам открылся — не потому, что беда снесла полгорода, а пото-

му, что в трудную пору им оказали настоящее доверие, — архитекторам открылся простор для творчества, какой не часто выпадает. Во второй половине нашего века можно обнаружить лишь один подобный пример — сооружение новой столицы Бразилии одним из лучших зодчих эпохи — лауреатом международной Ленинской премии мира Оскаром Нимейером. Он возвел прекрасный город на новом месте. Но ташкентские масштабы крупнее. И темпы — быстрее.

В такую пору испытываются силы, крепнет мастерство, вспыхивают таланты. Я видел в «Ташгирогоре», «Узгоспроекте», «Ташзиниэпе» девушек и юношей — только что с институтской скамьи, — которые принимались за проекты дворцов, проспектов, кварталов, и уже через полгода, начав новый проект, выкраивали час-другой, чтобы съездить на площадку, присмотреть за делами на стройке. Не из-за «проектного голода», не по снисходительности старших, которым некогда за всем уследить, получили эти работы путевку в жизнь. На этих проектах — отсвет большого вдохновения. И не только вдохновения — в них читается уверенность творца в том, что замысел непременно осуществится.

Характерно — проекты не залеживаются. Наоборот — строители торопят. Свой первый ташкентский план строители Москвы, Ленинграда, Украины, Киргизии, Казахстана и других республик выполнили на 15—30 дней раньше срока, и тут же поступили дополнительные миллионы рублей. И дополнительные материалы, и новые отряды рабочих прибыли в Ташкент. Сегодня каждый десятый обитатель Ташкента — строит. Нынче каждый час закладывается в Ташкенте фундамент. Пройдет время, и каждый час будет заселяться дом, открываться школа, сдаваться теплотрасса, опробываться спортивная площадка, начинаться движение по новой улице...

И наступит день, когда мы скажем:

— Вот он, новый Ташкент.

... С чего начать наше знакомство с ним? Как охватить взглядом кварталы, улицы, парки, раскинувшиеся на десятках тысячах гектаров? Может быть, по традиции постучаться в ворота города — воздушные, железнодорожные, автомобильные — начать с них? Но среди нас, друг-читатель, есть и коренные ташкентцы, и те, кто отдал Ташкенту дни, месяцы, годы. С чего бы это нам стучаться в ворота родного города? Давайте по-другому.

Поэт свидетельствует: «Начинается Земля, как известно, от Кремля». Сердце столицы Узбекистана, ее Кремль, ее начало — площадка Ленина.

Придя сюда на рубеже 1966 и 1967 годов, нельзя было сказать: «Такой она была... Такой она будет». Приметы прошлого и будущего смешались... Но уже тогда бронзовый Ленин глядел на площадку, устремленную в завтра.

Помните? В канун шестьдесят седьмого года только-только поднялись над землей сильные руки арматуры, взлетели над сплошной плитой фундамента. А в юбилейном году Октября полным ходом пошел монтаж каркаса. Следом за огнями сварки потянулись вверх панели, одевающие железобетонную конструкцию.

Перенесемся в семидесятый год... Встал на краю просторной площадки белый кристалл, ажурные грани которого отразились в зеркале водного каскада. Тонкий орнамент узорчатой решетки — солидсазиты, взлетевшей на высоту всех девятнадцати этажей, — рождает ощущение легкости, которая удивительно сочетается с надежностью прямых линий — за нарудной одеждой дома угадываются его сильные плечи.

Впечатление верное — для своего роста и объема дом удивительно легок. Не одну сотню тонн позволили сбросить со счета керамзит, стекло, алюминий, пластмассы. А крепости этого кристалла может позавидовать любое здание — **ВПЕРВЫЕ В СТРАНЕ ЗДЕСЬ ВОПЛОЩЕН ПРОЕКТ ДЕВЯТНАДЦАТИ-ЭТАЖНОГО ДОМА, СПОСОБНОГО ВЫДЕРЖАТЬ ТОЛЧКИ СИЛОЙ БОЛЬШЕ ДЕВЯТИ БАЛЛОВ** — он стоит на мощной коробчатой плите фундамента, все нагрузки — от сейсмических до ветровых — принимает железобетонный каркас. Около тысячи служебных помещений — от рабочего кабинета до большого конференц-зала вместит это здание.

С другой стороны площадка замкнула протянувшаяся на сто девяносто метров семизатяжная каменная лента. Нет, слово «замкнула» тут не годится. Потому что и под домом, поднятым мощными колоннами, и над ним, где проступают строгие грани здания ЦК Компартии Узбекистана, словно простерлась площадка Ленина, и нет ей конца — ни к востоку, где далеко изогнулись по дуге Первомайской улицы пластины высотных домов, ни к западу — в сторону чаши стадиона, ни к северу и югу, куда уходят комплексы правительственных зданий.

Площадь — словно зеленое озеро. Озеро без берегов — дома скорее напоминают белые острова, омываемые зеленью, льющейся отсюда широкими ручьями в улицы, скверы, сады... Пойдем вдоль зеленых ручьев.

С тех пор, как появилось понятие «город», оно противопоставляется понятию «природа». И казалось, — чем современнее город, чем больше он, тем меньше места остается природе — рощам, озерам, лужайкам. Где уж им конкурировать на городской земле с заводами, жилыми кварталами, деловыми районами.

Но горожанину, отработавшему смену в цехе или конторе, оглушенному грохотом трамваев и визгом автомобильных тормозов, надыхавшемуся копотью заводских труб и моторов, нужны еще больше, чем сельскому жителю, прохлада реки и аромат леса.

Вернуть природу туда, где вырос, вытеснив ее, город, — вот одна из самых трудных и самых человеческих проблем архитектуры. И Ташкент показывает первый в мире пример решения этой проблемы в масштабах города с миллионным населением. На каждого ташкентца придется 38 квадратных метров зеленых насаждений, вместо нынешних четырех метров.

Сад-исполнин. Две главные аллеи его крест-накрест, с севера на юг и с востока на запад, пересекают...

Нет, не пересекают. Эти полосы, разлившиеся протоками, раскинувшие причудливые ветви, оплетают, стягивают, скрепляют накрепко воедино все районы, кварталы, зоны большого города.

И здесь пора рассказать, как решилась другая проблема — вековая, возникшая вместе с терминами «Старый Ташкент», «Новый Ташкент»...

Несколько поколений градостроителей — я говорю о подлинных зодчих, сочетавших профессиональное мастерство с четким пониманием нужд города, с ясным видением его будущего, — лучшие зодчие стремились стереть границу между половинками, лежавшими на запад и на восток от канала Бозсу.

Речь шла, конечно, не только об архитектурном приеме — требовался единый взгляд на будущее города. И судьба его должна была стать единой. Требовались равные возможности для обоих берегов канала-границы. Требовалось взаимное проникновение передовой техники и добрых традиций.

Всмотритесь в давние и недавние проекты — к черте, делящей целое на правое и левое, старое и новое, восточное и западное, прикованы и взоры и мысли зодчих. И они немало сделали — перекинули мосты от берега к берегу, замкнули канал плотинной Бурджарской гидроэлектростанции, придвинули с двух сторон к водному рубежу ансамбли современных зданий.

Новый проект завершает начатое. Архитектурой камня, металла, стекла, зелени. Той самой традиционной ташкентской зелени, которая превращает город в сад. Гигантская парковая полоса, протянувшаяся с севера на юг — от парка Победы до Комсомольского озера, спаяла берега канала. И прошиты они стрелой-аллеей «восток—запад».

Снова зовет нас, друг-читатель, будущее. По этой полосе, протянувшейся на четыре с половиной километра — от сквера Революции, через площадь Ленина, спортивный комплекс, центральный и детский парк до площади Ахунбабаева, — нам нужно пройти сегодня дважды. И если тебе наша совместная прогулка покажется неинтересной, отнеси это целиком на мой счет. Потому что в натуре ни один шаг по Главному зеленому проспекту — ни в первый, ни в сотый раз — не может показаться утомительным и скучным.

Архитекторы Ташкента, заботясь об этом, призвали на помощь весь опыт мирового градостроения. Схему Главного зеленого проспекта сверили с планами лучших городских магистралей Земли. Эталонами стали Невский проспект в Ленинграде, проспект Ленина в Москве, эспланада города Бразилиа, Елисейские поля Парижа и другие улицы — Лондона, Вашингтона, Нью-Дели, Каракаса, Киева, Рима...

Чем эти улицы пленили зодчих? А вот припомните — за долгую прогулку по Невскому, от площади Восстания до Адмиралтейства, вы не испытали ни разу усталости, навеваемой обычно однообразием, или пресыщения, возникающего у пешехода, когда архитектором утрачено чувство меры.

В каком-то удивительном ритме, найденном в слиянии вдохновения и трезвого расчета (принята во внимание даже скорость ходьбы), перед взором предстают дворцы, сады, мосты, храмы, чередуются высокие точки и рядовая застройка, зелень и вода, узкие тротуары и просторные площади. Это называют анфиладным приемом — по аналогии с анфиладой соединенных залов, которые, конечно, привлекательнее монотонной галереи.

Путник, как правило, не анализирует «архитектурную партитуру», не пытается вычленивать в ее закономерности, но — самое главное — у него остается ощущение легкости, гармонии, простоты.

Своеобразной чашей красоты и свежести станет Главный зеленый проспект Ташкента, проложенный все той же анфиладой. И надо отдать должное старым зодчим Ташкента — они обладали чувством ритма. Это чувство проявилось в планировке улицы Карла Маркса, протянувшейся от сквера Революции к пионерским садам и дальше — к площади Ленина. Остальное, самое главное, довершили наши современники. В конкурсе на лучший проект центра столицы Узбекистана, в котором состязались архитекторы Москвы, Ташкента, Баку, были отобраны лучшие решения, объединены самые удачные замыслы.

Главный архитектор проекта — наш земляк Леон Тигранович Адамов показал мне прозрачные кальки с контурами магистралей Москвы, Ленинграда, Па-

рижа, Вашингтона, с которыми сверялся план Ташкентского проспекта. По соотношению длины и ширины здесь подошли Елисейские поля.

Архитектор накладывает контуры парижской магистрали на план Ташкентского проспекта, и сворачивает чудо — их контуры сливаются. Не только по длине и ширине, но и по отдельным звеньям.

Сквер совмещается с Лувром. Полоса до площади Ленина — с садом Тюильри. Сама площадь — с парижской площадью Согласия. Спортивный комплекс — с площадью Звезды... Что ж, «парижские впечатления» от прогулки по Ташкенту, или «ташкентские впечатления» от прогулки по Парижу — это неплохой обмен.

Как же это могло случиться? Ведь здесь нет места подражанию — вряд ли те, кто закладывал некогда сквер Революции и спустя десятки лет возводил стадион «Пахтакор», имели в виду Елисейские поля. Что ж, есть законы красоты и ее восприятия, которые сохраняются под всеми широтами, в разные эпохи.

Эти законы не только подсказывали авторам проекта нужное решение. Они помогали отстаивать это решение. Когда архитекторы предложили превратить котловину между улицами Навои, Фурката, Узбекстанской и Новоалмазарской в парк, возникли опасения — не слишком ли широк этот простор для центра города. Не потеряются ли для наблюдателя, стоящего где-нибудь посреди парка, ансамбли ограждающих его улиц? Ведь обрамленный ими квадрат по площади вдвое больше лондонского Гайд-парка.

Снова пришли на помощь калки. На прозрачный лист нанесли контуры Невской панорамы — с Дворцовой набережной, мостами, стрелкой Васильевского острова, Петропавловской крепостью. И снова чудо — набережные Ленинграда слились с очертаниями ташкентских улиц, замыкающих котловину.

Аналогия многообещающая — вспомните, с моста Стронтейл, или со Стрелки, или с реки открывается широчайшая панорама Невы с ее каменными берегами, над которыми встают ряды домов. В какой-то мере сходный эффект достигается в новом ташкентском парке. И Невский опыт пригодился здесь не только потому, что он хорош, но и благодаря подходящим природным условиям. Дно котловины на шесть метров ниже уровня Узбекстанской или Навои. Вот вам готовые «берега». И здания вдоль этих улиц-берегов предстанут перед вашим взором в том же ракурсе, что и Дворцовая набережная или бастион Петропавловской крепости. Не тот облик зданий, иные материалы? Что ж, нужно учиться у старых мастеров и соревноваться с ними...

Но вернемся в сквер Революции. Что, не узнаёте его? Немудрено. В 1970 году он стал в десять раз шире, сомкнулся с соседним парком имени Горького, разлился до Первомайской улицы, обтекая каменные острова — светлые уступы высоких домов.

От одного из них, со стенами наподобие развернутой книги, на страницах которой начертано по семнадцать сверкающих строк — оконных рядов, мы и отправимся в путь. И сразу останутся где-то в стороне, за зеленой завесой, шорохи автомобильных шин, горячее дыхание моторов. Вот он, обетованный край пешеходов!

Полоса шириной триста метров с удобными дорогами, и ни одной — для транспорта. Здесь наконец-то воплотился казавшийся в равной мере забавным и неосуществимым призыв — «Пешехода надо любить».

И шагаете вы, друг-пешеход, по аллее, где в 1966-м ломали грузные стены старого универсама, расчищали землю от еще сотни ветхих, непривлекательных строений, с которыми расставаться не жалко. Тысячи тонн камня, глины, кирпича пришлось убрать с полосы, очерченной справа Коммунистической улицей, слева — Ленинградской.

А теперь справа провожают нас, потихоньку передавая один другому, три башенных небоскреба. Ближе к Ленинградской — купола Торгового центра, самого большого на востоке страны. Потом стекло и мрамор ресторана «Азия», способного одновременно принять две тысячи гостей. Потом — кинотеатр, тоже не из малых...

И с каждым шагом все выше встает, словно опираясь о плечи тополей, белый кристалл на краю площади Ленина. Сюда ведут широкие ступени. Но что это — деревья словно сбегали вниз... Дорогу подняла эстакада.

Она вознеслась над каналом Бозсу, над быстрыми байдарками, скользящими в тень бетонной дуги, над площадью, где сошлись Главная арена «Пахтакора», Дворец искусств, Дом молодежи (не забывайте — мы в 1970-м).

Здесь, как будто, двое старых знакомых — Дворец искусств и стадион. Но, пожалуй, лишь дворец напоминает пейзаж 1967 года. А стадион, хотя и стоит на прежнем месте, — не узнать. Над чашей трибун, на которых мы столько лет болели за любимую команду, изогнулось, словно парящее в воздухе, кольцо. С него поле — как на ладони. И уже не пятьдесят, а сто тысяч знатоков и страстеров футбола комментируют матч... Надо полагать, с появлением второго яруса темперамент болельщиков не угаснет — даже тех, кто окажется в тени бетонного

кольца. И придется в часы большого футбола смиренно дожидаться своих всегдагдаев Дворцу спорта, арене «Ешлик», бассейнам...

Но «Пахтакор» лишь изменит облик. А вот — совсем новый дом на площади под эстакадой Главного зеленого проспекта. Завидую хозяевам его. Хотя надо признать, они заслуженно владеют своим домом. Потому что этот дом — не только подарок города своей молодежи. Он стал и экзаменом на творческую зрелость. Руководители института «Узгоспроект» И. В. Исраилов и Т. В. Шахсуварян доверили проект Дома молодежи — молодым. Для главного архитектора проекта Рихарда Блезе, главного инженера Евгения Патлис и всех остальных участников группы это первая большая самостоятельная работа. И они, естественно, пожелали вложить в проект все, о чем сами мечтали со студенческой скамьи, о чем мечтали их сверстники.

Начали с заботы о гостях столицы. С опорной плиты фундамента, заложенной в канун 1967 года, возносится, как с трамплина, девятиэтажный корпус гостиницы — сестры московской «Юности». Стеклоянные переходы соединяют ее с главным корпусом.

Всех залов, комнат, мастерских, площадок, студий не обойти за день. Но в одном надо побывать обязательно — в зале встреч, самом гостеприимном. По необходимости раздвигаются стены зала — он вбирает в себя соседние помещения.

Прощаясь с Домом молодежи, еще раз окидываем взглядом его смелые, порой неожиданные формы. Но всмотритесь — каждая линия здесь и красива, и целесообразна. Что же касается необычности — она подсказана и новым назначением дома, и новыми материалами. Стекло, алюминий, пластик сочетаются с керамическими барельефами, витражами, фресками. И, конечно, с зеленым убором эспланады, подступившей к стенам дворца. Хорошее место выбрал город мужества для подарка своей молодежи...

Воздушный переход чуть-чуть поворачивает влево — вместе с Главным зеленым проспектом — и вливается в его аллею. Здесь эспланада сужается — слева придвинулись спортивная арена «Ешлик» и двухъярусные автостоянки, справа старые и новые корпуса телецентра. И, взглянув на его чаши-антенны, догадываешься, что это за шпиль маячит впереди. Телевизионная мачта! Не та, старая, которая едва справлялась с двумя программами в 1967-м. Несмотря на солидный рост — 192 метра — она словно задрала голову, чтобы взглянуть на новую соседку. На триста пятьдесят метров вознеслась конструкция из бетона и стали.

Главный зеленый проспект привел нас в оазис, где хозяева — дети. Пионерский парк. Здесь и Дворец пионеров, и станция юных техников, и хозяйство юных натуралистов, и стадион юных спортсменов. Они лишь чуть-чуть потеснились, притом охотно: ведь это очень любопытно — иметь соседями институты, где учатся музыканты, художники, артисты, кинематографисты.

И снова зеленые протоки... Но мы на этот раз дальше не пойдём. Здесь, на бывшем Чорсу — ныне площади Ахунбабаева, в четырех с половиной километрах от свера Революции завершается Главный зеленый проспект. Вместе с так называемым зеленоводным диаметром вдоль канала Бозсу он является градостроительной основой всей планировки Ташкента. Четыре главных узла, вокруг которых группируются крупнейшие районы города, — сквер Революции и площадь Ахунбабаева, парк Победы и Комсомольское озеро, — стянуты зелеными полосами воедино.

Вот почему Главный зеленый проспект стал основной осью нового центра Ташкента. В планировке его четко проступает принцип зонирования — самый удобный и плодотворный в условиях крупного города. Больше того — жизненно необходимый принцип. Сущность его, в двух словах, в разумном общегородском «разделении труда и назначения» отдельных районов.

Зоны — деловые, торговые, спортивные, отдыха, зрелищные должны быть в меру автономны и в то же время хорошо связаны между собой. Это требование, приложенное к конкретным ташкентским условиям, привело к своеобразному решению «трех колец».

Сначала о меньшем, внутреннем. Оно проходит по Ленинградской, скверу Революции, Коммунистической и проспекту Ленина — новой магистрали, прокладываемой из конца в конец города, параллельно бозсуйскому зелено-водному диаметру, примерно по оси нынешней Самаркандской улицы. Это зона отдыха, торговли и зрелищ.

Очертания внутреннего кольца повторяет второе — по улицам Узбекстанской, Первомайской, Навои, Фурката. Кроме новых зон отдыха и торговли, вы встретитесь здесь с еще одной важной зоной — деловой. В высотных зданиях разместятся учреждения. И еще одна функция второго кольца — оно берет на себя все заботы о транспорте для замкнутого им пространства, внутрь которого нет доступа трамваям, троллейбусам, автобусам. И даже легкие автомобили будут дожидаться седоков на специальных стоянках. Не беда — от транспорт-

ного кольца до любого места внутри его — не больше пятисот шагов. К тому же — приятных, по улицам-аллеям...

И, наконец, третье кольцо, включающее в себя весь центр, с жилыми зонами. Это кольцо проложено по улицам Горького, Титова, проспекту Дружбы народов. Знакомые названия? Не торопитесь делать выводы. Названия-то известные, а сами улицы в 1967 только начали пробиваться.

Это — три кита транспортной схемы нового Ташкента. Но здесь уместно вспомнить о еще одном, самом большом кольце города — Обводной дороге, ставшей одновременно и городской чертой. Она принимает в себя все авто-страды, бегущие в Ташкент. Принимает и связывает. Машина, направляющаяся, скажем, из Самарканда в Чирчик через Ташкент, не вступит на улицы столицы. С Большого Узбекского тракта она свернет направо на бетонные плиты Обводной, промчится по ней на северо-восток, до пересечения с Чирчикским шоссе. И покатит дальше по назначению.

Шоферы не в обиде на город: Ташкент дарит им у своих границ лучшую из дорог, сокращающую путь. По три машины в ряд смогут мчаться здесь в каждую сторону, с любой доступной им скоростью.

А понадобится задержаться — добро пожаловать в мотель, на станцию технического обслуживания.

Если же путник прибыл в Ташкент — перед ним распахнутся любые из шести автомобильных ворот, где берут начало главные городские магистрали. Они протянулись через весь Ташкент, словно спицы в огромном ободке — Обводной дороге.

Гость из Ахангарана, Ангрена или Алмалыка вступит на улицу Горького — скоростную магистраль. Шестнадцатикилометровая трасса воберет в себя часть улицы генерала Петрова, минуя «Ташсельмаш», из-под путепровода вылетит на улицу Карла Маркса, плавно свернет на улицы Якуба Коласа и Хамида Алимджана (на обе сразу — так широка магистраль), потом вдоль нынешней улицы Кабдукова пробьется на Лабзак, достигнет площади Калининна, выйдет на Сагбан и через восточную окраину Каракамышского массива — снова на Обводную дорогу, близ станции Келес. А как же та узенькая, петляющая по закоулкам улица, носящая сейчас имя Горького? Ее просто спихнут за ненадобностью. Где уж ей тягаться со своей молодой «однофамилицей»?

Эта улица — самая просторная в Ташкенте. И не только в Ташкенте. Каждый из ста сорока метров ее ширины заранее был учтен и до отказа нагружен. Вот профиль магистрали: шестиметровый тротуар, пятиметровая полоса для «местных рейсов», велосипедная тропинка шириной два с половиной метра и, наконец, главная дорога — две пятнадцатиметровые ленты, по которым в обе стороны могут мчаться четыре машины в ряд. И снова тротуар, вспомогательные и подъездные дороги. Да еще зеленые разделительные полосы.

Любопытная особенность — главная трасса прокладывается в выемке, на шесть метров ниже тротуара. Это могло бы служить защитой от пыли, но пыли здесь быть не положено — дорогу то и дело омывают потоки воды. И все же защита нужна — от шума. Гул тысяч машин, мчащихся на предельной скорости, поглощают зеленые откосы.

Под стать улице и архитектурные ансамбли: высотные дома, башенные и секционные.

Вторая городская дорога высокого класса определена как «магистраль непрерывного движения». Это означает, что на всем протяжении — свыше семнадцати километров — на ней нет ни одного перекрестка. Пересечения, конечно, есть, но машины встречаются и расходятся на разных уровнях. Если же надо свернуть, имеются специальные развязки, позволяющие съезжать или забираться на другую дорогу. А не надо сворачивать — так и мчись по сто километров в час от Обводной дороги вдоль прежнего Куйбышевского шоссе, Ипподромной, улицы Червякова, Сарыкулской, Кафанова, Ленина, Девятого января, через площадь Бируни по правому берегу Комсомольского озера, по улице Самарканд-Дарбаза — снова к Обводной, где сбегает с бетонного кольца дорога к Ташкентским Минеральным Водам.

Третья магистраль — проспект Дружбы народов. Он, в отличие от двух других дорог, не менял трассы, а лишь рос. В 1966 году проспект подошел к Обводной дороге, от Большого Узбекского тракта, через юго-западную промышленную зону к центру Чиланзара, пересек его — до улицы Мукими. В 1967-м — миновал Комсомольское озеро по южному его берегу и пробился к улице Фурката. А дальше его трасса протянулась через Комсомольскую площадь к улице Ахмет-Даниш — напрямую к Северному жилому массиву и на Обводную, где берет начало дорога на Чимкент.

Каждая из этих трех магистралей пересекается с двумя другими. В просторстве, очерченном ими, и лежит большой центр Ташкента.

С чем сравнить его? Говорят, что архитектура — застывшая музыка. Тогда новый центр Ташкента — прекрасная симфония. И каждая улица и площадь,

словно инструмент, органически влетает в «архитектурный оркестр», ведет свою, неповторимую партию.

Вот Пушкинская, одна из самых любимых ташкентцами. Лишь несколько домов «периода до землетрясения» сохраняются на ней. В 1970-м она предстанет совершенно обновленной.

...Начало улицы, у сквера Революции, обозначено семнадцатизатажными пластинками гостиницы «Интурист». В 67-м она только-только стала подниматься над землей. Другое здание, открывающее улицу, — кинотеатр — еще проектировался. А вот следующий дом по левой стороне уже был наполовину готов. Это — семизатажный корпус профессионально-технического образования и примкнувшее к нему позже крыло — Стройбанк.

Но это как бы «прелюдия» к Пушкинской улице. Ее главная часть начинается от Первомайской, где широкими дугами отошли вправо и влево два девятиэтажных дома. Им обеспечена популярность не только в связи с рекордным числом квартир и оригинальной внешностью. Здесь в первых этажах — три самых больших магазина: «Детский мир», книжный пассаж, «Гастроном».

Есть немало любителей селиться по профессиональному признаку. Правда, еще не удавалось доказать, что «цеховой принцип» расселения способствует расцвету искусства. Но если имеется возможность подарить по дому каждому творческому союзу... Пушкинской улице выпала честь приютить писателей, артистов, архитекторов. Для них здесь — три высотных дома. И рядом с каждым — здания поменьше, как бы отражающие в своеобразной форме интересы обитателей. У дома писателей — книжная лавка, у дома архитекторов — выставочный зал, у дома артистов... но не строить же театр при жилом доме! Решили — по соседству с артистами вполне уместно кафе. Но театр все же будет поблизости — через дорогу выбрана площадка для русского театра имени Горького — между Хорезмской и Первомайской.

В семидесятом году мы не встретим здесь многих старых зданий. Не ищите на старом месте почтамта. Его новый адрес — на пересечении Пушкинской с улицей Горького (напомню — бывшей Кабукова). Там поднимается «архитектурный акцент» пушкинского ансамбля — высотное здание почтамта.

Новое, новое, новое, до самого путепровода, а там, по Луначарскому шоссе — снова новое, до самой границы города. Эту, некогда загородную магистраль, начинали застраивать с северной, левой стороны. В 67-м уже протянулись вдоль нее ломаные зигзаги больших домов. Они стали затем как бы фоном, дальним планом высотных башенных зданий. Но раньше башен был заложен — в год землетрясения — замыкающий городскую часть Луначарского шоссе комплекс Дома туриста. С общежитием и гостиницей на шестьсот мест, с рестораном, автомобильной стоянкой. От левой стороны шоссе ушли проезды в глубь Академического городка, к Высоковольтному массиву. А правая сторона, застроенная позднее, охватила другой массив, раскинувшийся до улицы генерала Петрова.

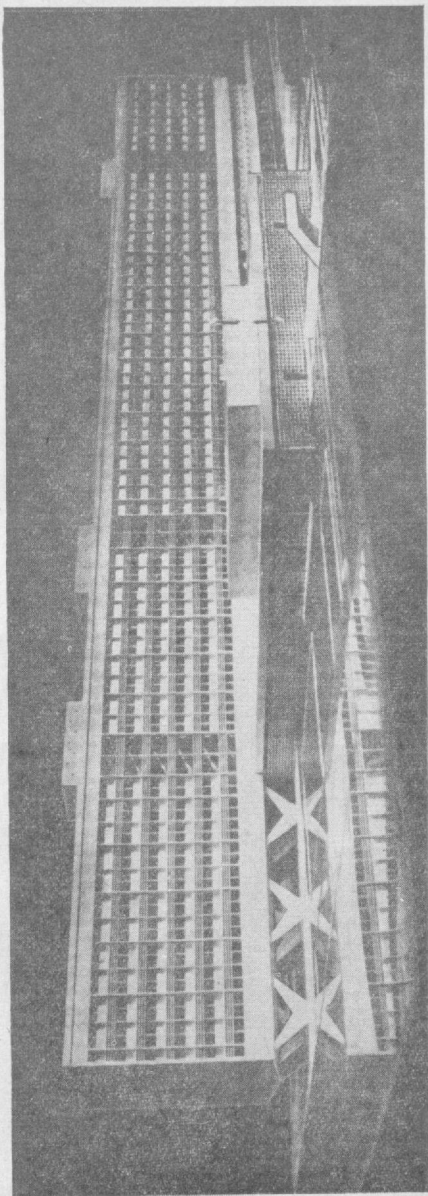
Неповторимым станет проспект Ленина. Он словно подчеркивает широкой прямой линией, проложенной через площадь Ленина от парка Победы к Комсомольскому озеру, привольную, волнистую полосу берегов Бозсу.

У этого проспекта свои архитектурные ритмы, рассчитанные не столько на пешехода, сколько на автомобилиста. В рамке ветрового стекла предстанут его взору сменяющие друг друга зеленые рощи и высотные дома, среди которых доминантой является девятнадцатизатажное здание правительственного комплекса на площади Ленина. И подвезжая проспектом к площади — с любой стороны, водитель непременно чуть-чуть притормозит, когда на фоне небоскреба просятся — с юга гигантский кинотеатр, с севера — Дом дружбы.

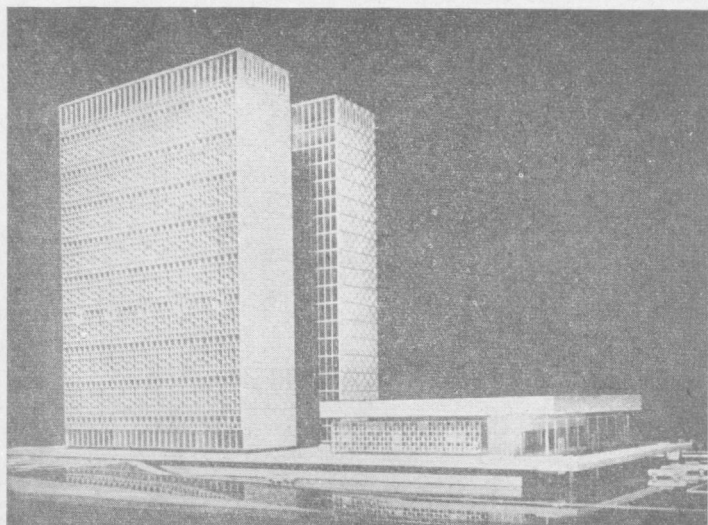
Единство и своеобразие. Цельность и оригинальность. Эти понятия несколько не противоречат друг другу. Пройдем по жилым кварталам центра — каждый из них имеет свое лицо, а все вместе они дополняют друг друга, сливаются в гигантский архитектурный ансамбль. И это — несмотря на широкое применение типовых проектов. Сколь ни были бы унифицированы элементы и приемы, подсказанные современным стандартизированным производством строительных деталей, всегда имеется в запасе достаточно красок, неожиданных решений, штрихов, из которых складывается неповторимое.

Обходя жилые зоны центра — конечно, все в том же 70-м году, — мы побываем, пожалуй, сначала в квартале Ц-7, что означает «Седьмой центральный квартал». Ведь именно этот квартал был заложен раньше всех в возрождаемом центре Ташкента, и сюда раньше всего возвратились обитатели снесенных после землетрясения домов. Жителям улиц Двенадцати тополей, Чимкентской, Железняк — той самой, где зарубкой на асфальте был обозначен угол вставшего через год дома, — жителям этих мест недолго пришлось привыкать к названию «Украинский массив». Оно стало обиходным еще летом 66-го, когда на пустыри вышли киевляне, одеситы, луганцы.

Уже через год-два украинцы осуществили свой проект застройки квар-

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗДАНИЕ НА ПЛОЩАДИ В. И. ЛЕНИНА, СТРОИТЕЛЬСТВО КОТОРОГО НАМЕЧЕНО ЗАКОНЧИТЬ К 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.

КОМПОЗИЦИОННОЕ ЯДРО ПЛОЩАДИ им. В. И. ЛЕНИНА —
19-ЭТАЖНОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗДАНИЕ.

гала, очерченного улицами Узбекистанской, Ленина, Титова, Руставели, Шевченко. По краям этого пятиугольника встали высотные дома, а отступя в глубь массива — четырехэтажные. Очертаниями, нарядным орнаментом дома говорят о своем украинском происхождении. А аккуратностью кладки, чистотой отделки — о стремлении поработать так, чтобы долго жила в Ташкенте слава украинских зодчих и строителей.

Сто десять тысяч квадратных метров жилой площади подарила центру столицы Узбекистана братская Украина. И еще — детские сады, столовую, магазины, школу. Такой школы нет нигде в стране. Проект ее впервые воплощен в Ташкенте. Две тысячи пятьсот детей в одну смену — и образцовый порядок, удобства, которым могли бы позавидовать школы впятеро меньше. Здесь применен так называемый павильонный прием планировки. Каждые четыре класса имеют свои места отдыха, собственный дворик. Педагоги издавна мечтали о таком — чтобы в больших школах не смешивались возрастные группы, чтобы не сталкивались различные интересы детей и разные мерки, с которыми подходят воспитатели к старшим и младшим своим питомцам...

Самое лучшее, самое удачное, что украинские архитекторы и строители нашли для своих земляков, они принесли — с поправками на климат и сейсмику — в Ташкент. Любопытная деталь — украинские друзья помогли Ташкенту встретиться с новинкой, родившейся... в соседнем Чирчике. На «Узбекхиммаше» по заказу Киева была изготовлена холодильная установка на экономическом бромолитиевом рабочем теле, взамен фреона. В пригороде столицы Украины — Дарнице эту установку испытали для кондиционирования воздуха в высотном доме. Убедившись в хорошем результате, киевляне подобную установку заказали для Украинского массива в Ташкенте. Она гонит летом в высотные дома холодный воздух. А зимой по трубам подается теплый воздух. Получилась теплохладоцентральный — экономичная и эффективная.

...О московских домах в центре Ташкента мы уже говорили — это те самые двухсотдвадцатиметровые «дуги», вставшие по Первомайской улице по обе стороны от Пушкинской. Но мы не сказали, что эти дома — на металлических каркасах, способных отразить любой натиск подземной стихии. От зданий на Первомайской берут начало московские кварталы — Ц-1 и Ц-2. Они уходят вниз, до улицы Горького, а справа и слева их замыкают Советская и улица

Алексея Толстого. В этой огромной трапещи — 130 тысяч квадратных метров жилой площади. И притом — первоклассной. Четырехэтажные дома по новым московским проектам появились в Ташкенте раньше, чем где-либо в стране. У них удобная планировка — больше стали комнаты и подсобные помещения, а терраса — шириной два с половиной метра. Еще один штрих, который с благодарностью оценили хозяйки, — москвичи сделали каждой семье маленький, но весьма существенный подарок, прибавив к террасе специальное помещение для сушки белья. И в Московских кварталах — самые привлекательные террасы: ничего, кроме цветов.

Самый большой массив в центре — Российский. 230 тысяч квадратных метров жилой площади — в кварталах Ц-4, Ц-5, Ц-6, размещенных в районе самых страшных опустошений — прежней Кашгарки, начисто сметенной землетрясением, и примыкающих к ней участков по улицам Ангельса, Библиотечной, проспекту Ленина, Лахути. Здесь эпицентр землетрясения...

— А мы и на эпицентр найдем управу, — говаривал директор московского «Гипрогора» Ян Алексеевич Аир-Бабамян.

Этой управой стали поправки к типовым проектам, поднявшие устойчивость жилых домов до девяти баллов, и добротная работа российских строителей, создавших дополнительный запас прочности. А вскоре от старых типовых проектов, хоть и улучшенных, перешли на новые конструкции девяти- и двухэтажных зданий, разработанных специально для столицы Узбекистана в Центральном научно-исследовательском институте экспериментального проектирования под руководством Бориса Рафаиловича Рубаненко.

Русские дома в Ташкенте имеют одну чудесную особенность, подсказанную узбекской национальной традицией, — во всех дворах вдоль зданий протянуты ряды шестиметровых шпалер, по которым вьется виноград. Эту гигантскую беседку предложил московский архитектор Семен Семенович Ройтман, которому довелось проектировать для многих стран с жарким климатом и который, пожив летом после землетрясения в Ташкенте, сумел еще глубже оценить роль зелени... Тогда же, в 1966-м, замысел испытали — в домах, построенных россиянами на Чиланзаре.

Ленинградцам в центре достался квартал Ц-13 — по улицам Горького, Юсупова, Лабзак, Новоалмазарской. Здесь 60 тысяч квадратных метров в домах, сложенных из зеленого и розового кирпича. По прочности, удобству, комфорту они, вероятно, не уступят московским, российским, киевским. И есть основание предполагать, что будут эти дома самыми красивыми в Ташкенте. Ленинградский почерк...

Строят кварталы, помеченные на плане буквой «Ц», — Центральные — и другие союзные республики. И, конечно, сам Ташкент.

Но что мы все о центре — ведь это, в конце концов, понятие условное. Чем, допустим, уступает центру лежащий вне его пределов Чиланзар? Разве уже здесь улицы? Ниже дома? Меньше света? Хуже подают тепло, воду, газ, энергию? Здесь, в конце концов, сложился свой центр, к которому все больше тянутся обитатели других районов. И если мы не рассказываем здесь подробно о Чиланзаре 70-го, то лишь потому, что облик его сложился уже в 1966-67-м, когда объединенными усилиями строителей Ташкента и посланцев братских республик здесь возвели сотни тысяч квадратных метров жилой площади, заложили высотные дома, кинотеатры, больницы, Дворец культуры. Чиланзар обогнал по населению все областные города Узбекистана.

Вот и стал перемещаться поток строительных грузов на северо-восток — к Высоковольной и Академическому городку, на юго-восток — к Рисовому массиву и Сергели, на северо-восток — к Каракамышу. И стала повторяться история Чиланзара — пустыри превращаются в жилые кварталы, крепнут, раздвигают плечи, словно упираясь в бетонку Обводной дороги.

А по Обводной все чаще бегут на новые массивы панелевозы с готовыми стенами и перекрытиями, сработанными на южном и северном домостроительных комбинатах.

...В канун 1967-го я побывал в первой мастерской «Ташгипрогора». Руководитель группы, проектирующей Северный массив, Ф. В. Кнопва показала схему с несколькими скудными линиями.

— Известно только: территория 1800 гектаров, подходы — по улицам Ангельса, Ахмед-Даниш, Алмазар. Задание: удобно разместить миллион квадратных метров жилья. А все остальное...

Обо всем остальном красноречиво поведал прямо с порога молодой архитектор, только что возвратившийся с первой рекогносцировки: «Отличное местечко! Почти сплошь — пустырь».

Меньше года отведено на проектирование массива со стотысячным населением — начало строительства намечено на будущий год. Так начинается летопись нового района.

А как продолжают подобные летописи — рассказала Алла Васильевна Шабалина из второй мастерской. Да еще проиллюстрировала: нарисовала в

моей тетради целую схему становления своего подопечного — Каракамышского массива.

Алла Васильевна вычертила улицу Сагбан, по обе стороны которой, в самом ее конце закладываются Каракамыш-I и Каракамыш-II. Дальше карандаш переключал на правую сторону — деловито разделил Каракамыш-I дорогами на микрорайоны, выделил их центры и общий центр всего массива, оконоурил сад, озеро, спортивный комплекс. И, наконец, изобразил силуэты домов.

— Вот вам задачка: Ленинград плюс Навои плюс Ангарск...

Я решение этой задачи видел в натуре — осенью 1966 года на Каракамыше поднялись первые дома, происхождение которых определить непросто. Их спроектировали ленинградцы, изготовили на домостроительном комбинате сибирского города Ангарска и смонтировали строители из Навои. В результате — 50 тысяч квадратных метров отличного жилья для ташкентцев. Вот и решение — одно из многих решений проблемы быстрой реконструкции и развития Ташкента.

На Каракамыше особенно четко виден ход проектно-строительного конвейера. Один микрорайон уже готов, другой возводится, на третий выданы рабочие чертежи. Проект четвертого микрорайона — на выходе из мастерской «Ташгипрогора», пятый — еще в работе, у проектировщиков Тбилиси.

У грузинских архитекторов особые связи с Каракамышем. Им целиком доверена вторая очередь этого массива — на 50 тысяч жителей. Тенгиз Поликарпович Горгадзе показал мне эскизы, миглом набросанные в дни первого «штурма», и расчеты, кропотливо доводимые в течение нескольких месяцев. Тбилисцы нашли лучший вариант этажности, гарантирующий высокую плотность заселения Каракамыша, при максимуме удобств. Уже готово проектное задание по первому, четвертому, пятому микрорайонам. Здесь принято во внимание и близкое расположение крупного промышленного района, соседство с общегородскими зонами отдыха, транспортные связи — на Каракамыш выходит улица Горького. На ее пересечении с магистралью, ведущей в Северную промышленную зону, расположен общественный центр, обращенный ко всем пяти микрорайонам. Он разделен на зоны — торговую, культурную, спортивную, административную.

Особенно много потрудились Тенгиз и его друзья над пятым микрорайоном — экспериментальным. То ли потому, что эксперимент всегда волнует, или оттого, что это место — холмистое и сюда можно принести крупицу грузинского пейзажа... Тбилисцы мечтают поставить здесь 14- и 16-этажные дома, которые станут композиционной опорой всего ансамбля. А зодчие из Еревана, проектирующие район на юго-востоке, близ улицы Рисовой, внесут сюда крупицу своей родной природы. Дома они решили облицевать армянским туфом... Это, должно быть, лучший вид соперничества — в дружеском усердии, стремлении лучше украсить дом братьев.

...Сверяю свои заметки с картой нового Ташкента — и хоть снова берись за перо. Как много в этих заметках пробелов. Я ведь не рассказал о главных воротах города — Привокзальной площади с ее новым архитектурным ансамблем. Не сообщил о новой трассе, связавшей воздушные ворота Ташкента с его центром — через улицы Богдана Хмельницкого, Шота Руставели, Первомайскую, Пушкинскую. И о парковой дороге — для автомобильных прогулок по зеленой полосе вдоль Бозсу. И о скоростном рельсовом транспорте... Всего, конечно, не перескажешь — улиц, дворцов, высотных зданий, стадионов, театров, школ, детских садов, каналов, станций, скверов в Ташкенте больше, чем строк в этом очерке. Но хоть несколько новостроек, представляющих важные разделы в городской жизни, необходимо упомянуть.

Следует начать здесь, конечно, с дома, на котором вылеплена чаша со змеей — эмблема медицины. И не случайно на листах проекта рядом с именами архитекторов и инженеров значатся имена двух хирургов — профессора В. Бахидова и доцента И. Рыбухина — зодчие облекли в бетон, стекло, зелень — замысел врачей. В таком содружестве и возник проект крупнейшего в стране Центра кардиологии и грудной хирургии. И то, что в главном лечебном корпусе — 12 этажей, а в лабораторном 20 — не причуда архитекторов, а итог наблюдений и расчетов медиков, озабоченных поисками лучшей лечебной обстановки. Эта забота подсказала и поворот палатного фронта на юго-восток, с отклонением от корпуса точно на 15 градусов. В результате — лучшая ориентация палат, при которой много света, а жгучие лучи солнца заслоняются простым козырьком.

Что же, зодчие только выполняли указания хирургов? Нет, здесь был настоящий обмен опытом, главная цель которого — здоровье. И врачи охотно приняли советы зодчих по художественно-эстетической отделке корпусов — ведь и красота лечит.

А вот другая новостройка здоровья — крытый каток в Университетском городке. Это далеко не «флагман спорта» — он уступает и главной арене «Пахтакора», и Большому Дворцу спорта, рассчитанному на 14 тысяч зрителей. Но то

создано, пожалуй, для спорта-зрелища. А это — для всех, кто ищет в спорте здоровья. И в этом смысле место выбрано отличное — рядом с общежитием студентов. Правда, и здесь за хоккеем сможет наблюдать три с половиной тысячи человек. Но чаще всего сюда будут ходить не за тем, чтобы «болеть», а на тренировки. Его так не хватало в Ташкенте — настоящего льда. Мощные холодильные машины смогут быстро намораживать зеркало размером 30×60 метров. И, судя по всему, среди тех, кто выйдет на первый лед, будет и Наталья Ясногородская, главный архитектор проекта, девушка, влюбленная в спорт.

...Мы чуть-чуть, краем коснулись зрелищ. Не пора ли рассказать о самой крупной новостройке этого рода — цирке? Я видел его: до того, как это здание поднялось на Комсомольской площади, его построили — в миниатюре — в первой мастерской «Ташгипрогора».

Голубой купол словно парит над стеклянными стенами в небе, сливаясь с ним. Он действительно очень легкий, этот алюминиевый свод. Если бы принято было сопоставлять объем здания с его весом, Ташкентский цирк стал бы рекордсменом. Все сооружение опирается на 24 тонкие железобетонные рамы, наподобие корабельных шпангоутов. Они несут и стены, и своды, и амфитеатр на 3 тысячи мест. И ни одной колонны под куполом диаметром 70 метров — ничто не заслоняет арену и интерьеры фойе.

Перечень уникальных проектов можно продолжить — новый комплекс публичной библиотеки имени Алишера Навои с хранилищем на 15 миллионов книг размещается на углу Ленинградской и Пролетарской. На пересечении Пролетарской и улицы Гоголя, на месте старого Музея искусств, заложен новый. Возводятся комплексы Академии наук, институтские, спортивные. Но я тороплюсь — и именно на фоне перечисленных проектов — сообщить, что в Ташкенте в 1970 и даже в 1980 будут лабиринты кривых улочек, стиснутых дувалами, глинобитные дома, арыки с осыпавшимися откосами, пыльные дороги, ямы, из которых берут глину для сооружаемых рядом строений...

Сведения точные — из генерального плана. Вот только не знаю, будет ли там кто-нибудь обитать. На всякий случай ученым придется подумать о консервации всех этих дувалов, дорог, стен, арыков, чтобы не рассыпался в прах заповедник — старинная махалля в самом центре старого города. Махалля-музей оставят рядом с рынком, между Чорсу и Саганом.

Давайте побродим по новому «старому городу». Может быть, зайдем на рынок? Что ж, здесь все, что положено восточному базару — пирамиды полосатых арбузов, бронзовые дыни, гроздь пронизанных солнцем плодов-самоцветов. И — об этом издревле мечтали те, кто не только любовался красками и светлой базара, но являлся сюда за провизией, — ни одной соринки. Своды из стекла, бетона и пластмассы поднялись над площадью старого рынка, водяная пыльца фонтанов оседает росой на открытых прилавках, бегут от холодильника электрокары к торговым рядам.

Некрасиво? Нарушена традиция? Кто тоскует по красоте и традициям «настоящего базара», пусть ответит для него площадь в своем городе и выбирает себе арбуз из груды, сваленной в пыль, рядом с отдыхающим верблюдом. Это милое животное можно взять напрокат из Ташкентского зоопарка.

А если гость Ташкента все-таки захочет посмотреть, как хранят и развивают здесь традиции, милости просим в соседнюю махалля. Здесь тоже все сохранилось — и арыки, и чайханы, и дома с балханой, и характерное для восточного городского пейзажа сочетание низких, накрытых плоскими крышами строений и устремленных вывес башен... Все сохранилось — но в стекле, бетоне, стали.

Высотный дом-сад просвечивает гигантскими проемами. Они чередуются со стенами, словно черные и белые клетки шахматной доски, поставленной на ребро. «Черная клетка» — двухэтажная квартира, «белая», прозрачная — сад. На любой высоте. Перекрытые в проеме тридцать квадратных метров — засыпают слоем почвы, устраивают дренаж — и можно сажать дыни, помидоры, разбивать цветники. А по шпалерам, поставленным с солнечной стороны, пустить вверх виноградную лозу. Фантазия? Да, на каком-то этапе это было фантазией. А сейчас проект прошел солидную экспертизу, одобрен и ждет воплощения. Вместе с проектом двухэтажного и четырехэтажного домов для новой махалля. Здесь проблема «зеленой комнаты» решается проще, чем в высотном. Квартира, расположенная в нижних двух этажах, имеет обычный сад. А обитатели верхней пары этажей отдыхают в саду, распустившемся на крыше нижнего соседа. Квартиры наверху меньше нижних, помещенье ставится с отступом, вот и получается терраса-сад на втором ярусе.

Итак, все три типа домов годятся для тех, кто привык к «зеленой комнате». И все же, приступая к планировке махалля, архитекторы оставили лишь два типа. Какие именно? Ответ дала экономика в сочетании с заботой о наибольшем комфорте.

Вот как рассуждали зодчие, призвавшие на помощь экономистов. Подни-

маться на второй этаж легче, чем на четвертый, а на четвертый тяжелее, чем на девятый... Но в четырехэтажном доме лифта не поставишь. В двухэтажном доме без мусоропровода вполне можно обойтись, в девятиэтажном его обязательно поставят, а в четырехэтажном — получается накладно. И еще один довод против четырехэтажного — в условиях махалля он плохо «вписывается» в земельный участок, не сочетается со зданиями других типов.

Подсчет показал, что застройка 2- и 9-этажными, при размещении сорока процентов жителей в высотных зданиях, позволяет получить на гектаре 3 тысячи квадратных метров жилой площади, а при застройке четырехэтажными домами — 2500 гектаров.

Заживут, сохраняя хорошие обычаи, — весело справляя всей махалля свадьбы, чествуя стариков, стряпая плов на сто человек, — давние обитатели этих мест, легко подружившиеся с домами из сборных конструкций, с лифтом и дождевальной установкой. Ибо где сказано, что соблюдать традиции — значит, стонуться нового?

...Есть такая пометка на денежных купюрах — «Обеспечивается всем достоянием государства». Эти слова могли бы значиться на генплане Ташкента — каждый лист его обеспечивается всем советским государством, дружбой наших народов.

Ташкент — прекрасный город нашей мечты — станет близкой явью.

Г. ГАФУРОВА

ЗЫБКИЙ ФУНДАМЕНТ ПОДСТРОЧНИКА

С большим интересом и вниманием прочла я в журнале «Звезда Востока» № 1 за 1967 год статью Г. Орагвелидзе «Переводчик — не соперник».

Автор поднял многие важные и давно назревшие вопросы теории перевода, волнующие не только переводчиков, критиков, писателей и литературоведов, но и, естественно, широкий круг читателей.

Согласна с Г. Орагвелидзе: «настало время поставить вопрос о форме словесного искусства с большой буквы». В связи с этим мне и хочется остановиться на некоторых особенностях воссоздания колорита эпохи и передачи интонации прозаического произведения в художественном переводе.

Роман Айбека «Навои», вошедший в золотой фонд советской реалистической прозы, посвящен, как известно, жизни великого узбекского поэта и гуманиста Алишера Навои. Для создания полноценного образа главного героя было необходимо художественное изображение того далекого времени — времени междоусобных войн и классовой борьбы. Но не только этим характеризуется XV век, особенно его вторая половина. Он имеет большое значение для истории узбекского народа как век наи-

высшего развития средневековой культуры, литературы и искусства.

В своем романе Айбек правильно изобразил движущие силы истории, передал дыхание и аромат той эпохи.

«Айбек проявил изумительное знание и большое историческое чутье по отношению к далекой эпохе... — пишут Л. Бать и М. Кошчанов. — Писатель видит Герат XV века так же свежо и живо, как современный ему Ташкент. Это видение передается читателю, перед которым открывается красочная разносторонняя картина жизни».¹

Язык романа «Навои», о котором написано так много и в то же время еще так мало, — потому что он достоин глубочайшего исследования, — живописен, ярок, выразителен; в нем причудливо переплетаются все языковые стили: высокий торжественный с нейтральным средним и низкий стиль (например, бранные слова, вложенные автором в уста Туганбека). Для этого использовано все богатство лексики, начиная от архаической и кончая жаргонной. А изящные глагольные формы типа «борамен», «ёзамен» и т. д., взятые Айбеком из староузбекского языка вместо современных «бораман», «ёзаман», несут на себе яркий отпечаток историзма. Например. «Бетобмусен? — ташвишланиб суради Зайниддин? Йўк, факат гарибмен... — жавоб берди зураки кулги билан Султонмурод».²

Эти формы почти невозможно передать на другой язык. И дело здесь совсем не в бедности или богатстве того или иного национального языка. Например, современный русский язык — один из богатейших языков мира, разумеет-

¹ Л. Бать, М. Кошчанов. Айбек. Критико-биографический очерк. «Советский писатель», Москва, 1966, стр. 104.

² Ойбек. Навоий. «Ўздавнашр», 1954, 118 бет.

ся, он не менее, а более богат выразительными возможностями, но они, в отличие от тюркских языков, лежат в иной плоскости. Что же касается древнерусской лексики и синтаксиса, то и они лишь приблизительно соответствуют оборотам такого типа.

Узбекский язык вообще — язык метафор, сравнений, ярких эпитетов. Метафоризация — черта не только книжной, но и разговорной речи, поэтому при переводе узбекской прозы трудно передать разговорную речь, диалоги. Если переводить, сохраняя метафоры, речь становится выпренной даже там, где читатель, подлинника никакой выпренности не услышит. Здесь все дело в умении, такте, интуиции и вкусе переводчика.

Перевод романа «Навои» является делом, требующим большой ответственности и смелости. Роман был дважды переведен на русский язык — в 1945 г. М. Салье и в 1947 г. П. Слетовым. Оба перевода имеют свои достоинства и недостатки, на которых я и остановлюсь.

Кроме обычных условий, необходимых для перевода любого произведения: знания языка оригинала, знания жизни, быта, культуры народа и т. д., здесь требовалось еще изучение исторического материала. Созданию романа предшествовал большой труд писателя по изучению эпохи Навои, глубокое изучение реалий и документов эпохи: исторических хроник, воспоминаний современников Навои: Васифи, Бабура. Это была работа настоящего ученого-исследователя.

Поэтому воссоздание на русском языке романа не просто переводчиком, а переводчиком-востоковедом сыграло положительную роль. М. Салье хорошо знал современный узбекский язык, старо-узбекский и другие восточные языки, национальную культуру, историю и литературу узбекского народа. Это было основой для полного осмысления авторского замысла, освоения произведения в целом. До «Навои» М. Салье перевел с арабского языка «1001 ночь» и почти одновременно с переводом романа работал над «Бабур-наме». Все это помогло переводчику проникнуться духом эпохи и передать в известной мере колорит того времени.

Основой для воспроизведения ткани

романа на русский язык переводчик взял современный русский литературный язык, но там, где необходим перевод при помощи аналога, он использовал и выражения древнерусского языка. Переводчику местами удалось передать пышность восточного литературного слога. На авторской речи и особенно на речи персонажей лежит печать романтической приподнятости, возвышенности, метафорического и афористичного мышления. «Навоийнинг юрагини аламнинг пўлати чукур тилиб кетди»¹ «лезвие горя глубоко вонзилось в сердце поэта».² «Солнце жизни склонилось к закату. Теперь Алишер постоянно опирался на посох».³

Переводчик кое-где пользуется и своеобразным словарем классической восточной поэзии, который, как известно, заметно отличается от словаря современной узбекской поэзии. Это близко языку исторического романа Айбека, стилизованного, прежде всего, под язык произведений Навои и других поэтов-классиков.

«Но, господин, — возразил ему Хасан Ардашир, — красноречие и совершенство тюркского языка проявились яснее солнца в газелях почтенного Лютфи и особенно господина Алишера. Волшебные звуки этого нового саза повергают в изумление пишущих по-персидски. Люди, одаренные вкусом и разумом, не могут отрицать эту истину».⁴ Здесь только одним выбором слов переводчик достигает близости к оригиналу. Неторопливая и раздумчивая интонация перевода в речи персонажей и авторской речи как нельзя более соответствует стилю Айбека. От медлительных, полных достоинства речей героев книги так и веет дыханием веков...

Дать читателю почувствовать историческую дистанцию — дело сложное, требующее от переводчика знания всех глубин родного языка до самых его истоков.

В журнале «Гулистан» в 1939 г. по-

¹ Ойбек. Танланган асарлар. III том, «Тошкент», 1957, 430 бет.

² Айбек. Сочинения в пяти томах, том III, пер. М. Салье, «Ташкент», 1962 г., стр. 390.

³ Там же, стр. 386.

⁴ Там же, стр. 125.

явились отрывки из романа Сервантеса «Дон Кихот» в переводе М. Исмаили.

Читая узбекский перевод, можно легко заметить архаизмы, вообще несколько утижеленную (с точки зрения современного узбекского языка) манеру и употребление редких старинных форм типа «ечурсиз», «билурсиз», «сухбат айлаб эрдим», «хотиралари жам бўлғайки», «андин сўнг» и т. д.

На наш взгляд, это был единственно верный прием, приближающий перевод к подлиннику. Ведь между эпохой Сервантеса и нами легли три с половиной века. За это время язык претерпел значительные изменения. Поэтому перевести «Дон Кихота» только современным языком без элементов языка староузбекского, без старинных оборотов было бы неверно. Обязательно нужно было показать отличие этого романа от современных произведений, перенести читателя на столетия назад, к временам Дон Кихота.

Во-вторых, узбекские устаревшие обороты не только помогают создать колорит эпохи, но и придают речи изысканный оттенок, что характерно для современников Сервантеса.

Вот отрывок из послания самого Сервантеса к герцогу Бехарскому, образец изысканного стиля того времени:

«Ввиду того, что Вы, Ваша Светлость, принадлежите к числу вельмож, столь склонных поощрять изящные искусства, оказываете радушный и почетный прием всякого рода книгам... Вы, Ваша Светлость, вперишь очи мудрости своей в мои благие намерения, надеюсь, не отвергнете столь слабого изъявления низжайшей моей преданности».

Такой же высокий слог характерен и для монологов Дон Кихота.

Этому как нельзя более соответствует наш староузбекский литературный слог, в основе своей торжественный и возвышенный.

Возвращаясь к работе М. Салье, нужно отметить, что даже такой знаток языка кое-где заменил книжную лексику разговорной, устаревшую — современной. И если приведенные выше примеры говорят о высоком вкусе и точности, то иной раз вкус изменяет переводчику.

Молодые ученые Султанмурад и Зайниддин только что услышали, что в Герат должен приехать Алишер Навои.

«Истиқболларига чиқмоқ керак — ўрнидан қўзғолди Султонмурад».

В оригинале Султанмурад говорит об отсутствующем Навои в 3-ем лице множественного числа — почтительно, с уважением. Вместо обычного разговорного «олдиларига чиқмоқ керак» или «кутиб олмоқ керак», выражается книжным стилем «истиқболларига чиқмоқ керак». «Надо пойти его встречать, — проговорил Султанмурад, тут же вскочив с места», — так звучит это в переводе. Высокий стиль, характеризующий и говорящего и, косвенно, его время, снижен: местоимение «его» никак не передает почтительность и уважение молодого ученого к Навои. Получилась обыкновенная, дежурная фраза. Крайне неудачно и это «тут же вскочив с места». В народе веками складывалось традиционное представление об облике ученых — степенных, полных чувства собственного достоинства. Султанмурад на протяжении всего романа вежлив, почтителен, но не суетлив, даже несколько медлителен, что, естественно, отразилось в его речи. Поэтому в оригинале не случайно спокойное «ўрнидан қўзғолди» — «поднялся», а не эмоциональное «вскочил», «побежал».

«Мавлоно Лутфий каби, — деб сўзга аралашди Султонмурад, — овозаси оламини тутган кекса шонр...» — пишет автор. Перевод: «Говорят, — перебил Султанмурад, — почтенный старый поэт Лютфи заявил однажды...» и т. д. Перебивать собеседника, когда он говорит, вообще довольно неприятная черта характера, и, конечно, она нарушает образ изысканного и воспитанного Султанмурада. В переводе есть общий смысл того, что сказано в оригинале (а в оригинале сказано: «вставил свое слово»), однако интонация оригинала не передана совершенно. Таких расхождений в лексике более чем достаточно; то, что в оригинале озарено отблеском исторической и национальной традиции, в переводе стилистически абсолютно нейтрально, а значит, и бедно.

Переводчикам никогда не следует забывать слова А. Н. Толстого о том, что в своей работе над историческим романом он стремился не столько употреблять архаизмы, сколько вытравлять неологизмы. Первый переводчик «Навои» иногда не придерживается этого

правила. Правильно в целом выбрав словарь, помогающий воссозданию колорита эпохи, определив для себя ритм и темп повествования, в общем близкий к стилю Айбека, он тем не менее разбросал в тексте довольно много неологизмов, которые просто режут глаз, грубо нарушая колорит времени. Например, учащихся средневекового медресе по-узбекски называли «толиби илмлар» — буквально, «жаждущие знаний». В переводе же они превратились в «студентов».

Торговца халвой переводчик назвал кондитером, средневековую игру шах-ранж — шахматами, художру средневекового алхимика — лабораторией, поездку Алишера Навои в Самарканд — служебным поручением. А дома без балханы и с балханой — одноэтажными и двухэтажными — это в середине XV века!

В описании весеннего Герата вполне ошутимо стремление Айбека перенести нас на улицы города той далекой эпохи, на столетия назад:

«Хиротда баҳор... Ҳар икки ёғида аксарии бир қабатли, эски, янги, кўримли кўримсиз паҳса деворли уйлар орасида болохонали, рангоранг, гулдор нақшлар билан безалган иморатлар қаторлашган тоза кўчаларда, одамлар ғуж қайнаган майдонларда, зумрад яшилга кўмилган боғларда, хиёбонларда қуёш тошқини...»

В переводе же этого отрывка, который к тому же почему-то сокращен переводчиком, совершенно не ощущается дыхания эпохи: наоборот, пейзаж даже явно осовременен:

«Вокруг расстилается весенний Герат. Чистые улицы, дома, старые и новые, красивые и невзрачные, большей частью одноэтажные, изредка двухэтажные, украшенные разноцветной узорной росписью; площади, полные народа; сады, покрытые изумрудной зеленью, — все залито солнцем...»

Подобные примеры можно было бы умножить.

Итак, переводчик — знаток языка, историк узбекского народа. И тем не менее допускает досадные срывы. В чем же причина?

Работа М. Салье-переводчика над айбековским романом при всех отмеченных нами достоинствах отразила взгляд

на перевод М. Салье-теоретика. В статье «О некоторых проблемах художественного перевода» М. Салье и Н. Владимирова писали: «В самом деле, что должен представлять собой хороший «подстрочник» прозаического произведения? Ведь не дословный же перевод-кальку, которую не поймет ни один «обработчик» или редактор? Очевидно, это должен быть обычный, написанный нормальным русским языком, перевод, который ничем принципиально не отличается от художественного перевода и после соответствующей редактуры может быть напечатан».¹

Всем известно, что подстрочник не может быть равен художественному переводу, даже нет нужды опровергать авторов. Переоценка подстрочника помешала М. Салье как раз там, где он переводил «нормальным русским языком», без стремления к тщательной отделке на основе глубокого освоения не просто языковой оболочки, а формы романа Айбека. Снова обратимся к примерам:

«Двор замкнут с одной стороны обителью для дerviшей — ханакой, — с трех других — комнатами-клетушками для студентов — художрами. Медресе живет своей обычной жизнью» или: «Среди собеседников трое — студенты. По учености, возрасту, характеру они резко отличаются друг от друга; но все они — самые бедные студенты медресе. Следуя правилу: «Сложи две половины и выйдет целая», они сходятся, чтобы вместе готовить пищу».

Приведенные отрывки ничем не отличаются от подстрочника, причем далеко не лучшего, и предлагать читателю эти несвойственные Айбеку, да и не по-русски сложенные обороты — непростительная небрежность...

Перевод П. Слетова несколько раз переиздавался, и каждый раз переводчик тщательно перерабатывал свою книгу. Последнее издание в Москве, в серии «Библиотека исторических романов народов СССР», 1961 г., принципиально отличается как от перевода М. Салье, так и от первых изданий самого П. Слетова.

Разумеется, перевод М. Салье сыграл большую роль для второго перево-

1) «Звезда Востока», 1951, № 11, стр. 169.

да. Работая только по подстрочнику, П. Слетову трудно было бы, например, воссоздать колорит эпохи в историческом романе. В этом отношении у него много заимствований из М. Салье, как положительных, так и отрицательных, хотя и здесь П. Слетов более чуток к стилю. Он, например, не решился все-таки заставить «студентов» медресе в XV веке слушать «лекции», как это сделал М. Салье¹, а заменил их «занятиями»². Но главное, перевод П. Слетова художественнее первого перевода. В нем меньше небрежностей и безвкусицы. Обработке формы, построению предложений по законам русского литературного языка уделяется значительное внимание. Этот перевод в чем-то ближе к оригиналу. В нем чувствуется стремление сохранить авторские периоды, так как протяженность или краткость периодов играет основную роль для определения ритма, интонации и фонетического звучания текста.

Для сравнения приведем описание медресе, столь неудачное у М. Салье. «Широкий гладкий двор медресе, отгороженный от внешнего мира с одной стороны ханакой, а с трех остальных худжрами, жил своей привычной жизнью».³

Перевод П. Слетова также полнее по сравнению с первым переводом. У М. Салье много пропусков за счет сокращения мыслей, дробления периодов на короткие предложения. Например, сравните портрет Навои у М. Салье и П. Слетова.

И все-таки, несмотря на все сказанное, ни первый, ни второй перевод не смогли в полной мере воссоздать подлинник, и, к сожалению, на русском языке еще нет того романа «Навои», которым зачитываются, восхищаются и гордятся читатели оригинала. Такой перевод мог бы, по-видимому, появиться, если бы та чуткость к стилю, которой несомненно обладает П. Слетов, сочета-

лась у него со знаниями М. Салье. Увы, П. Слетов работал по подстрочнику и потому, как уже отмечалось, заимствовал у М. Салье немало слабых мест.

Г. Орагвелидзе прав, что «самым важным в переводе, особенно в поэтическом, является вскрытие авторской интонации, которая фактически и определяет всю формальную оркестровку произведения...» Но в условиях нашей республики, где до сих пор большинство переводов с узбекского на русский язык осуществляется с помощью подстрочника, трудно вести ученый разговор о передаче формы оригинала, ведь зачастую и сам переводчик твердо не знает, какова она. Не потому ли вопросы «обработки», «отделки» формы — работа над формой еще не стали объектом глубокого исследования критиков и теоретиков перевода?

Не случайно и сам Орагвелидзе, переходя к примерам, ограничивается лишь общими фразами о том, что переводчик С. Северцев передал авторскую интонацию, потому что «нащупал» ключ благодаря концовым повторам, а Н. Грибачев «где-то растерял» интонационную неповторимость оригинала. Только ли в этом причина? Автор ни словом не обмолвился о том, что все эти переводы сделаны через подстрочник, который до конца не в силах передать интонацию подлинника. Можем ли мы при разработке теоретических вопросов перевода ориентироваться на отдельные удачи переводчиков? Удаchi эти представляются нам случайными, и потому переводческое дело не застраховано от срывов, неудач — под ним нет твердой основы. Строить здание теории перевода на этой зыбкой почве — довольно опасное мероприятие.

Если говорить о переводах с русского на узбекский язык, то здесь дела обстоят куда благополучнее. В активном фонде читателей республики многое из русской классической, советской и зарубежной литературы. И это неудивительно — почти все крупные узбекские писатели являются также и известными переводчиками. Переводы с русского на узбекский язык, как правило, осуществляются непосредственно с оригинала.

Богатая практика дала ценные обобщения для множества научных работ. Еще в 30-х годах вышли такие осново-

¹ Айбек. Сочинения, том II, перевод с узбекского М. Салье, «Ташкент», 1962, стр. 6.

² Айбек. Навои. Авторизованный перевод с узбекского П. Слетова, Москва, «Известия», 1961, стр. 7.

³ Айбек. Навои. Авторизованный перевод П. Слетова, Москва, «Известия», 1961, стр. 5.

полагающие для переводчиков с русского на узбекский язык статьи, как «Гамлет» в переводе Чуллана, и «Женитьба» Гоголя на узбекской сцене» С. Хусейна, «Пушкин на узбекской сцене» Даврона, «Искусство художественного перевода» Санджара Сиддика и др. В послевоенные годы появились труды Н. Владимировой, Дж. Шарипова, М. Расули, Г. Саямова, Ю. Пулатова и другие.

Такое развитие теоретической мысли в этой области было бы немислимо без большого числа хороших переводов, в свою очередь, теоретические разработки помогают практике перевода с русского на узбекский.

На пути же переводчиков с русского на русский и теоретиков серьезным препятствием встал подстрочник.

О подстрочниках говорили и писали очень много. Отмечалась значительная роль их в ознакомлении читателей всего Союза с произведениями национальных писателей, говорилось о том, что перевод по подстрочникам был необходимым, но преходящим этапом в переводческой практике. Все это так, и все это было. Теперь совсем другое время. Время подстрочника прошло, однако в нашей республике он явно зажился.

Наш современник — образованный, культурный читатель с богатым вкусом, воспитанный на образцах отечественной и зарубежной литературы, не может быть удовлетворен лишь пересказом посредника, он хочет получить эстетическое наслаждение от прочитанного, ощутить национальное своеобразие того или иного произведения, уметь отличить стили Айбека и Каххара. Но, как образно выразился Аскад Мухтар на V съезде писателей Узбекистана, «бродят по России лишь тени наших писателей в облики своих переводчиков».

При работе по подстрочнику образность и речевой стиль текста совершенно ускользают от внимания переводчика. Ведь слова в подстрочнике чаще всего даны в их основном словарном значении, как раз без тех стилистических оттенков, с помощью которых и создается нужная автору окраска речи персонажей. А для передачи интонации подлинника подстрочник и вовсе бессилен...

Роман «Могучая волна» начинается

описанием весны 1943 года. Тон повествования радостный, романтически приподнятый. И это не случайно. Настроение начала романа, как отметил критик Х. Якубов,¹ тесно связано с атмосферой общего подъема, характерного для всей страны, когда началось широкое наступление Советской Армии на всех фронтах. Эта авторская интонация оригинала пронизывает весь роман.

«Баҳор! У ҳамма вақтдагидек қувноқ, гунча лаблариди, ширмой юзлари, шарос қўзлариди иссиқ табассум билан оламга боқадн.

Узун ва қуюқ сочлари дарё сувидай тўлқинланар, яшил этаклари ҳиллираб, ўзига хос ёқимли виқор билан юрт узра одим ташлайди».²

«Весна! Она как всегда радостна; глядит вокруг с ласковой улыбкой, пробегающей по губам, нежным, как бутон, по тугим румяным щекам; улыбкой, сверкающей в черных блестящих глазах. Ее густые длинные волосы струятся, как речные волны, зеленые полы одежды развеваются, когда ступает она по земле со свойственной лишь ей прекрасной величавостью». (Перевод мой — Г. Г.)

Перевод Ю. Карасева: «Весна... Она шла по земле уверенной поступью, в развевающихся под ветром нежно-зеленых одеждах, и все, к чему ни прикасалась, — все оживало, цвело...».³

В переводе Ю. Карасева весна тоже олицетворена, но здесь нет и намека на образное сопоставление весны с юной красавицей; нет того романтического вдохновенного, поэтического тона, который присущ оригиналу, — все сухое, прозаичнее.

А вот пример прямо противоположный. Юлчи, герой «Священной крови» Айбека, только что был свидетелем тяжелой сцены: бедный дехканин вынужден отдать свои дыни за гроши местному лавочнику.

«Йўлчи чопиққа тушди. Куннинг ис-

¹ Х. Якубов. Характернинг тобланиши, «Узбекистон маданияти», 13 май, 1964.

² Ш. Рашидов. Кудратли тулкин. «Тошкент», 1963, 7 бет.

³ Ш. Рашидов. Могучая волна, пер. Ю. Карасева, «Ташкент», 1964, стр. 7.

сигида кетмон ташларкан, фикр-хаёли ҳалиги деҳқонда бўлди: «Ажаб дунё экан! Ҳар ерда деҳқоннинг иши чатоқ. Ери бўлса, улови йўқ. Улови бўлса ери йўқ. Кўпида иккиси ҳам йўқ. Мана, мен!.. Ҳозир қаёққа қарасам, менга ўхшашлар... Ҳалиги деҳқон қовун экибди. Қанча меҳнат, қанча машаққат! Ёлғиз ўзи эмас, бутун уй-ичи билан ишлаган, албатта. Дастлабки сотиш бу хилда бўлиб чиқди. У молини сотмади—сувга оқизди. Йўқ, сувга оқизгандан баттар бўлди...»¹

«Даже занявшись прополкой, Юлчи долго не мог успокоиться. Он взмахивал кетменем, но мысли его были заняты дехканином. «Как чудно устроен свет! — думал юноша. — В любом месте у дехкан дела нескладные. Земля есть — тягла нет, тягло есть — земли нет. А у многих ни того, ни другого. Вот, к примеру, я. Да теперь, куда ни глянь, везде такие. Взять хотя бы этого дехканина. Сколько он трудов, сколько забот вложил. И не один, вместе со всей семьей трудился. А добро все равно что по воде пустил. Хуже еще — все досталось этой лисе — лавочнику...»²

Этот внутренний монолог героя мастерски построен автором. Предложения кратки, даже отрывисты, отсутствуют связки, мысли проносятся в такт ударам кетменя. «Қанча меҳнат, қанча машаққат!», «Ери бўлса улови йўқ. Улови бўлса ери йўқ» и т. д.

Читатель не только узнает сокровенные мысли героя, но и разделяет его волнение, будто слыша удары кетменя об землю. Переводчику Н. Ивашеву, знающему узбекскую литературу по подлинникам, а не подстрочникам, удалось передать не только содержание отрывка, но и авторскую интонацию. Выразительность до «слышимости», до «ощутимости» — характерная черта манеры Айбека, и все это донесено до русского читателя...

Проблема освоения переводчиками всего богатства национальных литератур на основе глубокого знания языка стоит в прямой связи с теми интересными мы-

слями автора статьи «Переводчик — не соперник», которые посвящены вопросам организационным. «Мне кажется, — пишет Г. Орагвелидзе, — нужно начинать дело с подготовки кадров, без которых любые организационные начинания окажутся дежурными мероприятиями». Те же мысли уже были высказаны и в статье М. Салье и Н. Владимировой «О некоторых проблемах художественного перевода», в других устных и печатных выступлениях. Удивительно то, что положение мало изменилось. По-прежнему большинство переводов делается по подстрочникам, до сих пор вопрос изучения языка оригинала остается наиболее острым, а вопрос подготовки кадров — основным.

«Обменяться мнениями о своих исканиях нам негде, ибо секция переводчиков при СП Узбекистана работает очень слабо», — писали в упомянутой статье М. Салье и Н. Владимировой... пятнадцать лет тому назад. Хорошей работой секции переводчиков Союза писателей нельзя похвастать и сейчас. Ушли в забвение республиканские совещания по вопросам перевода и живые, нелицеприятные регулярные обсуждения новых переводов. К сожалению, и в Институте языка и литературы Академии наук, который должен стать научным центром, координирующим всю переводческую деятельность в республике, до сих пор не создан сектор теории перевода, а работает лишь немногочисленная «группа теории перевода».

В прошлом году Центральный Комитет Компартии Узбекистана принял специальное постановление, осуществление которого должно коренным образом улучшить переводческую деятельность в республике. Постановление предусматривает обмен студентами между братскими республиками для осуществления непосредственного перевода с других национальных языков на узбекский и наоборот; присуждение премии имени Хамзы не только лучшим оригинальным произведениям, но и лучшим переводам, осуществленным в республике, и другие нововведения.

Это своевременное решение открывает большие возможности для развития и улучшения в республике переводческого дела, которое устанавливает мосты дружбы.

¹ Ойбек. Кутлуг кон. «Уздавнашр». 1954, 35 бет.

² Айбек. Священная кровь. Перевод Н. Ивашева, изд. «Известия», М., 1963, стр. 40.

ПУТЬ АЙБЕКА

Критико-биографический очерк, написанный Лидией Григорьевной Бать и Матъякубом Кошчановым, называется «Айбек», но смысл и значение этой работы выходят, как принято говорить, далеко за рамки заданной темы. Вот с такого выво-

бование историко-диалектического подхода к оценке литературных явлений общеизвестно и непременно. Все это так, но если для иных авторов требование это задано, то для Л. Бать и М. Кошчанова оно — органично. Будь иначе, нельзя было бы осмыслить Айбека — фигуру не только историческую для узбекской литературы, но и одного из главных творцов ее истории.

Если исходить из слов Н. Г. Чернышевского о том, что без теории предмета нет его истории, то, очевидно, справедливо и другое: теория не возникает на голом месте. А ведь, образно говоря, именно благодатным, но неспаханым полем была узбекская проза до прихода Абдуллы Кадыри, Айбека, Абдуллы Каххара, Шарафа Рашидова, Аскада Мухтара. Мы говорим о прозе, потому что и авторы, отдавая должное Айбеку-поэту, уделяют главное внимание истории создания и анализу его романов.

Нелегко и непросто был путь Айбека к его первому роману «Священная кровь». Но это, как явствует из книги Л. Бать и М. Кошчанова, был закономерный, единственно возможный для развития узбекской литературы путь. Айбек овладевал реалистическим методом, порывая с декларативностью, риторикой, мелодраматизмом, сбрасывая пути традиций, обветшалых, идущих от одического словословия, столь характер-

ного для старого Востока, и благоприобретенных, газетных. Вехой на этом пути, отмечают авторы, была поэма «О кузнеце-безбожнике Джуре», в которой мощно зазвучала новая тема и в полный голос заявил о себе новый герой. Авторы вводят нас в творческую лабораторию Айбека, дают возможность почувствовать его сомнения и понять те объективные условия, которые ускорили движение талантливое писателя от «Кузнеца Джуря» к «Священной крови».

Логично, что, целиком посвятив себя занятиям литературой, Айбек обратился к переводу. Главы «Капитала», публицистика Горького, «Фауст», «Божественная комедия», байроновский «Кайн» и, наконец, образцовый поэтический перевод «Евгения Онегина», — все это, как показано в книге, и вклад в литературу и собственная творческая школа.

В те годы цементировался фундамент братской взаимосвязи советских литератур. «То была пора, — напоминают авторы, — поездок писателей во все концы огромной Советской страны. «Привет и мир всем путешествующим». Эти слова Луговского звучали как лозунг дня».

Русские писатели Н. Тихонов, В. Луговской, Б. Лапин, З. Хацревин, Г. Гаузиер проявляли большой интерес к узбекской литературе. Авторы рассказывают о первом посещении Узбекистана бригадой московских писате-

да, вопреки традиции, хочется начать рассказ о новой книге, выпущенной «Советским писателем».¹

Давний преданный друг узбекской литературы Л. Г. Бать и ташкентский литературовед М. Кошчанов не только повествуют о замечательной жизни Айбека, не только анализируют его произведения. Они вводят русского читателя в большой, своеобразный мир узбекской литературы, дают ему возможность понять ее истоки и оценить перспективы.

Могут сказать, что тре-

¹ Л. Бать, М. Кошчанов. Айбек. Критико-биографический очерк. «Советский писатель». М., 1966.

лей, о том, как крепла творческая и личная дружба Айбека с литераторами России.

Айбек творил не один. Имена А. Кадыри, А. Кахара, Б. Кербобаева, С. Муканова, К. Белинова не просто называются на страницах книги. Авторы дают пусть беглую, но точную оценку того значения, которое имели произведения этих прозаиков для общего развития литературы, прослеживают закономерности становления прозы на Советском Востоке. Глубокий, поистине исторический смысл этого процесса состоял в том, что создателями крупных эпических полотен, посвященных народам Средней Азии, были выходцы из самой гущи этих народов. Лишь им под силу было не только воссоздать события, но и вскрыть их глубинную суть, показать коллективную психологию родного народа, обнажить его душу.

Л. Бать и М. Кошчанов не просто сообщают об этом читателю, а убеждают его в правильности своей мысли, детально анализируя романы Айбека «Священная кровь» и «Навои». Исследованию этому по праву отведена почти половина книги. И здесь авторы верны своему принципу, отмеченному нами в самом начале: они ведут речь не только о наиболее значительных произведениях Айбека, но и обо всей литературе Советского Востока, прослеживая ее истоки, ее взаимосвязь с мировой литературой.

Но, само собой разумеется, что в центре внимания авторов — Айбек, его творческая манера, его палитра, его неповторимая индивидуальность художника и исследователя эпох. Именно так, во множественном числе следует употреблять это слово применительно к Айбеку. Исследуя роман «Священная кровь», Л. Бать и М. Кошчанов убедительно показывают и доказывают, что именно Айбек впервые в литературе

показал узбекский народ в ту историческую пору, когда в недрах ее зрели гроздя священного гнева. Столь же обстоятелен и убедителен анализ романа «Навои».

Айбек национален и в то же время — глубоко интернационален. Авторы, к примеру, улавливают в монологе богача Султанбека («Священная кровь») тот капризный тон, который так характерен для выкриков русских купцов: «Моему идраву не препятствуй!» И тут же справедливо подчеркивают: «Одна и та же классовая сущность, но сколь различны национальные особенности!» Мысль эту хотелось бы подчеркнуть особо. Она, — не в назидание будь сказано и не в укор, — должна быть в качестве мерила принята на вооружение каждым, кто пишет об узбекском народе или переводит на свой родной язык произведения узбекских писателей. Напоминать об этом нелишне, хотя, к счастью, мы все реже встречаем на печатных страницах и на экране коренных жителей Ферганской долины или Кызылкумов, выражающихся языком персонажей Островского.

Огромна роль переводчика, задача которого — передать не только общий стиль, но и речевые характеристики, которыми автор наделил героев. Поэтому нельзя не пожалеть, что и в упомянутых нами главах и в последующих, речь в которых идет о военных стихах и прозе Айбека, о его поэме, посвященной Хамзе, о романе «Ветер Золотой долины», анализу качества переводов Айбека на русский язык не уделено достоянного внимания. В силах авторов было сделать анализ развернутым и полезным. Мы уже не говорим об эстетической стороне вопроса, о том, как хотелось бы русскому читателю услышать звучащие по-узбекски родные строки «из Онегина» или речь Навои, которую, как справедливо отмечают Л.

Бать и М. Кошчанов, Айбек так инструментально, что «на слух она местами воспринимается, как музыка со множеством оттенков и модуляций». Оценка эта сопровождается лишь сделанным вскользь и потому даже заключенным в скобки замечанием: «К сожалению, в русском переводе этого не удалось передать полностью». Не свойственны общему стилю книги и фразы, вроде: «Образ Хамзы — друга народа, защитника его интересов — многосторонне раскрывается в поэме». Или: «К сожалению, Хамза — творец, поэт, драматург — показан скуpee, слабее». Авторы могли ответить на поставленный ими же вопрос: «А как же показан Хамза?»

Книга Л. Бать и М. Кошчанова, — и это следует подчеркнуть особо, — начисто лишена какого бы то ни было панегирического оттенка.

Авторы пишут о большом литераторе, который ими по-настоящему любим, о писателе, который в дни, когда книга набиралась, принимал искренние поздравления в связи со своим шестидесятилетием, — тем более похвальна принципиальная позиция, которую неизменно занимают Л. Бать и М. Кошчанов. Так, например, они подробно анализируют роман «Ветер Золотой долины», отмечая, что на нем лежат ответ пресловутой «теории» бесконфликтности, подчеркивая недостатки, симптоматичные для того периода.

В заключение — еще об одном несомненном достоинстве рецензируемой книги. Речь идет о споре, который Л. Бать и М. Кошчанов ведут с критиками Айбека. И в этом случае авторам сопутствует спасительное чувство меры. Полемические замечания их не обширны, а аргументы, как правило, убедительны. Так, к примеру, М. Константинова, вторя С. Виленскому, в свое время писала о романе «Священная кровь»: «Писатель

не показывает психологически определенного процесса превращения protagonista Юлчи в сознательного борца-революционера, а бегло рассказывает об этом на трех страницах книги.

«Ошибка этих критиков, — справедливо возражают Л. Бать и М. Кошчанов, — в том, что в своем

анализе романа «Священная кровь» они обратили внимание не на духовную эволюцию героев, не на сложный психологический подтекст произведения, а лишь на внешние обстоятельства жизни отсталого крестьянина, ставшего впоследствии сознательным революционером».

Но убедительнейший

довод в упомянутых словах — сама книга, написанная Л. Бать и М. Кошчановым.

Им удалось создать не юбилейный, а живой портрет замечательного писателя. Портрет, написанный кистью взыскательной, справедливой и умелой.

Б. ХАСАНОВ.

РОМАНТИКА ДАЛЕЙ СТЕПНЫХ

Поэму эту по праву можно назвать романтической. Но романтизм здесь не оторван от жизни, основа его — будничная и героическая романтика преобразования, то, что определяет сущность нашего века — века точного расчета и небывалых душевных взлетов.

Каракалпакский поэт Ибрагим Юсупов в своей поэме «Степные дали»¹ сумел передать эти, казалось бы, противоречивые черты в характере современника, сплавить в самом образном строе поэмы остросовременное со сказочно традиционным. Рождается этот сплав своеобразно — в споре. Внутренняя полемика — в самом содержании поэмы, в борьбе человека с пустыней, в системе ее образов, где стихийным силам зла, воплощенным в Демоне пустыни, в Сухоее, противостоят реальные образы геологов, буровиков, строителей. Однако в этом споре, разумеется, главенствует современное, активное начало. Это и придает поэме большую динамику.

Уже в первой части Ибрагим Юсупов спорит с неизвестными авторами древних афоризмов: «Степь размышлений разбудить не может», «Степь не задумывается». Эти мысли родились в те вре-

мена, когда люди были бессильны перед пустыней и видели в ней только одно — слепую бесчеловечную жестокость.

Но поэт смотрит на пустыню глазами своих героев, для него характерен углубленно творческий, поисковый подход.

Не доверяйся версии
неновой,
Что степь мертва...
Не понимая зла,
На глубине
трехтысячаметровой
Она живое сердце
сберегла.

Поэт сравнивает пустыню с фольклорным скрягой Шыгайбаем, который, сидя на золоте, утверждает, что ниц.

Сложна увиденная поэтом живая душа пустыни. Бескрайняя, вся в трещинах, в зыбучих барханах земля не только хитра, скупа и жестока. Пустыня мудра. Вот почему не отдала она своих богатств тем, в ком жил вековечный страх перед ее тайнами, не покорила и завоевателям древности и средневековья.

Не помышляйте
покорить меня,
Вам не представить
моего накала,
Вам не измерить
моего огня.

Да, пустыня сильна, и она искала себе равного соперника. Он пришел и вступил в единоборство с ней. Это был трудный, долгий бой.

В поэме возникает лирико-трагическая тема борьбы тех, кто пришел сюда первыми.

Демон пустыни вместе с Сухоеем решили заманить русоволосую девушку Марию в глубь песков и погубить ее. Мария гибнет, и, как знак бессмертия, над ее могилкой зажглась «негаснущая русская звезда».

На смену Марии идут новые бойцы. И перед ними встают уже иные миражи. Увиденные путником в песках вода и оазисы были лишь оптическим обманом, и само появление этих миражей означало верную гибель ослабевшего и павшего духом человека. Другим Марии, Николаю и Азату, видятся стройные вышки, поливодные каналы, зеленые города, один из которых они решили обязательно назвать Марияград. И это не оптический обман, а образ мечты, которая ведет их вперед, несмотря на коварство и жестокость пустыни.

Вот почему не сломила их пустыня в «трехсуточном немислимом пути», когда Николай на руках вынес раненого Азата. Перед стойкостью отступают силы векового зла.

В поэме не так уж много «технических» деталей, но мы понимаем, что перед нами — бесстрашные покорители Устюрта, люди «голубого огня», ведущие гигантский газопровод, ирригаторы, строители.

¹ «Дружба народов», № 4. 1966 г. Перевод с каракалпакского М. Луконина.

Им, только им поко-
рятся пустыня. Вот она,
укрошенная:

Степь — стадион,
А солнце — красный
мяч.

Выбрасывая
легкие колени,
За ним джейраны
припустились вскачь.

Лирическая тема Мари-
и, Николая, Азата пе-
рерастает в лиро-эпиче-
скую. Рядом с образами
вершителей истории появ-
ляется образ самой исто-
рии. Боевую эту моло-
дежь привели сюда пер-
вые декреты об освоении
пустынных земель Сред-
ней Азии, связанные с
именем Ильича. Отцы
нынешних покорителей
стихий прокладывали Тур-
ксиб. А молодым — вер-
шить новые дела. Эхо
всенародных строек Со-
ветской Азии всколыхну-
ло Египет, всю Африку.
Поэт восклицает:

Да здравствует
восьмое чудо света —

Великий символ
дружбы — Асуан.

Пафосом интернациона-
лизма проникнуты слова:

Какая-то перейдена
граница,
И новые увидены
черты —
Коль человеком
труд раскрепостится,
То и в пустыне
зацветут цветы.

Здесь, как и в подтек-
сте всей поэмы, зву-
чит главная поэтическая
мысль Ибрагима Юсупо-
ва — покорить пустыню
способен только труд сво-
бодного человека, рожден-
ного Октябрем.

И в этом убеждает весь
образный строй поэмы,
ее романтическая припод-
нятость и одновременно
подлинный историзм, а не
прямые декларации, кото-
рые мешают читателю,
разрушают поэтиче-
ское.

Не без сопротивления,
однако,

Бог человеку
уступил дары:

Хлеба Алтая
С нефтью Небит-Дага,
Киргизский хлопок
С газом Бухары.

Рядом с полными поэти-
ческих находок строками,
богатыми традиционной
красочностью и сложной
современной метафорич-
ностью, такая скороговор-
ка, непрочувствованность,
просто досадна. Ибрагим
Юсупов должен больше
ценить лирический склад
своего дарования.

Журнал «Дружба наро-
дов», который представ-
ляет свои страницы луч-
шим произведениям совет-
ских национальных лите-
ратур, сделал верный вы-
бор. Удачен и выбор пе-
реводчика — один из ин-
тереснейших советских
поэтов М. Лукокин нашел
в «Степных даях» нема-
ло созвучного собственной
манере. И это привело к
известной победе в таком
дефицитном ныне жанре,
как поэма.

В. КРУК,
г. Нукус.

ОГНИ РАМПЫ¹

ЖИЗНЬ Александра
Дейча непосредствен-
но связана с полувеко-
вой историей советского
театра. Для него Луна-

¹ Александр Дейч. Голос
памяти. Изд. «Искусство».
М., 1966.

чарский и Мейерхольд,
Михоэлс и Садовский,
Макс Рейнгардт и Вер-
тольд Брехт — не просто
звенья культурного про-
цесса, а живые современ-
ники, голоса которых
продолжают волновать,
звучат, вдохновляют. Для
людей моего поколения
сам Александр Иосифо-
вич — века. Его глазами
было дано мне приоб-
щиться к Гейне. Одно-
томник великого поэта, с
прекраснейшей обширной
статьей А. Дейча, отпе-
чатанный на грубой по-
слевоенной бумаге, зачи-
тывался до дыр жадны-
ми до знаний солдатами-
студентами тех трудных
и по-своему знаменатель-
ных сороковых годов.

И тем не менее, гово-
ря о людях, подобных
Дейчу, я невольно вспо-
минаю строчки любопыт-

нейшего французского
поэта Жакоба, который
скорбел о том, что «пло-
хо знаем мы любимых»,
что «плохо милых пони-
маем». Увы, как непро-
ститительно мало мы пи-
шем о них, критиках и
ученых, этих подлинных
рыцарях нашей много-
языковой культуры, чья
жизнь была и продолжа-
ет оставаться подвигом в
ответственнейшем и тон-
чайшем деле формиро-
вания умов и душ!

Театральные воспоми-
нания А. Дейча — стра-
ница культурной летопи-
си века. И хотя сам ав-
тор, в отличие от мно-
гих мемуаристов, больше
пишет о других, чем о
себе, любая жизненная
деталь, любая авторская
оценка, весь взволнован-
ный настрой книги как
бы воссоздают для нас

его лирический портрет, оттеняя то одну, то другую черточку в характере, складе ума, образе мыслей. И все это в той особой эмоциональной неповторимости человека, для которого здесь за каждой фразой, каждым образом — бездна до боли пережитого, передуманного. Читая А. Дейча, чувствуешь живой деятельный характер не столько ученого-театроведа, сколько практика, деятельного участника театральных будней. Дейчу есть о чем рассказать, и делает он это щедро, вдохновенно, но без псевдопафоса, свойственного иногда так называемым бывалым людям, которые прикрывают «богатой» фразой скудость опыта и мысли.

Пересказывать чужие воспоминания — дело малопочтенное да и неусловно бесполезней спорить с мемуаристом по поводу тех или иных свидетельских показаний, добытых им, как говорится, «собственным горбом». Но можно в интересах читателя очертить хотя бы бегло тот круг явлений, живой рассказ о которых ведется на страницах книги, заострить его внимание на отдельных из них.

«На заре туманной юности». Так называется первый раздел книги. Место действия — Киев, время действия — 1907—1919 годы. Константин Александрович Марджанов приобретает киевских театралов к новшествам. Он перестраивает сценическую площадку, вводит понятие игрового ансамбля, обновляет приемы режиссуры. Поиски его разнообразны. Им не хватает пока того концепционного единства, без которого немислим единый постановочный стиль. Режиссер идет от простого оригинальничания в «Трех сестрах» через классическую строгость зрелищного «Ипполита» к голому натурализму «Власти тьмы». В этом заключалась опре-

деленная логика поиска, приведшая интереснейшего мастера сцены к постановке «Овечьего источника», первому подлинному празднику советского театра, о котором, кстати, очень подробно и свежо, как о явлении нам современному, рассказывает Дейч в специальной главе.

В совершенно ином ключе проходили поиски Мейерхольда, оживлявшего на том этапе театральную структуру взаимодействием приемов и стиля итальянской комедии масок. На примере блоковского «Балаганчика» (версия 1908 г.) Дейч исподволь дает нам возможность проникнуть не только в тайны режиссерского, но и актерского мастерства Мейерхольда. На мой взгляд, это очень важно: здесь открывается нам новая грань Мейерхольда-актера. Интересным кажется и отчет о постановке «Незнакомки», в осуществлении которой наш прославленный новатор на много лет опередил постановочную манеру западного театра абсурда.

Рассуждения о режиссуре Н. Евреинове я отношу к особо ценным страницам воспоминаний, так как людям моего поколения многое остается тут неясным. Мне показалось, однако, что сама трагедийность этой личности далеко не до конца вскрыта Дейчем. Зато другие незаурядные новаторы сцены Фореггер и Кугель получили всестороннее освещение, по-новому раскрылись их индивидуальности, весомей и значительней предстал их вклад в историю русского театра. Любопытно также было сопоставить впечатления очевидца с уже имеющимися описаниями знаменитой постановки «Царя Эдипа», осуществленной немецким постановщиком Максом Рейнгардтом с великим актером Сандро Моисси в заглавной роли.

Эти страницы воспоминаний Дейча передают дух

переломного, если хотите, решающего периода истории мирового театра, в котором отразились страсти века во всей совокупности социальных, политических и нравственных проблем. Здесь особенно повезло театру русскому: очистительный вихрь Октября, сметая все наносное, все рожденное «великим замешательством», сумел, вместе с тем уберечь, спасти и довести до нас золотые крупицы подлинных находок, переплавляя их, выражаясь словами Леонида Мартынова, в немеркнущие «ценности современности».

А. Дейч, многие годы проживший на Украине, в Узбекистане, является не только свидетелем, но и страстным популяризатором и пропагандистом нашей многонациональной культурной жизни. Со страниц его книги встает перед нами во всем ореоле мученичества своего дореволюционный украинский театр. Микола Карпович Садовский, подлинный реформатор украинской сцены, обрисован как бы с разных ракурсов: нам представлен Садовский-актер, режиссер, пламенный патриот, крупный деятель культуры, человек. Рядом — портреты его сподвижников: Заньковецкой, Карпенко-Карого, Саксаганского.

Та же задушевность пронизывает рассказ Дейча о трех ролях Абрама Хидоятова, известный уже читателям «Звезды Востока» по 8-й книжке журнала. Мне доводилось видеть замечательного узбекского актера в роли Отелло, и должен сказать, что в основном впечатления автора совпадают с моими. Конечно же, взгляды Дейча вытекают из глубоко продуманной театральной концепции, которая излагается в книге и придает ей еще больший интерес. Но по моим впечатлениям, естественно, более поверхностным и субъективным, как игра, так и сама

техника перевоплощения Хидоятова не выходили за пределы стихийно-эмоционального актерского почерка и именно этим сильно напоминали манеру и эпоху английского Ренессанса, шекспировского театра, где философски осмыслить спектакль должен был не столько актер, сколько зритель. Дейча же сумел уловить и оттенить не только индивидуальное и национальное в творческом облике узбекского Отелло, но и философский подход актера к каждой роли. Таким образом, описание игры Хидоятова приобретает под пером Дейча очень серьезное и, я бы сказал подлинно научное значение. Уверен, что это

свидетельство не оставят без внимания узбекские театроведы, что оно внесет свой весомый вклад в осмысление истории национального театра.

Ценным в познавательном отношении представляется мне весь раздел, посвященный творчеству Михоэлса и еврейскому советскому театру. К сожалению, я очень плохо знаком с этим культурным явлением, так что остается лишь отблагодарить автора за обильный фактический материал, значение которого трудно переоценить.

Последняя глава затрагивает некоторые вопросы зарубежного театра (Шоу, Роллан, Брехт), но, прежде всего, — это глава о

первом Наркоме просвещения Луначарском. Здесь все — пища для ума и сердца, основа для раздумий о вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем дне искусства. Хочется согласиться с автором относительно той непреходящей ценности, которую представляет собой драматургия Луначарского, столь неправильно и столь непросто забытая.

Наша литература о театре обогатилась еще одним явлением — «Голосом памяти» Александра Дейча, голосом памяти, ума, сердца вдохновенного и неутомимого труженика нашей культуры.

Г. ОРАГВЕЛИДЗЕ.

СРЕДНЕАЗИАТЦЫ В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ

(Письмо бывшего комиссара бригады)

В ноябре 1941 года в Самаркандской области формировалась 36 курсантская стрелковая бригада. Ее костяк — курсанты Чарджоуского, Орловского и Ворошиловского пехотных училищ. Бригада пополнилась бойцами из Узбекистана и Казахстана, Туркмении и Каракалпакии. Партийные организации республик Средней Азии выделили для нее лучшие кадры политработников. Восемьдесят процентов личного состава бригады были коммунистами и комсомольцами.

Дни и ночи шла упорная, кропотливая подготовка к боевым действиям. Весь личный состав отлично понимал, что Родина в опасности: фашистские захватчики рвались к сердцу нашей Родины — к Москве. Скорей на фронт! Отбросить врага вспять, уничтожить его! Этим жил каждый солдат и командир.

В ночь на 20 ноября бригада пошелонно отправлялась на фронт. До свидания, солнечный Узбекистан!

Еще в дни формирования происходили горячие встречи-митинги на заводах и в колхозах. Взаимной клятвой заканчивались они: лучшие силы — на фронт, на разгром врага, все силы в тылу — для работы во имя победы! В день отъезда самаркандцы вручали воинам подарки, засыпали вагоны осенними цветами. Железнодорожники открыли эшелонам «Зеленую улицу».

В конце ноября вся бригада была уже под Москвой — в 16 Армии К. К. Рокоссовского — и заняла боевые позиции на Волоколамском шоссе. Это было там, где ныне прокопана траншея, отмечающая последний рубеж немцев — в районе поселка Ленино Истринского района. Весь личный состав бригады горел нетерпением поскорее схватиться с врагом — ждал приказа.

Этот час настал в начале декабря: бригада была включена в ударную группу 16 Армии по разгрому прочно укрепленного немцами рай-

она Крюково-Истра. Получив приказ, командир бригады полковник М. П. Кононенко собрал командиров и комиссаров батальонов, дивизионов и спецподразделений, кратко изложил боевые задачи подразделений. «Задача ясна и будет выполнена, враг будет разбит и изгнан из Подмосквья», — заявил комбат майор Цилимбаев — участник гражданской войны, соратник Чапаева. Комиссар минометного дивизиона Андрей Михеев заверил, что минометчики и артиллеристы приложат все силы, все свое умение, чтобы разбить врага здесь, у ворот Москвы.

Колочий пронизывающий мороз, стынет лицо, коченеют пальцы рук и ног. Натурная щекки сухим снегом, бойцы и командиры двинулись к исходным боевым рубежам — миновали деревни Лобаново, Зеленки, Вельяминово и остановились под селом Рождествено — это в нескольких десятках километров от Москвы.

..Ночь, холодище. Командиры и политработники — Стрельченко, Коноваленко, Хаустов, Шмойлов, Савченко, Мазур, Большаков, Бердников и другие еще раз напоминают личному составу задачи.

Подразделения сосредоточились в лесу, впереди — открытое поле, а на высоте большое село Рождествено — там прочно окопались фашисты — части особых дивизий «Рейх» и «Дейчланд».

В сознании всех наших воинов одно: взломать эту крепость, опрокинуть врага, погнать его с нашей земли!

И вот поздний декабрьский рассвет. Ранее, чем взошло солнце, горизонт осветили наши минометные и артиллерийские батареи.

Чтобы не дать врагу опомниться, артподготовка была усиленной, но скоротечной. Не успело смолкнуть эхо артиллерийского удара, как отдельный батальон майора Стрельченко стремительно пошел в наступление.

Третья рота этого батальона под командованием старшего лейтенанта Атабаева, проявляя исключительное мужество, опрокинула боевое охранение врага, пошла вглубь обороны, уничтожая огневые точки, расстреливая живую силу врага. Получив подкрепление, немцы обрушили шквальный огонь по этой роте. Но несмотря на потери и гибель командира Атабаева, рота ни на шаг не отошла.

Слева, форсировав Истру, наступал батальон Цилимбаева. Используя рельеф местности, на ходу перестраиваясь, цилимбаевцы врываются на окраину села Рождествено.

Фашисты, зажатые с флангов, под огнем наступающего в центре батальона Онуфриенко, заметались по селу, начали пятиться.

Ожесточенный бой вспыхнул в здании Дома отдыха на окраине села. Зжатые ротой автоматчиков Евтушенко немцы упорно держат 2-й этаж, отстреливаются из хозяйственных пристроек. Однако вскоре не выдерживают, остатки их отходят под огнем станковых пулеметов сержанта Лохметова, принявшего на себя командование после гибели ротного командира.

В селе то там, то здесь вспыхивали рукопашные схватки, пока, наконец, Рождествено было взято. Повсюду валялись трупы рослых, отборных фашистских головорезов.

Здесь был захвачен штаб одного полка с его начальником бароном. Барон выложил перед нами свои визитные карточки, в которых значилось, что в ведении этого господина находятся электростанции. Видимо, нам следовало уяснить из написанного, что перед нами сугубо мирный человек. Вскоре, однако, выяснилось, что барон несколько часов тому назад дал указание расстрелять трех пленных красноармейцев и одного колхозника. Этого было вполне достаточно, чтобы решить его судьбу.

В селе и на окраине остались сотни машин — спасти боевую технику, сосредоточенную здесь, фашистам не удалось.

Трудно перечислить подвиги наших курсантов и командиров в этом первом бою. Кроме уже названных выше, особо отличились пулеметчик Грошев, стрелок Кудрин, разведчик Аверкиев, сержанты, мастера штыкового боя Гаврилов, Захурдаев, Рутковский и многие другие. Легко раненые не хотели уходить с поля боя до полного разгрома врага, многие сержанты заменили погибших в бою командиров. Отлично действовали политработники Булыгин, Мазуров, Савченко, Михеев, Шмелев, Мухтаров, артиллеристы и минометчики Дерхач, Останков, Третьяков, Ларин, Бабий, Багратион — потомок героя Отечественной войны 1812 года. Бывший работник ЦК комсомола Туркмени Степоянгов, возглавляя группу санитаров-носильщиков, организовал быстрый вынос с поля боя раненых.

Самоотверженно работали в труднейших условиях врачи медсанроты Шариф Ходжаев, Щучев, Смирова, Смолякова, медсестры Алимбиева, Васина, интендант III ранга Ступников.

Воодушевленные первым успехом, подразделения преследовали врага и в тот же день освободили Жевнево, Манихино, многие другие населенные пункты и правым флангом сбили оборону немцев в Крюково.

В течение 15 дней безостановочного преследования врага среднеазиатцами с боями было освобождено более 100 населенных пунктов, бригада участвовала в боях за освобождение Истры. На всем протяжении до города Рузы немцы безуспешно пытались задержать нас — при форсировании Истры, где ими было спущено водохранилище, в населенных пунктах Н-Дарьино, Волково, Хотецево, Ивоино и других.

Только в районе Дьяково немцам удалось сильно укрепиться. Неподалеку от Дьяково погиб генерал Доватор, действовавший с конным корпусом. У Дьяково пал смертью храбрых и депутат Верховного Совета СССР Аит-Кули Гельдыев — работник политотдела бригады.

В первых же подмосковных боях бригада хорошо зарекомендовала себя. Фашисты в своих листовках о бригаде писали, что в Подмосковье появилась «азиатская кровожадная бригада желтокожих», оскорбляли национальное достоинство наших воинов. Это до глубины души возмущало весь личный состав, все считали своим священным долгом до конца разгромить расистов.

В декабре 1941 года командующий 16 Армией К. К. Рокоссовский перебросил бригаду к рубежу Чертаново-Милованье в Осташевском районе Московской области. Здесь враг построил дзоты, заминировал подходы.

Бои за Чертаново велись бригадой во взаимодействии с танковой бригадой Катукова.

Фашисты верили, что этот рубеж неуязвим. Но в течение сорока дней бригада измотала противника и 15 января, прорвав оборону, вновь погнала немцев на запад. Военнопленные солдаты и офицеры немецкой армии ужасались своим потерям.

Затем бригада в течение десяти дней наносила уничтожающие удары по отступающим, гнала немцев до границы Московской области. Враг ожесточенно сопротивлялся, особенно в районе деревень Чернево, Рептино, Журавлиха, Дор и Белавки.

В Чернево фашисты схватили семерых наших разведчиков во главе с младшим политруком Иваном Павловичем Моцегоровым, зверски их мучили, затем, облив бензином, живьем сожгли. Трупы погибших видел весь личный состав бригады, — и грозно прозвучали слова клятвы о раслате.

В районе деревни Белавки батальон Владимира Палагина сбил немцев с высоток, где они начали укрепляться. Враг хотел во что бы

то ни стало вернуть эти высоты. Но там засела группа из семнадцати наших бойцов, организовав круговую оборону. Отбивая яростные атаки, бойцы удержали свои позиции. Красноармеец Диденко уничтожил семь фашистов, боец Богданов — пять, командир отделения Панин из станкового пулемета — пятнадцать, красноармейцы Макаров, Иванов, Зусев, Козлов — по два-три, а пулеметчик Шамешов перебил их десятки.

Подвиг семнадцати воинов облетел весь Советский Союз. О нем писала «Правда», фронтовые и армейские газеты. Все отважные защитники высоток под Белавками за стойкость и отвагу были награждены.

Когда бригада освободила последнюю деревню Московской области — деревню Дор, — к нам прибыл — в четвертый раз! — Командующий 16 Армией К. К. Рокоссовский и член Военного Совета тов. Лобачев. Они дали высокую оценку боевым действиям бригады и в связи с переходом бригады в подчинение 5 Армии, пожелали нам новых успехов в грядущих боях.

После участия в разгроме немцев под Москвой бригадой выполнялись задачи по прорыву обороны немцев на Десне и на подступах к Белоруссии. Одной из первых бригада среднеазиатцев вступила на территорию Белоруссии, вела бои на Проне и под Витебском. Бригадой было освобождено свыше 300 населенных пунктов.

За время боев у нас было принято в партию 2700 человек солдат и офицеров, более 2000 — в комсомол, свыше 3000 бойцов и командиров бригады награждено правительственными наградами.

В первую годовщину пребывания на фронте в бригаду пришло более 300 поздравительных писем от граждан и организаций освобожденных районов. Сессия Истринского райсовета депутатов трудящихся, парторганизация Осташевского района прислали приветствия и сердечную благодарность за освобождение от немецкого ига. Поздравило бригаду командование Среднеазиатского Военного Округа.

В многочисленных боях бригада понесла и значительные потери личного состава. В частности, погибли депутат Верховного Совета СССР Гельдыев, командиры и политработники — Стрельченко, Цилимбаев, Боженко, Наборщиков, Савич, Оноприенко, Демонов, Лукин, Бугаев, Четвертак, Булынин, Шмойлов, Малых, Степнягов, Клевин, Рубан... Светлая память о них будет вечно жить в сердцах соратников.

Несколько слов об оставшихся в живых. Леонид Савченко, ныне полковник, служит в армии; в Ташкенте и других городах среднеазиатских республик живут и работают бывшие однобригадцы — замечательный артиллерист Александр Останков, секретарь парткомиссии Александр Горохов, комиссар Семен Посысов, медики Шариф Ходжаев, Рамазанова и другие. А в Минске — отважный комбат Владимир Палагин, зам. командира бригады по тылу Александр Ступников, журналист Дмитрий Киргетов, медсестра Татьяна Горшилина, разведчик Иван Тихонов. В Харькове — комсомольский вожак Дмитрий Шухалов, в Днепродзержинске отважный политработник, мастер минометного боя Андрей Михеев, в Саратове — храбрый автоматчик Александр Дмитриев. Все они, переписываясь между собой, с гордостью вспоминают о боях минувших дней.

Честь и слава партийным и советским организациям среднеазиатских республик, воспитавшим для Армии воинов-патриотов, верных сынов Родины, своей отвагой возвеличивших честь своих республик!

А. КАЙГОРОДОВ.

Бывший начальник политотдела бригады, старший батальонный комиссар.

ШТРИХИ НЕОКОНЧЕННОГО ПОРТРЕТА

•
К
60-летию
Д. Кедрина
•

4 февраля исполнилось 60 лет со дня рождения Дмитрия Кедрина.

Когда он погиб, ему было тридцать восемь лет. Всего тридцать восемь... О Кедрине написано много. Есть статьи. Монографии. Диссертации. Я постараюсь не повторять уже известного, не говорить печальных и высоких слов, хотя Кедрин заслуживает их. Я хочу рассказать о Кедрине, малознакомом широкому кругу читателей, — о Кедрине первых военных лет. И о том, что жило в нем и что не отразилось или мало отразилось в опубликованных стихотворениях поэта.

Мне кажется, что в юбилей мы должны отдать поэту долг справедливости, не сполна отданный ему современниками при жизни: глубже узнать его. Постигнуть как можно более полно широкий и сложный мир его творчества, личности, тайну его грустного взгляда...

Сделать это до конца, по-видимому, никогда не удастся, ибо большой художник и большой человек в сущности бесконечен. Моя задача — внести несколько новых штрихов в далеко еще не оконченный портрет Дмитрия Кедрина.

Сегодня журнал публикует девять неизвестных стихотворений поэта. Их можно читать только сосредоточенно и отрешенно. Их ритм свободен и прост, как дыхание, их читаешь легко — но не с легким сердцем.

В нашей поэзии военных лет много горячих лозунгов и суровых призывов. Есть они и у Кедрина. Святая ненависть, пророческое предощущение победы, ораторские интонации ведут главную мелодию и его поэзии — стихов «Думы о России», «Завет», «1941», «Клады», «День суда», «Пленные».

Но воин вечером, после боя, глотает слезы над горьким словом материнского письма. Душа человеческая, откликаясь на призыв и вдохновляясь лозунгом, вмещает в себя весь сложный мир движущегося бытия.

Дмитрий Кедрин был поэтом, ощущавшим и выражавшим этот мир в тех его проявлениях, которые, к сожалению, часто оставались тайной для многих

других. Тому причиной не просто его наблюдательность художника, а всегдашняя естественная и острая обнаженность души, реагирующей на малейшее прикосновение жизни.

Вот почему ему доступен и высокий пик надежды, и глубокие провалы одиночества, ему слышен гул снарядов и плач матерей, ему ведомы гнев и боль, мудрость и растерянность. Дмитрий Кедрин обостренно внимает войне, принимает на себя ее удары и отвечает на них удивительным своим, по-кедрински суровым, по-кедрински мягким, по-кедрински горьким и светлым словом. И нас трогают, ранят, бередят и голос России: «Голосами седых твоих пращуров я велю тебе насмерть стоять!», и «холодная, бесприютная боль» беженца, и полынная горечь грустной мудрости: «Не печалься: все вернется, кроме тех солдат, что в смертный бой пошли», и обнаженность признания: «Оглухший в громе этих схваток, из всей симфонии войны я слышу только плач солдаток»...

Многое у Кедрина в эти годы — его стиснутый крик, и горечь «вкуса первой крови», и страшный бой барабана: «Дранг нах Остен! Дранг нах Остен!», и этот убитый мальчик, «точно птенчик желторотый», и смертная тоска по солдату, чьи «усталые косточки моют дожди» — да, многое у Кедрина открыто и честно трагично. Это чувства, которые испытывали все, о которых говорили немногие и о которых не писал почти никто. Кедрин написал:

«А как я прошел через войну? Был момент отчаяния, когда немцы были у Москвы, было озлобление, что бросили, была растерянность. И была глубокая инстинктивная ненависть к немцам и боязнь их. И злорадство, когда их турнули от Москвы, — не злорадство, это мелко, а радость...»

Для меня самый ужасный момент войны был не бомбежки, не фронт, а именно этот короткий, но страшный момент растерянности и одиночества. Дурной, дурной сон...»¹

Этот «короткий, но страшный момент», конечно, можно было постараться забыть в сорок пятом и не написать о нем в сорок первом. Но Кедрин написал о нем. О том, что он видел, слышал, ощущал. И так, как он это видел, слышал, ощущал.

Вы прочтете это. Вы войдете в жизнь скорбную и мятущуюся.

Не будем задавать наивного вопроса — почему она была такой? — мы, те, кто слышал третьего июля прерывающийся голос Сталина, кто выжил в ленинградскую блокаду, кто видел голодных детей и черные лица беженцев, кто пережил 16 октября сорок первого года в Москве, — день, о котором впервые рассказал правду в «Живых и мертвых» Константин Симонов.

Об этом и сейчас вспоминают не всегда: помнят о сжатых кулаках, забывают о сжавшихся сердцах.

Кедрин не делил правду на «большую» и «малую»: в один день писаны строки о ленинском знамени и красоте, которые нужно отстоять, и об отчаянии холодного октябрьского Подмосковья.

В кедринском сердце не было места страху. «Я никуда не еду. Куда бежать? Второй России нет». Но оно билось тяжело, и бились в нем и ненависть к врагу, и горечь нашего отступления, и тоска бессилия деятельной природы поэта, влею различных комиссий обреченного на бездействие. (Кедрину удалось попасть на фронт лишь в мае 1943 года.)

Кедрин был к этому времени автором «Куклы», «Зодчих», «Приданого», «Коня», «Рембрандта», большим и зрелым поэтом, со своим, оригинальным голосом и талантом, но критика либо не замечала его, либо, заметив, стремилась «зарезать» (выражение Кедрина).

Только время дает возможность понять и объяснить такие трагические парадоксы.

Ни нежная доброта негромкой кедринской лирики, ни направленный отнюдь не на прославление суровых властителей прошлого пафос его эпических полотен не «вписывались» в круг «злободневной» проблематики и преобладавших тогда интонаций. Кедрин не умел и не хотел украшать ни современность, ни историю, не следовал «рассудительной» заповеди, горько и честно сформулированной впоследствии Твардовским: «Исполни долг суровый — и что не так, скажи, что так»; он подчинялся лишь голосу своей совести.

В сорок четвертом Кедрин скажет: «Бог послал мне спокойную смерть — мою совесть». Это время его жизни неспроста казалось поэту смертью: он почти не печатался (кроме переводов), два его сборника желтели в издательствах, не было ощущения полной отдачи, столь необходимого для каждого художника.

Прочтите эту грустную запись, она объяснит вам многое и в публикуемых нами стихотворениях Кедрина:

«Умер Уткин, с которым я был дружен с 1925—1926 гг. Еще одна брешь,

¹ Из записной книжки 1945 г. ЦГАЛИ, фонд 1706, опись 1, ед. хр. 5, лист 36 (оборот). В дальнейшем все записи и неопубликованные произведения цитируются по этому фонду или по материалам личного архива Л. И. Кедринной.

еще один передовой, еще ближе к той «роковой очереди», о которой писал Тютчев. Многие мои друзья погибли на войне. Круг одиночества замкнулся. Мне скоро — сорок. Я не вижу своего читателя, не чувствую его. И так, к сорока годам жизнь сгорела горью и совершенно бессмысленно. Вероятно, виною этому — та сомнительная профессия, которую я выбрал или которая выбрала меня: поэзия».

У всех такой бывает час:
Тоска лилущая пристанет,
И, догола разоблачась,
Вся жизнь бессмысленной предстанет...¹

У Кедрина этот «час» был долгим и немислимо трудным.

Тот, кто читал вошедшие в сборники стихи поэта военных лет, конечно, понимает, что не трагические мотивы были главным в его поэзии той поры. Но они были, и, воплощенные в горьких строках, не могли не выразить и боль других в те страшные месяцы, когда все жили, стиснув зубы от горя.

Если мы хотим постигнуть душу кедринского творчества, мы должны знать и об этом. Ибо разве искры поэзии, которые высекает столкновение художника с жизнью, не есть, в сущности, те глубокие борозды, которые высекает жизнь в самой его душе?

Суровые образы, темные краски, печальные интонации наполняют ее. Конечно, Кедрин мог бы сравнить звук пулемета или идущих на фронт машин с чем угодно — мало ли сравнений в арсенале большого поэта? Но он выбирал то, что жило в нем и выражало горькую и трагическую правду рвущегося на части сердца: «...И трель ночного пулемета, как молоток гробовщика», «...Гремя цепями, как арестанты, на фронт идут грузовики».

Проще было бы не писать о многом. Но он не мог. И его записные книжки военных лет — как исповедь личной и общей боли, острого человеческого страдания, сострадания и гнева. Некоторые из этих записей — стихи, другие станут стихами.

Письмо из могилы от уже убитого солдата.

Чай, вороны клюют его
Раздетого, разутого...

Как сапер с миноискателем,
С палочкой идет слепой.

После бомбежки небо казалось усталым.

Как письмо в конверте,
Человек в гробу.
Точный адрес смерти
У него на лбу.

Осенний вечер был дождлив и мглист,
Свистел октябрь над слякотью окопной.
Фронт прогибался, как железный лист,
Порой казалось, что вот-вот он лопнет.

Лишь на рынке гремят костыли инвалидов
Да в могилах солдатские кости стучат.

Эти записи суровы и трагичны. Но сразу же за последними строками — «После мрака надеюсь на свет». (Сервантес).

Эти слова Кедрин взял эпиграфом к невышедшей книге стихов «День гнева», в которую должны были войти и изданные уже после его смерти «Глухота», «Погода», «Жилье», и публикуемые сегодня впервые «Побывка», «Бог», «Это смерть колотит костью...», «Хочешь знать, что такое Россия...»

И так постоянно. Рядом с названием саркастически-горького стихотворения «Не печалься» со страшной концовкой о гибнущих в смертном бою солдатах — короткая запись: «Ночь с Запада. Свет с Востока».

Этот образ света, постоянное ожидание его, яростная надежда на перемены — эта не сыгранная, но внутренне звенящая музыка твердости, цельности,

1 Е. Евгушенко. Третья память. «Катер связи». М., 1966, стр. 89.

терпеливой и гордой силы все время пронизывает самые горестные и трагические ритмы кедринской поэзии.

Поэт сам, в этом же потрепанном блокноте, в торопливой, мимолетной записи — между понравившейся восточной поговоркой и заметками о знакомом докторе — объясняет нам этот естественный для него синтез:

«Писать просто фронтные стихи или любые стихи вообще — это слепое, бесперспективное занятие. Искусство и каждое его произведение в отдельности освещается и живет только чувством перспективы, завтрашнего дня, который как бы опрокидывается в него и зажигает его своим светом...»

Но «завтрашний день» у Кедрина никогда не был какой-то обособленной временной категорией, отделенной от сложного и сурового дня, сегодняшнего или вчерашнего, «вратами райскими».

Наоборот, поток времени в его сознании диалектично непрерывен, перспектива и ретроспекция переплетаются, взаимодействуют, освещают и объясняют друг друга. Отсюда — постоянные поиски истоков будущего в прошлом, напряженного внимания к нему — то внимание, смысл которого понимаешь, читая превосходный афоризм Леонида Мартынова: «Да, он назад не возвратится, вчерашний день, но и в ничто не превратится вчерашний день».

Никто и ничто не существует вне времени, и поэты, как и все прочие смертные, отлично знают это. Но лишь немногие из них воспринимают философскую категорию времени в движении. Поэт может отражать сегодняшний, завтрашний, вчерашний день статично: тогда в будущем мы не ощущаем настоящего, а в сегодняшнем — прошлого.

У Дмитрия Кедрина время живет в его «безначальном» и нескончаемом беге: за словом поэта — о какой бы эпохе он ни писал, за чувствами героя — к какому бы времени он ни принадлежал, — неуловимо и безотчетно, но ясно и бесспорно ощущается история народа, его трудового и нравственного опыта, его живой речи, его влечение к свету и красоте.

В стихотворениях Кедрина военных лет это «чувство истории» особенно остро.

Прочтите «Побывку», «Письмо», «Хочешь знать, что такое Россия»...

В его коренястом и бородатом солдате, и в горьком рассказе баби-бобылки, и в оживающей мужа солдатке, и в самом поэте — в его и их интонациях, в их вере в разумность мира, в их образе мышления, в отношении к жизни, к врагу, к Родине, к беде, постигшей их всех, — во всем этом ощущается неуловимая, выраженная не словами, а будто сердцем самим огромная и простодушно-непреклонная сила, идущая откуда-то от изначальных глубин народной жизни.

Конечно, надо быть поэтом-историком, чтобы ощутить это; но надо прежде всего удивительно нежно и сильно, по-своему, по-кедрински любить «эти ребра косые полосатых шлагбаумных столбов», и «щебет в рябиннике горьком», и «эхо от песни усталой», и «горькие всхлипы гармонии...»

Вот почему в героях Кедрина и в его собственной лирической мелодии всегда слышны голоса «седых пращуров».

Эта невидимая «эстафета» необыкновенно углубляет диапазон и временную объемность и кедринской поэзии, и нашего, читательского восприятия. Но если мы вернемся к разговору о трагизме кедринских стихотворений военных лет, то не этот логический вывод окажется главным. Вернее, его нужно будет сформулировать иначе: именно это ощущение истории как живого, неодолимого, движущегося во времени мира народной жизни и не дадо замкнуться в сознании и в поэзии Дмитрия Кедрина трагическому кольцу обстоятельств, ворвавшихся в судьбу Родины и поэта.

Надежда «на свет» была не бледным стебельком, согретым слабым дыханием одного человека — Дмитрия Кедрина, а высоким стволom, уходящим корнями в бесконечные пласты народной почвы.

Эту почву мы ощущаем в первую очередь, читая и публикуемые стихи Кедрина 1941—44 годов. Они пронзительно печальны, как такты седьмой симфонии Шостаковича. Но за ними, сквозь них и в них слышны иные мотивы, зреет иная музыка.

Дмитрий Кедрин не успел написать ее. Светлые, пронзанные солнцем стихи сорок пятого года, созданные, когда поэт вернулся с фронта в преддверии победы, были лишь началом воплощения огромных замыслов. Они не были воплощены; великоленные поэмы не были дописаны, зрелые драматические полотна не были созданы.

Горько писать об этом сегодня. Горько думать, что, проживи Кедрин эти двадцать с лишним лет, он пришел бы к своему юбилею в заглавном ряду нашей большой поэзии.

Впрочем, он и не покидал его. И то, что написано кедринским пером и кедринским сердцем, всегда будет достойно внимания читателей и памяти потомков.

П. ТАРТАКОВСКИЙ.

Неопубликованные стихи военных лет

Побывка

*По полям, по перелескам,
Коренаст и бородат,
В свой колхоз из-под Смоленска
На побывку шел солдат.
Отдохнуть, сменить сорочку,
Грязь отмыть на голове,
У жены поспать хоть ночку
На кисейном рукаве,
Разгореться, выпить чарку,
Да чтоб плюшек испекли...
Только вспомнил — стало жарко,
Слюнки даже потекли!*

*«Доберусь единым махом!
От мороза не помру!»
Вон колхоз «Веселый пахарь»
Завиднелся на юру.
Только что за черт?
Ни хаты,
Ни огня...
Солдат продрог...
Чей-то палый конь брюхатый
Промеж двух лежит дорог,
Конь издохший, вислогубый
Скалит желтые клыки,
Да грозят печные трубы
Небу, точно кулаки,
Да горбатый ворон древний
По сугробу скачет вкось,
Да в овражке за деревней
Воет кто-то — волк иль пес.*

*Ни души!..
На пепелище,
Коренаст и бородат,
Бесприютно, точно нищий,
Молодой стоит солдат.
Жмет винтовка...
Давит кружка...
Вещевой тяжел мешок...
Смотрит — старая старушка
Оперлась на посошок.*

— Все я знал в колхозе нашем,
Да, видать, горело тут.
Растолкуй ты мне, мамаша,
Где Исаевы живут?

На снегу стоит бобылка,
Дальних пушек слышен гул...
— Рановато на побывку
Ты, служивый, завернул.
Чаеваньем заниматься
Нынче, милый, не пора —
Вишь, проклятые германцы
Побывали тут вчера!
У Исаевых мальчишку,—

Глухи к матери слезам,—
В прорубь кинули — и крышка!
Выйдет, дескать, партизан.
А саму-то...
Молвить жалость...
Почитай, что дотемна
Над родимой измывались,
А потом...
Да вот она...

И служивый примечает,
Видит, словно не в себе:
Тело легкое качает
Зимний ветер на столбе...

Поглядел он,
Горько свистнул.
— Нагулялся, значит, всласть!—
Зубы сжал,
Винтовку стиснул
И пошел обратно в часть.

1941 г.

* * *

Это смерть колотит костью
По разверзиимся гробам:
— Дранг нах Остен!
— Дранг нах Остен!—

Выбивает барабан.
Лезут немцы, и пойми ты:
Где изъяны в их броне?..
Мессершмитты,
Мессершмитты,
Завывают в вышине.

Шарит враг незванным гостем
По домам и погребам...
— Дранг нах Остен!

— Дранг нах Остен!
Выбивает барабан.

Толпы спят на полустанках,
Пол соломой застеля.
Где-то близко вражьи танки
Пашут русские поля.

Толстый унтер хлещет в злости
Баб смоленских по зубам...

— Дранг нах Остен!
— Дранг нах Остен!
Выбивает барабан.

Рвутся бомбы. Дети плачут.
Первой крови горек вкус.
Воет пьяный автоматчик:
— Рус капут!
— Сдавайся, рус!..

1942 г.

Бог

Скоро-скоро, в желтый час заката,
Лишь погаснет неба бирюза,
Я закрою жадные когда-то,
А теперь — усталые глаза.

И когда я стану перед богом,
Я скажу без трепета ему:
— Знаешь, боже, — зло я делал многим,
А добра, должно быть, — никому.

Но смешно попасть мне к черту в руки,
Чтобы он сварил меня в котле:
Нет в аду такой кромешной муки,
Чтоб не знал я горше — на земле...

1942 г.

* * *

... Хочешь знать, что такое Россия —
Наша первая в жизни любовь?
Милый друг! Это ребра косые
Полосатых шлагбаумных столбов,
Это щебет в рябиннике горьком,
Пар от резвых коней на бегу,
Это желтая заячья зорька,
След на сахарном, синем снегу,
Это пахарь в портах полотняных,
Пес, что воет в ночи на луну,
Это слезы псковских полонянок

В безутешном ливонском плену.
Это горькие всхлипы гармоник,
Свет далеких пожаров ночных,
Это кашка, татарник и донник
На высоких могилах степных.
Это эхо от песни усталой,
Облаков перелетных тоска,
Это свист за далекой заставой
Да лучина в окне кабака.
Это хлеб в узелке новобранца.
Красный туз, что нашит на плечо,
Дудка в мертвой руке самозванца,
Клетка, где доживал Пугачев...
Да, страна эта не была раем,
Цвет порой обивалб дождем...
Но когда мы ее потеряем,
Мы милей ничего не найдем...

1942 г.

Убитый мальчик

Мальчуган лежит у стога,
Точно птенчик желторотый...
Над проселочной дорогой
Пролетали самолеты.

Не успел малыш на крыльях
Разглядеть кресты паучьи.
Бомбы сбросили — и взмыли
Вражьи летчики за тучи.

Все равно от нашей мести
Не уйдет бандит крылатый!
Он погибнет — даже если
В щель забьется от расплаты.

В полдень, в жаркую погоду
Он воды испить захочет,
Но в источнике не воду —
Кровь увидит вражий летчик.

Слыша, как в печи горячей
Завывает зимний ветер,
Он решит, что это плачут
Им загубленные дети.

А когда, придя сторонкой,
Сядет смерть к нему на ложе,—
На убитого ребенка
Будет эта смерть похожа...

1943 г.

Письмо

Уже после мужниной смерти
В избу твою с передовой
Письмо в самодельном конверте
По почте пришло полевой.

Теперь этот праздничек редок:
Муж год не писал ничего!
И вот ты созвала соседок
И вслух прочитала его.

Как слезы лились на бумагу!
Муж спрашивал — ладно ль в дому?
Писал, что медаль «За отвагу»
Под Киевом вышла ему,

Что дали вторую нашивку
Ему за казачьи дела,
Сулил, что приедет в побывку,
Просил, чтобы к Спасу ждала...

В тот день ты мальчишку умыла,
Он стал лебеденка белей!
Перцовки на рынке купила —
Бутылку за триста рублей,—

Дровец приготовила в бане,
Оттерла в избенке полы,
Зашила дыру в сарафане,
Сквозь слезы не видя иглы...

Покуда поля не увяли,—
Упрямо ждала у ворот.
Соседки завидовать стали,
Что вот, мол,— кому-то везет!

Шла осень. Приблизилась стужа.
Не стой на ветру и не жди:
Усталые косточки мужа
Осенние моют дожди.

Лежит он с осколком в затылке,
Его никому не встречать.
На этой заветной бутылке
Никто не ломает печать!

Отца не дождавшись, износит
Матросский костюм паренек,
Несмело соседушка спросит:
— Что ж долго нейдет муженек?

И словно в насмешку, в отместку
За то, что порадовал он,—
Такую ж, как прочим, повестку
Тебе принесет почтальон...

1944 г.

Пленные

Шли пленные шагом усталым.
Госые. Без шапок. В пыли.
При всех орденах генералы
В колонне их первыми шли.

О чем эти люди грустили?
Сбывался их сон наяву:
Без выстрела немцев пустили
В столицу России — Москву!

Здесь пленные летчики были.
Искал их потупленный взгляд
Домов, что они разбомбили
Недавно — три года назад.

Но кровель нагретые скаты
Тянулись к июльским лучам...
И немцев глаза виновато
Смотрели в глаза москвичам.

Теперь их смешок был угодлив:
«Помиримся! Я не жесток!
Я дьявольски рад, что сегодня
Окончил поход на Восток!»

... Но если б Восток их не встретил
Упорством своих контратак,—
По солнечным улицам этим
Они проходили б не так!

Тогда б под фашистскую лапой
Вот этот малыш умирал,
В московском отделе гестапо
Сидел бы вон тот генерал!..

Но смяты военною бурей,
Проварены в русском котле,
Они лишь толпою понурой
Прошли по московской земле.

За ними катились машины,
На камни струилась вода,
И солнца лучи осушили
Их пакостный след — навсегда!

1944 г.

Отрывок*

*В стары годы названный Димитрий
Приводил на Русь кичливых ляхов.
Был Димитрий черноризец хитрый,
Где посулом брал, а где и страхом.*

*Русский люд пришельцев хмуρο встретил.
Бабы зашушукались на рынке,
Как въезжала в золотой карете
В царский терем щуплая Маринка.*

*И в Москве юродивый Петрушка
Обзывал панов зазорной кличкой,—
Он кричал, что польская кукушка
Не в свое гнездо снесла яичко...*

Дом

*Дом разнесло. Вода струями хлещет
Наружу из водопроводных труб.
На мостовую вывалены вещи,
Разбитый дом похож на вскрытый труп.*

*Чердак сгорел. Как занавес в театре,
Вбок отошла передняя стена.
По этажам разрезанная на три,
Вся жизнь в квартире с улицы видна.*

*Их в доме много. Вот, в одной из нижних
Рояль в углу отлично виден мне.
Обрывки нот свисают с полок книжных,
Белеет маска Листа на стене.*

*Площадкой ниже — вид другого рода:
Обои размалеваны пестро,
Свалился наземь самовар с комода...
Там — сердце дома, тут — его нутро.*

*А на вещах — старуха с мертвым взглядом
И юноша, старухи не свежей,
Они едва ли не впервые рядом
Сидят, жильцы различных этажей!*

.....
18 августа 1941.

* ЦГАЛИ, фонд 1706, опись 1, № 3, лист 90. Из черновых записей военных лет. Точная дата написания не установлена.

Осенняя песня.

Э.

Улетают птицы за море,
Минутало время там.
На колодном столе шрамы
Листья шептают лешам.

Солнце суровое за синевой
Занебесного небес,
Серпобутно ликует
Под горами сверкает лес.

По воздушным летию легким
Окутывает и повис
Как околом - как дымом ветки
Получом - как ошметком.

В эту ночь на кровати песчаной,
В трубах пески завоют,
Заснежут дым огня,
Стукнут пальчики заветр.

В сад, колючий фикусом
Завтра утром выйдешь ты
И услышишь - за ночь - ко-го-ло
Облетевшие цветы.

На листьях рубин прозрачных
Заблестит холодною пот.
Золоток, серый, нем золоток,
И на реснице склыт.

— / —

1937 г. - 1941 г.

СТИХОТВОРЕНИЕ «ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ» — ОДНО ИЗ ЛУЧШИХ
И ЛЮБИМЫХ ЧИТАТЕЛЯМИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПОЭТА.

Сила жизненной правды

К
60-летию
Евгения
Поповкина

Лет пятнадцать тому назад мне пришлось выступать на собрании крымских литераторов с подробным обзором писем, полученных Евгением Поповкиным от читателей первой книги его романа «Семья Рубанюк». Знаете, сколько было этих писем? Более трех тысяч.

Писали колхозники и рабочие, бывшие фронтовики и допризывники, педагоги и школьники... И даже писатели были среди этих корреспондентов. Да еще какие! Академик С. Н. Сергеев-Ценский, кого Горький назвал одним из блестящих продолжателей колоссальной работы классиков русской литературы, большим русским художником, властелином словесных тайн, проницательным духовидцем и живописцем пейзажа, прислал прямо-таки восторженное письмо. А уж он-то, как известно, был чрезвычайно скуп на похвалу. Если и вторая книга романа, говорилось в этом письме Сергеева-Ценского к незнакомому ему до того автору «Семьи Рубанюк», будет написана в ту же силу, таким же свежим, сочным языком, то советскую литературу можно будет поздравить с большим достижением прозы.

Особенно поразило и меня, прочитавшего всю огромную почту Евгения Поповкина, да и других письмо, полученное им от садовода запорожского колхоза «Сечь» Анания Калиновича Белая. Не пойму, никак не возьму в толк, простодушно писал этот читатель, как это вы, товарищ Поповкин, написали роман о моей семье, ни разу не повидав ее в глаза?! Даже имена у ваших героев такие же, как у моего сына и невестки: Петр и Оксана. Вот только фамилию вы им придумали другую — Рубанюк. А так все, абсолютно все совпадает...

«Секрет» открывался очень просто: Евгений Поповкин и в этом произведении, и в первом романе — «Большой разлив», написанном еще в 1940 году, шел в своем творчестве от жизни, от самых ее глубин, лепил образы с натуры, а не занимался сочинительством, тем, что в народе справедливо называют высасыванием из пальца...

Читатели, уверовавшие в литературных героев как в доподлинных, действительно существовавших и существующих, буквально закидали писателя вопросами: а как дальше сложилась судьба Петра и Оксаны? Автору давались и прямые «заказы»-советы: кого на ком женить, кого и куда направить после войны — на учебу, или в колхоз, на завод...

Словно повинувшись этой читательской воле, Евгений Поповкин писал вторую книгу своего романа на конкретном (разумеется, переплывленном в собирательные художественные образы) материале из жизни явившихся к нему, так сказать, уже после рождения на страницах рукописи, прообразов — старого садовода Аналия Калиновича Белая и его замечательной семьи, с которой после получения упомянутого выше письма установилась крепкая дружба. В одном из эпизодов писатель даже вывел этого Белая под его настоящим именем.

Жизнь народа — вот исток книги, ее основа. В одной из своих статей Евгений Поповкин рассказывает:

«...Мело на степных шляхах поземку, по обочинам догорали в сугробах вражеские машины и танки, заглушенная метелями оружейная канонада еще погромывала, а в хатах с выбитыми стеклами и давно небелеными стенами хозяйки на скорую руку наводили порядок.

В одной из таких украинских хаток, на Киевщине, мне (тогда редактору армейской газеты) и моим фронтовым товарищам довелось выслушать рассказ пожилой колхозницы о жизни ее семьи в тяжкие годы войны и фашистской оккупации. Со слезами радости глядя на мощную советскую технику, идущую непрерывным потоком на запад, женщина торопилась выложить все, что наболело у нее за эти черные годы бесправия, унижений и страданий.

Простая крестьянская семья, познавшая радостную, зажиточную жизнь только после установления Советской власти, организации колхоза! Старый батюно растил и лелеял колхозный сад, дети учились, вдохновенно трудились на колхозных полях. Дом был полной чашей.

И вот — лютые годы испытаний. Война! Отец, партизанивший в гражданскую войну, снова ушел в лес, стал народным мстителем. Два сына воюют в армии. Меньшую дочь, не успевшую укрыться от полицаяв, угнали в фашистское рабство.

— Не знаю, доведется ли и повидать кого из своих, — печалилась мать.

Впервые в эти дни у меня и возникло желание написать о крестьянской семье, не покорившейся фашистским захватчикам, с честью пронесшей сквозь самые суровые испытания гордость свободного советского человека. Взволновавший меня рассказ старой женщины послужил сюжетной основой будущей книги.

В «Семье Рубанюк» ряд событий, человеческих биографий документальны, хотя впоследствии пришлось многое обобщать, дорисовывать. В первой книге романа есть эпизод казни гитлеровцами Ганны Рубанюк. Прообразом Ганны явилась прославленная на Украине стухановка Дуся Бессмертная. Вся «вина» ее состояла в том, что она хранила переходящее колхозное знамя.

Не вымышлен и подвиг советских воинов, вынесших из окружения полковое знамя. О нем я слышал от самих участников, доставивших полковую святыню военному командованию. Письма парней и девушек, увезенных гитлеровцами из родных сел и городов, рассказы их родных помогали восстановить подлинную картину одной из самых больших трагедий минувшей войны — насильственного угона молодежи в рабство...»

«Во второй книге романа, — говорилось в той же статье, — ряд глав посвящен героическим девушкам-снайперам, отважно защищавшим наше Отечество с оружием в руках. Эти главы подсказаны самими девушками, которые, прочитав в первой книге о Машеньке, ушедшей в снайперскую школу, потребовали, чтобы жизнь снайперов-девушек была показана более обстоятельно. Они рассказали о себе много интересного, познакомили меня со своими фронтовыми дневниками и письмами».

(Замечу здесь в скобках, что на моих глазах настойчиво искал и в конце концов разыскал Е. Е. Поповкин в городе Запорожье мать погибшей на фронте девушки-снайпера Саши Шляховой — Павлину Дмитриевну, он расспрашивал эту женщину о всех деталях биографии ее дочери и нарисовал потом на страницах второй книги романа образ юной героини, выведенной тоже под настоящим ее именем).

Роман «Семья Рубанюк», первая книга которого, написанная по горячим следам событий военных лет, печаталась в журнале «Октябрь» в конце 1947 года, а вторая вышла в 1951 году, как известно, был отмечен Государственной

премией. С тех пор он выдержал около пятидесяти изданий, в том числе не только на русском и украинском языках, но и на румынском, польском, чешском, китайском, болгарском и, как совсем недавно узнал автор, еще на немецком и английском.

Это произведение читает сейчас уже второе поколение читателей — двадцатилетние юноши и девушки, не испытавшие, к их счастью, войны, знающие о ней только по рассказам отцов, матерей, старших братьев и сестер. Читает в дни предстоящего пятидесятилетия Советской власти, когда память настойчиво возвращает нас к героическому прошлому.

Уже на первых страницах романа автор подчеркивает, что его Петр Рубанюк — плоть от плоти того поколения советских юношей и девушек, которое воспитывалось на традициях своего славного предшественника Павла Корчагина. Почти теми же словами, что хорошо запомнились Петру из книги Николая Островского, он, обращаясь к Оксане, говорит: «Надо так жизнь прожить, чтобы ни перед людьми, ни перед собой не было стыдно».

На примере Петра и Оксаны молодой читатель видит, как вера в свои силы, настойчивость в достижении цели, смелость в преодолении любых трудностей — все те драгоценные качества, какие воспитывает в наших людях Коммунистическая партия, — помогли героям книги с честью выдержать самое суровое испытание — жестокую войну, проявить непреклонную стойкость и отвагу. И тут, на войне, Петр и Оксана идут туда, где труднее, не опускают рук перед лишениями и тяготами.

Особую убедительность и жизненность придает образам Петра и Оксаны то, что их характеры раскрываются в самом сокровенном — в любви. Ни Петр, ни Оксана не позволяют себе «разбрасывать свое чувство», нерушима их верность в дружбе и любви. Не пустыми оказались, быть может, чересчур торжественные слова, в которых некогда рисовал себе Петр любовь к Оксане: «Он избрал ее навек, они вместе пройдут через все испытания жизни, которая еще только открывалась перед ними». И великую силу обрело впоследствии трогательное письмо Оксаны, которое поначалу воспринимается как старинный и несколько наивный талисман: «Любый мой, родненький Петрусь! Тебе будет тяжело на войне. Не горюй. Знай, что всегда с тобой в беде твоя Оксана. Она любит тебя больше всего на свете! Клянусь ждать тебя с любовью и верностью...»

Кроме Петра и Оксаны, в «Семье Рубанюк» выведено много других молодых героев. Не все из них в равной мере удалось автору. Но наверняка запомнятся читателям верный друг Петра Арсен Сандунян, мужественно перенесший в гестаповском застенке страшные пытки и не выдавший тайны врагу; уже называвшаяся мною отважная комсомолка снайпер Саша Шляхова и юная Василинка с ее гордым сознанием неоспоримого превосходства над обывателями из капиталистического мира, что «не живут, а только едят да спят», — неутомная Василинка, которая никакой работы не боится, пусть даже она будет самая тяжелая, только чтобы скорее построили «еще лучше, чем до войны было: и хаты красивые, и театры, клубы, техникумы в селах, комбайнов чтоб много было, тракторов, скота разного, машин...» Безусловной удачей писателя является образ молодой учительницы Полины Волковой — боевого комсомольского вожака села.

Еще мальчуганом Петр имел перед собой пример старшего брата Ивана, бесстрашно борющегося с кулацкими бандами, готового голову сложить «за правду людскую». Позже, став секретарем комсомольской организации, он получил от Ивана мудрое наставление: «Крепко держись партии большевистской! Это верная мать для таких, как наша семья...» А вот секретарь райкома партии Игнат Семенович Бутеню. «Игнат Семенович, — говорит один из героев книги, — никому никогда не дает застаиваться, держит на боевом взводе. Когда дела в отряде хорошо шли, он особенно всех подуживал. Такой у него стиль...» Это у таких, как Бутеню, который олицетворяет собой в книге руководящее партийное начало, научился беспартийный колхозный бригадир Федор Лихолит ясному пониманию роли критики и самокритики в жизни нашего общества. «Против самокритики идешь... — обрушивается он на не оправдавшего доверия колхозников председателя колхоза Горбаня.

Красной нитью проходит через все страницы романа чувство незабываемой братской дружбы народов нашей страны, вставших в военные годы единой, тесной и сплоченной семьей на защиту своей Отчизны. Кроме русских, украинцев, в книге ярко изображены упоминавшийся выше друг Петра Рубанюка армянин Арсен Сандунян, грузин капитан Каладзе, представители других национальностей Советской Родины.

Добротна, живописна художественная ткань этой книги — язык ее меток и колоритен, а описания природы нередко создают эффект присутствия. Вот пример:

«Из малинника, разросшегося поодаль, перевитого липкими нитями паутины, струился крепкий, спиртный аромат и, смешиваясь с запахами переспелых грибов и прелью сложенного на берегу сена, пьянил, кружил голову. Над зернальной гладью пруда сновала золотистая мошкара, поолескивали на острых лезвиях ядовито-зеленой осоки крылышки стрекоз. От тяжелых всплесков рыбы расходились мягкие круги, и тогда начинали мерно покачиваться желтые цветы водяных лилий, густая насыпь ряски»...

А вот еще:

«Холодные лучи высекали в снегу мириады искр, они вспыхивали, переливались бенгальскими огнями на сугробах, зандревелых проводах электролинии, на отяжеленных кронах деревьев. Кристально прозрачный воздух прибризал волнистые дали. Казалось, что темная полоска леса, крутой заснеженный берег Днепра совсем рядом».

* * *

Судьба «Большого разлива», первого крупного прозаического произведения Евгения Поповкина сложилась по-иному, чем «Семьи Рубанюк»: роман был издан в Ростове почти в самый канун войны и остался поэтому почти незамеченным. Только спустя пятнадцать лет после своего рождения «Большой разлив», вторую книгу которого Евгений Поповкин написал уже в послевоенные годы, вышел отдельным изданием в Москве, в издательстве «Советский писатель».

Этот роман — ценный вклад писателя в нашу большую литературу о советской деревне, о том, как в муках, в борьбе со всем старым, отживающим свой век нарождались новые отношения в крестьянстве; как мужали и закалялись в этой борьбе колхозные вожаки, посланные партией на работу в деревню коммунисты, сельские механизаторы, зачинатели больших и нелегких дел, знаменующих крутые перемены в застоявшейся «неяркой, сумеречной» хуторской жизни — механизацию сельскохозяйственного производства, подъем деревенской культуры.

Как бы предвосхищая известные решения партии, автор романа раскрывает отрицательные, осужденные впоследствии явления в практике руководства сельским хозяйством в тридцатые годы: «волевой» стиль руководства, воплощенный в лице секретаря райкома, который под угрозой исключения из партии требовал от низового работника — секретаря райкома Шелеста любой ценой, любыми средствами выполнить план хлебосдачи государству, вывезти «под метелку» весь хлеб из колхозов, только бы не оказаться на последнем месте в сводке...

Устами одного из персонажей книги — колхозного деда Емельяна Матвеевича — писатель по заслугам честит до крайности модных в то время (да и в последующее), бесчисленных «полномоченных», что налетят, напумяют «чуть ли не в креста, богородицу», рта раскрыть не дадут...

Хорошо написаны в «Большом разливе» многие образы, особенно женские: бывшей работницы совхоза, выдвинутой на пост председателя колхоза, энергичной и боевой донской казачки Ульяны Тешной, сельской учительницы Галины Огаревой, жены колхозного бухгалтера Ольги Кочетовой.

Что же касается ярко обозначившегося уже в этой первой книге умения Евгения Поповкина мастерски писать пейзажи, то лучше всего привести хотя бы одну-две выдержки. Вот как, например, изображает писатель донской хутор тех лет:

«Скованная морозами древняя земля, как и сотни лет назад, расплалась в глухом зимнем сне, безучастная к мелькающим над ней дням и ночам. Поскрипывали полозьями по снегу сани, деловитые вороны разгребали дымящиеся паром кизяки, матово-рыжие столбы дыма стояли над кровлями хат, вздыбленные к летним снежным буруны кидали днем иссиня-черные тени. Ночами над Придонским высоко в небе застывал окруженный молочной мглой меслц, и тогда все вонруг мерцало холодными искорками».

А вот картина зимы, идущей уже на убыль, — картина наступления новой эры в жизни деревни — создания МТС, прибытия в нее техники:

«Зима...

Выйдешь к ветрякам, за хутор — безжизненная, укрытая белым пологом земля; пригорюнившаяся в одиночестве груша-дичок у края дороги, крутые скаты заснеженных буераков. Безлюдье. Тишь. Кажется, будто вымерла такая многоголосая в осеннюю пору, узорчатая, как праздничный женский платок, степная ширь.

А меж тем земля живет: греет на груди своей нежные корешки по-

левых былок, поит их живительными соками, набирается сил. Улыбнется по-весеннему солнышко — снова заиграют агатовым разноцветом поля и перелески...

Подкатывались и таяли дни... Счет им хутор вел по-старинке: от михайлова дня до малого мясоеда; от филипповского заговенья до святок.

Но однажды — было это на заходе солнца — мимо придонских куреней прошли, наполняя морозный воздух гулом и грохотом, тракторы. Тянули они за собой штабеля свежеестроганных досок и леса-кругляка. Вздораженно перекликаясь и норовя проехаться на досках, бежали за машинами хуторские ребятишки»...

* * *

В пору, когда собирался материал для «Большого разлива» (начало тридцатых годов), Евгений Поповкин был редактором политотделской многотиражки при Маньчжурской МТС, затем редактором районной газеты, а еще позже работал в ростовской краевой (ныне областной) газете «Молот».

А вот начало его биографии. Родился Евгений Ефимович Поповкин в феврале 1907 года в городке Ново-Миргороде ныне Кировоградской области. Мать — Акилина Евгеньевна, отдавшая десятки лет учительскому труду, была депутатом городского Совета, членом тройки ВЧК, находилась на передовой линии борьбы с контрреволюцией. Семья Поповкиных часто подвергалась опасности, пряталась от врывающихся в городок белых в окрестных селах или где-нибудь на городском окраине.

Четырнадцатилетним мальчишкой Евгений Поповкин вступил в комсомол, стал чоновцем (бойцом частей особого назначения), с оружием в руках оберегал молодую Советскую власть от налетов контрреволюционных банд. В селе Каменке Ново-Миргородского района юный Поповкин возглавил комсомольскую организацию.

Десять с лишним лет тому назад, вместе с Е. Поповкиным и оформлявшим его книгу «Семья Рубанюк» художником Э. Грабовецким, я побывал в этом селе. Надо было видеть, как тепло встречали его жители — все от мала до велика — своего земляка, бывшего комсомольского вожака, деревенского паренька, ставшего к тому времени уже известным писателем, лауреатом Государственной премии. Со смехом рассказывали каменцы, что черноволосый этот хлопчик всегда ходил в расстегнутой, с торчащими в обе стороны «ушами» буденовке, и местные кулаки говорили о нем: «Шо це за чертеня таке з рогами?!» Вспоминали о том, что когда в сельскую библиотеку пришла толстая книга — роман «Семья Рубанюк» с портретом ее автора, книга эта переходила из рук в руки, и старожилы Каменки с удивлением спрашивали себя: «Чи той, чи не той це Женья Поповкин, що був колысь у нас комсомольским секретарем?»

...В 1923 году одесская губернская комсомольская газета напечатала первую заметку Евг. Поповкина, а три года спустя подпись эта все чаще и чаще стала появляться на страницах московских газет и журналов «Революция и культура», «Коммунистическая революция» и других.

В 1927 году двадцатилетний юноша стал членом Коммунистической партии, несколько лет работал штатным пропагандистом Кировоградского окружкома КП-Украины. Исколесил весь свой округ, встречался со многими людьми, что потом так пригодилось в писательской работе, много читал, настойчиво занимался самообразованием. В 1928 году его командировали на учебу, в Московский университет. Работая ответственным секретарем редакции органа ЦК ВКП(б) — журнала «Коммунистическая революция», он одновременно учился и в 1931 году закончил литературный факультет. В последующие годы Е. Е. Поповкин работал в газетах Дона, написал свою первую книгу.

В 1939 году он уходит в армию, с июля сорок первого — редактирует армейскую газету: на Северо-Западном, потом на Степном, Воронежском, 1-м Украинском фронтах...

После войны подполковник Е. Е. Поповкин — редактор газеты Таврического военного округа «Боевая слава». Все свободное время отдает работе над романом «Семья Рубанюк»...

С конца 1957 года и поныне — вот уже десять лет — Евгений Поповкин главный редактор литературного журнала «Москва», органа Союза писателей РСФСР и московской писательской организации.

Именно в эти годы возникли и укрепилась творческие связи писателя и редактора Евгения Ефимовича Поповкина с Узбекистаном, с узбекской литературой. Он публикует материалы о выдающихся достижениях республики в экономике и культуре, о людях, достойно представляющих солнечный край своим трудом и талантом. Среди произведений, напечатанных в журнале «Москва», были и произведения узбекистанских писателей, а это еще одно из ярких проявлений творческой дружбы между русской и узбекской литературами, дружбы, в которой так видна инициатива главного редактора центрального журнала.

Большим, незабываемым событием в культурной жизни нашей страны стала Декада русской литературы и искусства в Узбекистане. Вместе с другими московскими писателями и артистами в ней активнейшее участие принял и Евгений Поповкин.

О впечатлениях тех ярких дней, искрившихся чувствами братской дружбы и признательности, писатель рассказал во вступительной главе своей новой книги «В дороге и дома», изданной в Ташкенте и состоящей из путевых очерков о родной стране и за границей. В дни Декады Е. Поповкин вместе с группой москвичей после встречи с ташкентцами совершил поездку через Кураминский хребет, побывал у шахтеров Ангрена, беседовал с рабочими, колхозниками, студентами Намангана, Андижана, Маргилана, Ферганы, Самарканда.

Вот характерное место из этой главы:

«Мне особенно запомнилась встреча с многочисленным коллективом Ташкентского завода имени Октябрьской революции. Может быть, потому, что она была первой.

Под открытым небом, на просторной заводской площади, где, как говорится, яблону негде упасть и где неведомо чего оказалось больше — солнца или ярких осенних цветов, дружественных улыбок и аплодисментов, рабочие встречались с участниками Декады — писателями и киноактерами, композиторами и певцами. Мне поручили руководить встречей, и я видел, как волнуются киноактеры Алла Ларионова и Николай Рыбников, народный артист СССР Александр Хвыля и вологодский поэт Сергей Викулов, композитор Эдуард Колмановский и девушки, исполнявшие его песни.

Мне было понятно их состояние. Нам оказали большое доверие — представлять русское искусство в братской республике, где и свое национальное искусство и литература на небывалой высоте. Мои друзья чувствовали себя не столько деятелями искусства, сколько родными братьями, встретившимися для большого задуманного разговора».

Говоря об итогах Декады, писатель подчеркнул, что состоявшиеся в те дни встречи с узбекскими писателями, художниками, работниками театра «несомненно, дали многое их участникам. Они закрепили традиции, которые уже сложились и которые помогают соратникам по истинному оружию учиться друг у друга и идти вместе. К новым творческим достижениям и успехам».

Как главный редактор «Москвы» Евгений Поповкин выразил в дни Декады пожелание об установлении постоянных творческих контактов между литературным журналом столицы Советской Родины и «Звездой Востока» — журналом, выходящим в столице Узбекистана. За словом последовало дело. Журнал «Москва» охотно предоставил свои страницы для опубликования в переводе с узбекского языка на русский романа Шарафа Рашидова «Могучая волна», а «Звезда Востока» открыла один из своих очередных номеров большой подборкой литературных материалов, объединенных радужным заглавием: «У нас в гостях — журнал «Москва».

...Друзья познаются в беде. Когда на Ташкент обрушилась беда, произошло землетрясение, Евгений Поповкин, оставив все дела, вылетел в столицу Узбекистана. От лица московских собратьев по перу он выразил узбекским друзьям дружеское сочувствие в постигшем их несчастье, побывал в наиболее сильно пострадавших от землетрясения районах Ташкента, а также в претерпевшей в те дни наводнение Ферганской долине, и выступил затем на страницах журнала «Москва» с очерком «Дрогнувшая земля и не дрогнувшие люди»,

в котором ярко рассказал о стойкости, мужестве и самоотверженности ташкентцев и о бескорыстной помощи, какую оказали и продолжают оказывать своим узбекским братьям все советские люди.

* * *

Портрет писателя будет неполным, если не сказать о большой общественной деятельности Евгения Поповкина. Он — член Советского Комитета защиты мира и общества «СССР — Греция», член правлений Союза писателей СССР, РСФСР и московской писательской организации. Трудящиеся города Ялты избирали его своим депутатом в Крымский областной Совет депутатов трудящихся. Он был делегатом XXIII съезда КПСС.

Свое шестидесятилетие Евгений Поповкин встречает полный творческих сил, горячего стремления и впредь трудиться во имя процветания многонациональной советской литературы, во имя укрепления дружбы братских литератур. Крепкого здоровья, новых книг, дорогой друг!

От имени „Звезды Востока“

Савва Александрович.

Станислав ЛЕМ

УРАНОВЫЕ УШИ

Из книги „Сказки роботов“

Жил-был инженер-космогоник, который умел увеличивать яркость звезд. Однажды прилетел он в туманность Андромеды, когда там кружился черный вихрь. Инженер достал свои лучи. У него их было три: красный, голубой и невидимый.

Он направил на ближайшую звезду первый луч, и звезда-исполин сразу стала красной. Но туманность не исчезла. Тогда он уколол звезду вторым лучом, и она побелела. Потом он сказал своему ученику: «Приглядись за ней!», а сам пошел зажечь следующую звезду.

Ученик ждал одну тысячу лет, другую тысячу, но инженер не возвращался. Надоело ему ждать. Подкрутил он что-то в лучеспускателе, и звезда из белой стала голубой. Это ему понравилось. Хотел повернуть еще один верньер, но обжегся.

Подумав немного, ученик заглянул в футляр, который оставил инженер. И ничего, даже дна не увидел.

Догадался он, что это и есть невидимый луч. И захотелось ему направить луч на звезду, но как это сделать — не знал. Рассердился он, взял футляр и метнул в огонь. И тогда тучи поредели, сотни тысяч звезд засверкали, и в пределах туманности Андромеды стало светло как днем.

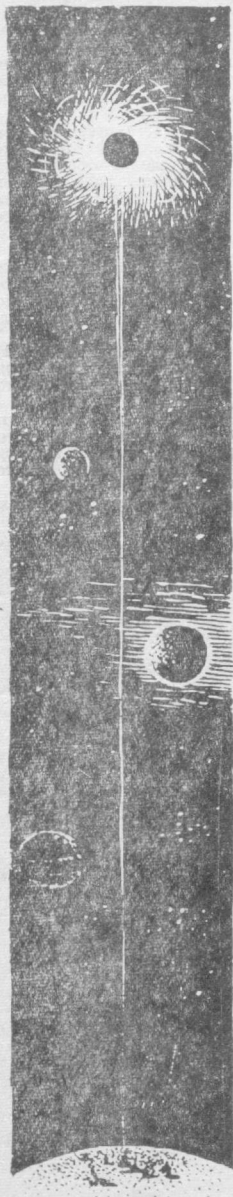
Обрадовался ученик, засмеялся. Но радость его была недолгой. Голубая звезда вдруг треснула.

Прилетевший космогоник увидел катастрофу и рассек лучом планету на три части. Одна часть превратилась в газ, другая в уголь, а в третьей оказались самые тяжелые металлы, вроде актиния. Инженер схватил эту третью часть, швырнул и проговорил:

— Через сто миллионов лет она вернется, поглядим, что из нее получится. — И отправился искать ученика, который со страху убежал куда-то.

А на тяжелой планетке той, Актинурни, возникло царство паллактинидов. Каждый житель ее был настолько тяжел, что ходить мог только по Актинурни; на других планетах под ними проваливался грунт, а от крика падали горы.

Но и в своих домах они ступали осторожно и боялись повысить голос, ибо вла-

ститель Архиторий в своей жестокости не знал меры. Жил он во дворце, выдолбленном в платиновой горе. В нем было шестьсот огромных залов, и в каждом зале помещалась только одна рука властителя. Такой он был огромный. Был он подозрителен, алчен, всюду рассылал шпионов, преследовал своих подданных.

Все горы планеты были радиоактивны и фосфоресцировали. Поэтому паллактиниды не пользовались искусственным светом. Днем, когда светило солнце, они спали в подземельях, в горах и только ночами сходились в металлических долинах.

Ужасный Архиторий приказал бросить во все котлы, в которых плавилась палладий с платиной, глыбы урана. Потом вызвал паллактинидов к королевскому дворцу. Со всех жителей сняли мерку, начали изготавливать для них панцири из урановых листов; наплечники, шипаки, рукавицы и наколенники, забрала и шлемы. Панцири были светящиеся. Но особенно сверкали уши.

И после того, как паллактиниды надели панцири, они уже не могли собираться вместе. Если сборища были достаточно многочисленными, происходили взрывы.

Паллактиниды должны были вести одинокий образ жизни. Они избегали друг друга, боясь цепной реакции. Архиторий же радовался и облагал жителей все более непосильной данью. Чеканщики в горах делали для него оловянные дукаты, ибо олово было самым редким металлом в Актинурии и имело наибольшую цену.

Тяжело было подданным злого властелина. Некоторые из них пытались поднять бунт, но не добивались цели. Всегда находились непонятливые, приближались к товарищам, чтобы спросить, о чем речь, и заговорщики взлетали на воздух.

Был на Актинурии молодой изобретатель по имени Пирон. Он вытягивал такие нити из платины, что они годились для изготовления сетей, которыми можно ловить облака. Изобрел Пирон телеграф с проводами, а потом телефон без проводов. Оживились жители Актинурии. Они надеялись, что теперь можно будет договориться.

Но хитрый Архиторий подслушивал все разговоры, благодаря чему знал,

о чем говорят его подданные, а едва доходило до его ушей слово «бунт», он сейчас же обрушивал на заговорщиков шаровые молнии и превращал их в угли.

Пирон решил перехитрить злого властелина. Обращаясь к друзьям, вместе слово «бунт» говорил «ботинок», а вместо «поднимать мятеж» — «шить». И так подготовил восстание.

Архиторий очень удивился: с чего бы это его подчиненные так заинтересовались шитьем обуви? Но и друзья Пирона не всегда его хорошо понимали. Однако по-другому объяснить им свои планы он не мог. Толковал им и так и этак, а поскольку непонятливых оказалось немало, ему пришлось однажды протелеграфировать так: «Из плутония полосы врать». Будто бы на подметки. Но тут и властитель испугался: ведь плутоний очень близок к урану, а уран к торнию, в названии которого Архиторий и усмотрел созвучие со своим именем. Он немедленно послал стражу, которая арестовала Пирона и бросила на оловянный паркет перед властелином.

Пирон ни в чем не признался, но властелин все равно заточил его в башне из палладия.

Паллактиниды уже потеряли всякую надежду, но, наконец, в те края вернулся космогоник. Присмотрелся он к порядку, царящему на планете Актинурия, и сказал:

— Так быть не должно!

После чего взял самые тонкие и самые твердые лучи, обмотал ими собственное тело и стал походить на кокон. В таком виде его тело должно было дожидаться его возвращения, а сам он принял вид убитого недотепы и спустился на планету.

Когда наступила ночь и только горы холодно светились вокруг платиновой долины, космогоник увидел подданных короля Архитория и хотел подойти к ним, но они бежали прочь, опасаясь ядерного взрыва. Напрасно он пытался приблизиться к кому-либо, не понимая, почему от него убегают.

Так он кружил по взгорьям, похожим на рыцарские щиты, и шаги его звенели.

Наконец он дошел до башни, в которой Архиторий держал мятежного Пирона. Тот увидел инженера через решетку. Космогоник, несмотря на отличие скромного робота, выглядел по-другому, чем все паллактиниды — паяц его не светился во тьме. В нем не было ни крошки урана.

Пирону хотелось окликнуть незнакомца, но губы его были завинчены. Он только высекал искры, колотясь головой о стены тюрьмы.

Космогоник, увидев искры, подошел к башне и посмотрел в зарешеченное окно.

Пирон зазвонил цепями и звоном цепей рассказал правду инженеру.

— Терпи и жди, — сказал космогоник, — и дождешься.

Он заспешил в самые дикие горы Актинурии и три дня искал кристаллы кадмия. Нашел и принялся ковать. Из кадмиевых листов он выкроил плащи и, вернувшись в долину, разложил их у домов. Паллактиниды нашли их, но не взяли. Побоялись.

Ночью инженер опять появился в долине и сразу же замахал раскаленным прутиком. Он писал в воздухе огненными линиями: «Можете приближаться друг к другу, кадмий предохранит вас от гибели». Но жители подумали, что их обманывает агент властителя, и не поверили.

Инженер рассердился, снова пошел в горы, выплавил из урановой руды серебристый металл и вычеканил блестящие дукаты. На одной стороне их был изображен профиль Архитория, а на другой его шестьсот рук.

Набрав урановых дукатов в мешочки, космогоник вернулся в долину и показал паллактинидам чудо: набросал подальше от себя звенящую кучку дукатов. А когда он бросил еще один дукат сверх нормы, воздух задрожал, куча превратилась в огненный шар. Вскоре ветер рассеял его, и на месте взрыва остался только кратер, выплавленный в скале.

Через какое-то время инженер опять пришел в долину и начал выкладывать дукаты из мешочков, но уже иначе: положит один дукат, а сверху прикроет его кадмиевой пластинкой. Дукат — пластинка, дукат — пластинка. И хотя куча на этот раз оказалась в шесть раз больше прежней, взрыва не случилось.

Теперь паллактиниды поверили инженеру и, собравшись, решили пойти против Архитория. Очень хотелось им свергнуть властителя, но они не знали, как это осуществить. Дворец был окружен толстой радиоактивной стеной, а на подъемном мосту стояла бесплощадная машина: всякого, кто не знал пароля, она рассекала на куски.

Приближалось время платить новую дань, установленную жадным Архиторием. Хитрый инженер роздал подданным урановые дукаты и посоветовал им отдать дань.

Радовался властитель, что так много дукатов поступает в его сокровищницу.

Ночью инженер расплавил лучом башню и освободил Пирона. А когда они уже молча шли по долине в свете радиоактивных гор (как будто ожерелье из лун опоясало горизонт), вдруг поднялся ввысь столб огня — в королевской сокровищнице урановые дукаты превысили норму. Взрыв разорвал и дворец, и металлическое тело Архитория. Сила его была так велика, что шестьсот оторванных рук тирана улетели в межпланетное пространство.

На Актинурии воцарилось счастье. Пирон стал справедливым правителем, а инженер, возвратившись во тьму, достал свое тело из кокона и отправился дальше, зажигать звезды.

А шестьсот оторванных платиновых рук Архитория до сих пор кружат по орбите вокруг планеты, подобно кольцу Сатурна. И говорят паллактиниды: «Смотрите, Торий нам светит».

Перевод с польского
В. РУТМИНСКОГО.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МИСТЕРА ДАВЕНХЕЙМА

Пуаро и я ждали к чаю нашего друга, инспектора Джэппа из Скотланд-Ярда. Он не заставил себя долго ждать.

— Надеюсь, я не опоздал, — проговорил он, здороваясь с нами. — Сказать правду, я заболтался с Миллером, тем самым, который занимается делом Давенхейма.

Я наострил уши. Последние три дня газеты были полны рассказов о странном исчезновении мистера Давенхейма, старшего компаньона известной банковской фирмы «Давенхейм и Салмон». В прошлую субботу он вышел из дому, и с тех пор никто его не видел. Я надеялся услышать какие-нибудь интересные детали от Джэппа.

— Надо думать, — заметил я, — что в наши дни исчезнуть почти невозможно.

— Будьте точны, мой друг, — произнес Пуаро. — Что вы подразумеваете под словом «исчезнуть»? О каком виде «исчезновения» вы говорите?

— Разве «исчезновения» классифицированы и пронумерованы? — рассмеялся я.

Джэпп тоже улыбнулся. Пуаро, глядя на нас, нахмурился.

— Я не шучу, — сказал он. — Все так называемые «исчезновения» делятся на три категории. Первая и наиболее обычная — исчезновение добровольное. Вторая, которой часто злоупотребляют, — это «потеря памяти». Случай редкий, но встречается в практике. Третья — убийство с более или менее успешным сокрытием трупа.

— Бросьте, Пуаро, — возразил я. — Человек, конечно, может «потерять память», но кто-нибудь наверняка опознает его. Особенно, если это такая известная личность, как Давенхейм. Затем, «труп» не может испариться в воздухе: раньше или позже его обнаружат. Убийство всегда раскрывается. Да и сбежавший клерк или домашний преступник в наш радиовек никуда не может скрыться. Его разыщут даже за границей. За портами и вокзалами следят, а спрятаться невозможно: приметы исчезнувшего будут известны всем людям, читающим газеты и слушающим радио.

— Мой друг, — произнес Пуаро, — вы совершаете ошибку. Вы не допускаете мысли, что субъект, замисливший убить другого человека или, выражаясь фигурально, самого себя, может быть той редкостной машиной, которую я называю человеком метода. Он может мобилизовать весь свой ум и талант для тщательного расчета всех деталей своего преступления. И я не вижу, почему бы ему не удалось обмануть полицию.

— Но не вас, надеюсь? — с иронией заметил Джэпп, подмигивая мне. — Он не смог бы обмануть вас, мсье Пуаро?

— Меня? А почему бы нет?.. Правда, это трудно: ведь я подхожу к разрешению подобных проблем с данными науки, с помощью математики, которая, увы, слишком редко изучается нынешним поколением детективов!

Джэпп ухмыльнулся еще откровеннее.

— Не знаю, — сказал он. — Миллер парень толковый, можете быть уве-

рены, он не проглядит ни отпечатка ноги, ни пепла от сигары, ни какой-нибудь крошки. Он все увидит.

— Так же, мой друг, как и любой лондонский воробей. Но я бы не просил маленькую серую птичку разрешить проблему исчезновения Давенхейма.

— Надеюсь, мсье, вы не пренебрегаете найденными деталями. Разве они ничего не стоят?

— Не слишком доверяйтесь деталям, мой друг. Они всегда претендуют на чрезмерную важность, а большинство их обычно слишком незначительно. Только одно необходимо для раскрытия дела: мозг, мозговые клетки, — он постукал себя по лбу, — вот на что мы должны полагаться. Чувства ошибочны. Истину следует искать изнутри, а не извне.

— Вы хотите сказать, мсье Пуаро, что можете разрешить дело, не вставая с кресла?

— Вот именно. Конечно, если мне будут предоставлены факты.

Джэпп хлопнул себя по колену.

— Будь я проклят, если не поймаю вас на слове! Ставлю пять фунтов, что в течение одной недели вы не укажете мне местопребывание Давенхейма, живого или мертвого.

Пуаро задумался.

— Понимаю, — наконец сказал он. — Спорт — страсть англичан. Давайте факты.

— В прошлую субботу, как обычно, мистер Давенхейм сел в поезд, ухививший в 12-40 с вокзала Виктория в Чингсайд; там находится его вилла «Кедры». После завтрака он пошел прогуляться по парку и поговорил с садовником. Все его поведение было абсолютно нормальным. После чая он зашел к жене и сказал, что идет в деревню отправить несколько писем. При этом добавил, что ждет к себе некоего мистера Ловена. Если Ловен явится до его возвращения, сказал он, пусть подождет в кабинете. После этого Давенхейм вышел из дома через парадную дверь, медленно зашагал по дорожке, исчез за воротами, и больше его не видели.

— Продолжайте, продолжайте, мой дорогой друг, — заметил Пуаро.

— Приблизительно через четверть часа высокий, темноволосый человек с пышными усами позвонил у дверей, сказав, что у него назначено деловое свидание с мистером Давенхеймом. В соответствии с инструкциями банкира мистера Ловена провели в кабинет. Прошло около часа, Давенхейм не возвращался. Наконец Ловен позвонил и объяснил, что больше ждать не в состоянии, так как боится опоздать на поезд. Миссис Давенхейм извинилась за мужа, и Ловен, выразив сожаление, ушел.

Как вам известно, Давенхейм не вернулся. В воскресенье рано утром об этом сообщили в полицию, но выяснить ничего не удалось: Давенхейм буквально растворился в воздухе. Он не был на почте. Его не видели в деревне. На станции заверяли, что он не уехал ни с одним поездом. Его автомобиль не покидал гаража. Если он нанял машину, условившись, чтобы она встретила его в каком-нибудь уединенном месте, то к настоящему времени, в связи с обещанием крупного вознаграждения за любую информацию, мы бы уже знали об этом. Правда, в пяти милях от Седарс, в Энтфилде, происходили скачки, и если Давенхейм прошел пешком до этой станции, то мог бы незаметно затеряться в толпе. Но с тех пор его фотография и подробное описание примет были опубликованы во всех газетах. Однако дополнительных сведений мы ни от кого не получили... В понедельник утром было сделано сенсационное открытие. Сейф в кабинете Давенхейма за портьерой оказался взломан и ограблен.

— Занятно, — сказал Пуаро. — А что было украдено?

— Точно не известно. По мнению миссис Давенхейм, там хранилась значительная сумма в акциях и банкнотах, полученных в результате заключенных совсем недавно сделок. Все бриллианты миссис Давенхейм также хранились в сейфе. Покупка их стала страстью ее мужа в последние годы, и буквально не проходило месяца, чтобы он не дарил ей какую-нибудь редкую драгоценность.

— Неплохо, — задумчиво произнес Пуаро. — А что с Ловеном? По какому делу он приходил к Давенхейму?

— Они не были в хороших отношениях друг с другом. Ловен — мелкий спекулянт. Раза два ему удалось сорвать куш с Давенхейма на бирже, но они почти не встречались. Какое-то дело, насчет южноамериканских акций, вынудило банкира назначить это свидание.

— Значит, у Давенхейма есть капиталовложения в Южной Америке?

— Кажется, так. Миссис Давенхейм упомянула, что он всю прошлую осень провел в Буэнос-Айресе.

— Какие-нибудь неприятности в семейной жизни?

— Едва ли. Его домашняя жизнь протекала довольно мирно. Миссис Давенхейм приятная, но недалекая женщина.

— Следовательно, здесь нечего искать разрешения проблемы. Были ли у него враги?

— Финансовых соперников у него много. Но врагов, способных разделаться с ним, едва ли. А если они есть, то где же тело?

— Верно. Как говорит Гэстингс, тела имеют обыкновение появляться на свет божий с фатальным упорством.

— Кстати, садовник видел какого-то человека, шедшего мимо дома к цветнику. Сюда выходит итальянское окно из кабинета, и Давенхейм часто приходил и уходил через это окно. Но садовник находился очень далеко и не может утверждать, был ли это хозяин или нет. Было это до шести вечера, так как в этот час садовник кончает работу.

— А когда ушел Давенхейм?

— В половине шестого.

— Что находится позади цветника?

— Пруд.

— С купальней?

— Да. Там же несколько плоскодонок. Мне кажется, вы думаете о самоубийстве, мсье Пуаро? В таком случае, Миллер отправится туда завтра, чтобы тщательно обследовать эту лужу.

Пуаро слегка улыбнулся.

— Гэстингс, прошу вас, передайте мне вон тот экземпляр «Дэйли мегэфона». Если мне не изменяет память, там есть удивительно четкая фотография исчезнувшего.

Я поднялся и взял газету. Несколько минут Пуаро внимательно изучал фото.

— Гм,— пробормотал он.— Прическу носит довольно длинную, усы и острая бородка, густые брови. Глаза темные?

— Да.

— Голова и волосы седеющие?

Инспектор утвердительно кивнул головой.

— Ну, мсье Пуаро, что вы об этом скажете? Ясно, как божий день, а?

— Напротив, темно, как ночь...

— У вас впереди целая неделя на размышления,— вздохнул Джэпп. Он встал и простился.

— Чудесно,— весело произнес Пуаро после ухода инспектора.— Вы насмеяетесь над папашей Пуаро? Не верите в его мозговые клетки? Что ж, давайте обсудим эту маленькую проблемку. У нас тут есть две-три интересных детали.

— Пруд!— многозначительно произнес я.

— И даже больше чем пруд — купальня!

Я искоса взглянул на Пуаро. Он непроницаемо улыбался. На мгновение я почувствовал, что спрашивать его о чем-либо бесполезно.

Мы ничего не слышали о Джэппе до следующего вечера, когда он пришел к нам около девяти часов. По выражению его лица я сразу понял, что он горит от нетерпения сообщить какие-то новости.

— Ну как, мой друг?— спросил Пуаро.— Все идет хорошо? Не говорите только, что вы обнаружили в пруду тело мистера Давенхейма, потому что я не поверю вам.

— Мы не нашли тела, но нашли его костюм, тот самый костюм, который он носил в тот день. Что вы скажете на это?

— Еще какие-нибудь носильные вещи пропали?

— Нет! Остальной гардероб не тронут. И еще новость. Мы арестовали Ловена. Одна из служанок утверждает, что видела Ловена в саду, приблизительно за десять минут до того, как он покинул дом.

— Что говорит Ловен?

— Говорит, что выходил из окна, чтобы взглянуть на какие-то необычайные розы. Довольно плохо придумано! Есть и еще одно свидетельство против него. Давенхейм всегда носил массивное золотое кольцо с бриллиантом на мизинце правой руки. Так вот, это кольцо было заложено в Лондоне в субботу ночью неким Билли Келлетом! Он уже известен полиции — отсидел прошлую осень три месяца за кражу часов у одного старого джентльмена. Заложив кольцо, Билли напился, напал на полисмена и был задержан. Я ездил на Боу-стрит с Миллером и видел его. Теперь он протрезвел и сильно напуган. Бойтся, что мы обвиним его в убийстве.

— Каковы его показания?

— Он был на скачках в Энтфилде в субботу. Возвращался и по дороге к Чингсайду присел отдохнуть в канаве. Через несколько минут заметил человека, идущего по дороге в деревню. Смуглого джентльмена с большими темными усами, очевидно, Ловена.

Келлет был скрыт от дороги грудой камней. Полагая, что дорога совершенно пустынна, человек этот вынул из кармана какой-то маленький предмет и выбросил его за ограду. Затем продолжал свой путь к станции. Брошенный предмет ударился о землю с позвякиванием, которое заинтересовало Келлета.

Он начал поиски и вскоре нашел кольцо! Все это вздор, конечно, Келлету нельзя верить. Вполне вероятно, что он встретил Давенхейма, убил и ограбил его.

Пуаро покачал головой.

— Невероятно, мой друг. У него не было никаких возможностей скрыть тело. Оно уже было бы обнаружено. Во-вторых, то, что он ходил закладывать кольцо, лишний раз подтверждает, что он не приобрел его в результате убийства. В-третьих, вор-карманник редко идет на убийство. В-четвертых, трудно предположить, чтобы он мог запомнить так точно внешность Ловена.

Джэпп кивнул.

— Может быть, вы и правы. Странно то, что Ловен не нашел более умного способа избавиться от кольца.

— Но зачем вообще было снимать его с тела?— воскликнул я.

— Для этого могли быть свои причины,— ответил Джэпп.— Знаете ли вы, что неподалеку от пруда находится печь для обжига извести!

— Боже мой!— воскликнул я.— Вы хотите сказать, что известь, которая уничтожила бы тело, не в состоянии уничтожить металлическое кольцо?

— Совершенно точно.

— Мне думается,— произнес я,— что все ясно. Какое ужасное преступление.

По обоюдному побуждению мы обернулись и взглянули на Пуаро. Казалось, он погрузился в размышления, наморщив брови словно от мучительного напряжения мысли. Что он скажет? Но ждать пришлось недолго. Пуаро вдруг повернулся к Джэппу и спросил:

— Интересно, в одной комнате спали супруги или в разных?

Вопрос показался нам столь странным, что мгновение мы молча смотрели на Пуаро. Затем Джэпп рассмеялся.

— Право, не знаю, мсье Пуаро. Но могу узнать.

— Мерси, мой друг. Буду вам очень благодарен за эти сведения.

Джэпп несколько минут не сводил взора с Пуаро, но казалось, что Пуаро забыл о нашем существовании. Инспектор печально покачал головой и, прошептав: «Бедняга! Война слишком сильно отразилась на нем!»,— на цыпочках вышел из комнаты.

Пуаро тотчас же оставил свою задумчивость и весело усмехнулся.

— Что вы там делаете, мой друг?

— Я записываю кое-какие мысли по поводу этого дела. Прочсть?

— Обязательно.

Я прокашлялся.

— Первое: все говорит за то, что взломал сейф Ловен. Второе: у него были счета с Давенхеймом. Третье: если верить Келлету, Ловен, безусловно, замешан в деле.

— Мой бедный друг! Вы упустили самые важные детали. И доводы ваши ложны.

— Почему?

— Разрешите, я разберу все ваши пункты. Первое: мистер Ловен не был уверен в том, что ему представится возможность вскрыть сейф. Он пришел для делового свидания и не мог знать заранее, что Давенхейма дома не будет.

— Но он мог бы воспользоваться представившимся случаем,— протестовал я.

— А инструменты? Джентльмен не носит с собой инструментов взломщика «на всякий случай». А взломать сейф перочинным ножом невозможно.

— Ладно. Что скажете относительно второго пункта?

— Предположим, что у Ловена были счета с Давенхеймом. Известно, что Ловен один или два раза обыграл его на бирже. Если кто и был озлоблен, так не Ловен, а Давенхейм.

— Ну, а третий пункт?

— В этом вы правы. Если рассказ Келлета соответствует действительности, Ловен безусловно замешан в этом деле.

— Значит, я все-таки уловил кое-что?

— Возможно, но вы проглядели два наиболее важных пункта.

— Какие же?

— Первый: страсть Давенхейма к покупке драгоценностей. Второй: его поездка в Буэнос-Айрес прошлой осенью.

— Пуаро, вы смеетесь надо мной!

— Я совершенно серьезен. Надеюсь, что Джэпп не забудет моей просьбы. Но инспектор, хотя и читал все это шуткой, не забыл о просьбе Пуаро, так как наутро мы получили телеграмму:

«С ПРОШЛОЙ ЗИМЫ У СУПРУГОВ БЫЛИ РАЗНЫЕ СПАЛЬНИ».

— Ага!— воскликнул Пуаро.— Теперь все ясно!

Я удивленно взглянул на него.

— Надеюсь, у вас нет сбережений в банке Давенхейма и Салмона, мой друг?

— Нет. А в чем дело?

— А то я бы посоветовал забрать их оттуда поскорее.

— А что вы ожидаете?

— Большое банкротство в ближайшие дни, а может быть, и раньше. Я думаю, надо поблагодарить Джэппа за его любезную телеграмму. Прошу вас, карандаш и бумагу. Вот: «Советую вам немедленно забрать деньги, вложенные в банк исследуемой нами фирмы». Это заинтригует милого Джэппа!

Я оставался хладнокровно-скептическим, но завтрашний день вынудил меня отдать должное поразительной проницательности моего друга. Во всех газетах, под огромными заголовками, были сообщения о сенсационном банкротстве банка Давенхейма.

Не успели мы закончить завтрак, как дверь отворилась и в столовую вошел Джэпп.

— Как вы узнали об этом, мсье Пуаро?

Пуаро безмятежно улыбнулся.

— После вашей телеграммы это было совершенно очевидно. С самого начала меня поразили странный взлом шкафа. Брильянты, деньги, акции на предьявителя — все это было так предусмотрительно приготовлено. Для кого? Мистер Давенхейм был тем, кого вы на вашем полицейском языке называете «Номером первым». Очевидно, все это было приготовлено для него самого. Затем его страсть к покупке драгоценностей. Как просто! Деньги, которые он растратывал, он вкладывал в брильянты, которые в свою очередь заменял поддельными и таким образом перевел в безопасное место на другое имя значительное состояние, которым и должен был наслаждаться в то время, когда все ищeyки будут сбиты со следа. Закончив подготовку, он назначает деловое свидание с Ловеном, взламывает сейф, оставляет распоряжение, чтобы гости проводили в кабинет, и уходит из дома — куда?

Мы молчали.

— Ясно, куда. Он отправился в свое убежище.

— Да не мучьте вы нас, Пуаро. Говорите же!

Пуаро улыбался, явно наслаждаясь нашим нетерпением.

— Ну-с, друзья мои, вы оба люди умные. Задайте себе вопрос, который я задавал себе: «Если бы я был на месте этого человека, где бы я должен был прятаться?» Что вы скажете, Гэстингс?

— Я лично никуда бы не бежал, — отвечал я, — а оставался бы в Лондоне.

Пуаро вопросительно взглянул на Джэппа.

— Я не согласен. Немедленно убраться прочь, вот единственный шанс не попасться.

Мы оба взглянули на Пуаро.

— Друзья, если бы я прятался от полиции, знаете ли, где бы я скрывался? В тюрьме!

— Что?!

— Вы ищете Давенхейма, чтобы посадить в тюрьму, так что вам и в голову не придет мысль о том, что он может быть уже там.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы говорили, что мадам Давенхейм не очень умная женщина, но, несмотря на это, я думаю, если вы привезете ее на Боу-стрит и покажете Билли Келлета, то она узнает его! Несмотря на то, что он сбрил бороду, усы и коротко подстригся. Женщина почти всегда узнает своего мужа, хотя бы весь остальной мир был обманут!

— Билли Келлет? Но он был и раньше известен полиции!

— Разве я не сказал, что Давенхейм умный человек? Он давно подготовил свое алиби. Он не был прошлой осенью в Буэнос-Айресе — он создавал персонаж под именем Билли Келлет, «отсидев три месяца», так, чтобы у полиции не возникло никаких подозрений, когда настанет нужное время. Не забывайте, что он затеял крупную игру. А такая игра стоила свеч. Только...

— Ну?

— Только носить фальшивую бороду и парик после того, как он снова стал самим собой, и спать с фальшивой бородой очень трудно. Давенхейм не хотел создавать неудобств своей супруге. Вот почему, после его предполагаемого возвращения из Буэнос-Айреса, он и миссис Давенхейм спали в разных комнатах. Садовник, которому показалось, что он видит своего хозяина идущим вдоль дома, был совершенно прав. Давенхейм пошел в купальню, надел платье бродяги, которое, можете быть совершенно уверены, было там тщательно спрятано, свое платье бросил в пруд и приступил к выполнению своего плана. А дальше все ясно: и кольцо, и скандал на улице, и арест. Он знал, что в тюрьме его искать не будут.

На следующее утро Пуаро получил заказное письмо. Он вскрыл его, и из конверта выпала пятифунтовая бумажка.

Пари было выиграно.

Перевод с английского Юрия СМИРНОВА.

КОПЕЙКА ИЗ ГРОБА МИЦКЕВИЧА

В 1890 году из Парижа в Краков были перенесены останки великого польского поэта Адама Мицкевича. Когда раскрыли гроб, из него выпала русская медная копейка.

Как попала она в гроб? Кто и когда ее туда положил?

Только через много лет удалось узнать некоторые подробности этой истории.

Тяжело больного Мицкевича перед его смертью часто навещал один из близких парижских знакомых — Арман Леви. Однажды Леви — страстный коллекционер-нумизмат — показал поэту свое новое приобретение — старинную русскую копейку.

Обычная медная копей-

ка... Но Адаму Мицкевичу она напомнила далекую страну и послужила поводом для рассказов о России и о его дружеских отношениях с передовыми русскими литераторами и общественными деятелями. Как потом вспоминал Арман Леви, Адам Мицкевич рассказал ему и об известном общественном деятеле-славянофиле писателе Погодине. Как-то, узнав, что великий польский поэт находится в очень тяжелом финансовом положении, Погодин собрал для него несколько тысяч рублей. Мицкевич был особенно тронут исключительной тактичностью, которую проявил Погодин, вручая ему деньги.

Рассказав обо всем этом,

поэт попросил своего гостя подарить ему монету. Арман Леви, конечно, не мог отказать в просьбе умирающему поэту и расстался со своим приобретением.

Неизвестно, кто именно из друзей Мицкевича положил эту копейку в его гроб, но, очевидно, это также было знаком особого уважения к поэту. Возможно, что это сделал Арман Леви, или кто-то другой, знавший историю маленькой монеты, пробудившей так много теплых воспоминаний у великого певца польского народа и искреннего друга народов России.

Перевела с украинского

Э. Потаюк.

КАЛЕЙДОСКОП:

литература
театр
кино
живопись
музыка

1. «Родившийся в грозу» и другие

Талантливая актриса Мария Кузнецова была первой женщиной, игравшей на узбекской сцене. Волнующая история ее жизни и любви к замечательному поэту и драматургу Хамзе Хаким-заде Ниязи вдохновила мастеров киностудии «Узбекфильм» на создание киноленты «Родившийся в грозу» («Наташаоним»).

Перед авторами картины сценаристом С. Нагорным и режиссером Л. Файзиевым стояла сложная задача — воссоздать на экране дух революционного искусства, ро-

дившегося в грозные годы гражданской войны, раскрыть перед зрителем сложные характеры людей, ставших зачинателями нового, народного театра, показать, каким трудным путем шли они к признанию.

Актеры народного узбекского театра Музаффар (артист У. Алиходжаев) и Наташа (артистка О. Амалина) — вот герои фильма. Они живут в атмосфере, полной противоречий. Им надо было иметь большой запас духовной силы, чтобы не потерять веру в человека,

в правду и справедливость. Силу дала им Советская власть и искусство, которому они служат.

В юбилейном году «Узбекфильм» выпустит на экраны еще несколько картин, которые войдут в единый цикл, посвященный важнейшим событиям революции, гражданской войны и социалистического строительства в Узбекистане.

Известный режиссер народный артист СССР Камиль Ярмагов будет снимать картину «Всадники революции». В центре ее — образ первого пре-

На снимке: кадр из фильма «Родившийся в грозу».

зидента республики славного сына узбекского народа Юлдаша Ахунбаева.

Режиссер Юлдаш Акзамов обратился к уже зна-

комому читателям «Звезды Востока» сценарию Дмитрия Холендро «Колокол Саята» (№ 12, 1966 г.). Он решил перенести на экран взволно-

ванный рассказ о прекрасной и суровой судьбе узбекской женщины, утверждающей всей своей жизнью великую правду идей революции.

2. Звучит голос хафиза...

Все самое лучшее, что создано народным песенным искусством, продолжает жить в творчестве хафизов. Их голоса звучат в дни празднеств, а в будни поводом для выступления становятся просьба любителей музыки, друзья, соседи, гости из ближних кишлаков садятся в круг, и вот уже пошла, набирая силу, волнующая песня.

Произведения, рожденные в самых дальних уголках республики, можно услышать теперь, не выходя из дому. Всеобщим достоянием сделали их сотрудники Ташкентской студии грамзаписи, исколесившие не одну тысячу километров в поисках лучших созданий народного искусства.

В Самарканде студиицы познакомились с замечательной плеядой хафизов — народным артистом республики Гавриелом Муллакаевым и его сыновьями. В своем творчестве они продолжают традиции выдающегося певца Хаджи Абул Азиза, и каждый их концерт собирает множество слушателей. Руководитель студии Н. Хабибуллаев, звукорежиссер В. Селютин, его ассистент А. Таджиев, инженеры

Л. Мельников и В. Удовиченко проявили немало терпения и изобретательности, чтобы получить высококачественные записи лучших произведений из репертуара семьи Муллакаевых. Днем шли репетиции, а ночью, когда город уже спал и ничто не могло вторгнуться в мир музыкальных звуков, хафизы собирались под куполом мавзолея Шах-и Зинда с его превосходной реверберацией, включались звукозаписывающие устройства, и начинался концерт. Так было записано около 50 песен.

Плодотворной оказалась и экспедиция в Ферганскую долину. Здесь было перенесено на пленку много песен, исполняемых в манере «катта ашула» (без музыкального сопровождения) и «ялла» (песня в сочетании с музыкой и танцем).

Недавно Ташкентской студией закончена запись спектакля «Путеводная звезда» по пьесе Камилы Яшена. В роли Ленина — народный артист СССР Шукур Бурханов. Записано также одно из лучших произведений узбекского искусства, музыкальная драма «Нурхон» (либретто К. Яшена, музыка Т. Джалилова и

Г. Сабитова) в постановке театра имени Мукими.

В этом году студия выпустит серию долгоиграющих пластинок с записью произведений писателей Узбекистана в исполнении авторов. Рассказы, стихи, отрывки из повестей и романов будут читать Уйгун, Камиль Яшен, Хамид Гулям, Аскад Мухтар, Рамз Бабаджан, Миртемир, Мирмухсин, Тураб Тула и другие литераторы.

Намечено также записать оперу Мухтара Ашрафи «Сердце поэта», симфонические произведения Икрама Акбарова, Сабир Бабаева, Александра Берлина, сочинения композиторов других республик Средней Азии.

Если составить список эстрадных ансамблей, побывавших за последние годы в Узбекистане, в нем оказались бы представленными, наверное, все страны мира. Все, кроме Японии.

Теперь мы познакомились и с японской эстрадой. В Ташкенте побывал ансамбль «Роял Найтс» («Королевские рыцари») и популярная певица Киоко Суми, — ее вы видите на снимке. Гастроли японских артистов оставили хорошее впечатление.

Фото А. Палехова.

3. Для юных чипапелел

Несомненно, многим нашим читателям запомнились эпизоды из повести Героя Советского Союза Якова Михайлика «Я — «Сокол», иду в атаку!» («Звезда Востока», № 1, 1967 год).

...Волнующие страницы, рассказывающие о днях войны, Воздушные бои в небе Подмосковья, Сталинграда, Курска, Берлина... Испытания, выпадающие на долю героя повести, закаляют его волю, помогают окрепнуть соколиным крыльям.

* * *

Среди книг, с которыми «Еш гвардия» познакомит юных читателей в

1967 году, — «Легенда о стекле» М. Аминджановой.

...Тимур разбивает микроскоп в школьном химическом кабинете, Огорченный случившимся, он засыпает, и во сне к нему приходит Уста-стеклодел с большой книгой. Начинается увлекательное путешествие по многим странам. Вместе с героем читатель узнает, как делали стеклянные вещи в средние века, как совершенствовалось стеклянное производство потом и что оно представляет собою сегодня.

Об удивительном полете девочки Дильбар, унесенной воздушным шаром, о том, как она зна-

комится с городами и селами своей республики и находит много друзей, расскажет книжка сказок С. Юлдашева. Много интересного о природе родного края можно узнать, прочитав «Приключения Ак-Бакеана» М. Зверева.

Повесть Н. Борискина «Ракеты повинуются мне», сборник рассказов П. Кадырова «Опасная встреча», очерки Н. Саутова «Партия и армия», повесть М. Назарова «Жили-были два друга», сказка Ш. Сагдулла «Богатырь Качал», пособие С. Борухова и Л. Хейфа для любителей шашек, — несколько десятков книг выпустит в этом году издательство «Еш гвардия».

4. В концертном зале консерватории

Первый, Третий и Восьмой квартеты Дмитрия Шостаковича отделяют друг от друга десятки лет, и эти произведения в какой-то мере характеризуют творчество композитора на разных этапах, давая в то же время представление о его творчестве в целом. Вот почему предложение составить программу концерта, посвященного 60-летию Д. Шостаковича, из его лучших квартетов было горячо принято и педагогами, и студентами.

Этим концертом был открыт зимний сезон в Ташкентской консерватории.

Запомнились слушателям и концерты заслуженного деятеля искусств республики профессора Н. М. Яблоновского и воспитанника консерватории, ныне аспиранта Музыкального института имени Гнесиных Юрия Кензера.

Оба они пианисты, но у каждого своя творче-

ская манера, свой подход к выбору произведений. Н. М. Яблоновский относится к числу исполнителей, которым больше всего удаются пьесы лирического плана, требующие стилиевой тонкости, изящества и высокой техники. И на этот раз звучали произведения, соответствующие его музыкальному вкусу: «Дельфийские танцовщицы», «Прерванная серенада», «У ворот Альгамбры» Дебюсси, пьесы Скарлатти, Равеля, Прокофьева.

В программе концерта Юрия Кензера ведущее место заняли произведения Вормса, Листа и Скрябина. Почти все они прозвучали достаточно ярко и выразительно. Поиски Юрия Кензера, его стремление найти новые решения свидетельствуют об одаренности молодого музыканта.

Очень тепло встретили любители музыки выступления скрипача Мар-

лиса Юнусханова, Пьесы русских, советских и зарубежных композиторов, вошедшие в программу концерта, показывают, насколько разнообразны его вкусы, а горячие аплодисменты, которые долго не смолкали после каждой вещи, лучше всяких слов говорили об уровне его исполнения.

Судя по первым концертам, музыкальный сезон в консерватории обещает быть интересным. В феврале состоятся выступления филармонического квартета — он будет играть произведения молодого узбекского композитора Халмирзы Азимова. Улышат ташкентцы талантливого виолончелиста Ахтама Мансырева — программу он составил из трудных и потому редко исполняемых произведений. Покажет свое искусство студенческий симфонический оркестр под руководством Р. Л. Фелицианта.

5. В честь юбилея

Союз журналистов республики совместно с редакцией журнала «Узбекистон матбуоти» — «Печать Узбекистана» объявил конкурс на лучший снимок, посвященный 50-летию Великого Октября.

Жизнь нашей республики, насыщенная яркими, волнующими событиями, подсказывает участнику конкурса множество интересных тем, которые он сможет раскрыть средствами фотоискусства.

На конкурс принимаются отдельные работы и серии снимков. Наиболее интересные будут опубликованы в журнале «Узбекистон матбуоти» — «Печать Узбекистана».

Последний срок присылки снимков — 1 сентября 1967 года.

Для победителей конкурса установлены премии:

одна первая — 100 рублей,
две вторых — по 50 рублей,
четыре третьих — по 25 рублей.

Кроме того, устанавливается десять поощрительных премий — грамоты Союза журналистов Узбекистана.

Хамро Рахимова посвятила свою жизнь керамике. Игрушки, сделанные ею, известны не только в колхозе «Ленинград», где живет художница, но во всей Бухарской области.

Фото Б. Мизрохина.

6. Кинотеатры — широкоформатные

До сих пор только ташкентцы имели возможность смотреть широкоформатные фильмы. В мае нынешнего года широкоформатный кинотеатр на 820 мест откроется в Фергане, а в июле такой же появится в Самарканде. До конца года строительство широкоформатных кинотеатров начнется в Карши, Термезе и Андижане. Комфортабельные фойе, про-

сторные залы — здесь все для удобства зрителя.

За последнее время разработаны типовые проекты сельских кинотеатров на 150 и 130 мест каждый. Они отличаются множеством преимуществ по сравнению с теми, которые строились прежде. Небольшой, но уютный зрительный зал. Широкий экран. Стоимость строительства такого киноте-

атра — 32—34 тысячи рублей.

В нынешнем году будет построено 186 типовых кинотеатров, преимущественно в Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях. Кроме того, предполагается открыть более 300 киноустановок — они разместятся в клубах, зданиях школ и правлений колхозов.

7. Во дворце — дворцы

Во Дворце искусств открылась выставка «Архитектурные памятники Узбекистана».

Перед нами две фотографии. Их разделяет несколько десятилетий. На одной — полуразрушенные стены дворца Худояр-хана в Коканде, обвалившаяся облицовка, спадающая изразцовая одежда. Сегодня мы видим этот памятник национальной архитектуры преобразенным. Возле него подолгу останавливаются прохожие, любящая стройностью, изяществом, переливами красок.

Лучшие мастера Узбекистана отдали свои силы восстановлению старинной архитектуры Самарканда. Мавзолеем

Гур-Эмир, о красоте которого сложены легенды, теперь стал почти таким же, как в эпоху Тимура. С небольшими добавлениями: в межкупольное пространство введены железобетонные конструкции, — они сделали памятник более прочным. Начались работы по реставрации интерьера — стены и купол изнутри покрываются золотом, сепией и индиго.

Родился заново Шир-Дор, построенный в XVII веке по типу медресе Улугбека и замыкающий ансамбль Регистана. Достался он реставраторам в плачевном состоянии. Пришлось восстанавливать весь орнамент тимпанов — изображения ти-

гра, настигающего чернокудрую лань, и множество других деталей. Сравнивая фотографии Шир-Дора, выполненные в разные годы, посетители выставки видят, как блестяще справились мастера-реставраторы с этой сложной работой.

Разобранный буквально по кирпичику и сложенный заново мавзолей Ходжи Ахмада, восстановленный в первоначальном виде мавзолей сестры Тимура Ширин-бика Ага..., Знакомая с выставкой, посетители видят, как много сделало государство по реставрации разрушенных временем произведений искусства, чтобы сохранить архитектурное наследие во всей его красоте и величии.

8. Сувениры

Ташкентская фабрика «Сувенир» выпускает несколько десятков видов изделий. Многие из них отличаются оригинальностью замысла и хорошим исполнением.

Вот «Танцовщица» и «Карнайчи» — фигурки из дерева, выполненные Гафуром Абдурашидовым. Яркие цвета, изящные формы. Заслуживают похвалы полные экспрессии «Музыканты» Авнера Мордухаева — один с бубном, другой — с дутаром.

Только за последний месяц на фабрике родилось несколько новых образцов, а со временем их станет значительно больше: многие художники, участвуя в конкурсе на лучший сувенир, объявленный Союзом художников Узбекистана в честь пятидесятилетия Великого

Октября, работают над созданием новых произведений искусства.

Изделия фабрики, особенно те, что выполнены в национальном стиле, пользуются успехом. Об этом свидетельствует растущий поток заказов.

Сувениры, сделанные в Ташкенте, отправляются в Москву, Ленинград, Киев и другие города нашей страны.

На снимке: новые сувениры.

Фото А. Палехова.

9. На эспраде — Муслим Магомаев

Слава Муслима Магомаева всегда опережает певца, хотя он и летает на высокоскоростных лайнерах. Ташкентцы слышали Муслима по радио, видели на телеэкране, а недавно встретились с ним в своем концертном зале.

О том, как прошли выступления Муслима Магомаева, лучше всего свидетельствуют жаркие споры вокруг них, не утихающие и сегодня. Одни говорят, что истинное призвание певца — это классическая музыка и что, включив в свой репертуар эстрадные песни, он сделал шаг назад. Другие придерживаются противоположной точки зрения. Кто из спорящих прав, покажет время. Хочется лишь добавить, что известно множество примеров, когда художник, казалось бы, уже сформировавшийся и достигший из-

вестных вершин, вдруг обращался к другому жанру, и там, наконец, находил себя.

Муслим Магомаев еще молод, и все, что мы слышали в Ташкенте, по-

зволяет отнести его к разряду певцов, постоянно ищущих новых путей в искусстве. К чему он придет, покажет будущее.

На снимке: поет Муслим Магомаев.

10. По новым проектам

Строительные материалы — металлы, бетон и стекло. В цехах — высокопроизводительные печатные машины и скоростные линотипы новейших марок. Система кондиционирования обеспечивает полную смену воздуха каждые 3-4 минуты. Расположение оборудования, окраска стен и полов отвечают законам промышленной эстетики.

Такими представлены новые полиграфические предприятия республики в чертежах инженеров проектно-сметного бюро

Комитета по печати Узбекской ССР. Особенно привлекателен комбинат, строительство которого начинается в Гулистане. В большом трехэтажном здании разместятся цинкография, линотипный, верстальный, печатный и другие цехи. Здесь же будут редакции областных газет. Такой же комбинат намечено построить в Самарканде.

Одновременно специалисты бюро работают над созданием проектов помещений для редакции и типографии районной газеты. Это областной

полиграфический комбинат в миниатюре: здесь меньше цехов, комбинат, машин. Один из новых проектов уже осуществляется: строительство началось в Избаскентском районе Андijanской области.

Круг городов, которым нужны новые полиграфические комбинаты, расширяется: сейчас инженеры работают над созданием проектов фабрики книги для Алма-Аты, областных типографий для Целинограда, Кокчетавы и Кызыл-Орды.

К ЧИТАТЕЛЯМ „ЗВЕЗДЫ ВОСТОКА“

Дорогой друг!

Пожалуйста, ответьте на следующие вопросы и пошлите этот листок по адресу: г. Ташкент, ГСП, ул. Навои, 30, редакция журнала „Звезда Востока“:

1. Что Вам понравилось в этом и предыдущих номерах нашего журнала? _____

Л
И
Н
И
Я
О
Т
Р
Е
З
А

2. Что не понравилось? _____

Лишь наступает этот день,
Какая ни была б погода,
Так хочется на бюллетень
Агрессорам любого рода.

ТИПРАТИКОН

САТИРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
Журнал в журнале

Роковая клятва

Закирджан повстречал заведующего Домом культуры, сказал укоризненно:

— Уважаемый, вчера я по вашей милости чуть шею себе не свернул!

— Ие!.. Как так?

— Смотрел в вашем Доме культуры фильм, а как вышел на улицу, — в арык угодил. Неужели так трудно сделать мостик, а?

— Хоп, майли! Обязательно сделаем.

Вновь повстречал Закирджан зава. Вновь говорит:

— Уважаемый, люди все падают в арык. А ведь такой пустяк — мостик: две доски, четыре сваи... О чем разговор!

— Согласен. Будет сделано!

Опять встретились.

— Ну как? Нет ведь мостика.

— Через три дня будет.

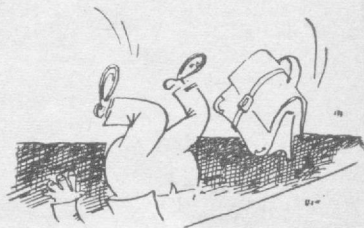
— Слово даете?

— Ах, не верите? — заведующий Домом культуры побагровел от обиды.

— Да не жить мне на этом свете, если через три дня мостик не построю!..

Прошло три дня — мостика и в помине нет. Разгневался Закирджан, после работы побежал в Дом культуры скандалить. Вдруг слышит: кто-то его окликает:

— Эй, Закирджан! Куда так торопиться?

Оглянулся — приятель его, Салимджан, всезнающий журналист.

— Да вот... К заведующему Домом культуры спешу, хочу ему...

— Оббо! — изумился Салимджан. — Да разве ты ничего не знаешь?

— Нет.

— Помер заведующий. Сегодня утром. Оступился, свалился в глубокий арык, что возле Дома культуры, да шею себе и свернул!

— Какое несчастье! — вырвалось у Закирджана. Он задумался. Потом сказал со вздохом: — Вот и не верь после этого в старинные приметы... Эх, бедняга! И зачем он только клятву давал?

ЖЕРТВА СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Заявление

Настоящим сообщая о том, что врожденная стеснительность довела меня до того, что я нынче совсем запутался и не знаю, кто я есть на самом деле, в чем и прошу помочь.

Стоит мне только увидеть хорошенькую девушку, сразу теряюсь, и язык отнимается. Когда в ЗАГС первый раз меня привели, — совсем потерял себя. Регистраторша спросила: «На чью фамилию хотите записаться: на свою или на фамилию супруги?»

Я головой кивнул, и тут же потерял не только себя, но и свою фамилию.

С женой, однако, характером не сошлись. В тот же год она развод мне

дала. Жена ушла, а фамилия ее осталась.

Теперь у меня уже опыт был. Стал я осторожно жениться. Новых жен всегда на фамилию первой жены записывал.

Однако супружество нелегкое дело. С одними разводами сколько хлопот!

И вот я хочу, наконец, жениться один раз как следует, чтобы жена была на моей собственной фамилии.

А своей фамилии я, к великому сожалению, давно уже не имею и не помню, какая она у меня была. Поэтому убедительно прошу Вас, уважаемый товарищ заведующий ЗАГСа, в соответствующую книгу записи актов гражданского состояния заглянуть, выяснить мою девичью фамилию и возвратить мне ее по принадлежности.

В просьбе прошу не отказать
ФАЗЛИДИН ПОШШАХОНОВА.

P. S.

Прошу учесть, что моя настоящая просьба вызвана необходимостью создать крепкую, здоровую семью.

Ф. П.»

Перевел с узбекского
Олег Сидельников.

По мотивам узбекского фольклора

В дороге Насреддин нашел подкову.
— Вот счастье выпало!— сказал себе
молла,—

Хвала Аллаху! Было бы толково
К подкове этой приобщить осла.

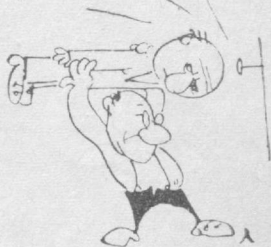
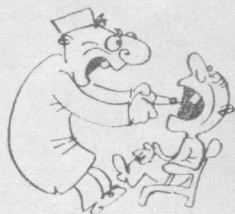
* * *

В дом Афанди забрался некий тать.
— Ты слышишь?— В бок жена толкает
мужа.

А тот ей:— Тише! Перестань шептать.
Быть может, вор хоть что-то обнаружит,
Тогда нетрудно будет отобрать.

* * *

Шел Насреддин дорогою своей.
Увидев ребятишек, для потехи
Сказал:— А ну, чумазые, скорей
Бегите на базар, там раздают орехи!
Мальчишки стаяй кинулись бежать
И, словно галки, дружно загалдели...
Подумал Насреддин:— Как знать,
Быть может, и дают на самом деле.
Зачем бы все бежали, как один?—
И побежал за всеми Насреддин.

Без слов...

Цветы красноречия

...Жители дома все здоровы, дру-
гих недостатков за ними не заме-
чено...

(Из рапорта.)

...Ее отец несколько раз сидел в
тюрьме и кроме того плохо видит...

(Из протокола.)

...Не отрицаю, что работал пло-
хо, потому что я не святой, чтобы
знать, что хорошо — что плохо...

(Из объяснительной записки.)

...Львиную часть моей зарплаты
пожирает предписанная мне вра-
чом строгая диета...

(Из заявления.)

...А то, что гражданка меня не
узнала, это чистая ложь. Она гово-
рит, что не видела мое лицо. Как

же так? А на чем же она тогда ви-
дела синяки?

(Из выступления в суде.)

...Я оказалась уволенной по вине
селедок, которых не хватало при
ревизии...

(Из жалобы.)

...Муж мой очень спокойный че-
ловек, но подлыми поступками мо-
жно и горбатого выправить...

(Из письма.)

...Не могу работать сверхурочно,
потому что становлюсь пустым, как
мешок.

(Из заявления.)

...В связи с занятием в трамвае
мертвой позиции я опоздал на ра-
боту...

(Из объяснительной записки.)

Собрал А. Турдыев.

— Кто это там вздыхает?
— А что? Хочу и вздыхаю.

— Гляньте! — возмутилась Зайнаб-хола. — Вздыхает в моем доме и еще пререкается... Чего вам не хватает? Слава богу, сын мой обеспечил вас, как шахню.

Ильхамджан заерзал на стуле.

Мунира перестала греметь на кухне посудой.

— Ну, хорошо, мамочка, — произнесла она вымученно вежливым тоном. — Я нечаянно вздохнула и прошу вас меня извинить. Только замолчите, пожалуйста!

— Нечаянно! — передразнила Зайнаб-хола. — Не так уж я простовата, как вы полагаете, милочка. Мне хорошо известно, что невестка моя шагу не ступит без намека.

— О боже! И вздохнуть в этом доме не дадут! — Тарелки загрохотали. Закрывая лицо руками, Мунира побежала в спальню.

— Подумаешь, неженка, — продолжала ворчать свекровь. — Слова ей не скажи. — Она посмотрела на дверь, из-за которой доносился плач. — А все потому, что избаловали мы ее. Попала бы в другой дом да к другому мужу, тебе бы задали...

Ильхамджан завертелся так, будто под ним оказались иголки.

— Совсем уж на шею к тебе она взобралась, а ты не видишь! — закричала мать.

— Она еще молода, мамочка, — пробормотал Ильхамджан. — Поживет — поумнеет.

Фархад МУСАДЖАНОВ

Я поговорю...

Зайнаб-хола всплеснула руками:

— «Молода», «поумнеет»!.. И это говорит мой сын! Она над твоей матерью измывается, а тебе и горя мало...

— Тише, мамочка, тише! — взмолился Ильхамджан. — Ну успокойтесь, успокойтесь. Я с ней поговорю. Честное слово, поговорю.

Он поспешно проскочил мимо причитающей матери в спальню, где, уткнувшись лицом в подушку, рыдала Мунира.

— Не обижайся на нее, Мунирахо, — начал он потихоньку. — Она же старая...

— Старая! — Мунира вскочила и гневно установилась на Ильхамджана. — Все о ней печетесь. Нет, чтоб за жену заступиться.

— Хорошо, хорошо, — торопливо произнес Ильхамджан. — Я с ней поговорю. Клянусь вам, поговорю.

...Где-то в девятом часу утра во дворе раздался громкий голос свекрови:

— Эй, довольно валяться! Солнце уже на полдень поворачивает.

Торопливо одевшись, Ильхам выскочил во двор.

— А принцесса твоя все еще нежится, конечно, — встретила его упреком мать. — Ну-ка покажи, что ты мужчина: выгони ее, да поживей!

— Сейчас, мамочка, сейчас, — Ильхамджан скрылся в комнате.

— Вставайте, Мунирочкаxon, — замурлыкал он. — Солнышко уже давно проснулось.

— Ни за что! — ответила Мунира. — Если бы она не начала вопить ни свет ни заря, я бы еще подумала, не встать ли. А так — буду лежать до вечера.

Ильхам схватил под мышку папку и помчался на улицу так, будто за ним гнались голодные волки.

— Куда ты? — закричала мать. — А чай?

— У меня ученый совет, — пробормотал Ильхамджан, поймав упавшие с носа очки, и хлопнул калиткой.

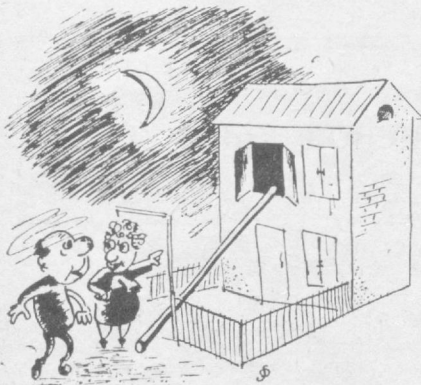
На улице как всегда в это время пылил своей метлой дворник.

У него была дурацкая привычка: каждый раз при встрече подмигивать Ильхамджану, словно желая этим сказать: «Ты хоть и кандидат и научный работник, а все равно — грош тебе цена. Я-то хорошо знаю, как на тебе ездят верхом».

«Кто ему дал право так гнусно усмехаться? Сейчас подойду и скажу: «А ну-ка прекратите ваши дурацкие подмигивания. Я вам не мальчик!»

Преисполненный решимости Ильхамджан движется прямо на дворника, глубоко вздыхает и... мило улыбувшись, приподнимает шляпу.

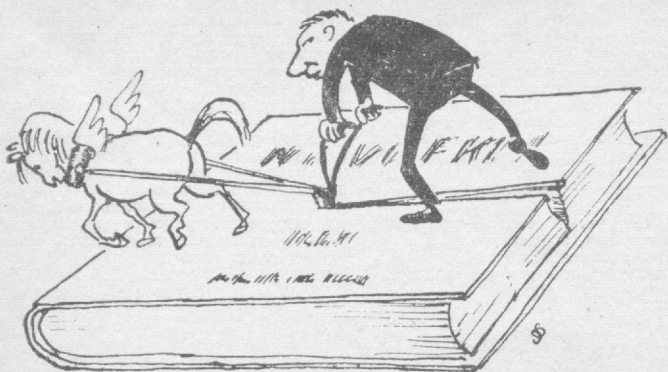
Перевод с узбекского.

— Сначала войди в дом, а потом выясним, пьян ты или нет..

— Ну, здравствуй, зятёк!

Пегас критика.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Встретил одного чудака: когда у него порвались туфли, он не стал писать об этом в областную газету, а побежал к сапожнику...

Он отворил дверь правде настежь, а сам встал в дверях...

Поскольку я не получил ответа на первое анонимное письмо, посылаю вам второе.

(Из письма в редакцию).

Гонялся за информацией с такой скоростью, что чаще всего проскакивал мимо них...

Не заглушай громкие дела громкими словами...

Все это было бы смешно...

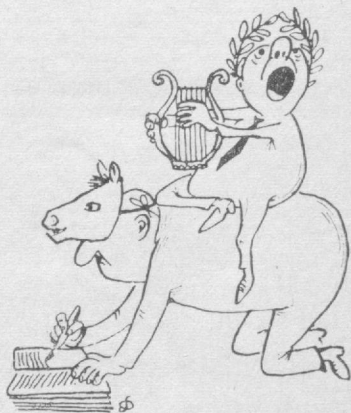
*Писалось в остром фельетоне,
Что где-то критика в загоне.
Прочел редактор фельетон.
«Так, так... — сказал — Пойдет...
в загон».*

* * *

*В его сатире много пыла,
Идеи правильные, но...
Все это было бы смешно,
Когда смешно бы это было.*

В. Давыдов

Пегас «соавтора».

ЛОВКАЧ

Когда Юра, скромный учетчик склада «Вторсырье», прочел на вечере свои стихи, все сотрудники выразили одобрение. Вывод был единодушен: ему надо печататься, немедленно, сейчас же.

Начинающий Юра был на седьмом небе. Нечаянно пригретый славой, не ведая, что творит, он собрал все свои произведения и, отпечатав их в энном количестве экземпляров, разослал сразу в три газеты и журнал.

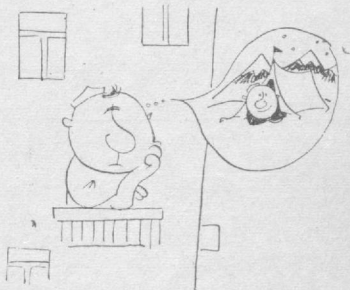
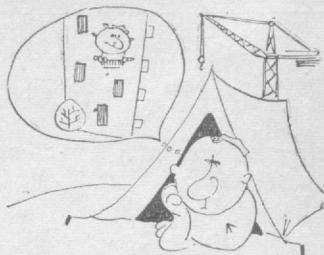
Потянулись дни ожиданий.

Однажды, придя в контору, он увидел, что сотрудники сбились в кружок и читают какую-то газету.

Завидя Юру, все отшатнулись. Юра остался наедине с газетой. Глаза юноши ожгло заглавие фельетона — «Поэт-многостаночник». «Взломщик от литературы», «Ловкач» — фельетонист не скупился на эпитеты.

Рядом лежало письмо от автора фельетона.

Юра растерянно разорвал конверт... Впечатляющей была концовка письма: «Кстати, объясню, почему я так легко разоблачил Вас: я консультант-совместитель...»

Ташкентский характер.

ИЗ ПОЛЬСКОГО ЮМОРА

— И это фортепиано вы всю дорогу несли на плечах?! Неужели нельзя было привезти?

— Хотели, но нас не пустили в трамвай!

Двое умалишенных сговорились убежать из психиатрической лечебницы. Уговор был такой: выйдут они ночью, оглушат швейцара, сбьют замок на воротах, а там — поминай как звали!

Ночью злоумышленники подкрались к воротам, но там — ни швейцара, ни замка. И ворота открыты настезь.

— Вот неудача! — сказал один.

— Не повезло! — сказал другой.

И они повернули обратно.

Волк, удивленный тем, что с некоторых пор молодая волчица, супруга его приятеля, исчезла, стал допытываться: что случилось?

— Видишь ли, — отвечал приятель-волк, — она была такая деликатная, такая нежная... ну прямо, как ягненок.

Перевел А. КЛЮШИН.

В МЕБЕЛЬНОМ МАГАЗИНЕ

— Кому мелкие поправки?!

Прежде и теперь

*Древний Рим весьма любил
Жертвоприношения,
Но и там событием был
Акт самосожжения.
Мы же, дым глотая аж
До изнеможения,
И не думаем про наш
Акт самосожжения...*

МЫСЛИ ВСЛУХ

Спортсмену хорошо — у него целых три попытки для достижения цели.

Куда бы ни повернулся человек, перед ним всегда стоят задачи.

Столпы большей частью ничего не поддерживают.

Вскипал от холодного отношения.

Ничто не мешает жулику оставаться в душе честным человеком.

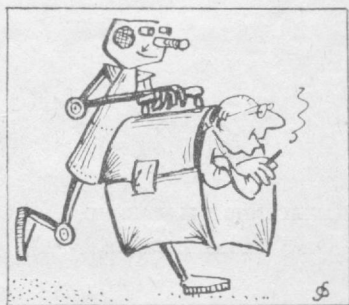
Место в жизни не всегда забронировано.

Безделье — занятие хлопотное.

Владимир ЛОМАНЫЙ.

Портфель изобретателя.

О ПЕРЕВОДЕ

До возникновения искусства перевода огромное значение имела мимика. В те времена иной хороший мим* одним легким движением умел вызвать у своего собеседника целый ряд ассоциаций, для выражения которых словами потребовалось бы иногда два-три часа. Но искусство мимики постепенно приходило в упадок. Однако оно и теперь не утратило полностью своего значения, особенно летом, на курортных пляжах.

Как же появилась необходимость в переводе?

Как известно, скоростная стройка Вавилонской башни, несмотря на ощутимый уже и в те времена недостаток в квалифицированных кадрах, успешно продвигалась вперед, когда случилось (согласно наиболее достовернейшим библейским источникам) смешение языков. Строители заговорили на разных языках (между прочим, это, очевидно, как профессиональное заболевание передалось и некоторым современным строительным организациям), и когда один кричал, например: «Извести!», другой подавал ему кирпич. Видя это, первый, вместо того, чтобы уложить кирпич в кладку, опускал его на голову своего коллеги. От этого возникали недоумения. Число строителей уменьшалось, а расходы на похо-

роны увеличивались. Вот тогда и начали появляться переводчики.

В далеком прошлом искусство перевода было в большом почете в Шумере, Аккаде, Эламе, Урарту и других государствах. Какой-то древний автор описал визит переводчика в одно из древних издательств:

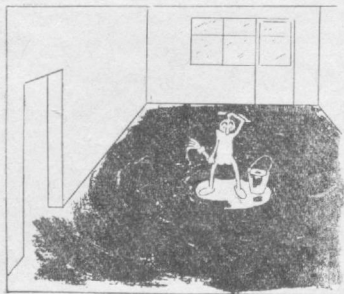
«Перед главным входом в издательство «Ассиро-Вавилонский факел», украшенным барельефами изображающими сцены из «Поэмы о Гильгамеше», остановился большой караван тяжело нагруженных верблюдов. Впереди позвякивали бубенчиками нарядные ослики. Караван привез рукопись перевода известного переводчика Нинурта состоящую из 17684 глиняных плиток. Главный редактор Хумбаба и его ближайшие сотрудники Утнапищиму и Нингишзида ожидали переводчика у входа. Едва завидев его, они протянули к нему руки обняли и немедленно предложили вино, финики и жареный кунжут. Раб-писец опустил у ног главного редактора огромный чумал с глиняными плитками, и переводчик сказал: «А это предисловие»...

Блаженные времена! Блаженные потому, что если перевод не публиковали, переводчик всегда мог употребить плитки вместо черепицы или кирпича.

Переводчики всегда были смелыми людьми. Известен случай когда двое пленных воинов, приведенных к победителю-царю, обозвали его словом, общепринятым в устной традиции, но обычно не употребляемым в печати. Переводчик был немедленно заколот над трупами этих двух дерзких воинов.

В наше время подобные варварские методы заменены более утонченными — вместо меча в ход пускается долгое редакторское молчание, которое не менее убийственно.

Перевела с болгарского
Н. Потаюк.

Без слов...

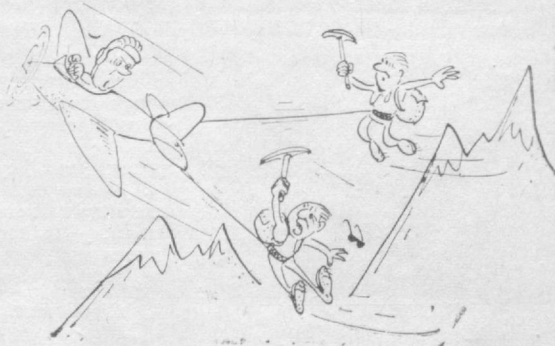

Юсуф ШАМАНСУР

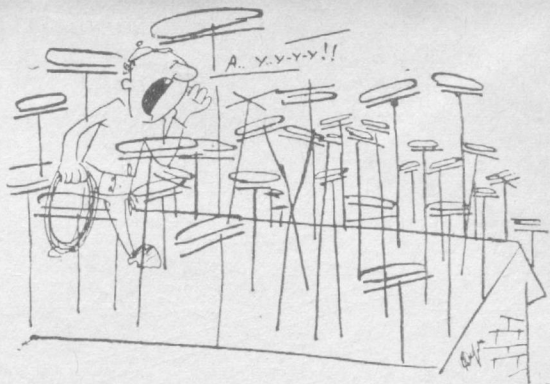
„КЛАССИК“

Один писатель книгу написал,
 Потом ее, как водится, издал.
 Но ту же книгу ровно через год
 В издательство, «переработав», шлет.
 А чем же книга стала та нова?
 Все те же и герои и слова.
 Потом, главой дополнив свой роман,
 Его он в третий раз включает в план.
 А чем же новая глава сильна?
 В ней... смерть героя жизненной дана!
 Потом писатель справил юбилей,
 Продумав тщательно состав гостей.
 И так как им понравился банкет,
 То книга снова увидела свет.
 А в серии «Дорогу молодым»
 Он дал ее с названием другим.
 В издательствах ей дан зеленый свет...
 Но ей на книжных полках места нет.

Перевел с узбекского И. Вакс.

Случай в горах.

Игорь
ЛАШКОВ

Без слов.

Сатирические строки

Взаимный контакт

Ты — редактор, ты — редактор.
Ты — в своем, а я — в своем,
Ради прочного контакта
Мы друг друга издаем.

Метаморфоза

Когда я первый написал рассказ,—
Три критика меня — не в бровь,
а в глаз.
Когда я написал рассказ второй,
То каждый по зубам лягнул ногой.
Когда я с первым выступил
романом —
Они меня крестили графоманом.
Писать не стал. Три критика в
набат:
«Ах, как писал! Какой погиб
талант!»

— А я землетрясения совсем не
чувствовал!

Не пожалей рубля, поэт!

Я знаю, поздно или рано
Поэты деньги соберут
На памятник в честь графомана,
Чей скорбный титаничен труд,
Кто был отвергнут и не понят,
Но все ж не прекратил писать,

Кто не себя стихами кормит —
Поэтов-консультантов рать.
Кто остается «ветераном»
Журналов наших и газет.
На памятник в честь графомана
Не пожалей рубля, поэт!

Энтузиаст.

Без слов...

Рисунки художников А. Думкина,
И. Куприянова, М. Корко.

везде

Востока

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЧИТАЙТЕ:

впервые публикующиеся или
ставшие библиографической ред-
костью произведения выдаю-
щихся писателей России (см. 2-ю
страницу обложки).

В гостях у „Типратикона“ —
„Кронодил“.